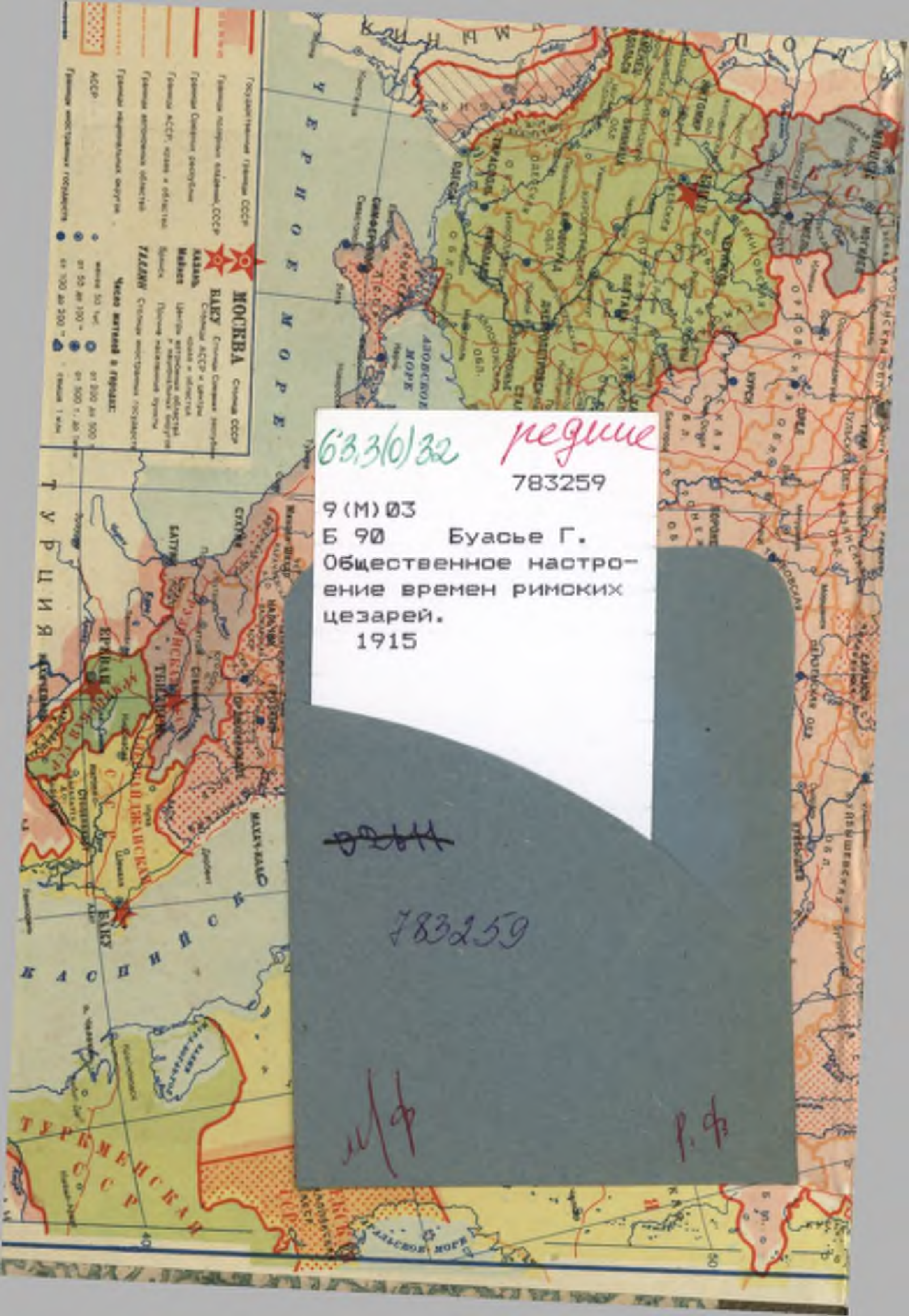
Г. Буасье.
Общественное настроение времен римских цезарей.

63.3(0)32
редкие
783259
9(М)03
Б 90 Буасье Г.
Общественное настро-
ение времен римских
цезарей.
1915
783259
МФ
Р.Ф

Г. БУАСЬЕ

Общественное настроеніе временъ римскихъ цезарей.

(L'opposition sous les Césars).

Переводъ съ 6 французскаго изданія

В. Я. ЯКОВЛЕВА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Н. П. КАРБАСНИКОВА.
1915.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко.
Петроградъ, Екатерингофскій пр., 87.

Оглавленіе.

ГЛАВА I.

Гдѣ были недовольные?

ГЛАВА II.

Оппозиція свѣтскихъ людей.

ГЛАВА III.

Ссылка Овидія.

ГЛАВА IV.

Доносчики.

ГЛАВА V.

Бытовой романъ при Неронѣ.

ГЛАВА VI.

Оппозиціонные писатели.

Приложеніе.

·Г. БУАСЬЕ·

Общественное настроеніе временъ римскихъ цезарей.

(L'opposition sous les Césars).

Переводъ съ 6 французскаго изданія

В. Я. ЯКОВЛЕВА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Н. П. КАРБАСНИКОВА.
1915.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гдѣ были недовольные?

Никогда не существовало правительства, которое удовлетворяло бы всѣхъ и каждаго. Всякое правительство можетъ быть заранѣе увѣрено въ томъ, что оно породитъ и недовольство, но не всякое умѣетъ съ этимъ примириться. Одни правительства раздражаются оппозиціей и прибѣгаютъ къ суровымъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ нея. Другія, болѣе предусмотрительныя, не мѣшаютъ возникновенію оппозиціи и, сознавая всю трудность борьбы, уживаются съ нею. Англичане служатъ въ этомъ отношеніи лучшимъ образцомъ: они не только терпятъ оппозицію, но пользуются ею: она не стоитъ здѣсь внѣ закона и не пропитывается благодаря этому разрушительнымъ духомъ, какъ въ другихъ странахъ, но введена въ само правительство, какъ необходимое колесо, заинтересованная такимъ путемъ въ правильномъ ходѣ государственной машины.

Римская имперія имѣла несчастіе подчиняться такому режиму, который не терпитъ противорѣчій. Она уже по самой природѣ была предрасположена къ этому. Республиканскія формы здѣсь прикрывали собою вполнѣ абсолютную власть, а потому весь режимъ страдалъ двойственностью и неопредѣленностью, что и должно было сдѣлать его весьма подозрительнымъ. Онъ страшился мятежей и принималъ противъ нихъ мѣры предосторожности. Великія республиканскія названія, сохраненныя изъ робкой осмотрительности, — эти консулы, этотъ сенатъ, которымъ предоставили одну тѣнь власти, чтобы завѣрить, будто ничего не измѣ-

нилось,—постоянно воскрешали передъ его взоромъ опасное прошлое.

Императорская власть всегда страшилась, какъ бы и этотъ призракъ свободы не былъ принятъ за чистую монету; ее ужасалъ каждый голосъ, который раздавался противъ нея. Поэтому она и прилагала невѣроятныя усилія, чтобы весь міръ принудить къ молчанію. Она не только мѣшала говорить сенату, она вводила своихъ агентовъ и въ частные дома. Она проскальзывала въ частныя собранія, прячась за дверьми или въ толщѣ стѣнъ, и не знала жалости, если улавливала мало-мальски свободное слово подъ семейнымъ ли кровомъ или въ дружескомъ изліяніи. Карая тѣхъ, кто уже жаловался, она поражала и тѣхъ, кто могъ жаловаться: предполагая, что люди доблестные или богатые, знатныя лица, славные военачальники, если еще не были скрытыми врагами, то не замедлять сдѣлаться таковыми, она возможно скорѣе отдѣлывалась отъ нихъ, чтобы помѣшать имъ въ этомъ. Однако эти предосторожности были напрасны. Стремиться къ подавленію всякой оппозиціи было безуміемъ; запретъ на слово порождалъ лишь большее число недовольныхъ: кто вначалѣ посмѣивался, тотъ становился затѣмъ мятежникомъ. Всякій ударъ, нанесенный императоромъ, вызывалъ лишь злобу въ душѣ его подданныхъ. Эта ненависть, обостренная стыдомъ и страхомъ, долго скрываемая и дѣлавшаяся еще ожесточеннѣе отъ такого лицемѣрія, въ концѣ концовъ, прорывалась иногда въ открытомъ возмущеніи, но чаще всего въ темной мести. Изъ девяти императоровъ, отъ Цезаря до Веспасіана, восемь погибло насильственной смертью: и нѣтъ увѣренности, что своей смертью умеръ и девятый: таковъ блестящій результатъ безудержныхъ репрессій.

Итакъ, въ самыя тяжкія времена имперіи оппозиція все же существовала,—оппозиція осторожная, вынужденная говорить тихо, хотя ее нельзя было заставить молчать,— которая старательно пряталась, лишь только моментъ не благопріятствовалъ ей. Разстояніе, отдѣляющее насъ отъ той эпохи, часто не даетъ намъ возможности даже прослѣдить ее: мы не только не знаемъ, чѣмъ она была, мы не можемъ даже указать, гдѣ она могла быть. Прежде чѣмъ судить о ней, нужно попытаться отыскать ее. Примемся же бодро за

поиски; если нужно, обойдемъ всю имперію, отъ ея предѣловъ до центра, отъ границъ до столицы. Какъ бы ни старалась эта оппозиція укрыться отъ нашихъ взоровъ, въ концѣ концовъ, мы все же уловимъ ее и опредѣлимъ.

I. Римская армія.

Положеніе солдатъ во времена имперіи. — Лагерная жизнь.—Характеръ военной дисциплины. — Всевозможныя услуги, оказанныя имперіи войскомъ.—Солдаты были довольны своей судьбой и преданы императору.

Армія была расположена на границахъ имперіи, въ отдаленныхъ и не вполнѣ еще замиренныхъ провинціяхъ. Каковы же шансы встрѣтить здѣсь недовольныхъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо познакомиться съ положеніемъ, какое занимали солдаты въ имперіи; отсюда мы увидимъ, довольны ли они были этимъ положеніемъ и какъ относились къ своему начальству.

Старыя традиціи въ Римѣ крѣпче всего держались въ арміи. Это не значитъ, что армія при императорахъ осталась совершенно такою же, какой была во времена республики. Августъ учредилъ постоянное войско; эта реформа кореннымъ образомъ измѣнила духъ войска. Оно состоитъ теперь изъ солдатъ по ремеслу, а не изъ гражданъ; но старинные обычаи все же удержались въ войскѣ, насколько это позволяли измѣнившіяся обстоятельства. Переходъ отъ стараго порядка къ новому совершился въ арміи безъ потрясеній: ветераны Цезаря стали первыми солдатами Октавія; они могли передать своимъ младшимъ товарищамъ дисциплину стараго времени, и правительство прилагало большія усилія, чтобы сохранить въ арміи этотъ запасъ опытности. Легіоны не были, подобно нашимъ полкамъ, распредѣлены по главнымъ городамъ имперіи. Ихъ не заставляли поддерживать внутреннее спокойствіе страны, потому что въ этомъ не было надобности: по словамъ Іосифа Флавія, ни въ одномъ изъ 500 городовъ Азіи не было гарнизона, а всю Галлію, болѣе обширную, чѣмъ нынѣшняя Франція, держали въ повиновеніи всего 1200 солдатъ [1]). Это позво-

---

[1]) De bello Judaico II, 16.

лило императорамъ сократить армію. При Августѣ на дѣйствительной службѣ состояло только 250.000 солдатъ, составлявшихъ линейную армію, и приблизительно столько же числилось въ вспомогательномъ корпусѣ: 500.000 человѣкъ цифра далеко не большая, если учесть огромное протяженіе границъ, которыя приходилось оберегать. Но и этого количества не могъ выдержать римскій бюджетъ, въ которомъ не было предусмотрѣно подобное увеличеніе расходовъ. Въ Римѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, постоянныя войска были тяжкимъ бременемъ для государства. Содержаніе войскъ требовало спеціальныхъ источниковъ, и пришлось учредить особую военную казну (aerarium militare), которая наполнялась съ большимъ трудомъ. Отсюда произошли тѣ финансовыя затрудненія, которыя не разъ омрачали блестящее правленіе Августа [1]).

Итакъ, легіоны были расположены вдоль границъ имперіи и жили тамъ всегда лагеремъ. Обыкновенно они не перемѣщались такъ часто, какъ въ наше время. Разъ ихъ назначили куда-нибудь, они оставались тамъ подолгу; если же какая-нибудь серьезная война призывала ихъ въ другое мѣсто, то по окончаніи ея они снова возвращались на прежнія квартиры. Поэтому ихъ мѣстопребываніе получило названіе постояннаго лагеря (castra stativa), въ отличіе отъ тѣхъ временныхъ окоповъ, которые во время походовъ они воздвигали каждый вечеръ для ночлега и съ разсвѣтомъ покидали. Вокругъ этихъ постоянныхъ лагерей стали издавна селиться маркитанты, поставщики и ремесленники, приходившіе изъ сосѣднихъ областей. Вначалѣ они строили скромныя жилища, которыя назывались палатками или бараками легіона (canabae legionis); затѣмъ, когда эти бараки разрастались, имъ давали нѣчто въ родѣ муниципальнаго устройства: какой-нибудь отставной унтеръ-офицеръ становился во главѣ магистратуры, а ветераны или разбогатѣвшіе торговцы составляли совѣтъ десятниковъ (декуріоновъ). Новый муниципій мало-по-малу разрастался, и нерѣдко кончалось тѣмъ, что изъ него возникалъ большой

---

[1]) О легіонахъ Августа см. Mommsen, Res gestae divi Aug., стр. 44 и 49.

городъ. Таково происхожденіе многихъ даже крупныхъ городовъ въ пограничныхъ провинціяхъ имперіи, какъ Апулумъ (Карлсбургъ) въ Дакіи, Петовіо (Петтау) въ Панноніи и Троэзмисъ (Иглица) въ Мёзіи [1]).

Счастливый случай сберегъ намъ остатки одного такого постояннаго лагеря, служившаго мѣстожительствомъ легіона. Эти остатки были найдены не въ нашей старой Европѣ, гдѣ слишкомъ много было всякаго рода переворотовъ, и гдѣ самыя развалины, по выраженію поэта, гибнутъ очень быстро; найдены они были въ африканской глуши, гдѣ люди не помогаютъ времени разрушать памятники старины. Городъ Ламбезисъ служилъ до временъ Діоклетіана стоянкой одного римскаго легіона (III-a Augusta), который долженъ былъ защищать Нумидію отъ вторженія мавровъ. Площадь, которую занималъ этотъ легіонъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, еще до сихъ поръ легко опредѣлить, и Леону Ренье не трудно было ее изслѣдовать и описать [2]). Лагерь отдѣленъ отъ города гласисомъ въ одинъ километръ и образуетъ собой прямоугольникъ въ 500 метровъ длины и 450 ширины, окруженный валомъ въ 4 метра вышиной. Этотъ валъ имѣетъ отдѣленныя другъ отъ друга башни и прорѣзывается въ четырехъ мѣстахъ воротами. Въ серединѣ куча развалинъ обозначаетъ мѣсто praetorium'a, т. е. жилища преторіанскаго легата, который командовалъ легіономъ. По всей вѣроятности, это жилище было устроено съ нѣкоторою роскошью, такъ какъ среди развалинъ находятъ остатки скульптурныхъ украшеній, вѣнковъ, императорскихъ орловъ, статуй побѣды. Отъ всѣхъ четырехъ воротъ идутъ дороги, сдѣланныя изъ широкихъ каменныхъ плитъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ возвышаются тріумфальныя арки. Въ двухъ километрахъ отсюда находятся слѣды другого лагеря, меньше

[1]) Léon Renier указываетъ, что нѣкоторые изъ городовъ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ castra stativa, никогда не носили другого имени, кромѣ имени самаго легіона, около котораго они образовались. Таковы города Léon въ Испаніи и Kaërléon въ Англіи, имена которыхъ заключаютъ слово legio. (См. докладъ Ренье о надписяхъ города Troësmis въ отчетахъ Académie des inscriptions, 4 и 18 авг. 1865 г.).

[2]) См. также Étude sur le camp et la ville de Lambèse G. Wilmanns'a, переводъ на фр. яз. M. Thédenat въ Bulletin des antiquités africaines.

размѣромъ и проще обстановкой. Нѣкоторые полагають, что этотъ лагерь занимали вспомогательныя войска; такъ какъ они должны были пополнять легіонъ, то естественно должны были помѣщаться поблизости [1]).

Надписи, которыхъ не мало около Ламбезиса и въ другихъ мѣстахъ, позволяютъ намъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ жилось въ римскомъ лагерѣ. Оказывается, что жизнь тамъ была очень дѣятельная. Все свободное время, которое оставалось отъ военныхъ упражненій, употреблялось на другія работы: солдаты прокладывали дороги, исправляли водопроводы, рыли каналы, строили мосты и даже воздвигали храмы и разнаго рода памятники. Заваливать солдатъ работой — обычное правило лучшихъ генераловъ, и Тацитъ замѣчаетъ, что солдаты всегда бунтовали, когда имъ нечего было дѣлать. Въ то же время имъ позволялось иногда оживлять развлеченіями свою суровую жизнь: вѣдь извѣстный отдыхъ былъ имъ необходимъ. Съ тѣхъ поръ какъ войска стали постоянными, военная служба сдѣлалась карьерой, а не случайнымъ занятіемъ. Солдаты должны были прослужить 25 лѣтъ въ легіонахъ, но иногда они оставались въ нихъ гораздо дольше. Нѣкоторые императоры, напр. Тиберій, никакъ не могли рѣшиться распустить ихъ; они набирали изъ нихъ отряды ветерановъ и удерживали ихъ на службѣ еще много лѣтъ послѣ выслуги срока. Слѣдовательно, вся ихъ жизнь проходила подъ знаменами: они вступали въ лагерь въ цвѣтущемъ возрастѣ, 18—20 лѣтъ, а выходили оттуда уже стариками. Неудивительно, поэтому, что они старались устроить себѣ тамъ сносное житье и какія-нибудь развлеченія. Офицеры и унтеръ-офицеры образовывали общества, которыя имѣли свою кассу и въ самомъ лагерѣ устраивали помѣщеніе для собраній [2]). Что же касается солдатъ, то они пользовались всякаго рода удовольствіями въ поселкахъ (canabae), которыя несомнѣнно посѣщались очень охотно. Провинціаламъ, набраннымъ въ вспомогательныя войска, позволялось брать

[1]) Wilmanns думаетъ, что это болѣе старый лагерь, гдѣ расположился легіонъ до постройки новаго.

[2]) Примѣры такихъ обществъ имѣются въ надписяхъ Ламбезиса, собранныхъ L. Renier. См. также Corp. insc. lat., VIII, 2554, 2557.

съ собой женъ или жениться во время службы. Первоначально легіонеры не пользовались этой привилегіей, но въ поселкахъ толпилось всегда самое разношерстное населеніе; тамъ были женщины, съ которыми солдаты завязывали прочныя отношенія и по выходѣ въ отставку узаконивали эти отношенія бракомъ. Во времена республики строгіе полководцы смотрѣли косо на такія связи. Такъ Сципіонъ Эмиліанъ въ бытность свою въ Испаніи выгналъ всѣхъ женщинъ, поселившихся возлѣ лагеря; по свѣдѣніямъ историковъ ихъ было больше двухъ тысячъ. При императорахъ стали на это смотрѣть снисходительнѣе. Во-первыхъ, солдатамъ разрѣшено было жениться; затѣмъ, Септимій Северъ позволилъ имъ даже имѣть при себѣ своихъ женъ или наложницъ. Съ этого времени лагерь сталъ, по мнѣнію Вильманса, только оффиціальнымъ мѣстомъ, куда являлись на службу, все остальное время проводя въ семьѣ, которая жила въ сосѣднемъ городѣ [1]). Солдаты одного лагеря были почти всѣ земляками, такъ какъ легіонъ обыкновенно набирался изъ населенія той мѣстности, гдѣ онъ стоялъ. Изъ 50 унтеръ-офицеровъ, которые ставятъ памятникъ императору въ ламбезисскомъ лагерѣ, только трое родомъ не изъ Африки. „Нужна была большая сила сплоченности въ римскомъ государствѣ,—говоритъ Leon Regnier,—чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ такъ долго не произошло явнаго разрыва между провинціями и метрополіей". Обыкновенно, римлянинъ или нумидіецъ, разъ попавши въ легіонъ, быстро забывали свою родину и помнили только, что они солдаты. Лагерь становился для нихъ отечествомъ; они проводили тамъ добрую половину своей жизни, и, въ концѣ концовъ, тамъ же сосредоточивалось все дорогое для ихъ сердца. Почти всѣ солдаты тамъ женились. Нѣкоторые, поступая на службу, женились на дочеряхъ своихъ товарищей, выходившихъ въ отставку. Дѣти ихъ, воспитанные въ боевой

---

[1]) „Положеніе легіонеровъ,—прибавляетъ Wilmanns,—послѣ декрета Севера стало совершенно походить на положеніе туземной милиціи во французскомъ Алжирѣ на границѣ съ Тунисомъ. Спаги живутъ близъ укрѣпленнаго лагеря въ своихъ палаткахъ или скорѣе въ хижинахъ, образующихъ дуары или деревни; они живутъ тамъ съ женами, дѣтьми и скотомъ, являясь въ фортъ только на время ученья".

обстановкѣ, обыкновенно тоже шли въ солдаты. Вѣроятно, были семьи, которыя служили императорамъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній отъ отца къ сыну. Среди людей, которые были такимъ образомъ связаны между собой узами родства и товарищества, которые жили вмѣстѣ и въ сторонѣ отъ остального міра, старыя традиціи, конечно, могли легче удержаться; вотъ почему въ имперіи, составленной изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и подверженной самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, военный духъ измѣнялся меньше всего остального.

Нужно обратиться къ воспоминаніямъ прошлаго, которыя никогда не забывались въ римскомъ войскѣ, чтобы объяснить себѣ характеръ римской дисциплины. „Самая прочная связь между солдатами это — религія“ [1]),—говоритъ Сенека. Война была священнымъ дѣломъ и сопровождалась религіозными обрядами, особенно въ древнія времена, когда сражались за свою семью и за своихъ боговъ. Была особая коллегія жрецовъ, такъ называемыхъ феціаловъ, на обязанности которыхъ лежало начинать и заканчивать войну. Консулъ былъ столько же жрецомъ, сколько и военачальникомъ; передъ его палаткой стоялъ жертвенникъ, гдѣ онъ каждое утро молился за свои войска. Знамена считались полковыми божествами, propria legionum numina [2]), и передъ ними возжигались куренія. Полководецъ, совершавшій ауспиціи за все войско, считался какъ бы представителемъ боговъ; его приказаніямъ повиновались какъ выраженію божественной воли. Эти традиціи религіознаго почитанія къ вождю до самаго послѣдняго времени сохранились въ тѣхъ чувствахъ, которыя войска питали къ императору. Въ преданности ему есть своего рода благоговѣніе, и несомнѣнно, здѣсь было гораздо больше искренности, чѣмъ въ оффиціальномъ обоготвореніи умершаго или здравствующаго императора, въ поклоненіи его статуямъ, какъ священнымъ изображеніямъ, и въ признаніи его семьи „божественнымъ домомъ“.

---

[1]) Epist. 95, 35: primum militiae vinculum est religio.

[2]) Тацитъ. Ann. II, 17. Corp. insc. lat., III, 6224: Dis militaribus, Genio, Virtuti, Aquilae sanctae, signisque legionis I. [Renel. Cultes militaires de Rome. Les Enseignes. 1903]

Это не значитъ, что въ римской арміи никогда не было возмущеній, но бунтовали обыкновенно не противъ императора [1]): они добивались только какихъ-нибудь послабленій въ служебной дисциплинѣ или требовали отставки нелюбимаго центуріона. Центуріоновъ обыкновенно ненавидѣли и давали имъ самыя бранныя прозвища [2]). Такъ какъ при служебныхъ повышеніяхъ они переходили изъ одного легіона въ другой, то часто случалось, что они должны были командовать солдатами, которымъ были совершенно чужды. Дурные обычаи, установившіеся въ лагеряхъ, еще болѣе дѣлали ненавистными центуріоновъ. Слабымъ или разбогатѣвшимъ солдатамъ позволялось откупаться у своихъ начальниковъ отъ обязательныхъ работъ; смотрѣли сквозь пальцы и на то, какъ за деньги освобождались отъ наказаній. Эти поблажки порождали много злоупотребленій, и понятно, что жадные центуріоны старались безъ конца увеличивать наказанія и работы, чтобы такимъ путемъ увеличить свои доходы. Когда зло доходило до крайности, солдаты не выдерживали и возмущались. Тацитъ разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ бунтовъ, который вспыхнулъ при восшествіи на престолъ Тиберія въ войскахъ, стоявшихъ на Рейнѣ и въ Панноніи; въ его разсказѣ мы находимъ нѣкоторыя подробности, которыя приводятъ насъ въ изумленіе. Насъ крайне удивляетъ, что съ войсками вступаютъ въ переговоры, что имъ позволяютъ высказать свои жалобы и послать делегатовъ къ императору. Эти уступки и послабленія кажутся намъ несовмѣстимыми съ тѣмъ, что намъ извѣстно о римской дисциплинѣ; не слѣдуетъ забывать, однако, что какъ ни сурова была эта дисциплина, въ ней было гораздо меньше формализма и подтянутости, чѣмъ въ нашей современной арміи. Тамъ повиновеніе достигалось не принужденіемъ, а принималось добровольно, потому что солдаты сознавали его необходимость. Иногда они же первые старались подавить мятежъ, который возникалъ въ ихъ средѣ, и бывали тогда безжалостны; послѣ одного изъ такихъ мятежей, въ

[1]) Конечно, здѣсь говорится только о Цезаряхъ, т. е. о первомъ вѣкѣ имперіи. Позднѣе, въ особенности съ Северовъ, войска возводили и свергали императоровъ.

[2]) Тацитъ, Ann. I, 23 и 32.

которомъ всѣ принимали участіе, они сами просили какъ милости, чтобы казнили десятаго. Поставленные лицомъ къ лицу съ постоянной опасностью, избѣжать которой можно было только подчиненіемъ, солдаты готовы были отказаться отъ нѣкоторой части своей независимости, но вовсе не думали отдавать ее цѣликомъ. И хотя ихъ держали строго, имъ все-таки предоставлялось иногда право собираться и совѣщаться. Въ особенности они требовали, чтобы къ нимъ относились съ извѣстнымъ вниманіемъ. Въ самое лучшее время республики, одинъ полководецъ, обращаясь къ нимъ, позволилъ себѣ употребить выраженіе, подходившее, только къ рабамъ: и солдаты рѣшили тогда проиграть сраженіе, лишь бы не доставить ему тріумфа [1]). Они сочли себя оскорбленными, когда, во времена имперіи, Клавдій передалъ имъ однажды приказаніе черезъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ вольноотпущенниковъ, и не задумались освистать того любимца своего повелителя, передъ которымъ пресмыкался сенатъ [2]). Они безропотно исполняли приказанія своихъ начальниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было пріятно знать ихъ намѣренія. ~~предводители же,~~ когда это было возможно, охотно посвящали ихъ въ свои планы. Это довѣріе и вниманіе, которыя имъ оказывали, тоже было традиціей республиканской эпохи. Въ прежнія времена солдатъ въ своей палаткѣ не переставалъ быть гражданиномъ: военная и гражданская жизнь не были такъ строго разграничены, какъ во времена имперіи: лагерь и форумъ часто сливались другъ съ другомъ, и консулъ обращался къ легіонамъ такъ же, какъ онъ обратился бы къ народу съ высоты государственной трибуны. Въ императорское время въ лагерѣ еще сохранялась трибуна, и императоры считали одной изъ главныхъ своихъ прерогативъ говорить съ войсками. На барельефахъ Траяновой колонны въ нѣсколькихъ мѣстахъ изображенъ императоръ, окруженный знаменами и говорящій съ солдатами, которые видимо восторженно прислушиваются къ его словамъ. Въ одномъ изъ Ламбезисскихъ лагерей найденъ отрывокъ изъ большой надписи, которая содержитъ рѣчь Адріана

---

1) Титъ Ливій, IV, 49.

2) Діонъ, LX, 19.

къ своимъ солдатамъ; онъ восхваляетъ быстроту и точность, съ которыми они выполнили свои упражненія. „Работа,—говоритъ онъ,—которая бы потребовала нѣсколько дней у другихъ, окончена вами въ одинъ день. Получивъ приказъ возвести толстую стѣну, на подобіе стѣнъ постоянныхъ лагерей, вы выстроили ее такъ быстро, какъ будто бы она была сложена изъ кусковъ дерна, которые легки, ровны, удобно переносятся и, будучи всѣ одинаковой формы, могутъ быть легко приложены другъ къ другу, тогда какъ камни, надъ которыми вамъ пришлось работать, тяжелы, массивны, неровны и неудобны въ кладкѣ. Вы выкопали ровъ въ твердой неподатливой почвѣ и своимъ трудомъ сгладили и уравняли землю. Потомъ, когда начальство одобрило вашу работу, вы съ изумительной быстротой вернулись въ лагерь, наскоро пообѣдали и, схвативши оружіе, съ громкими криками погнались за всадниками, которые были высланы впередъ, и привели ихъ за собой. Я благодарю моего легата, вашего предводителя, за прекрасное обученіе этимъ маневрамъ, которые являются совершеннымъ подобіемъ сраженій, и за то, что онъ довелъ васъ въ этихъ маневрахъ до такой степени совершенства, что вы вполнѣ заслуживаете моихъ похвалъ“ [1]). Этотъ ораторскій приказъ по войскамъ, изъ котораго мы привели только часть, очень любопытенъ: мы видимъ изъ него, какъ внимательно и заботливо относились къ солдатамъ и какъ развитъ былъ вкусъ къ краснорѣчію въ римской арміи.

Итакъ, армія была школой повиновенія, но не рабства; поэтому она и дала лучшихъ дѣятелей имперіи. Мы говоримъ не только о великихъ полководцахъ, которые задержали натискъ германцевъ и парфянъ и при самыхъ ничтожныхъ государяхъ поддерживали честь римскаго оружія: въ такихъ людяхъ не было недостатка въ Римѣ даже тогда, когда въ немъ уже нельзя было встрѣтить людей съ гражданскими доблестями; Римъ одерживалъ побѣды даже въ послѣднія минуты своего существованія; еще въ тѣ времена, когда управленіе внутренними дѣлами приходилось поручать Руфинамъ и Евтропіямъ, для военныхъ дѣлъ находи-

---

[1]) Renier, Insc. de l'Alg., 5. Corp. insc. lat., VIII, 2532.

лись еще Стилихоны и Аэціи. За предводителями шли далѣе трибуны легіоновъ, префекты когортъ, всѣ привыкшіе къ порядку, къ дисциплинѣ, честные и толковые люди; въ случаѣ нужды они становились надежными администраторами. Военное и гражданское вѣдомства, какъ было уже сказано, стояли тогда гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ въ наше время; поэтому можно были легко переходить изъ одного въ другое: военнымъ поручали производство народной переписи или сборъ податей въ нровинціяхъ. Если какой-нибудь городъ, пострадавшій отъ нерадѣнія своихъ магистратовъ, просилъ самого императора возстановить порядокъ въ дѣлахъ, тотъ посылалъ туда въ качествѣ куратора какого-нибудь стараго центуріона, человѣка прямого и строго честнаго, который въ нѣсколько мѣсяцевъ исправлялъ то, что въ нѣсколько лѣтъ напортили недобросовѣстные и небрежные умники. Армія продолжала оказывать имперіи эту великую услугу—снабжать ее прекрасными гражданами. Въ вспомогательныхъ войскахъ служило еще много провинціаловъ, которые до времени Каракаллы не имѣли правъ гражданства. Обыкновенно они пріобрѣтали эти права при такъ называемой почетной отставкѣ (honesta missio). Имена всѣхъ получившихъ такую отставку вырѣзывались въ Римѣ въ Капитоліи или въ храмѣ Августа. Каждый солдатъ, получившій эту милость, заставлялъ переписать на мѣдную дощечку относящійся къ нему декретъ и переслать его по своему адресу. Нѣкоторыя изъ этихъ таблицъ найдены. Всѣ онѣ написаны по одной формѣ: императоръ даруетъ солдатамъ, которые прослужили ему двадцать пять лѣтъ и болѣе и получили почетную отставку, права гражданства для нихъ самихъ и ихъ дѣтей. Равнымъ образомъ имъ даруется и connubium, т. е. право римскаго брака съ ихъ прежними или, если они были холостяками, съ ихъ будущими женами. Затѣмъ слѣдуетъ имя того солдата, который хотѣлъ имѣть свидѣтельство о своихъ новыхъ правахъ, и имена семи свидѣтелей, удостовѣряющихъ подлинность документа [1]). Это было воистину благомъ для имперіи — пополняться такимъ

---

[1]) См. коллекцію этихъ военныхъ дипломовъ въ Corpus incs. lat., III, стр. 843 и слѣдующія.

путемъ новыми гражданами; они приносили съ собой здоровыя привычки лагерной жизни, между тѣмъ какъ отпускъ на волю рабовъ постоянно вводилъ въ городъ такіе элементы, которые прививали ему всѣ пороки рабства. Получивши отставку, солдаты легіоновъ, равно какъ и вспомогательныхъ когортъ, имѣли обыкновеніе воздвигать около своего бывшаго лагеря какой-нибудь религіозный памятникъ; обычно его сопровождали почтительными выраженіями по адресу императора и посвященіемъ безсмертнымъ богамъ или богу-покровителю когорты и легіона, въ которомъ они служили и который былъ для нихъ какъ бы отечествомъ и семьей. Это было послѣднимъ актомъ ихъ военной жизни; затѣмъ они разъѣзжались; впрочемъ, многіе не въ состояніи были разстаться съ тѣми знаменами, подъ которыми прошли ихъ лучшіе годы, а потому они селились въ лагерныхъ поселкахъ или гдѣ-нибудь по сосѣдству. Другіе возвращались на родину; тамъ ихъ всегда принимали очень радушно и старались, обыкновенно, поручить лучшія муниципальныя должности: такимъ образомъ они разносили по всей имперіи традиціи, воспринятыя въ арміи.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что, вообще солдаты должны были быть довольны своей участью. Они были привязаны къ странѣ, въ которой жили, къ ротѣ, въ которую они были записаны, къ легіону, всю прошлую исторію котораго они знали и съ которымъ имъ было такъ тяжело разставаться. Въ особенности же они были привязаны къ римскому отечеству, за которое они проливали свою кровь. Въ вспомогательныхъ отрядахъ рейнской и дунайской арміи встрѣчались галлы, реты, мизійцы, потомки тѣхъ, которые нѣкогда такъ мужественно сопротивлялись Цезарю и Августу; они плохо говорили и еще хуже писали по-латыни, но тѣмъ не менѣе съ гордостью называли себя римлянами, когда имъ приходилось сражаться съ батавами и свевами. Наконецъ, они были привязаны и къ императору, изображеніе котораго они носили на своихъ знаменахъ и имя котораго радостно выкрикивали послѣ побѣды. Они уважали и любили своихъ государей, которые часто совсѣмъ не заслуживали этой привязанности, и, со временъ Тиберія до смерти Нерона, не было въ войскѣ ни одного возстанія

противъ императоровъ. Привыкнувъ видѣть спасеніе только въ единствѣ командованія, они не понимали другой власти, кромѣ единодержавія; отечество воплощалось для нихъ въ имени императора. Когда мы видимъ, что столько простыхъ солдатъ воздвигаютъ скромные памятники въ честь императора, отъ котораго они ничего не ждутъ и который даже не будетъ знать объ этомъ, то можемъ ли мы сомнѣваться, что ихъ преданность вполнѣ искренняя? Итакъ, не въ войскѣ надо искать систематической оппозиціи имперіи.

II. Провинціи.

Онѣ лучше управлялись во времена имперіи, чѣмъ во времена республики. — Мѣры Августа для ограниченія губернаторской власти. — Процвѣтаніе провинцій въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. — Провинціи въ общемъ довольны правленіемъ императоровъ.

Можетъ быть, мы найдемъ эту оппозицію въ провинціяхъ? Съ перваго взгляда это кажется очень вѣроятнымъ: провинціи были завоеванными странами, естественно предположить, поэтому, что онѣ не могли забыть о завоеваніи и ненавидѣли своихъ покорителей. Положеніе римскихъ провинцій охотно представляютъ себѣ печальнымъ и жалкимъ: думаютъ, что завоеватели ихъ притѣсняли, казна разоряла налогами, проконсулы безжалостно терзали. Однако, все это сущая фантазія: наоборотъ, все доказываетъ, повидимому, что провинціи были тогда богаты и довольны; въ наше время такого мнѣнія держатся самые безпристрастные ученые [1]). Противники этого мнѣнія могутъ опереться только

[1]) Waddington, напримѣръ, въ концѣ своихъ отличныхъ работъ объ азіатскихъ провинціяхъ, пришелъ къ тому выводу, что римскія земли — въ продолженіе двухъ первыхъ вѣковъ послѣ битвы при Акціумѣ — были въ цвѣтущемъ состояніи. „Матеріальный достатокъ,— говоритъ онъ,—господствовалъ вездѣ, чего раньше не было. Борьба мелкихъ владѣтелей и городовъ между собою стала невозможной, и война была отодвинута къ границамъ; торговля и промышленность процвѣтали; доступъ къ общественнымъ должностямъ, даже самымъ высокимъ, все болѣе открывался провинціаламъ и, наконецъ, при Каракаллѣ римское гражданство было распространено на всѣхъ свободныхъ жителей имперіи. Эта система при Антонинахъ достигла совершенства, и пра-

на одинъ доводъ: они не могутъ согласиться, чтобы изъ ненавистнаго для нихъ политическаго строя могло выйти что-нибудь хорошее. Несомнѣнно, многія стороны его не заслуживаютъ симпатіи; но какое бы отвращеніе онъ ни возбуждалъ, вспомнимъ, что онъ продержался пять вѣковъ, а чтобы понять, какъ могъ онъ просуществовать такъ долго, необходимо допустить, что при многихъ своихъ недостаткахъ онъ имѣлъ и достоинства. Самое главное изъ этихъ достоинствъ, несомнѣнно, состояло въ хорошемъ управленіи провинціями. Послѣднія были за это признательны императорскому правительству и оставались ему вѣрными до конца; вѣдь и погибла-то имперія не отъ внутреннихъ смутъ. Ювеналъ въ одной изъ своихъ блестящихъ декларацій предсказывалъ ей, правда, такой конецъ [1]), но предсказаніе не оправдалось; чтобы разрушить имперію, понадобилось нашествіе варваровъ. Народы, подчиненные ея владычеству, не только не встрѣтили варваровъ, какъ своихъ освободителей, но всѣми силами съ ними боролись и, только отчаявшись, были отторгнуты отъ Рима и имперіи. Можно ли понять такую вѣрность, если повѣрить, будто провинціи были недовольны императорскимъ правленіемъ?

Вполнѣ естественно, что имперія считала долгомъ хорошо управлять провинціями; къ этому обязывалъ ее самый принципъ. Республиканская аристократія Рима, покупавшая себѣ почетныя должности цѣной безумныхъ тратъ, разумѣется, должна была найти гдѣ-нибудь средства на покрытіе этихъ расходовъ. Она скоро бы разорилась, если бы не могла поправить свои дѣла въ провинціи. Такимъ образомъ, обогащаться на счетъ провинціи было для нея необходимостью; обогащаться же можно было путемъ грабежа. Проконсулы могли обирать провинцію безъ всякаго страха: по возвращеніи они отвѣчали за свои дѣйствія только передъ своими же сотоварищами, и обыкновенно призванные судить

вленіе ихъ было вообще эпохой мира и процвѣтанія для всего цивилизованнаго міра. Послѣ нихъ начался упадокъ, но потребовалось все же не мало ударовъ и переворотовъ, чтобы разрушить налаженную административную машину, которую создалъ просвѣщенный деспотизмъ Августа". Waddington, Fastes des provinces asiatiques, 18.

[1]) Ювеналъ, VII, 124: spoliatis arma supersunt.

ихъ дѣйствовали нѣкогда въ провинціи нисколько не лучше. И дѣлалось все это безъ всякаго зазрѣнія совѣсти: вѣдь провинціи были завоеваны такъ еще недавно; еще памятно было, что населеніе ихъ долгое время было врагомъ, что ихъ покореніе стоило многихъ усилій и крови. Съ провинціалами обращались какъ съ побѣжденными, относительно которыхъ все было позволено и которые обязаны были все переносить. Обстоятельства кореннымъ образомъ измѣнились послѣ возникновенія имперіи. Когда власть перешла въ руки одного человѣка, послѣдній имѣлъ прямой интересъ защитить провинціи отъ вымогательствъ правителей. Это было теперь его собственное добро; а потому тотъ, кто позволялъ себѣ грабить его подданныхъ, обкрадывалъ его самого. Заботясь о провинціяхъ, императоръ больше думалъ о себѣ, чѣмъ о нихъ; понятно, что онъ не могъ позволить принадлежавшимъ ему деньгамъ попадать въ чужой карманъ. Правда, ему ничто не мѣшало продѣлывать то, что онъ запрещалъ другимъ, и въ случаѣ нужды свободно пользоваться имуществомъ провинціаловъ. На первый взглядъ кажется, что для управляемыхъ результатъ былъ одинъ и тотъ же, что они ничего не выиграли, перемѣнивши лихоимство проконсуловъ на вымогательство императоровъ. Однако, это не такъ: уже и то много значило, что теперь приходилось удовлетворять только одного господина, а не многихъ. Во времена республики проконсулы мѣнялись ежегодно. Каждый годъ наѣзжалъ въ провинцію новый правитель, со свѣжимъ аппетитомъ, и каждый былъ тѣмъ ненасытнѣе, чѣмъ меньше времени было у него для насыщенія. Единый же властелинъ, расчитывая на продолжительную власть, не такъ торопился все обобрать сразу; какъ бы прожорливъ онъ ни былъ, все же и при самомъ маломъ благоразуміи онъ не могъ не понять, что надо хоть что-нибудь приберечь и назавтра. Таково общее правило, что собственникъ бережетъ землю, между тѣмъ, какъ арендаторъ ее истощаетъ.

Имперія имѣла еще и другую причину беречь провинціи. Въ самомъ взглядѣ на нихъ съ теченіемъ времени произошла въ Римѣ значительная перемѣна. По мѣрѣ того, какъ мстительная память о завоеваніи все дальше отодви-

галась въ прошлое, а завоеванныя страны все болѣе становились римскими по привычкамъ и нравамъ, — притѣснять ихъ становилось все болѣе неловко. Разница въ положенiи Рима и провинцiй стала сглаживаться съ тѣхъ поръ, какъ надменная аристократiя, такъ долго управлявшая мiромъ, нашла себѣ господина. Теперь всѣ обязаны были повиноваться; государь всѣмъ предписывалъ одинаковый законъ. Передъ этой неограниченной властью, которая одинаково возвышалась надъ всѣми, начали исчезать старинныя неравенства. Абсолютная власть по самой природѣ своей — великая нивеллирующая сила; она во всѣхъ хочетъ видѣть только подданныхъ и, съ высоты своего положенiя, она охотно сливаетъ ихъ. Одинъ краснорѣчивый памфлетистъ во времена Людовика XIV-го говорилъ: „Въ современномъ государствѣ все представляетъ народъ; королевская власть поднялась такъ высоко, что всѣ различiя исчезли, всѣ лучи погасли, потому что съ той высоты, на которую вознесся монархъ, всѣ смертные кажутся только прахомъ ногъ его". Государственныя учрежденiя Августа привели къ такимъ же результатамъ: благодаря имъ весь мiръ объединился въ повиновенiи; и можно сказать, что если общiй уровень, установленный повсюду давленiемъ императорской власти, отнялъ у Рима много его привилегiй и могущества, зато онъ же поднялъ значительно благосостоянiе провинцiй.

Извѣстно, что въ 726 г. (отъ основанiя Рима) управленiе провинцiями Августъ раздѣлилъ между собою и сенатомъ, которому были отданы наиболѣе спокойныя провинцiи, именно тѣ, которыя не нуждались въ защитѣ легiоновъ, остальныя же перешли къ Августу. Императорскiя провинцiи управлялись легатами, находившимися въ полной зависимости отъ государя и обязанными только ему давать отчетъ; сенатскiя провинцiи также не ускользнули изъ-подъ влiянiя Августа; можно сказать, что въ дѣйствительности проконсулы находились въ его рукахъ такъ же, какъ и легаты.

Его ревнивая власть не только тщательно за ними слѣдила и строго наказывала въ случаѣ проступковъ, но старалась даже отнять у нихъ самую возможность дѣлать зло. Во все время республики проконсулы были всемогущи.

Какъ бы ни назывался правитель провинціи, преторомъ или проконсуломъ, имѣлъ ли онъ 9 или 12 ликторовъ, власть его была неограниченна. Когда, помолившись въ Капитоліи, онъ уѣзжалъ покрытый военнымъ плащемъ, провожаемый друзьями и родственниками до воротъ Рима, онъ совсѣмъ не былъ похожъ на республиканскаго сановника, а скорѣе на царя, который ѣхалъ управлять государствомъ. Въ его рукахъ сосредоточивалась военная и гражданская власть, онъ командовалъ легіонами, чинилъ судъ, распоряжался финансами, издавалъ и примѣнялъ законы. Такъ какъ завоеваніе только-что еще совершилось, а ненависть побѣжденныхъ не успѣла еще остыть, то Римъ считалъ необходимымъ вооружить своихъ правителей на случай возможныхъ возстаній и дать имъ средства усмирять ихъ. Обстоятельства нѣсколько измѣнились во времена имперіи; римское владычество было признано всѣмъ міромъ. Теперь уже не было надобности для его защиты сосредоточивать всю власть въ однѣхъ рукахъ; поэтому, насколько возможно, ее стали раздѣлять между нѣсколькими лицами. Только въ императорскихъ провинціяхъ намѣстникъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ и войска; въ сенатскихъ же провинціяхъ за проконсуломъ осталась только гражданская власть; завѣдываніе финансами въ тѣхъ и другихъ было поручено особымъ чиновникамъ, назначавшимся самимъ императоромъ и обязаннымъ отдавать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ то же время, чтобы отнять у правителей всякій предлогъ къ самоличнымъ распоряженіямъ, установлена была почта, которая въ нѣсколько дней передавала волю императора на край свѣта. Съ тѣхъ поръ ни одинъ чиновникъ въ важныхъ дѣлахъ не имѣлъ права дѣйствовать, не спросясь императора. Такимъ образомъ была распылена та совокупность разнообразныхъ полномочій, которая при республикѣ сосредоточивалась въ одномъ лицѣ и которая это лицо дѣлала столь грознымъ. Лишенная большей части своей прежней силы, подчиненная строгому контролю, зорко наблюдаемая и публично караемая власть намѣстника не могла уже такъ тяжело отражаться на провинціяхъ, какъ прежде.

Но можно-ли утверждать, что со временъ Августа не появлялось больше безчестныхъ людей? Конечно нѣтъ.

Плиній Младшій разсказываетъ о двухъ намѣстникахъ, изъ которыхъ одинъ продавалъ приказы объ арестѣ, совершенно какъ министры Людовика XV, а другой писалъ своей возлюбленной: „Радостно спѣшу къ тебѣ съ сорока милліонами сестерцій; чтобы добыть ихъ, я продалъ половину Бетики“ [1]). Сенека разсказываетъ, что одинъ проконсулъ Азіи, Мессала Волезъ, велѣлъ однажды обезглавить сразу триста человѣкъ и потомъ гордо расхаживалъ между валявшимися трупами, восклицая: „Вотъ истинно царскій поступокъ“ [2]). Стало быть еще были Верресы и въ императорское время, только ихъ стало меньше. Особенно бросается въ глаза одно различіе между старымъ и новымъ порядкомъ: прежде соблазнъ былъ такъ великъ, отвѣтственность такъ ничтожна, общественное мнѣніе такъ снисходительно, что даже самые порядочные люди, какъ напр., Брутъ, не задумываясь, позволяли себѣ въ провинціи всевозможныя лихоимства; во времена же имперіи часто случалось наоборотъ: люди развращенные и порочные въ Римѣ становились честными, дѣятельными, безкорыстными, какъ только ихъ посылали въ провинціи и управляли ею безукоризненно. Напримѣръ, сластолюбивый Петроній, прозванный законодателемъ вкуса и образцомъ изящества, который ни о чемъ не думалъ, повидимому, кромѣ удовольствій, который создалъ цѣлую науку утонченнѣйшихъ наслажденій, который даже въ смерти искалъ сладострастія, — этотъ самый Петроній, по словамъ Тацита, въ своемъ управленіи Виѳиніей „показалъ себя необыкновенно дѣятельнымъ и былъ совершенно на высотѣ своего положенія“ [3]). То же самое можно сказать про Отона, повѣреннаго и участника во всѣхъ безобразіяхъ Нерона, давшаго наканунѣ убійства Агриппины большой обѣдъ двору, чтобы скрыть приготовленія къ преступленію; этотъ Отонъ „управлялъ Лузитаніей въ теченіе десяти лѣтъ съ замѣчательнымъ благоразуміемъ и безкорыстіемъ“ [4]). Даже Вителлій, оказавшійся такимъ отвратительнымъ императоромъ, раньше былъ превосходнымъ намѣстникомъ въ

---

[1]) Плиній, Epist., II, 11 и IV, 9.

[2]) Сенека, De ira, II, 5.

[3]) Тацитъ, Ann., XVI, 18.

[4]) Светоній, Otho, 3.

Африкѣ [1]). Надо прибавить, что вести себя иначе было въ то время довольно затруднительно. Императоры, какъ хорошіе, такъ и дурные, зорко смотрѣли за провинціями. Тиберій и Домиціанъ были въ этомъ отношеніи не менѣе усердны, чѣмъ Августъ и Траянъ. По словамъ одного достовѣрнаго историка, Домиціанъ такъ строго наказывалъ виновныхъ чиновниковъ, „что никогда чиновники не были честнѣе и справедливѣе, какъ въ его царствованіе“ [2]).

Этотъ бдительный и строгій надзоръ долженъ былъ значительно сократить злоупотребленія; хотя нельзя сказать, конечно, чтобы онъ ихъ совсѣмъ уничтожилъ. Совершалось еще не мало насилій, особенно во вновь завоеванныхъ областяхъ, находившихся еще на военномъ положеніи и предоставленныхъ солдатскому хозяйничанью. Такъ именно случилось съ Бретанью: извѣстно, что войска Клавдія храбро завоевали ее и потомъ немилосердно разграбили. Рѣчь, которую Тацитъ влагаетъ въ уста бретонскаго вождя Галгака, представляетъ самый горячій протестъ противъ такъ называемаго „римскаго мира“, который писатели имперіи обыкновенно рисуютъ въ такихъ заманчивыхъ краскахъ. На основаніи этой рѣчи, можно было бы безповоротно осудить императорскую администрацію, если бы самъ Тацитъ въ другихъ мѣстахъ не оказался гораздо болѣе снисходительнымъ. Онъ самъ возражаетъ противъ обвиненій Галгака и оправдываетъ своихъ соотечественниковъ въ рѣчи, которую онъ влагаетъ въ уста Цереалиса. Императорскій легатъ напоминаетъ только-что побѣжденнымъ жителямъ Трира о томъ плачевномъ состояніи, въ какомъ римляне застали Галлію, „истерзанную раздорами, истощенную внутренними усобицами“, призывавшую на помощь иноземцевъ. Римъ не разрушилъ ничего, что заслуживало жизни; онъ всюду прекратилъ безпорядокъ и безначаліе. Побѣдители наложили на побѣжденныхъ только такія стѣсненія, которыя были необходимы для поддержанія мира; они приняли побѣжденныхъ въ свои войска, лучшимъ изъ нихъ они открыли доступъ въ ряды своей аристократіи; вскорѣ должно насту-

[1]) Светоній, Vitell., 5.
[2]) Светоній, Domit., 8.

пить время, когда всѣхъ ихъ Римъ приметъ въ среду своихъ гражданъ. Римъ всюду охраняетъ покой, безопасность благосостояніе; безъ него все снова превратилось бы въ тотъ хаосъ смутъ и борьбы, отъ котораго онъ избавилъ міръ. „Если бы Римъ когда-нибудь былъ побѣжденъ, — да сохранятъ насъ боги отъ такого бѣдствія! — что увидѣла-бы земля, какъ не всеобщую войну народовъ! Восемь вѣковъ удачи и благоразумія создали это грандіозное зданіе; тотъ, кто попытается его разрушить, самъ погибнетъ подъ его развалинами“ [1]). Повидимому Тацитъ, ясно предвидѣлъ ту ужасающую анархію, которая должна была послѣдовать за паденіемъ имперіи.

Итакъ, изученіе императорскихъ учрежденій и чтеніе римскихъ историковъ привело насъ къ тому выводу, что провинціи были вообще гораздо счастливѣе при имперіи, чѣмъ во времена республики: но существуютъ еще болѣе несомнѣнныя свидѣтельства объ ихъ процвѣтаніи. Мы говоримъ о тѣхъ чудесныхъ развалинахъ, которыми полны Франція, Испанія, Африка и Азія. Путешественники встрѣчаютъ тамъ на каждомъ шагу, даже въ самыхъ жалкихъ мѣстечкахъ, остатки храмовъ, театровъ, дворцовъ, бань, мостовъ, большихъ дорогъ, водопроводовъ, возбуждающихъ въ насъ сильное удивленіе. Почти всѣ эти памятники относятся къ первымъ вѣкамъ имперіи и даютъ намъ понятіе о быломъ процвѣтаніи этихъ провинцій. Никогда еще міръ не былъ если не счастливѣе, то богаче; трудно допустить, чтобы города, которые нашли достаточно средствъ для сооруженія всѣхъ этихъ великолѣпныхъ построекъ, могли быть такъ разорены и ограблены римскими проконсулами, какъ это обыкновенно утверждаютъ. Намъ трудно отнестись серьезно къ словамъ Ювенала, что во времена Адріана, когда именно строились эти дорогіе памятники, населеніе было истощено, а побѣжденные народы были до такой степени обобраны, что съ нихъ больше нечего было взять [2]). Гораздо больше правды и безпристрастія въ картинѣ, которую рисуетъ риторъ Аристидъ около половины II-го вѣка:

1) Тацитъ, Hist., IV, 74.
2) Ювеналъ, VIII, 108.

„Вся земля, — говоритъ онъ, — облачилась въ праздничное одѣяніе; она сбросила свое старое боевое убранство и грезитъ только о роскоши, украшеніяхъ и всякаго рода удовольствіяхъ. Старинныя распри между городами прекратились: теперь они соперничаютъ другъ съ другомъ только въ великолѣпіи и пышности, каждый стремится быть красивѣе своего сосѣда. Всѣ они полны гимназіями, фонтанами, пропилеями, храмами, мастерскими и школами; кажется, словно міръ выздоровѣлъ послѣ продолжительной болѣзни. Благодѣянія римскаго управленія такъ равномѣрно распредѣлены, что нельзя даже сказать, на чью долю выпадаетъ больше. Всѣ города осыпаны ими, всѣ сіяютъ красотой и блескомъ и вся земля разукрашена, точно громадный садъ“ [1]).

Конечно, это говоритъ риторъ, и можно было бы подумать, что, вѣрный своимъ привычкамъ, онъ преувеличиваетъ и декламируетъ, если бы мы не имѣли офиціальнаго документа, который вполнѣ подтверждаетъ его слова: это переписка Плинія съ Траяномъ въ то время, когда Плиній былъ правителемъ Виѳиніи. Здѣсь мы видимъ, что всѣ города Виѳиніи наперерывъ стараются украситься. Жители Прузы хотѣли построить бани, „великолѣпіе которыхъ соотвѣтствовало бы красотѣ города и блеску эпохи“; жители Синопа провели воду болѣе чѣмъ за 20 километровъ разстоянія отъ города. Въ Никомидіи водопроводъ стоилъ около семи милліоновъ франковъ, и раньше, чѣмъ онъ былъ оконченъ, затѣяли строить другой и даже хотѣли начинать третій. Въ Никеѣ строили въ одно и то же время театръ, на который затратили уже два милліона, и громадное зданіе гимназіи, которое наверху должно было быть украшена такимъ высокимъ портикомъ, что стѣны въ семь метровъ толщины казались недостаточно прочными, чтобы выдержать его. Въ этихъ тратахъ было, конечно, много излишествъ, вкусъ же къ роскоши со временемъ могъ подорвать средства городовъ; но во всякомъ случаѣ онъ доказываетъ, какъ богата была въ данный моментъ имперія. Всѣ источники

---

[1]) Фридлендеръ, у котораго заимствована эта цитата, въ своихъ „Картинахъ древнихъ нравовъ отъ Августа до Антониновъ“ (гот. русск. пер.) даетъ весьма любопытныя доказательства такого процвѣтанія провинцій во времена имперіи.

согласны въ этомъ и письма Плинія подкрѣпляютъ свидѣтельства надписей. Эти письма показываютъ также, съ какимъ неутомимымъ рвеніемъ нѣкоторые императоры заботились о хорошемъ управленіи провинціями. Ничто не ускользаетъ отъ вниманія Траяна: онъ получаетъ свѣдѣнія обо всемъ. Его интересуютъ дѣла, касающіяся самыхъ мелкихъ городковъ; онъ хочетъ знать ихъ нужды и справляется о состояніи ихъ финансовъ; онъ приказываетъ докладывать о всѣхъ жалобахъ населенія и слѣдитъ даже за судебными процессами. Правители провинцій спрашиваютъ его о самыхъ ничтожныхъ, на нашъ взглядъ, дѣлахъ, и онъ даетъ имъ свои рѣшенія съ такой быстротой и благоразуміемъ, что вызываетъ у насъ удивленіе. Эта бдительная администрація императоровъ всюду обезпечила общественную безопасность. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія, за исключеніемъ развѣ отдаленныхъ границъ, во всей имперіи царствовалъ миръ. Благодаря этому продолжительному спокойствію, завершилось сліяніе различныхъ народностей, входившихъ въ составъ имперіи. Самыя замкнутыя національности начали уступать римскому вліянію. Цѣлые народы добровольно отказывались отъ своего нарѣчія и перенимали языкъ побѣдителей; кельтское и пуническое нарѣчія сохранились только въ глухихъ деревушкахъ, между тѣмъ какъ въ городахъ всюду водворился латинскій языкъ и вскорѣ сдѣлался языкомъ всей Западной Европы. Никогда еще не была такъ близка къ осуществленію мечта философовъ о всемірной имперіи, обнимающей все человѣчество. Это было, во всякомъ случаѣ, величественное зрѣлище, способное поразить просвѣщеннаго наблюдателя. Плутархъ называлъ Римъ „святымъ и добродѣтельнымъ божествомъ“ и благодарилъ его за объединеніе всѣхъ народовъ. „Римъ, говоритъ онъ, подобенъ неподвижному якорю, на которомъ держатся судьбы человѣчества среди колеблющаго ихъ вихря“ [1]). Такимъ образомъ даже легкомысленная и насмѣшливая Греція, упоенная собственными достоинствами и презиравшая остальные народы, даже она гордилась своимъ новымъ отечествомъ, которое хотя и было навязано ей путемъ завоеванія,

---

[1]) Плутархъ, De fort. Roman, 316.

но съ которымъ примирили ее несомнѣнныя выгоды. Повсюду наслаждались драгоцѣннымъ преимуществомъ мира и безопасности, — столь мало извѣстнымъ въ прежнія времена, — и населеніе было признательно той власти, которая обезпечила ему пользованіе этими благами.

III. Муниципіи.

Общій характеръ римской администраціи, — Внутреннее управленіе муниципіями. — Свобода выборовъ. — Обязанности должностныхъ лицъ. — Процвѣтаніе муниципій при цезаряхъ. — Чѣмъ привлекали въ тѣ времена муниципальныя должности? — Муниципіи ничего не потеряли отъ паденія республики и охотно мирились съ имперіей.

Не слѣдуетъ ограничиваться все же общими мѣстами: войдемъ въ нѣкоторыя подробности, чтобы яснѣе представить себѣ, какъ управляли императоры государствомъ и какія чувства питало къ нимъ населеніе. Ничто не введетъ насъ лучше въ эту область, какъ бѣглый очеркъ управленія и жизни римской муниципіи въ первомъ вѣкѣ.

Обычныя представленія на этотъ счетъ далеко нельзя назвать вполнѣ правильными. Когда говорятъ о римской администраціи временъ имперіи, у всѣхъ тотчасъ встаетъ передъ глазами картина тягостнаго деспотизма и подавляющей централизаціи. Но такое представленіе равнозначно смѣшенію разныхъ мѣстностей и разныхъ эпохъ: деспотизмъ существовалъ только въ Римѣ, а централизація наступила гораздо позднѣе. Когда Римъ покорилъ весь тогдашній міръ, онъ вовсе не такъ жестоко обращался съ побѣжденными, какъ обычно предполагаютъ. Безпощадный во время борьбы, онъ становился опять снисходительнымъ послѣ побѣды, если только ему не угрожало это никакой опасностью. Римляне были слишкомъ тонкими политиками, чтобы прибѣгать къ безполезнымъ жестокостямъ. Обыкновенно они требовали отъ покоренныхъ народовъ лишь такихъ жертвъ, которыя были необходимы для упроченія завоеванія. Они не касались ни туземныхъ обычаевъ, ни религіи; они щадили ихъ національную гордость, — это послѣднее утѣшеніе побѣжденныхъ; относились съ уваженіемъ къ ихъ истори-

ческимъ воспоминаніямъ. „Чтите минувшую славу,—пишетъ Плиній одному правителю провинціи,—и ту старину, которая дѣлаетъ людей почтенными, а города священными. Всегда учитывайте древность, великіе подвиги, даже историческія легенды. Никогда не оскорбляйте ничьего достоинства, чувства свободы и даже тщеславія“ [1]). Римское владычество не было, слѣдовательно, такимъ мелочнымъ, какимъ часто бываетъ господство чужеземцевъ. Римляне очень хорошо понимали, что нельзя управлять цѣлымъ міромъ насильственно; поэтому, они заставляли признавать свой авторитетъ добровольно, какъ можно меньше давая его чувствовать; никогда римляне ничего не разрушали ради страсти къ разрушенію и никогда не уничтожали того, что могло быть сохранено безъ всякой опасности. Всюду подавляя національную самостоятельность, Римъ вездѣ, гдѣ было возможно, поддерживалъ мѣстное самоуправленіе; а за него-то больше всего и держались покоренные народы. Мы думаемъ, поэтому, что многіе изъ нихъ, у которыхъ національныя связи не были особенно прочны, почти не замѣтили покоренія. Даже въ странахъ, поставленныхъ въ худшее положеніе, города продолжали управляться сами собой, съ тѣмъ единственнымъ ограниченіемъ, что ихъ рѣшеніе и смѣты расходовъ на общественныя постройки и празднества должны были утверждаться римскимъ намѣстникомъ: это почти такія же права, какими пользуются современныя французскія общины; многіе же города были освобождены даже и отъ такого надзора. Ихъ называли вольными городами, и они дѣйствительно были таковыми. При самомъ завоеваніи давленіе Рима сказалось въ нихъ только передачей власти въ руки аристократіи; по собственному опыту онъ недовѣрчиво относился къ неустойчивому народному правленію [2]); но, совершивъ этотъ переворотъ, онъ предоставлялъ городамъ управляться, какъ имъ заблагоразсудится.

Итакъ, Риму совершенно нельзя приписать ребяческой страсти все регламентировать и все разрушать ради того

---

[1]) Плиній, Epist., VIII, 24.

[2]) Еще Цицеронъ полагалъ, что городамъ въ провинціи лучше всего управляться аристократіей, ut civitates optimatium consiliis administrentur. Ad. Quint., I, 1, 25.

только, чтобы все перестраивать сызнова и отвергать все, что не было заведено имъ самимъ. Его нисколько не раздражало существованіе въ Аѳинахъ архонтовъ, въ Неаполѣ демарховъ, въ Карѳагенѣ суффетовъ; Сициліи онъ предоставилъ руководиться законами Гіерона, Египтомъ онъ управлялъ по уставамъ Птоломеевъ. Онъ вовсе не хотѣлъ навязать міру однообразнаго устройства и не пытался насильственно объединить различныя народности. Правда, это объединеніе современемъ произошло, но нетрудно доказать, что оно совершилось безъ всякаго принужденія, что къ этому объединенію побѣжденные народы стремились гораздо больше, чѣмъ побѣдители, что оно было не столько дѣломъ правительства, сколько дѣломъ самого народа. Различные народы очень скоро почувствовали такое влеченіе къ римскому гражданству, что нѣкоторые изъ нихъ обратились за противодѣйствіемъ этому влеченію къ помощи самихъ римлянъ. Германцы, инсубры, гельветы и другія варварскія племена Галліи въ договорахъ съ римлянами ставили условіемъ, чтобы никому изъ нихъ не давали правъ римскаго гражданства, даже если они сами будутъ объ этомъ просить [1]): настолько они сознавали, что не въ силахъ устоять противъ этого соблазна! Однако, эти предосторожности оказались напрасными: мы видимъ, какъ всюду покоренныя племена съ удивительною легкостью бросаютъ свои національные обычаи и отрекаются отъ своихъ законовъ. Такимъ образомъ, въ имперіи устанавливается мало-по-малу нѣкоторое единообразіе; какъ мы видѣли, оно было результатомъ не правительственнаго давленія, а добровольнаго стремленія народовъ. Римъ одно время пытался, напротивъ, даже противодѣйствовать этимъ стремленіямъ. Національная гордость его оскорблялась тѣми уродливыми подражаніями, съ помощью которыхъ побѣжденные думали сравняться съ побѣдителемъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто того, чтобы навязывать всѣмъ употребленіе латинскаго языка, римляне на первыхъ порахъ смотрѣли на него, какъ на привилегію, которой они награждали только нѣкоторые народы, запрещая пользованіе имъ недостойнымъ по ихъ мнѣ-

---

[1]) Цицеронъ, Pro Balbo, 14.

нію [1]). Позднѣе, когда силою вещей эти различія потеряли всякій смыслъ, когда всюду подражали римскимъ порядкамъ и весь Западъ говорилъ на латинскомъ языкѣ, — переписка Плинія съ Траяномъ показываетъ, какъ добрые государи не только не стремились расширять свою власть на счетъ мѣстныхъ вольностей, но всячески оберегали своеобразные законы и привилегіи каждаго города. Итакъ, не по винѣ однихъ римлянъ установилось тогда въ имперіи извѣстное единообразіе; оно зачастую подготовлялось помимо нихъ и часто даже вопреки ихъ волѣ. Первые императоры старались ввести единство только тамъ, гдѣ оно было дѣйствительно необходимо для существованія столь великой націи. Они сосредоточивали въ своихъ рукахъ управленіе государственными дѣлами и командованіе войсками; они оставляли за собой право чеканить монету съ изображеніемъ цезаря, требовали, чтобы мѣры и вѣсъ провѣрялись римскими эдилами по образцамъ, хранившимся въ Капитоліи; они запрещали враждующимъ между собой сосѣднимъ городамъ разрѣшать ссоры насиліемъ, какъ это было прежде; они сами разбирали эти распри и постановляли окончательный приговоръ. Что же касается внутренняго управленія, то они вмѣшивались сюда лишь въ томъ случаѣ, когда это было необходимо въ интересахъ общественнаго спокойствія. Нельзя сказать, конечно, чтобы всѣ города пользовались одинаковыми правами. Надзоръ за городами со стороны центральнаго правительства или его уполномоченнаго, пропретора или проконсула, былъ тѣмъ строже, чѣмъ дальше они отстояли отъ столицы или отъ Италіи и чѣмъ меньше правъ получили они въ моментъ завоеванія или послѣ присоединенія; но почти всѣ муниципіи, колоніи, вольные, союзные и покоренные города управлялись по своимъ собственнымъ законамъ, сами избирали своихъ магистратовъ, сами завѣдывали городскими дѣлами. Можно сказать, повидимому, что міръ рѣдко пользовался такой муниципальной независимостью, какъ во времена деспотизма цезарей, столь тяжело отзывавшагося на жителяхъ Рима.

---

[1]) Титъ Ливій, XL, 42: Cumanis eo anno potentibus permissum ut publice latine loquerentur et praeconibus latine vendendi jus esset.

Посмотримъ теперь, какъ управлялись города, пользовавшіеся правами гражданства, т. е. колоніи и муниципіи. Городскія дѣла обсуждались и рѣшались сенатомъ, состоявшимъ изъ опредѣленнаго числа членовъ, которые назывались декуріонами. Въ составъ сената входили самыя вліятельныя лица города; онъ имѣлъ почти тѣ же полномочія, какъ и римскій сенатъ, отъ котораго онъ перенялъ имя, стараясь перенять также и его величіе. Исполнительная власть находилась въ рукахъ небольшого числа ежегодно смѣнявшихся магистратовъ. Въ колоніи Помпеѣ, которая намъ извѣстна лучше другихъ, важнѣйшими чиновниками были такъ называемые duumviri jure dicundo. Само названіе указываетъ на обязанности этихъ лицъ: ихъ было двое, какъ и римскихъ консуловъ; подобно послѣднимъ они предсѣдательствовали въ сенатѣ и чинили судъ. За дуумвирами слѣдовали два эдила, на которыхъ было возложено наблюденіе за рынками, поддержаніе общественныхъ памятниковъ, полицейскій надзоръ за улицами и площадями. Еще ниже эдиловъ во многихъ городахъ было по два квестора, которые завѣдывали городскими доходами и наблюдали за расходами. Таковъ былъ обычный составъ городскихъ магистратовъ, мѣнявшихся ежегодно. Были еще и другіе, которые избирались время отъ времени для нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаевъ. Такъ каждыя пять лѣтъ въ имперіи производилась всеобщая перепись населенія. Это былъ торжественный актъ, сопровождавшійся религіозными обрядами и роскошными празднествами. Въ Римѣ перепись производилась самимъ императоромъ, который считалъ себя преемникомъ республиканскихъ цензоровъ. Въ провинціяхъ не создавали въ этомъ случаѣ особой должности, такъ какъ муниципальная администрація вообще не любила увеличивать число своихъ чиновниковъ; эту важную операцію поручали здѣсь очереднымъ дуумвирамъ, которые, выполняя тогда новую обязанность, получили и новое имя. Для обозначенія того чрезвычайнаго полномочія, которымъ они облекались разъ въ пятилѣтіе, къ ихъ обычному титулу прибавляли слово quinquennalis. Попасть въ число магистратовъ пятилѣтія было не малой честью. Обязанности ихъ заключались не только въ переписи гражданъ; подобно

римскимъ цензорамъ, они должны были составлять списокъ сенаторовъ. Они вносили въ него видныхъ лицъ города, которыхъ находили наиболѣе достойными этой чести, сообразуясь съ требуемыми закономъ условіями. Эти требованія намъ уже извѣстны: чтобы попасть въ декуріоны, нужно было достигнуть извѣстнаго возраста, именно тридцати лѣтъ при Юліи Цезарѣ, двадцатипяти со временъ Августа. Позднѣе стали требовать извѣстнаго имущественнаго ценза, высота котораго колебалась смотря по значенію города; въ Кумахъ, напр., надо было имѣть только 100,000 сестерцій (20,000 франковъ) [1]). Изъ кандидатовъ безусловно исключались банкроты, лица, осужденныя за преступленія, считавшіяся позорными, или занимавшіяся предосудительными профессіями, напр., были комедіантами или обучали гладіаторовъ. Что касается торговцевъ живымъ товаромъ, уличныхъ разносчиковъ и прислуги при похоронныхъ процессіяхъ, то ихъ можно было предлагать только подъ условіемъ отказа отъ ихъ занятій. Составивъ списокъ, квинквенналы вырѣзывали его на мѣдной доскѣ и вывѣшивали на форумѣ на видномъ мѣстѣ, чтобы всякій могъ съ нимъ ознакомиться. Эта таблица называлась куріальной таблицей album curiae. Случай сохранилъ намъ одинъ такой списокъ города Канузіума; изъ этого списка видно, кто входилъ въ составъ сената этого городка. Въ началѣ таблицы, впереди именъ декуріоновъ, стоятъ нѣсколько именитыхъ особъ, которыя носятъ титулъ покровителей или защитниковъ города (patroni civitatis). Такія лица въ каждой муниципіи были двоякаго рода. Одни были прежніе магистраты, съ честью прошедшіе муниципальную служебную карьеру; они нѣсколько разъ побывали въ дуумвирахъ или квинквенналахъ и заслужили въ этомъ званіи признательность своихъ согражданъ. Такъ какъ дальнѣйшаго движенія по службѣ городъ уже не могъ имъ предоставить, то онъ давалъ самое большее, что могъ: почетное званіе патроновъ, которое дѣлало ихъ безусловно первыми лицами въ городѣ. Другой разрядъ „патроновъ“ стоялъ вдалекѣ отъ городского управленія: онъ состоялъ изъ вліятельныхъ особъ, близкихъ къ императору

[1]) Плиній, Epist., I, 19.

и могущихъ, при случаѣ, оказать важную услугу. Они должны были защищать интересы города передъ центральной властью, когда имъ угрожала какая-нибудь опасность. Въ воздаяніе за эти ожидаемыя или оказанныя услуги городъ осыпалъ ихъ почестями. Постановленіе объ избраніи такихъ патроновъ всегда составлялось въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, а для врученія его отправлялась особая торжественная депутація; самое же постановленіе гравировалось у дверей патрона [1]). Послѣ патроновъ таблица Канузіума перечисляетъ дѣйствительныхъ декуріоновъ, размѣщенныхъ по степени ихъ значенія; оканчивается она именами нѣсколькихъ молодыхъ людей (praetextati) сыновей вліятельныхъ фамилій, которымъ дозволялось присутствовать на засѣданіяхъ сената, чтобы пріобрѣсти навыкъ въ дѣлахъ къ тому времени, когда они по возрасту могутъ принять въ нихъ участіе. Это были кандидаты на декуріонскія вакансіи. Въ Канузіумѣ двадцать пять человѣкъ были удостоены этой чести.

Особенно замѣчателенъ въ муниципальномъ устройствѣ былъ способъ избранія дуумвировъ, эдиловъ и квесторовъ. Многіе думаютъ, что со временъ Тиберія, народныя собранія были уничтожены въ провинціяхъ такъ же какъ въ Римѣ, и что избраніе муниципальныхъ магистратовъ было предоставлено декуріонамъ, подобно тому какъ въ Римѣ избраніе должностныхъ лицъ принадлежало сенату и императору. Надо признать, что такое предположеніе весьма правдоподобно и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ объ имперіи. Но тѣмъ не менѣе оно оказалось ложнымъ и должно быть отвергнуто послѣ находки знаменитыхъ таблицъ въ Салпенсѣ и Малагѣ [2]). Эти таблицы

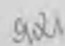
[1]) Въ Римѣ нашли на мѣдныхъ пластинкахъ постановленіе маленькаго города Ferentum объ избраніи Помпонія Басса въ патроны (Orelli, 784). Этотъ экземпляръ былъ, вѣроятно. помѣщенъ на домѣ Басса. Впрочемъ, эти patroni не всегда были знатными особами. Большіе города выбирали сенаторовъ или консуляровъ; меньшіе довольствовались военными трибунами или еще того ниже. Извѣстны примѣры, что эту честь оказывали женщинамъ и дѣтямъ.

[2]) См. Corp. insc. lat., II, 1963, и новыя таблицы, открытыя въ Озунѣ и опубликованныя въ Ephemeris epigraphica, II, 3. Гиро далъ переводъ и комментарій этихъ новыхъ таблицъ въ Journal des Savants, 1874.

заключаютъ въ себѣ законы, дарованные обѣимъ названнымъ муниципіямъ императоромъ Домиціаномъ; трудно допустить, чтобы эти законы были составлены спеціально для нихъ; нужно предположить скорѣе, что тѣ же порядки дѣйствовали и во многихъ другихъ муниципіяхъ. Упомянутыя таблицы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, какъ избирались городскіе магистраты. Одинъ изъ дуумвировъ предсѣдательствовалъ на выборахъ. Кандидаты должны были записываться заранѣе, и если ихъ оказывалось меньше, чѣмъ вакансій, то дуумвиръ пополнялъ списокъ по своему усмотрѣнію самыми именитыми гражданами. Голоса подавались по куріямъ закрытой баллотировкой. Всѣ жители принимали участіе въ голосованіи, даже чужестранцы, лишь бы они были римскими гражданами. Въ назначенный день каждая курія сходилась въ мѣстѣ своихъ собраній и приступала къ выборамъ. Для обезпеченія ихъ правильности принимались самыя мелочныя предосторожности. „Около урны каждой куріи,—говоритъ законъ,—должны находиться для наблюденія за выборами и счета голосовъ три гражданина данной муниципіи, но только изъ другой трибы. Каждый изъ нихъ долженъ предварительно присягнуть, что будетъ дѣйствовать по совѣсти и вести точный счетъ всѣмъ голосамъ. Кандидатамъ также необходимо разрѣшить присылать отъ себя людей для наблюденія за различными урнами; и всѣ эти лица какъ назначенныя властью, такъ и присланныя кандидатами, могутъ голосовать въ той куріи, гдѣ они находятся, и голосъ ихъ долженъ имѣть такое же значеніе, какъ если бы онъ былъ поданъ въ куріи, къ которой они дѣйствительно принадлежатъ“. Эти предосторожности показываютъ, что населеніе было отлично знакомо съ практикой всеобщаго голосованія. Далѣе законъ опредѣляетъ, со всѣми подробностями, какъ подсчитывать голоса въ каждой трибѣ и кого слѣдуетъ считать избраннымъ, если нѣсколько кандидатовъ получили одинаковое количество голосовъ. Законъ обязываетъ, наконецъ, избраннаго кандидата представить достаточныя гарантіи отвѣтственности за городскія суммы, которыми будетъ распоряжаться, и присягнуть передъ собравшимся народомъ „именемъ Юпитера, божественнаго Августа, божественнаго Клавдія,

божественнаго Веспасіана, божественнаго Тита, геніемъ императора Домиціана и пенатами, что онъ будетъ исполнять все, что ему предписываютъ законы города и никогда не нарушитъ ихъ предписанія“. По произнесеніи этой присяги, его торжественно провозглашаютъ магистратомъ муниципія.

Такъ въ правленіе Домиціана жители муниципій сами выбирали свои власти. Та самая сцена народныхъ собраній и комицій, которая въ Римѣ стала уже далекимъ воспоминаніемъ, за нѣсколько верстъ отъ римскихъ стѣнъ была живою дѣйствительностью. Лестно было состоять магистратомъ хотя бы и безвѣстнаго городка, такъ какъ выборъ являлся свободнымъ волеизъявленіемъ мѣстнаго населенія. Поэты напрасно выражались съ такимъ презрѣніемъ о нищихъ преторахъ въ Фунди или оборванныхъ эдилахъ въ Улубрахъ [1]): въ концѣ концовъ, гораздо почетнѣе было быть выбраннымъ своими согражданами, чѣмъ заслужить милость такого императора, какъ, напримѣръ, Тиберій или Неронъ. Вотъ почему такъ добивались магистратуръ въ муниципіяхъ. Честолюбіе разгоралось и завязывалась ожесточенная борьба. Римляне въ насмѣшку называли эти избирательныя сцены бурями въ стаканѣ воды (fluctus in simpulo) [2]). И дѣйствительно это были бури. Иногда въ дѣло замѣшивался подкупъ, и партіи до такой степени раздражались, что за невозможностью соглашенія имъ приходилось обращаться къ императору съ просьбой назначить магистрата, котораго они не могли избрать сами.

Въ Помпеѣ сохранились очень любопытные слѣды этой избирательной горячки. За отсутствіемъ газетъ, гдѣ можно было бы выдвигать своихъ кандидатовъ и нападать на враждебныхъ, рекомендаціи и порицанія запросто писались на стѣнахъ. Этотъ обычай былъ до такой степени распространенъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ домовладѣльцы старались оградить бѣлизну своихъ домовъ отъ пачкотни избирательными афишами. „Прошу,—заявляли они,—ничего здѣсь не писать“. „Горе тому кандидату, имя котораго будетъ написано на этой стѣнѣ! Пусть онъ провалится на выбо-

[1]) Горацій, Sat., I, 5, 34. Ювеналъ, X, 102.

[2]) Цицеронъ, De leg., III, 16.

рахъ!“ [1]) Домовладѣльцы Помпеи были какъ будто покладистѣе, [2]) потому что здѣсь очень много нашлось такихъ стѣнныхъ афишъ, и съ каждымъ днемъ открываются все новыя. Форма ихъ довольно однообразна: обыкновенно какая-нибудь корпорація или отдѣльное лицо рекомендуютъ своего избранника вниманію избирателей. Иногда просьба высказывается въ скромныхъ выраженіяхъ: „Прошу васъ избрать эдиломъ А. Веттія Фирма; этого хочетъ Феликсъ“. „Торговцы фруктами желаютъ имѣть дуумвиромъ Голконія Приска“. Иногда, напротивъ, мы встрѣчаемъ рѣшительный тонъ людей, считающихъ себя вліятельными и увѣренныхъ, что ихъ примѣръ увлечетъ многихъ: „Фирмъ голосуетъ за Марка Голконія“. „Рыбаки выбираютъ Попидія Руфа“. Не забываютъ тутъ упомянуть и о достоинствахъ рекомендуемаго кандидата. Они всегда утверждаютъ, что это человѣкъ выдающійся, честный, достойный той должности, которой добивается, что онъ рожденъ для блага страны и такъ далѣе. „Мы считаемъ,—говоритъ Сенека,—всѣхъ кандидатовъ честными людьми“. Таковъ былъ обычай, и эти пристрастныя характеристики никого не могли обмануть. Въ Помпеѣ чуть не у каждаго есть свой избранникъ, котораго онъ и указываетъ. Есть свой кандидатъ у пирожниковъ, у поваровъ, у садовниковъ, у торговцевъ соленьями, у земледѣльцевъ, у погонщиковъ муловъ, шерстобитовъ и, что еще удивительнѣе, у игроковъ въ мячъ и гладіаторовъ. Есть также особый кандидатъ у школьныхъ учителей, профессія которыхъ не всегда ограждаетъ ихъ отъ промаховъ и орѳографическихъ ошибокъ [3]). Наконецъ, есть свой кандидатъ и у женщинъ, которыя присоединяются къ мужьямъ или къ сыновьямъ, а иногда рѣшаются и лично отъ себя назвать имя своего кандидата, зачастую весьма рѣшительнымъ тономъ: „Hilario cum sua rogat“, „Sema cum pueris cupit“,

[1]) Orelli, 6976.

[2]) Однако, были и въ Помпеѣ люди, которыхъ выводила изъ себя страсть писать на стѣнахъ; одинъ изъ нихъ выразилъ свое недовольство такимъ двустишіемъ:

Admiror, o paries, te non cecidisse ruinis
Qui tot scriptorum taedia sustineas.

Corp. insc. lat., IV, 1904.

[3]) Corp. insc. lat., IV, 698. Valentinus cum discentes suas rogat.

„Fortunata cupit", „Amimula facit", и т. п. Очевидно, женщины въ Помпеѣ не имѣли права голоса, такъ же какъ и гладіаторы; тѣмъ не менѣе у нихъ были свои кандидаты и онѣ позволяли себѣ рекомендовать ихъ законнымъ избирателямъ [1]).

Если въ Помпеѣ и другихъ мѣстахъ такъ настойчиво добивались муниципальныхъ должностей, то отнюдь не изъ-за выгодъ. Ни одинъ магистратъ не получалъ жалованья наоборотъ, они сами платили, чтобы быть избранными. Разница въ этомъ отношеніи между тѣмъ временемъ и нашимъ очень ясно отражается въ значеніи, которое имѣло слово гонораръ тогда и теперь. Въ наше время гонораръ означаетъ жалованье, которое платится за общественную службу; тогда оно обозначало сумму денегъ, которую всякій избранный долженъ былъ заплатить за честь своего избранія, honoraria summa. Эта сумма, величина которой измѣнялась смотря по значительности города [2]), была еще самою незначительною частью расходовъ, связанныхъ съ полученіемъ магистратскаго мѣста. Къ получившему голоса согражданъ предъявлялись и другого рода требованія. Самые бѣдные люди, въ самыхъ мелкихъ муниципіяхъ, угощали своихъ избирателей подогрѣтымъ виномъ и пирогами. Съ утра до ночи бѣдный людъ могъ питаться на счетъ своего эдила и дуумвира. „Другъ,—читаемъ мы въ одной надписи,—требуй пироговъ и вина, тебѣ будутъ давать до шестого часа. Пеняй на себя, если запоздаешь" [3]). Конечно, съ декуріонами обращались лучше, чѣмъ съ простымъ народомъ. Ихъ приглашали на публичный обѣдъ и доставляли случай населенію поглядѣть на нихъ во время параднаго стола. Иногда

---

[1]) Генценъ полагаетъ, что эти избирательныя афиши писались не столько по прямому желанію гражданъ, сколько по желанію самихъ кандидатовъ, которые надѣялись подогрѣть этимъ путемъ усердіе избирателей. Судя по тому, какъ составлены эти афиши, считали возможнымъ признать, что всѣ онѣ принадлежатъ одной рукѣ. Несомнѣнно были избирательные каллиграфы, которые въ подходящій моментъ предлагали свои услуги всѣмъ кандидатамъ. См. Corp. insc. lat., IV, стр. 10.

[2]) Въ маленькомъ африканскомъ городкѣ, Каламѣ, гонорарная сумма за высшія должности была, повидимому, 3000 сестерцій (600 франковъ).

[3]) Orelli, 7083: mulsum, crustula, municeps, petenti in sextam tibi dividentur horam. De te tardior aut piger querere.

эту щедрость распространяли и на весь народъ; по окончаніи же обѣда раздавали всѣмъ присутствующимъ деньги: каждый получалъ сообразно тому положенію, которое онъ занималъ въ городѣ. Декуріонамъ давали по 20 сестерцій (4 франка), членамъ разныхъ религіозныхъ и коммерческихъ ассоціацій (augustales, mercuriales) по 10 сестерцій (2 фр.), а всѣмъ остальнымъ гражданамъ по 8 сестерцій (1 фр. 60 сант.) [1]). Но больше всего народъ дорожилъ разнаго рода играми, которыя приходилось оплачивать магистратамъ. Нужно было устраивать скачки, борьбу атлетовъ, бой гладіаторовъ или, наконецъ, всѣ эти зрѣлища вмѣстѣ. Во время выборовъ словно первымъ долгомъ богатаго человѣка считалось тогда разоряться на угощеніе и развлеченіе своихъ согражданъ.

Однако, подобная щедрость была еще недостаточна, если кандидатъ хотѣлъ затмить своихъ соперниковъ и вполнѣ ублаготворить избирателей. Помимо праздниковъ и пиршествъ, народъ требовалъ также болѣе серьезныхъ и прочныхъ благодѣяній: обыкновенно магистратъ предпринималъ на свой счетъ общественныя работы. Иногда онъ строилъ или исправлялъ дороги на протяженіи нѣсколькихъ миль; если при этомъ дороги замащивались новымъ камнемъ, а не мусоромъ отъ старыхъ развалившихся построекъ, то онъ спеціально упоминалъ о данномъ фактѣ [2]). Иногда магистратъ проводилъ воду въ свою муниципію, устраивалъ водоемы на улицахъ и площадяхъ и даже, за нѣкоторую плату, проводилъ трубы въ частные дома [3]). Чаще всего онъ принимался за постройку или реставрацію какого-нибудь памятника; самые лучшіе памятники, открытые въ Помпеѣ, напр. храмы Фортуны и Изиды, портики и театръ, были созданіемъ частныхъ лицъ. Одна надпись въ Остіи сообщаетъ, что такой-то магистратъ, кромѣ публичныхъ угощеній, денежныхъ раздачъ и всевозможныхъ зрѣлищъ, на свой счетъ замостилъ длинную улицу, выстроилъ или поправилъ пять храмовъ, воздвигнулъ на рынкѣ зданіе для городскихъ вѣсовъ, а на форумѣ — мраморную трибуну [4]).

[1]) Orelli, 3858.

[2]) Orelli, 3316: silicibus e montibus excisis non e dirutis monumentis.

[3]) Orelli, 5326.

[4]) Orelli, 3882.

Вѣроятно и въ остальныхъ муниципіяхъ имперіи дѣлалось то же, что въ Остіи и Помпеѣ; всюду считалось долгомъ чести для богатыхъ гражданъ украшать городъ, избравшій ихъ въ магистраты. Большая часть памятниковъ, красовавшихся тогда въ провинціяхъ и до сихъ поръ еще удивляющихъ своими развалинами, были воздвигнуты именно такимъ образомъ и ничего не стоили какъ государству, такъ и муниципіямъ. Императоры всѣми силами поощряли эту щедрость. Римляне всегда любили пышность: вкусъ ко всякому внѣшнему блеску составлялъ ихъ характерную черту; императорское правительство дорожило этой наклонностью еще больше, нежели республика, благодаря обычному пристрастію монархическихъ правительствъ къ пышности и блеску. Законами строго преслѣдовалась покупка старыхъ зданій на сломъ и употребленіе въ дѣло этого матеріала. Горячо преслѣдуя такую позорную и кровавую торговлю (foedum, cruentum genus negatiationis), по тогдашнему выраженію, эти законы стремятся не только къ охранѣ памятниковъ старины: ихъ основная задача—удалить съ глазъ развалины, которыя могли бы недоброхотовъ навести на мысль, будто имперія не пользуется полнымъ благоденствіемъ. Эти ревниво оберегаемые закономъ памятники лучше всего могли свидѣтельствовать о всеобщемъ благоденствіи [1]); вотъ почему законы охраняли ихъ съ такимъ усердіемъ. Всякій разъ, когда имперія оправлялась послѣ гражданскихъ смутъ, нарушавшихъ общественную безопасность, первымъ дѣломъ новаго государя было исправленіе зданій, пострадавшихъ въ смутное время, и сооруженіе новыхъ. Такъ поступали Августъ, Веспасіанъ и Нерва; послѣдній даже произнесъ рѣчь, очень понравившуюся Плинію, гдѣ онъ старался побудить всѣхъ къ щедрости и самъ первый подалъ примѣръ [2]). Богатые люди подражали государю; они усердно пользовались этимъ разорительнымъ, но вѣрнымъ средствомъ, чтобы завоевать расположеніе согражданъ и милость императора. Такъ, мало-по-малу вся имперія покрылась роскошными памятниками. Внушаемое ими удивленіе еще болѣе возрастаетъ, если вспомнить, что общественной казнѣ они, конечно, ничего не

[1]) Orelli, 315: monumenta quibus felicitas orbis terrarum splendet.
[2]) Плиній, Epist., X, 24.

стоили, а воздвигнуты частными лицами. За большими городами тянулись жалкія мѣстечки: сосѣднія съ Вероной или Нимомъ деревушки старались воспроизводить у себя ихъ памятники, точно такъ же, какъ и Верона и Нимъ копировали памятники Рима. Вездѣ строили театры, храмы, водопроводы. Одна надпись сообщаетъ намъ про маленькій городишко, затерявшійся среди Аппенинъ, имя котораго не попадается ни у одного древняго или современнаго географа, что онъ поправилъ одновременно цементную кладку своихъ стѣнъ, храмъ и портикъ [1]. Тайна поражающаго насъ великолѣпія заключается именно въ томъ, что всякій принималъ здѣсь участіе: вся тяжесть расходовъ на полезныя работы и дорогія постройки не ложилась исключительно на государство и общину, такъ какъ большую часть этихъ расходовъ брали на себя частныя лица. Послѣднія тратили свои громадныя состоянія, чтобы оставить прочную память о своемъ общественномъ служеніи; каждый старался превзойти другихъ, и это соревнованіе шло на общую пользу.

Всѣ эти громадныя траты муниципальныхъ магистратовъ не всегда обезоруживали, однако, недовольныхъ избирателей. Среди гражданъ, которыхъ такъ усердно кормили и развлекали, для которыхъ строили великолѣпныя зданія, всегда находились ворчуны. Щедроты какого-нибудь эдила или дуумвира они подвергали невыгодному сравненію съ расходами ихъ предшественниковъ. Сколько бы ни тратились на нихъ, они всегда находили, что вино и пироги могли бы быть вкуснѣе, гладіаторовъ больше, а зданія великолѣпнѣе. Этихъ людей нельзя было удовлетворить даже собственнымъ разореніемъ и они нисколько не стѣснялись высказывать свое недовольство. Въ Лубрахъ найдена надпись, которая заключаетъ въ себѣ имя одного магистрата, а рядомъ съ нимъ другой рукой высѣчены слова: „это мошенникъ“ [2]. Въ сатирѣ Петронія есть очень забавное изображеніе одного изъ такихъ критиковъ маленькаго городка. Портретъ снятъ съ натуры и до сего времени не утратилъ своей жизненности. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые во всѣхъ своихъ несчастіяхъ обвиняютъ власть.

[1]) Orelli, 3270.
[2]) Orelli, 4942.

Если дорогъ хлѣбъ, если трудно живется, если черезчуръ сухо или, наоборотъ, черезчуръ сыро — во всемъ виноваты эдилъ или дуумвиръ: они въ стачкѣ съ торговцами, они покровительствуютъ скупщикамъ, они пренебрегаютъ молитвами и процессіями; словомъ, это воры или безбожники. „Ужъ попадись только мнѣ, — выражается гость Тримальхіона на своемъ простонародномъ языкѣ, — наши заправилы, которые сговорились съ булочниками морить насъ голодомъ. Видно, у нихъ рука руку моетъ. У бѣднаго люда животики подвело, а у тѣхъ толстосумовъ что ни день, то масленица. Эхъ, ужъ не тѣ здѣсь власти, которыя были при моемъ пріѣздѣ изъ Азіи. Вотъ молодцы-то были, да и жилось тогда славно. Попадись въ хлѣбѣ малехонькая соринка, они заплывшему купцу такую пропишутъ, что ему и небо съ овчинку покажется. Помню, напримѣръ, Сафинія: тотъ, знаете, что жилъ у Старыхъ воротъ; онъ махонькимъ еще былъ тогда. Сущій перецъ, а не человѣкъ. Въ его рукахъ дѣло такъ и горитъ. А все напрямикъ ломитъ. Весь нараспашку, душа человѣкъ; онъ тебя и въ потемкахъ ни на грошъ не обсчитаетъ. Посмотрѣли бы вы, какъ онъ расправлялся съ своими товарищами въ куріи, какъ онъ имъ рѣзалъ правду въ глаза безъ всякихъ обиняковъ. И на базарѣ-то его слышно: глотка—что твоя труба... Поклонишься ему, а онъ тебѣ еще ниже; всякаго назоветъ, бывало, по имени-отчеству, точно свой братъ говоритъ съ тобой. Вотъ и былъ тогда хлѣбъ дешевле пареной рѣпы. За грошъ такой дадутъ, что вдвоемъ не осилишь. А нынче за тотъ же грошъ отвѣсятъ тебѣ не больше коровьяго глаза. О, хо-хо! Что ни день, то хуже! Городъ словно ракъ пятится назадъ; а все оттого, что нашъ заправила и гроша мѣднаго не стоитъ: ему бы только кошель набить потуже, а мы — хоть околѣвай. Сидитъ себѣ дома, да загребаетъ въ сутки больше, чѣмъ иному родители въ духовной откажутъ. Да вѣдь я знаю, откуда у тебя тысяча червонцевъ завелась! Вотъ будь у насъ силенки побольше, онъ носъ-то не задиралъ-бы. Ужъ и народъ нонѣ пошелъ: дома храбры, словно львы, а на людяхъ трусливы, какъ лисицы. Да вотъ хоть и меня взять: ужъ послѣднюю одежонку проѣлъ; а про-

стоитъ еще такая цѣна на хлѣбъ, такъ и пару своихъ избенокъ продать придется“ [1]).

Къ счастью, недовольные не составляли большинства. Обыкновенно городъ дорожилъ щедротами своихъ магистратовъ, и надписи говорятъ намъ, что онъ высказывалъ имъ свою признательность въ очень сильныхъ выраженіяхъ. За вкусные обѣды и зрѣлища горожане платили почетомъ и лестью. Пока щедрый магистратъ былъ живъ, его осыпали похвалами; по смерти ему устраивали общественныя похороны, при которыхъ сжигали часто до 10 фунтовъ благовоній, а семьѣ его отводили на краю дороги нѣсколько футовъ городской земли для надгробнаго памятника. Иногда городъ шелъ дальше въ своей благодарности. Послѣ какой-нибудь выдающейся щедрости со стороны дуумвира или квинквеннала, декуріоны собирались въ храмѣ и постановляли въ честь благотворителя воздвигнуть конную статую; въ то же время народъ собирался на форумѣ и рѣшалъ поставить пѣшую статую [2]). Это двойное голосованіе сопровождалось гиперболическими похвалами: постановленія же составлялись въ торжественномъ и высокопарномъ стилѣ, какимъ въ куріи маленькаго городка умѣли говорить нисколько не хуже, чѣмъ въ римскомъ сенатѣ. И въ этомъ случаѣ опять страдалъ кошелекъ того-же несчастнаго магистрата. Обычай требовалъ, чтобы онъ оставался щедрымъ до конца: польщенный честью, которую ему оказывали, онъ обязанъ былъ избавить своихъ согражданъ отъ издержекъ; honore contentus, impensam remisit, такъ гласила формула. Это значитъ, что онъ самъ расплачивался за обѣ статуи и такимъ образомъ прославлялъ себя за свой собственный счетъ; далѣе, въ день открытія статуй, онъ не могъ не дать общественнаго обѣда и великолѣпнаго праздника декуріонамъ и народу. Такимъ образомъ, не истративши ни копѣйки, населеніе могло выразить свою глубокую благодарность и тѣмъ самымъ пріобрѣтало право на новую щедрость своего магистрата.

Но почему же въ такомъ случаѣ,—можемъ мы спросить,—такъ упорно добивались этихъ разорительныхъ почестей.

---

[1]) Петроній, Сатириконъ, 42.

[2]) Orelli, 3856.

Дѣйствительно, мы съ трудомъ поймемъ это, если упустимъ изъ вида ту привязанность, которую чувствовали къ своимъ маленькимъ городкамъ ихъ уроженцы, никуда изъ нихъ не выѣзжавшіе. Въ тѣ времена, когда сношенія между людьми были затруднены и кругозоръ уже, чувства не разбрасывались такъ, какъ теперь, и естественно, что на долю родной мѣстности ихъ оставалось больше. Если стоики называли себя гражданами всего міра, то они приходили къ этому путемъ чисто философской абстракціи; мы же всѣ стали космополитами безъ всякихъ усилій, благодаря легкости путешествій и быстротѣ сообщеній, связывающихъ всѣ народы между собою. Жизнь наша чрезвычайно широко раскинулась. Мы оставляемъ часть ея въ тѣхъ странахъ, по которымъ путешествуемъ; естественно, что такимъ образомъ отнимается нѣчто у той страны, гдѣ мы родились. Когда много читаешь и видишь, невольно сравниваешь, а ничто такъ не портитъ наслажденія, которое испытываешь, и мѣста, въ которомъ живешь, какъ мысль о воображаемыхъ удовольствіяхъ и память о видѣнныхъ странахъ. Въ древности, когда люди охотнѣе сидѣли на мѣстѣ, всѣ воспоминанія и привязанности сосредоточивались на одномъ городѣ. Его любили тѣмъ горячѣе, что больше нечего было любить. Даже тѣ, которыхъ честолюбіе заставляло покидать его и искать счастья въ Римѣ, не забывали его. Цицеронъ, уже сенаторъ и бывшій консулъ, съ нѣжной заботливостью занимался дѣлами маленькаго городка, откуда была родомъ его семья. Къ концу своей жизни онъ говорилъ своему другу Аттику, указывая на Арпинумъ: „Вотъ настоящая родина моя и моего брата. Здѣсь родились мы въ старинной семьѣ; здѣсь наши домашніе боги и кости нашихъ предковъ. Видишь этотъ домъ: его построилъ мой отецъ и въ немъ онъ жилъ, занимаясь литературой. На этомъ самомъ мѣстѣ прежде стоялъ другой, поменьше и попроще, въ родѣ дома Курія у сабинянъ; мой прадѣдъ жилъ въ немъ, когда я родился. Вотъ почему всякій разъ, когда я побываю снова въ этихъ мѣстахъ, въ глубинѣ моей души просыпаются какія-то тайныя чувства, которыя дѣлаютъ мнѣ эти мѣста милѣе всѣхъ прочихъ [1])“. Еще сильнѣе привязывался чело-

[1]) De leg., II, 1.

вѣкъ къ своему родному городу, — какъ бы онъ ни былъ малъ и ничтоженъ, — если онъ никогда не покидалъ его и если все честолюбіе не шло дальше скромныхъ муниципальныхъ должностей. Ему лестно было пользоваться почетомъ и популярностью въ своемъ городкѣ, пріобрѣсти здѣсь громкое имя было великимъ счастьемъ. Жители Рима охотно посмѣивались надъ магистратами маленькихъ городковъ и ихъ важной осанкой; но и сами они не меньше гордились, когда въ качествѣ консуловъ они шли по улицамъ въ претекстѣ и латиклавѣ. Даже простой sevir коллегіи августаловъ, т. е. нѣчто вродѣ предсѣдателя благотворительнаго общества, считалъ себя важной особой, когда онъ выступалъ въ бѣлой одеждѣ, а передъ нимъ шелъ его ликторъ [1]). Желаніе быть въ первыхъ рядахъ, стоять выше другихъ, которое такъ ярко сказывалось въ большихъ городахъ, едва ли было еще не сильнѣе въ маленькихъ. Такъ какъ здѣсь всѣ лучше знаютъ другъ друга, то отличія даютъ болѣе осязательные поводы къ удовольствію. Съ наслажденіемъ властью связывается еще пріятная увѣренность, что возбуждаешь кругомъ чувство зависти. Правда, это удовлетвореніе обходилось недешево; извѣстно, однако, что тщеславіе не скупится на траты.

Впрочемъ, не одно тщеславіе влекло къ городскимъ должностямъ, — онѣ доставляли и болѣе серьезныя выгоды. Для честолюбцевъ, мечтавшихъ о блестящей карьерѣ, эти должности были первою ступенью къ дальнѣйшимъ почестямъ. Сдѣлаться первымъ въ своемъ городѣ было равносильно нѣкоторому значенію и въ государствѣ. Ничто не мѣшало сыновьямъ дуумвировъ маленькаго городка, гдѣ бы они ни родились, питать самыя широкія надежды. Кого честолюбіе и таланты побуждали идти дальше отцовъ, тотъ могъ испытать свое счастье и нерѣдко достигалъ поставленной цѣли. Онъ быстро двигался по службѣ въ легіонахъ, въ особенности, если принадлежалъ къ старинному и уважаемому роду. Если онъ былъ расторопенъ и смышленъ, то могъ дослужиться до званія военнаго трибуна. Отсюда же прямая дорога къ гражданской или финансовой службѣ;

---

[1]) Петроній, Сатириконъ, 65.

онъ становился прокураторомъ Цезаря или поступалъ въ провинціальную администрацію. Такимъ путемъ Ноній Бальбъ, заполнившій Геркуланумъ своими надписями, а улицы статуями, управлялъ позднѣе Критомъ и Киренаикой. Счастливцы достигали иногда и консульства; таковъ, напримѣръ, Агрикола, который былъ родомъ изъ колоніи Frejus; были даже и императоры изъ провинціаловъ, напримѣръ, испанецъ Траянъ и африканецъ Северъ.

Итакъ, положеніе муниципій въ первомъ вѣкѣ было цвѣтущимъ; въ общемъ они ничего не потеряли съ водвореніемъ имперіи. Правами, которыя императоры отняли у римскаго народа, населеніе провинціи совсѣмъ не пользовалось и раньше. Римскимъ гражданамъ, жившимъ въ Помпеѣ, легко было примириться съ упраздненіемъ народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, такъ какъ, по дальности разстоянія, они все равно не принимали въ нихъ участія. Древній міръ совершенно не имѣлъ понятія о народномъ представительствѣ, при которомъ верховною властью, черезъ своихъ выборныхъ, пользовалось населеніе и столицы и болѣе чѣмъ скромнаго поселка [1]). Такихъ сложныхъ формъ тогда еще не знали. Поэтому, жители города Рима, которые одни могли принимать участіе въ верховномъ управленіи, утверждать законы, выбирать должностныхъ лицъ, одни и потерпѣли отъ тираніи цезарей. Республика не сумѣла заинтересовать провинціаловъ въ центральномъ управленіи; естественно, что они довольно равнодушно отнеслись къ ея паденію. Такъ какъ имперія сохранила за ними муниципальное самоуправленіе и избраніе мѣстныхъ магистратовъ, то они едва замѣтили перемѣну въ государственномъ строѣ; точнѣе, эта перемѣна была для нихъ замѣтна лишь по тѣмъ выгодамъ, которыми она для нихъ сопровождалась. При новомъ правительствѣ они стали меньше страдать отъ политическихъ смутъ, питали бо́льшую увѣрен-

---

[1]) Августъ какъ будто думалъ установить всюду нѣчто вродѣ представительнаго строя. Светоній сообщаетъ, что онъ дозволилъ декуріанамъ италійскихъ городовъ присылать въ Римъ свои голоса запечатанными. Открывать ихъ должны были въ день народныхъ собраній и учитывать при выборахъ (Suet., Aug. 46), но воспользовались-ли декуріены своимъ правомъ — неизвѣстно.

ность въ завтрашнемъ днѣ, а безопасность дала имъ богатство. Вотъ почему во всѣхъ этихъ статуяхъ и храмахъ, которые повсюду воздвигались въ честь живыхъ или усопшихъ императоровъ, было меньше лести, чѣмъ это принято думать. Въ императорахъ чтили сильную власть, которая заставила умолкнуть вражду партій и дала возможность каждому въ своемъ углу мирно пользоваться своей свободой и своимъ достаткомъ. Въ провинціяхъ всѣмъ императорамъ оказывали одинаковыя почести, потому что ими оказывались всѣмъ одинаковыя услуги. Въ сущности и дурные государи также точно охраняли общественный миръ, какъ и хорошіе. Захолустный городокъ въ Галліи или Испаніи нисколько не страдалъ отъ ихъ безумствъ: до него едва-ли доходилъ и слухъ о нихъ [1]); онъ зналъ только ту попечительную власть, подъ защитой которой онъ мирно пользовался своими муниципальными вольностями и отнюдь не желалъ ея сверженія.

IV. Римъ.

Какъ Римляне отнеслись къ водворенію имперіи?—Начало правленія Августа.—Возникновеніе оппозиціи.

Итакъ, мы видѣли, что ни въ войскахъ, ни въ провинціяхъ, ни въ муниципіяхъ не было систематической оппозиціи противъ имперіи. Съ перваго взгляда кажется, что ея не было и въ столицѣ. Если держаться на нѣкоторомъ разстояніи и только издали прислушиваться къ раздающимся въ Римѣ голосамъ, то до насъ долетитъ лишь общій гулъ похвалъ. Всѣмъ императорамъ, и любимымъ и ненавистнымъ, воздаются неизмѣнно однѣ и тѣ же почести. Сенатъ изощряется въ усиліяхъ придумать въ честь ихъ какую-нибудь новую лесть; коллегіи жрецовъ поминаютъ императора, каковъ бы онъ ни былъ, во всѣхъ своихъ молитвахъ; когда онъ въ отъѣздѣ, всюду воздвигаются алтари фортунѣ

---

[1]) Когда Филонъ отправился къ Калигулѣ посломъ отъ Іудеи, тамъ еще не слышали о жестокости Тиберія и правленіе его считали такимъ же счастливымъ, какъ и правленіе Августа (Филонъ, Legat., 9). „Добрые государи, — говоритъ Тацитъ, — оказываютъ благодѣяніе всему міру, дурные же дѣлаютъ это, главнымъ образомъ, около себя“ (Hist., IV, 74).

возвращенія; стоитъ ему заболѣть, какъ со всѣхъ сторонъ возносятся моленія Сильвану или Эскулапу. Въ циркѣ, въ театрѣ народъ привѣтствуетъ его бурными восклицаніями; самые именитые граждане взбираются на скаты Палатина, чтобы привѣтствовать его при пробужденіи. Всюду ему воздвигаютъ статуи, тріумфальныя арки, его именемъ обозначаютъ мѣсяцы, на монетахъ выбиваютъ изображенія всеобщаго благоденствія. Знаменитые поэты осыпаютъ его самыми преувеличенными похвалами. Виргилій, еще при жизни причисляя Августа къ созвѣздіямъ, заявляетъ, что Скорпіонъ посторонился, чтобы дать мѣсто новому свѣтилу. Луканъ совѣтовалъ Нерону, когда онъ станетъ божествомъ, помѣститься какъ разъ посрединѣ неба: вѣдь если онъ слишкомъ надавитъ на одну сторону небеснаго свода, ось міра согнется подъ тяжестью такого великаго государя и міровое равновѣсіе нарушится. Марціалъ вполнѣ серьезно задаетъ себѣ вопросъ, пользовался ли Римъ когда-нибудь большей свободой и славой, какъ при Домиціанѣ. Словомъ, если судить только по этому оффиціальному энтузіазму, весь міръ наслаждается счастьемъ и, кажется, что среди всеобщаго довольства не можетъ быть мѣста никакой жалобѣ.

Одно время этотъ энтузіазмъ былъ вполнѣ искреннимъ. Едва ли можно отрицать, что въ первые блестящіе годы, послѣдовавшіе за побѣдой при Акціумѣ, имперіей былъ доволенъ не только римскій народъ, содѣйствовавшій ея водворенію, но даже и аристократія, сперва боровшаяся съ ней. Всѣ эти знатные господа, очертя голову взявшіеся за оружіе, въ сущности гораздо болѣе дорожили, по словамъ Катона, своими садками, чѣмъ судьбой республики; вся эта молодежь, воображавшая, подобно французскимъ эмигрантамъ великой революціи, что въ лагерѣ Помпея она пробудетъ только одно лѣто, а къ осени вернется домой ѣсть тускуланскіе финики, дѣйствительно же заброшенная военной грозой на долгіе годы далеко отъ родины и отъ привычныхъ увеселеній, — вся эта молодежь была отъ души признательна человѣку, который позволилъ ей спокойно вернуться домой и возвратилъ ея дворцы на Целіи и Квириналѣ, ея виллы въ Пренестѣ и Тибурѣ, ея любимыя зрѣлища въ театрѣ и циркѣ, прогулки подъ портиками, вечер-

нія гулянья на Марсовомъ полѣ и блестящія весеннія празднества въ Байяхъ. Всѣхъ охватилъ порывъ благодарности и восхищенія передъ молодымъ государемъ, который водворилъ миръ послѣ многихъ лѣтъ смуты. „Это божество",— твердили всѣ вслѣдъ за Виргиліемъ, — „каждый мѣсяцъ нужно приносить ему новую жертву". Благодаря этому благодѣтельному божеству, освободившему гражданъ отъ ихъ обязанностей, оставалось думать только объ удовольствіяхъ и покоѣ. Какъ часто бываетъ послѣ переворотовъ, угрожавшихъ существованію общества, люди неудержимо отдавались удовольствіямъ и жадно упивались тѣми житейскими благами, которыхъ такъ долго они были лишены. Можно утверждать такимъ образомъ, что общество, любимымъ поэтомъ котораго былъ Овидій и для котораго онъ написалъ „Искусство любви", всецѣло наслаждалось настоящей минутой, не жалѣя о прошломъ и отъ всей души благодаря человѣка, вернувшаго ему эти удовольствія.

Однако, всеобщее довольство продолжалось недолго. Удовольствіе, въ концѣ концовъ, пріѣдается, миръ наскучиваетъ и ничто такъ не утомляетъ, какъ долгій покой. По мѣрѣ того, какъ все больше забывались бури междуусобныхъ войнъ, уменьшалась и благодарность къ державному избавителю. Новое поколѣніе, родившееся послѣ битвы при Филиппахъ и не видавшее проскрипцій, находило меньше прелести въ общественномъ спокойствіи, которымъ привыкло пользоваться. Эти остроумные люди, успокоившись отъ страховъ, снова вернулись къ своимъ естественнымъ наклонностямъ— къ злоязычію и фрондерству, къ тому недостатку, отъ котораго они никогда не избавились. Имперія застала общество въ моментъ самаго широкаго умственнаго развитія, когда литература и искусство находились въ полномъ расцвѣтѣ; эти условія не особенно благопріятствовали водворенію абсолютной власти. Чтобы безропотно примириться съ нею, чтобы одобрять всѣ ея распоряженія, чтобы подчиняться ея произволу, нужно совершенно отказаться отъ собственнаго сужденія, а эта добродѣтель плохо дается просвѣщенному уму. Ничто такъ не благопріятствуетъ деспотизму, какъ невѣжество; напротивъ, литературныя занятія развиваютъ независимость мысли; а чѣмъ болѣе развитъ умъ, тѣмъ онъ

становится подвижнѣе, требовательнѣе и не легко поддается чужому руководству. Къ тому же Августъ старѣлъ; онъ пережилъ не мало семейныхъ непріятностей, потерялъ своихъ дѣтей и не всегда его оружіе сопровождала побѣда: престижъ первыхъ лѣтъ царствованія мало-по-малу исчезъ. Восторги пріѣлись, теперь принялись критиковать и жаловаться. Что эти осужденія производили извѣстное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, доказываютъ попытки правительства заглушить ихъ. Августъ, который до сихъ поръ не обращалъ никакого вниманія на толки, теперь уже не былъ расположенъ терпѣть ихъ: очевидно, онъ замѣтилъ, какъ они вліяютъ на публику. Въ тотъ день, когда онъ счелъ нужнымъ принять строгія мѣры противъ недовольныхъ, родилась и оппозиція; онъ пытался, по крайней мѣрѣ, задержать ея дальнѣйшій ростъ; онъ издалъ суровый законъ противъ клеветническихъ памфлетовъ, онъ отправлялъ въ ссылку писателей и жегъ ихъ книги [1]. Эти строгости, хотя и оказавшіяся безсильными, необходимо отмѣтить. Онѣ точно обозначаютъ моментъ, когда въ изящномъ римскомъ обществѣ поднялась оппозиція цезарямъ, не прекращавшаяся до тѣхъ поръ, пока не прекратилось и ихъ господство.

---

[1]) Діонъ, LV, 10. Сенека, Controv., V, ~~пред.~~ praef.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оппозиція свѣтскихъ людей.

I.

Цезаризмъ. — Современники въ принципѣ не считаютъ его деспотическимъ режимомъ. — Какимъ образомъ онъ зачастую становился таковымъ. — Цезаризмъ скорѣе плохо ограниченъ, чѣмъ неограниченъ. — Опасности отъ отсутствія опредѣленныхъ границъ власти. — Оппозиція причастна къ недостаткамъ правительства. — Она не выражалось открыто и не вылилась ни въ какую политическую организацію.

Зная, что недовольные были только въ Римѣ, постараемся узнать, чего они хотѣли, что порицали, какимъ путемъ и въ какой формѣ выражали свои жалобы и пожеланія. Поэтому вспомнимъ, сначала, какова была природа императорской власти: характеръ власти цезарей уяснитъ намъ и характеръ оппозиціи.

Точно опредѣлить понятіе, называемое цезаризмомъ, не такъ легко, какъ можно думать. Слово это весьма распространено, оно ежеминутно раздается при политическихъ столкновеніяхъ въ Европѣ, но правильнаго понятія о немъ, повидимому, не существуетъ. „Цезаризмъ" обыкновенно представляютъ себѣ разновидностью демократическаго деспотизма, т. е. такое абсолютное правительство, гдѣ именемъ народа правитъ одинъ человѣкъ, считающій себя его представителемъ и избранникомъ. Это опредѣленіе справедливо лишь отчасти. Внѣ всякаго сомнѣнія, Юлій Цезарь былъ любимцемъ и защитникомъ римской демократіи. Онъ охотно выставлялъ себя продолжателемъ дѣла Гракховъ, онъ любилъ говорить, когда ему понадобился предлогъ для нашествія на Италію: „Я прихожу освободить римскій народъ отъ партіи, которая его угнетаетъ [1]). Если бы

[1]) Ю. Цезарь, De bello civ., I, 22.

онъ успѣлъ возвести прочное зданіе, то по всей вѣроятности, онъ искалъ бы для него опоры во всеобщемъ голосованіи и въ народной симпатіи; но его племянникъ, который сдѣлался истиннымъ основателемъ имперіи, избралъ другую систему. Онъ вскорѣ присталъ къ аристократіи и хотѣлъ продолжать ея политику [1]). Онъ расточалъ ей милости и знаки вниманія. Завоевать симпатіи держащагося въ сторонѣ сановника, ему казалось важной побѣдой: такъ онъ умолялъ однажды Пизона, чтобы тотъ удостоилъ принять предлагаемое ему консульство [2]). Онъ подчеркивалъ, что управляетъ только черезъ сенатъ и для него [3]); онъ хотѣлъ быть только первымъ изъ сенаторовъ (princeps); уже одинъ этотъ титулъ, которымъ его величали, указываетъ, какой характеръ старался Августъ придать своей власти. Его преемникъ, Тиберій, былъ аристократъ по рожденію и по духу, послѣдній изъ Аппіевъ Клавдіевъ, въ которомъ ожила вся гордость этого необузданнаго рода [4]). Простой народъ отталкивалъ его; онъ даже не бралъ на себя труда забавлять его, какъ дѣлалъ Августъ, и очень небрежно относился къ публичнымъ играмъ. Ему внушали глубокое отвращеніе всѣ эти толпы людей, простертыя ницъ вдоль дорогъ Италіи въ ожиданіи его проѣзда, и онъ эдиктомъ приказалъ жителямъ муниципій оставаться дома, когда онъ путешествуетъ [5]). Именно при немъ народъ былъ лишенъ всякаго участія въ управленіи; несмотря на всегдашнюю податливость народа, у него отнимаютъ право назначенія магистратовъ, чтобы вручить его сенаторамъ. Новые императоры уже не требуютъ отъ народа при своемъ восшествіи на престолъ санкціи своей власти, хотя никто бы не подумалъ отказать имъ, — отнынѣ лишь сенату принадлежитъ

---

[1]) Это желаніе сказывается въ заботахъ Августа о возвращеніи силы всѣмъ древнимъ учрежденіямъ, въ покровительствѣ офиціальному культу, въ запрещеніи распространять званіе римскаго гражданина (Dion, LVI, 33) и пр.

[2]) Тацитъ, Ann., II, 34.

[3]) Это особенно замѣтно въ Анкирскомъ памятникѣ, гдѣ такъ часто повторяется названіе сената и гдѣ цезарь какъ будто исполняетъ только его приказанія.

[4]) Тацитъ, Ann., I, 4: vetere atque insita Claudiae familiae superbia.

[5]) Тацитъ, Ann., IV, 67.

обязанность придавать законную форму провозглашенію тѣхъ, кто достигалъ престола кознями или насиліемъ. Слѣдовательно, было бы не точно сказать, что императоры управляли именемъ народа, и называть цезаризмъ демократической тираніей, какъ это обыкновенно дѣлаютъ.

Цезаризмъ былъ скорѣй монархическимъ правленіемъ, скрывавшимся подъ республиканскими формами. Это смѣшеніе двухъ различныхъ принциповъ было выдумано Августомъ, и онъ такъ гордился своимъ дѣломъ, что постарался указать, съ какого именно момента ведетъ начало этотъ режимъ. „Въ шестое и седьмое мое консульство, — говоритъ онъ, — подавивъ междоусобную войну при помощи неограниченной власти, ввѣренной мнѣ съ общаго согласія, я передалъ государство изъ своихъ рукъ во власть сената и римскаго народа“ [1]). Однако, эти слова отнюдь не слѣдуетъ понимать буквально. Здѣсь рѣчь идетъ уже не о томъ старомъ правленіи, разрушенномъ Цезаремъ и Октавіаномъ, которое будто бы въ 726 году отъ основанія Рима снова возродилось; сохранена была только его видимость, но Августъ хотѣлъ, чтобы эта видимость, по крайней мѣрѣ, пользовалась уваженіемъ. Онъ не требовалъ для себя никакой чрезвычайной власти; [2]) онъ упорно отказывался отъ диктатуры или отъ пожизненнаго консульства и бранилъ народъ, который однажды въ театрѣ назвалъ его господиномъ [3]). Но и не нося этого имени, онъ все же былъ таковымъ; титулы, отъ которыхъ онъ отказывался, нисколько не увеличили бы его силы. Хотя, повидимому, ничего не измѣнилось, въ дѣйствительности ничто не осталось попрежнему. Сохранивъ прежнихъ магистратовъ, государь оставилъ имъ лишь тѣнь власти, а всю фактическую ея силу взялъ себѣ [4]). Еще существовали народныя трибуны, но трибунскую власть госу-

[1]) Mon. Ancyr., 34: In consulatu sexto et septimo postquam bella civilia extinxeram, per consensum universorum potitus rerum omnium, rempublicam ex mea potestate in senatus populique romani arbitrium transtuli.

[2]) Момзенъ, Mon. Ancyr., стр. 100 и сл.

[3]) Светоній, Aug., 53.

[4]) Тацитъ, Ann., III, 60: sed Tiberius vim principatus sibi firmans imaginem antiquitatis senatui praebebat: и въ другомъ мѣстѣ (II, 55) cuncta legum et magistratuum munia in se trahens.

дарь заставилъ передать ему. Сенатъ назначалъ правителей въ подчиненныя ему провинціи, но государь наблюдалъ за чиновниками сената, какъ за своими собственными. Онъ набиралъ войска и командовалъ ими, онъ рѣшалъ вопросы войны и мира, онъ былъ свободенъ отъ обязанности повиноваться законамъ, которые стѣсняли его исключительную власть, наконецъ, онъ имѣлъ „право во всѣхъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ, человѣческихъ и божественныхъ дѣлать все, что считалъ полезнымъ въ интересахъ государства“ [1]). Вотъ какимъ образомъ Августъ „передалъ государство изъ своихъ рукъ во власть сената и римскаго народа“. Только льстецы или глупцы могли обманываться внѣшностью и утверждать, что онъ возродилъ прежній образъ правленія [2]). Другіе хорошо знали, какъ назвать этотъ новый режимъ, и вмѣстѣ съ Тацитомъ говорили, что имперія, несмотря на свои республиканскія формы, въ сущности есть не что иное, какъ монархія, haud alia re remana quam si unus imperitet [3]).

Однако, это не была по существу и абсолютная монархія. Она могла стать таковою и дѣйствительно часто становилась ею, но въ принципѣ она не должна была быть абсолютной. Таково мнѣніе Тацита и всѣхъ лучшихъ умовъ того времени. „Не слѣдуетъ смѣшивать принципата съ деспотизмомъ“ говоритъ Плиній [4]). Теперь намъ очень трудно ихъ раздѣлить, и римская имперія кажется намъ однимъ изъ наиболѣе законченныхъ типовъ деспотическаго правленія. Мы почти не понимаемъ, какъ тѣ, которые видѣли имперію вблизи и страдали отъ нея, могли судить о ней иначе, чѣмъ мы. Намъ кажется весьма страннымъ, что Тацитъ заставляетъ говорить Гальбу послѣ Тиберія и Нерона, будто „римляне не могутъ выносить ни полной свободы ни пол-

[1]) Таково содержаніе Lex regia: utique quaecumque ex usu reipublicae majestate divinarum humanarum publicarum privatarumque rerum esse censebit ei agere facere ius potestasque sit.

[2]) Такъ Веллей Патеркулъ говоритъ: prisca illa et antiqua reipublicae forma revocata, II, 80.

[3]) Ann., IV, 33.

[4]) Paneg., 45. См. также Тацитъ, Ann., I, 9: non regno neque dictatura sed principum nomine costitutam rempublicam.

наго рабства“ [1]). Мы не менѣе удивлены, когда Діонъ Кассій говоритъ, что посѣщеніе Калигулой маленькихъ восточныхъ деспотовъ произвело въ Римѣ непріятное впечатлѣніе, „такъ какъ боялись, чтобы онъ не научился отъ нихъ быть тираномъ“ [2]). Нужно ли ему было учиться быть тираномъ, не достаточно ли было для этого слѣдовать примѣру Тиберія? Но римляне подъ тираніей, а иногда и подъ деспотіей, понимали такое правленіе, гдѣ нѣтъ другихъ законовъ, кромѣ капризовъ господина; гдѣ всѣ преступленія становятся не только возможными, но и дозволенными, разъ этого хочетъ владыка; гдѣ обычное явленіе, что государи „разрушаютъ города, убиваютъ своихъ братьевъ, женъ и родителей“ [3]). Конечно, Римъ былъ знакомъ съ этими преступленіями, императоры не разъ позволяли ихъ себѣ, имперія же ихъ терпѣла; но если ихъ терпѣли, то одновременно и осуждали; они оскорбляли общественное мнѣніе, которое, въ душѣ, ихъ ненавидѣло и ожидало возможности гласно заклеймить ихъ. Самоотверженное рабство нѣкоторыхъ народовъ Востока, отданныхъ въ добычу причудамъ деспотовъ, которые могли все себѣ позволить, не встрѣчая противодѣйствія и не возбуждая ропота, — вотъ что Тацитъ называлъ „полнымъ рабствомъ“; ему казалось, что Римъ никогда не падалъ такъ низко. Такимъ образомъ, на ряду съ тираніей цезарей, которая порой была такъ невыносима, римляне видѣли другую, еще болѣе тяжелую и грубую, гдѣ не было уже ни закона, ни общественнаго мнѣнія, гдѣ насилія, которымъ римляне подвергались при дурныхъ государяхъ и которыя они считали явленіемъ преходящимъ, было обычнымъ и нормальнымъ порядкомъ вещей. Это именно дѣлало римлянъ нѣсколько болѣе снисходительными къ тому режиму, подъ которымъ они имѣли несчастіе жить; этимъ же надо объяснить, что они скорѣе готовы считать режимъ цезарей свободнымъ образомъ правленія [4]) или, въ крайнемъ случаѣ,

---

1) Hist., I, 16.

2) LIX, 24.

3) Тацитъ, Hist. V, 8: urbium eversiones, fratrum, conjugum, parentum neces, alia solita regibus ausi.

4) Сенека, послѣ Тиберія, еще называетъ Римъ libera civitas (De Ben., II, 12).

ограниченной монархіей, тогда какъ мы, не колеблясь, относимъ его къ разряду деспотическихъ.

Имперія могла бы, конечно, стать и ограниченной монархіей. Въ противовѣсъ цезарю оставалось еще достаточно живыхъ силъ, чтобы поставить его въ извѣстныя границы. Магистраты, которые не всѣ были назначаемы имъ и которые помогали ему въ управленіи имперіей, сенатъ, авторитетъ котораго былъ древнѣе его собственнаго, общественное мнѣніе проницательное и насмѣшливое, традиціи, обычаи, воспоминанія о славномъ прошломъ, требующія къ себѣ уваженія по своей давности, — все это могло сложиться въ опредѣленныя ограниченія, могло служить уздой широкой власти цезаря и умѣрять ея излишества. Къ несчастью, эти границы не имѣли ничего опредѣленнаго. Насколько административныя реформы Августа были ясны и точны, настолько его политическія новшества были расплывчаты. И въ одинъ прекрасный день имперія проскользнула въ республику, какъ мѣтко выразился Сенека [1]), а утвердившись въ ней, имперія не была достаточно предусмотрительна, чтобы точно опредѣлить, что она намѣревалась взять себѣ, и что ей угодно было оставить старымъ владѣльцамъ. Прежніе магистраты, которые были оставлены, не знали уже, до какихъ предѣловъ простиралась ихъ компетенція [2]). Если власть императора не была совсѣмъ не ограничена, то, по меньшей мѣрѣ, она была плохо ограничена: отсюда и все зло. Въ Анкирскомъ памятникѣ Августъ утверждаетъ, что у него реальной власти не больше, чѣмъ у прочихъ должностныхъ лицъ, свое же превосходство надъ ними онъ приписываетъ лишь авторитету и нравственному вліянію (dignitas) [3]). Съ внѣшней стороны это можетъ показаться мелочью, въ дѣйствительности это было все. Плохо разграни-

[1]) De clem., I, 4: se induit reipublicae Caesar.

[2]) Такъ, когда императоръ взялъ себѣ трибунскую власть, не было издано никакого закона для точнаго обозначенія того объема власти, какой остался еще дѣйствительнымъ трибунамъ. Вотъ почему они и не смѣли ничего предпринимать. Плиній Младшій очень хвалитъ себя за то, что „будучи трибуномъ, онъ приписывалъ себѣ нѣкоторое значеніе“. Другіе полагали, что они ничего не значатъ, и были правы. Плиній, Epist., I, 23.

[3]) Mon. Ancyr., 34.

ченная и неопредѣленная власть, ставшая еще болѣе мощной благодаря своей неясности, парализовала все остальное. Сенатъ, всегда чувствуя ее надъ собою, не осмѣливался ничего предпринимать или дѣйствовалъ только урывками, когда случайно болѣе или менѣе свободный голосъ встряхивалъ на мигъ общій сервилизмъ [1]). Сами государи не были свободны отъ безпокойства, которое они причиняли другимъ: вынужденные сохранять подобіе свободы, чтобы слѣдовать разъ принятой системѣ, они вѣчно боялись, какъ бы этой системѣ не повѣрили въ серьезъ [2]). Отсюда ясно, что они не могли имѣть той спокойной увѣренности, какую въ благоустроенномъ государствѣ даетъ монарху сознаніе своихъ правъ. Эти чередованія насилій и лицемѣрія, замѣчаемыя въ ихъ поведеніи, обнаруживаютъ не увѣренную въ себѣ власть, въ точности не знающую своихъ границъ. Неронъ былъ правъ, говоря, что его предшественники не сознавали ясно, что имъ позволено [3]). Такимъ образомъ подданные и властитель, боясь другъ друга, жили между собою въ состояніи взаимнаго недовѣрія и обоюднаго страха. Здѣсь источникъ несчастій, постигавшихъ Римъ въ теченіе вѣковъ. Верховная власть, не увѣренная въ самой себѣ и всего пугающаяся, по необходимости становилась жестокой, ибо ничто такъ не озвѣряетъ, какъ страхъ. Это было, — говоря словами Боссюэта, — одно изъ тѣхъ правительствъ, которыя по своему темпераменту производятъ дурныхъ государей, и естественно, что оно произвело ихъ больше, чѣмъ какое-либо другое.

Этому неспокойному и не увѣренному въ себѣ деспотизму соотвѣтствовала и оппозиція, расплывчатая, скрытая, болѣе суетливая, чѣмъ дѣятельная, лишенная содержанія и безпринципная. Она не велась правильно и открыто; она не исходила отъ какой-нибудь политической организаціи, отъ сената или отъ народа. Съ народомъ, правду сказать, и не считались со временъ Юлія Цезаря. Народъ при Авгу-

---

[1]) Тацитъ, Ann., XIV, 49: libertas Thraseae servitium aliorum rupit.

[2]) Именно такимъ путемъ видимость свободы всегда обращалась во вредъ самой свободѣ: quanto majore libertatis imagine tegebantur, tanto eruptura ad infensius servitium, Тацитъ, Ann., I, 81.

[3]) Светоній, Nero, 37.

стѣ хотя и оставался еще довольно безпокойнымъ, но его бунтарскія вспышки не добивались уже ни правъ, ни ихъ увеличенія; Діонъ, сообщаетъ, напротивъ, что въ одинъ прекрасный день народъ взбунтовался, чтобы принудить Августа принять диктатуру [1]). Такія легко усмиряемыя возмущенія были не безвыгодны для имперіи: они пугали миролюбивыхъ людей и болѣе тѣсно привязывали ихъ къ государю, который бралъ на себя трудъ умиротворенія уличной толпы. При Тиберіи назначеніе магистратовъ было предоставлено сенату. Народъ здѣсь такъ легко уступилъ, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда Калигула захотѣлъ вновь созвать комиціи, никто не явился для подачи голосовъ, и пришлось возвратиться къ тому, что сдѣлалъ Тиберій. Съ этихъ поръ народъ приходитъ въ раздраженіе лишь тогда, когда дорожалъ хлѣбъ или игры устраивались слишкомъ рѣдко. Онъ не заявляетъ болѣе притязаній на свободу, но, когда дѣло идетъ объ его развлеченіяхъ, онъ становится неподатливъ. Народъ желаетъ, чтобы его увеселяли и позволяетъ ссбѣ быть разборчивымъ въ доставляемыхъ ему развлеченіяхъ. Въ театрѣ онъ иногда бываетъ еще требователенъ и упрямъ; это единственное мѣсто, гдѣ онъ осмѣливается быть свободнымъ. Здѣсь народъ не всегда считаетъ себя обязаннымъ льстить цезарю и не церемонится свистать гладіатору или возницѣ, хотя бы и любимцамъ цезаря. Въ общемъ императоры обращаются съ народомъ очень снисходительно; они терпятъ его шалости и уступаютъ ему, когда это возможно. Однажды народъ разсердился на Тиберія: прекрасная статуя Лизиппа, украшеніе общественныхъ бань, была убрана оттуда и заперта во дворцѣ. И Тиберій, несмотря на свою враждебность къ черни, поспѣшилъ возвратить статую [2]). Народу даже предоставлялось порой открыто высказываться, и такъ какъ онъ не внушалъ ни подозрѣній ни опасеній, то его и не наказывали за свободу рѣчей. Калигула, любившій наряжаться богомъ и выставлять себя на поклоненіе набожныхъ людей рядомъ съ Юпитеромъ въ одной изъ нишъ Капитолія, замѣтивъ однажды смѣявшагося галла, спросилъ его, какое впечатлѣніе онъ производитъ на

[1]) Діонъ, LIV, 1.
[2]) Плиній, Hist., nat., XXXIV, 8 (19).

него. „Впечатлѣніе большого глупца", отвѣчалъ галлъ [1]). Его слова были пропущены мимо ушей: это былъ сапожникъ, а чтобы возбудить опасеніе, нужно было происходить изъ хорошаго рода [2]). Впрочемъ, хорошо было извѣстно, что несмотря на мимолетныя вспышки, народъ охотно мирился съ имперіей. Онъ помогалъ ея возникновенію, онъ извлекалъ изъ нея значительную выгоду, и императорамъ нечего было отыскивать здѣсь недовольныхъ.

Сенатъ больше всего пугалъ императоровъ. Онъ еще сохранялъ часть своего престижа, и глаза всей имперіи были обращены на него. Что еще болѣе придало ему вѣсу въ общественномъ мнѣніи, это тѣ знаки почтенія, которые усердно расточали ему сами императоры. Августъ и Тиберій осыпали его милостями: они старались казаться лишь слугами сената. Поэтому и большинство современниковъ издали наблюдавшихъ за положеніемъ вещей и судившихъ на основаніи одной внѣшности, считало сенатъ въ дѣйствительности всемогущимъ; онъ былъ для нихъ, — по словамъ Отона, — глава и честь имперіи [3]). Видя такое уваженіе къ сенату, императоры стали бояться его, а такъ какъ они могли давить его безнаказанно, то его и не щадили. Ихъ гнѣвъ падалъ всегда на сенатъ и ихъ тиранія находила себѣ жертвы только между сенаторами. Эти несчастные, всегда чувствуя себя обреченными, проводили свою жизнь въ постоянномъ страхѣ. Такъ одинъ сенаторъ даже умеръ отъ страха въ самомъ сенатѣ, улышавъ нѣсколько словъ отъ Тиберія. Отъ такихъ запуганныхъ людей нельзя было ожидать открытаго сопротивленія. И дѣйствительно, сенатъ ни разу не воспротивился волѣ императора. Его члены обычно соперничали между собою въ лести. „Ни одинъ самый обыкновенный, самый ничтожный вопросъ не обсуждался, — говоритъ Плиній Младшій [4]), — каждымъ сенаторомъ безъ хвалебнаго отступленія въ сторону цезаря. Шла ли рѣчь объ увеличеніи числа гла-

---

[1]) Діонъ, LIX, 26.

[2]) Тацитъ разсказываетъ о важномъ лицѣ, только потому избѣжавшемъ жестокости Нерона, что онъ былъ не изъ старинной знати (Ann., XIV, 47).

[3]) Тацитъ, Hist., I, 84.

[4]) Плиній, Paneg., 54.

діаторовъ или учрежденіи ремесленной школы, мы, — словно вопросъ стоялъ о расширеніи предѣловъ имперіи, — вотировали тріумфальныя арки изумительной величины и надписи, которымъ не хватило бы мѣста на фронтонахъ храмовъ".

Но какъ только императоръ умиралъ, сенатъ подымалъ голову: онъ опрокидывалъ его статуи, предавалъ проклятію его память, чтобъ отомстить за долгое рабство. Новый государь, считая лестнымъ для себя поруганіе предшественника, не препятствовалъ въ этомъ сенату. Тогда сенаторы иногда шли дальше: въ горячкѣ мщенія они принимались за любимцевъ умершаго цезаря; они присваивали себѣ право преслѣдовать и судить ихъ. Поощряемые честными гражданами, которые одобряли такое пробужденіе силы, сенаторы какъ будто хотѣли возстановить свой прежній авторитетъ [1]); но новый императоръ обыкновенно не имѣлъ охоты поощрять подобныя дѣйствія и сразу же давалъ понять это. Обыкновенно однимъ своимъ словомъ онъ охлаждалъ весь этотъ пылъ. Сенатъ, по своей привычкѣ, повиновался первому знаку свыше и, безропотно подчиняясь, вновь начиналъ трепетать и раболѣпствовать.

[1]) Послѣ смерти Тиберія они уничтожили его завѣщаніе, подобно тому какъ Парижскій парламентъ уничтожилъ завѣщаніе Людовика XIV (Діонъ, LIX, 1). Когда стало извѣстно, что Неронъ покончилъ съ собой, по городу ходили люди, надѣвъ на голову фригійскія шапочки (pileus), въ знакъ освобожденія Рима. Сенатъ, набравшись смѣлости, тѣмъ болѣе, что новый государь отсутствовалъ, поспѣшилъ вернуть себѣ одну изъ старинныхъ привилегій, отнятыхъ у него имперіей: онъ приказалъ отчеканить золотую и серебряную монету (ему оставлена была только мѣдная). До насъ дошло нѣсколько такихъ монетъ и съ перваго взгляда онѣ кажутся весьма смѣлыми. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ такую надпись: Libertas p. r. restituta и pileus между двумя кинжалами; онѣ вполнѣ походятъ на тѣ монеты, которыя выпустилъ Брутъ послѣ убійства Цезаря. Отсюда нѣкоторые изслѣдователи заключаютъ, что сенатъ пытался въ этотъ моментъ возстановить республику (см. Duc de Blacas въ Revue de numismatique, 1862, стр. 197—234). Но это слишкомъ смѣлый выводъ. Не надо забывать, что сенатъ призналъ Гальбу безъ всякихъ затрудненій. Республиканскому же девизу на имперскихъ монетахъ не слѣдуетъ придавать больше значенія, чѣмъ французскимъ пятифранковымъ монетамъ 1804 г., на которыхъ значится: République française — Napoléon empereur. Серьезнѣе, быть можетъ, думалъ тогда о возвращеніи римлянамъ республики знаменитый полководецъ Виргиній Руфъ; но и онъ не замедлилъ подчиниться Гальбѣ (Момзенъ, Der letzte Kampf der römischen Republik, въ Hermes, 1878, стр. 90 и сл.).

II.

Опозиція въ Римѣ. — Пиры. — Кружки. — О чемъ разговаривали въ римскомъ большомъ свѣтѣ. — Различные пріемы, къ какимъ прибѣгала оппозиція, смотря по времени.

И все же именно между этими робкими магистратами и испуганными вельможами было больше всего недовольныхъ. Въ сенатѣ они расточали императору лесть и соперничали между собою въ низости, но говорили иное, когда они думали, что ихъ не слышатъ. Надписи и медали намъ сохранили воспоминаніе о тѣхъ лживыхъ титулахъ, которыми они осыпали даже самыхъ дурныхъ государей; интересно бы узнать, что они говорили про нихъ, когда не боялись быть искренними. Къ несчастію, это не легко; недовольные, стараясь укрыться отъ полиціи государя, скрываются также и отъ нашего любопытства. Они такъ тщательно прятались, чтобы свободно высказать свои мысли, что мы теперь не только лишены возможности ихъ подслушать, но и не знаемъ даже гдѣ ихъ найти. Мы только что осмотрѣли всю имперію, ища недовольныхъ, и убѣдились, что ихъ можно было встрѣтить только въ Римѣ; теперь мы снова должны пуститься въ путь и обойти самый Римъ, чтобы открыть ихъ здѣсь.

Къ счастью, для руководства въ нашихъ поискахъ имѣется важное указаніе, данное намъ Тиберіемъ; этотъ подозрительный и зоркій государь, конечно, долженъ былъ знать, гдѣ скрываются его враги. Тацитъ передаетъ его слова: „Я знаю, что раздаются жалобы на пирахъ и въ кружкахъ (in conviviis et in circulis)“ [1]). Эти два слова иногда встрѣчаются въ такомъ же сочетаніи и у другихъ римскихъ писателей. Цицеронъ говоритъ намъ, что во время перваго тріумвирата, когда союзъ демократіи съ солдатомъ вручилъ власть нѣсколькимъ честолюбцамъ, площадь онѣмѣла и честные люди осмѣливались говорить только „въ кружкахъ и на пирахъ“ [2]). Онъ возмущенъ этимъ; столь робкая оппозиція не удовлетворяетъ его. Онъ знаетъ, какъ она без-

---

1) Тацитъ, Ann., III, 54.

2) Ad. Att., II, 18.

сильна: „она можетъ укусить, но не растерзать“ [1]). Онъ сожалѣетъ о томъ времени, когда дѣла открыто обсуждались на форумѣ, когда добрые граждане, вмѣсто того, чтобы вздыхать при запертыхъ дверяхъ, всходили на трибуну и всенародно указывали враговъ республики, какъ онъ и самъ сдѣлалъ это въ отношеніи Катилины и Антонія. Но сильные взрывы гнѣва были уже не ко двору при начинающемся режимѣ. Теперь надо быть скромнѣе, осторожнѣе, и давать волю своему дурному настроенію можно было только въ средѣ близкихъ друзей, воздержныхъ на языкъ, а не дѣлиться имъ со всѣмъ свѣтомъ.

Что же это за пиры и кружки, гдѣ себѣ позволяли такъ нападать на Тиберія? Нѣтъ надобности останавливаться на пирахъ; извѣстно, какое мѣсто занимали въ жизни римлянъ всѣхъ чиновъ и состояній такія собранія друзей и знакомыхъ и какъ часты они сдѣлались. Семейныя годовщины, религіозные праздники, потребность въ совмѣстномъ обсужденіи общихъ дѣлъ для членовъ одной и той же корпораціи или просто желаніе внести больше радости въ свое существованіе,—все это крайне умножило подобныя собранія во времена имперіи. Люди развитые искали здѣсь преимущественно удовольствія, свободно побесѣдовать съ друзьями [2]). Въ этихъ пестрыхъ и безконечныхъ бесѣдахъ политика, надо думать, не была забыта. Послѣ обѣда, когда пиръ поднималъ настроеніе сотрапезниковъ и развязывалъ имъ языки, политическіе разговоры, которые здѣсь возникали, не всегда были благопріятны для императорскаго правительства. Именно на одномъ изъ подобныхъ пировъ преторъ Антистій прочелъ оскорбительные для Нерона стихи, за которые и былъ осужденъ на изгнаніе [3]).

Труднѣе понять, что подразумѣвалось подъ словомъ кружки. Чтобы составить себѣ о нихъ точное понятіе, вспомнимъ сначала привычки древнихъ народовъ: въ благодатныхъ климатахъ нѣтъ обычая запираться на цѣлый день дома; напротивъ, люди охотно покидаютъ свой домъ и про-

---

[1]) Pro Balbo, 28: in conviviis rodunt, in circulis vellicant, non illo inimico, sed hoc maledico dente carpunt.

[2]) Цицеронъ, De senect., 13.

[3]) Тацитъ, Ann., XIV, 48.

водятъ день на открытомъ воздухѣ. Римскіе жители, когда они не были ни въ театрѣ ни въ циркѣ, прогуливались и снова ждали тѣхъ постоянныхъ зрѣлищъ, которыя вѣчный городъ въ изобиліи доставлялъ любопытнымъ всѣхъ странъ. Они ходили по улицамъ, останавливались на перекресткахъ уставши, присаживались на скамьяхъ и сидѣньяхъ, которыми были окружены площади. Такія-то группы праздныхъ людей, сошедшихся посмотрѣть или поболтать вмѣстѣ, и назывались кружками (circuli) [1]). Кружки образовались главнымъ образомъ на Марсовомъ полѣ и на форумѣ вокругъ шарлатановъ, которые сбывали здѣсь свои лѣкарства [2]), вокругъ дрессировщиковъ ученыхъ [3]) или рѣдкихъ животныхъ и около гимнастовъ [4]). Порой несчастный поэтъ, огорченный отсутствіемъ читателей, пользовался этими случайными сборищами, чтобъ декламировать свои стихи присутствующимъ [5]). Часто „кружки“ собирались также для того только, чтобы послушать разглагольствованія одного изъ тѣхъ говоруновъ, которые, напуская на себя важность, выставлялись освѣдомленными политиками. Въ Римѣ было много такихъ личностей, и въ серьезныхъ обстоятельствахъ, въ моменты общаго безпокойства и ожиданія, когда людей разбираетъ сильное нетерпѣніе услышать то, чего они боятся, эти болтуны пользовались большимъ кредитомъ. Выслушавъ ихъ, каждый высказывалъ свое мнѣніе. Здѣсь важно раздавались похвалы и порицанія военачальникамъ, составлялись планы походовъ [6]), обсуждались мирные договоры. Къ концу республики и въ первыя времена имперіи эти уличные политики сходились у подножія ораторской трибуны, почему они и были прозваны subrostrani [7]). Эта

[1]) То, что древніе называли stationes и sessiunculae или группы сидящихъ людей, очень походило на эти circuli. Здѣсь занимались также политикой, и Плиній Младшій говоритъ, что кандидаты на общественныя должности искали тутъ поддержки (Epist. II,, 9, 5).

[2]) Отсюда и названіе ихъ circulatores.

[3]) Петроній говоритъ, что тамъ показывали и ученыхъ свиней (Satyr., 47).

[4]) Марціалъ, X, 62.

[5]) Марціалъ, II, 86.

[6]) Т. Ливій, XLIV, 22: in omnibus circulis atque etiam (si diis placet) in conviviis sunt qui exercitus in Macedoniam ducant, etc.

[7]) Цин., Ad. fam., VIII, 1.

среда распространяла и зловѣщіе слухи, приводившіе въ ужасъ римлянъ [1]). Возникалъ слухъ, будто пареяне завладѣли Арменіей или германцы перешли Рейнъ, — и толпа, слушавшая эти тревожныя новости, не всегда щадила императора и его слугъ, которые-де вотъ не приняли дѣйствительныхъ мѣръ для защиты границъ. Поэтому императоры, въ концѣ концовъ, приказывали слѣдить за этими дерзкими говорунами. Они посылали на эти сборища переодѣтыхъ солдатъ, которые доносили своимъ начальникамъ, что слышали.

Подобные разговоры па открытомъ воздухѣ могли быть подслушаны шпіонами цезаря и становились небезопасны. Кто не хотѣлъ рисковать своей гибелью, тотъ не долженъ былъ тамъ и высказываться. Осторожный человѣкъ пускался въ откровенность лишь въ такомъ обществѣ, гдѣ онъ считалъ себя въ безопасности. Впрочемъ и у нихъ не было недостатка въ удобныхъ случаяхъ для разговоровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Римѣ тогда существовало уже нѣчто аналогичное тому, что мы называемъ свѣтомъ, т. е. соединеніе людей, чаще всего чуждыхъ другъ другу, различныхъ по происхожденію и по состоянію, у которыхъ нѣтъ ни общихъ дѣлъ ни общихъ интересовъ и которые, собираясь, ищутъ только удовольствія отъ взаимнаго общенія. Въ наше время свѣтъ особенно отличается тѣмъ, что въ немъ женщины свободно сходятся съ мужчинами; то же самое наблюдается часто и въ Римѣ. Женщинамъ не запрещали появляться за столомъ, если даже собирались посторонніе семьѣ люди; Корнелій Непотъ говоритъ, что никто не удивлялся, если римлянинъ, отправляясь въ гости на обѣдъ, бралъ съ собой и жену, что очень шокировало бы грековъ [2]). Такимъ образомъ, столъ былъ поводомъ для свѣтскихъ собраній, но можно утверждать, что таковые происходили и въ другое время, хотя воспоминаніе объ этомъ и не дошло отчетливо до насъ. Мы полагаемъ даже, что уже въ

---

[1]) Горацій, Sat., II, 6, 50: Frigidus a rostris manat per compita rumor. Привычка образовывать на площадяхъ такіе circuli, гдѣ обсуждались общественныя и частныя дѣла, сохранилась въ Римѣ до послѣднихъ временъ имперіи. См. Аммiанъ Марцеллинъ XXVIII, 4, 29.

[2]) К. Непотъ, Предисл., 8.

первомъ вѣкѣ привычка совмѣстной жизни породила ту вѣжливость въ отношеніяхъ между обоими полами, которая была до тѣхъ поръ довольно чужда древнимъ обществамъ и напоминала порой нравы семнадцатаго вѣка во Франціи. Марціалъ такъ рисуетъ портретъ современнаго ему щеголя: „Щеголь — это человѣкъ у котораго волосы раздѣлены правильно расчесаннымъ проборомъ, отъ котораго всегда пахнетъ духами, который постоянно напѣваетъ сквозь зубы египетскія и испанскія пѣсни, умѣетъ въ тактъ размахивать своими руками, на которыхъ выщипаны волосы, весь день вертится у стульевъ дамъ, вѣчно разсказываетъ имъ что-то на ухо, знаетъ всѣ городскія сплетни, назоветъ вамъ имя женщины, въ которую такой-то влюбленъ, укажетъ частаго посѣтителя такихъ-то кружковъ, наизусть перечислитъ всю родословную лошади „Hirpinus“ [1]). Намъ кажется, что этотъ щеголь мало чѣмъ отличается отъ маркизовъ Мольера; какъ и послѣдніе, онъ имѣетъ привычку „вертѣться у стульевъ дамъ“. Въ Римѣ были люди, которые многаго достигали подобнымъ постоянствомъ. Тацитъ разсказываетъ объ одномъ консулѣ, большомъ умницѣ и страшномъ насмѣшникѣ, обязанномъ своею политическою карьерою [2]) благосклонности дамъ.

Когда сходились одни мужчины, то спорили и разсуждали; въ присутствіи же дамъ поддерживался болѣе легкій разговоръ. Сенека превосходно описалъ такую свѣтскую болтовню, гдѣ касаются всѣхъ предметовъ и не исчерпываютъ ни одного, гдѣ такъ легко переходятъ отъ одной темы къ другой [3]). Въ часъ-другой бесѣда этихъ остроумныхъ людей, должно быть, не мало путешествовала. Всѣ много говорили, конечно, о себѣ и о другихъ. Привычка жить въ обществѣ развиваетъ вкусъ къ самонаблюденію, къ глубокому изученію страстей и характеровъ. Въ огромномъ городѣ, который могъ вмѣстить весь міръ, — какъ говоритъ Луканъ [4]), — гдѣ ежедневно шла ожесточенная битва изъ-за

[1]) III, 63.

[2]) Tac., Ann., V, 2. Въ свѣтскомъ же обществѣ, гдѣ было много женщинъ, Луторій Прискъ, римскій всадникъ, прочелъ стихи, за которые поплатился своей жизнью. Тацитъ, Ann., III, 49.

[3]) Epist., 64, 2.

[4]) Phars., 1, 512: generis, coeat si turba, capacem Humani.

власти и богатства, свѣтскимъ наблюдателямъ нравовъ было достаточно предметовъ для изученія. Они подхватывали пикантные анекдоты объ извѣстныхъ личностяхъ, а вечеромъ разсказывали ихъ своимъ друзьямъ. Много говорилось должно быть и о литературѣ. Римскій большой свѣтъ любилъ искусства и культивировалъ ихъ: большинство было ораторами по службѣ и поэтами въ минуту досуга. Въ тѣ времена пышно расцвѣла салонная поэзія, которая до насъ не дошла и, пожалуй, не заслуживала долговѣчности, но которая въ свое время восхищала элегантное общество. Какъ во времена аббата Делилля, такъ и тогда воспѣвалась игра въ кости или въ шахматы, рыбная ловля и плаваніе, танцы и музыка, искусство хорошо устроить пиръ и принять гостей[1]). Однако, какое бы удовольствіе ни доставляло чтеніе подобныхъ стихотвореній, въ концѣ концовъ, они должны были пріѣсться, и нужно было искать новыхъ предметовъ для разговора, чтобы поддержать интересъ бесѣды; такимъ образомъ, когда исчерпывались литературная болтовня и злословіе, сама собой на сцену выступала политика.

Вполнѣ естественно, что такая политика носила довольно фрондирующій характеръ: умные люди, особенно боявшіеся казаться простаками, не могли серьезно относиться къ тѣмъ комедіямъ, которыя разыгрывались въ сенатѣ. Сдержанные и насмѣшливые наблюдатели, мало расположенные къ энтузіазму, улыбаясь слушали непомѣрную лесть, которая расточалась цезарю, апоѳеозъ же мертваго или живого императора безусловно не встрѣчалъ у нихъ горячей вѣры. Свѣтъ развиваетъ наклонность къ ироніи: умѣнье тонко посмѣяться надъ сосѣдомъ считается здѣсь весьма почтеннымъ качествомъ, и надо думать, что это качество цѣнилось еще болѣе, когда сосѣдомъ являлся императоръ. Конечно, это была крайне опасная игра; насмѣшки, мѣтившія такъ высоко, могли и дорого стоить; но опасность не всегда заставляла отказываться отъ шутки, когда она считалась остроумной и находила одобреніе. „Я не могу жалѣть людей, — говорилъ Сенека-отецъ, — которые рискуютъ

[1]) Овидій, Trist. II, 470.

скорѣе потерять голову, чѣмъ красное словцо“[1]). Въ легкомысленномъ и веселомъ римскомъ обществѣ остроты цѣнились больше человѣческой жизни. Желали хоть такимъ способомъ вознаградить себя за гнетъ, испытанный въ сенатѣ, гдѣ поневолѣ приходилось дѣлать пріятное лицо передъ друзьями цезаря и громко одобрять всѣ похвалы, которыми его осыпали льстецы. Сенаторы выходили оттуда всегда недовольные другъ другомъ и сами собой, съ жаждою излить гнѣвъ, накопившійся въ сердцѣ. Вотъ почему, какъ только сходились нѣсколько друзей, увѣренныхъ другъ въ другѣ, такъ сейчасъ же начинался свободный разговоръ. Въ этихъ тайныхъ бесѣдахъ сообщались, главнымъ образомъ, такія новости, „которыхъ нельзя было ни говорить ни слушать безъ опаски“[2]). Въ тѣ времена Римъ былъ полонъ такими разносчиками новостей, ремесло которыхъ нынѣ вытѣснено газетами и телеграфомъ. Мы знаемъ, какую роль играли они въ кружкахъ, но еще больше ихъ было въ свѣтскихъ собраніяхъ. Они знали все, что говорилось въ войскахъ, что думали въ провинціяхъ; о всемъ, что происходило, они давали самыя точныя свѣдѣнія. Если умирало какое-нибудь видное лицо, они разсказывали всѣ обстоятельства его смерти, ничто же сумняшеся называли того, кто дѣйствовалъ при этомъ кинжаломъ или ядомъ. Всевозможные злостные слухи никогда въ такомъ количествѣ не ходили по Риму, какъ съ той поры, когда людямъ запрещено было говорить: prohibiti sermones, ideoque plures[3]). Власти, хватая распространителей этихъ слуховъ, придавали имъ только больше достовѣрности. Такова ужъ наша природа, что мы неохотно вѣримъ тому, что говорится открыто, и слѣпо допускаемъ то, что намъ шепчутъ на ухо. Такимъ образомъ, всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ, обращались противъ него же. Все становилось извѣстно, всему вѣрили, всему хотѣли найти причины, наибольшимъ же довѣріемъ пользовались далеко не самыя правдивыя объясненія: чтобы заставить себя слушать, надо

[1]) Controv., 3, 12: Horum non possum misereri, qui tanti putant caput potius quam dictum perdere.

[2]) Сенека, De tranq. animi, 12.

[3]) Тацитъ. Hist. III, 54.

было всѣмъ происшествіямъ подыскать самое необыкновенное и изысканное объясненіе.

Эта оппозиція принимала весьма различныя формы и приноровлялась къ обстоятельствамъ. Въ зависимости отъ момента, она то всплывала на поверхность, то пряталась въ тѣнь; но смѣлая или робкая, явная или тайная, она никогда не умирала: именно эта изворотливость и устойчивость составляла ея силу. То вдругъ она смѣло заявляла о себѣ памфлетомъ: обыкновенно памфлету придавалась форма сатирическаго завѣщанія какой-нибудь важной особы, гдѣ мертвые свободно высказывали все, что думали о живыхъ. То ходили по рукамъ ѣдкіе стихи, которые говорились не иначе, какъ на ухо, пройдя же всѣ слои этого недовольнаго общества, они вдругъ оказывались написанными неизвѣстной рукой на стѣнѣ форума. „Тиберій пренебрегаетъ виномъ, — говорилось тамъ, — такъ какъ онъ чувствуетъ жажду крови; онъ такъ пьетъ теперь кровь, какъ когда-то онъ пилъ вино“[1]). Если подобная смѣлость была бы слишкомъ опасной, то оппозиція прибѣгала къ ядовитымъ намекамъ, весьма прозрачнымъ для остраго ума. Когда даже такіе намеки стали вызывать преслѣдованія и наказанія, приходилось довольствоваться двумя-тремя словами, украдкой сказанными при встрѣчахъ. А когда нельзя было уже и говорить, то выработалось искусство молчать такъ, чтобы видны были скрытыя мысли; такимъ путемъ даже самое молчаніе стало неблагонадежнымъ: occulta vox aut suspicax silentium[2]). Такова была оппозиція во времена имперіи.

III.

Что до насъ дошло отъ оппозиціи въ Римѣ. — Памфлеты. — Литература намековъ. — Публичныя чтенія. — Политика въ трагедіяхъ Сенеки. — Тайныя бесѣды и какъ мы можемъ знать, о чемъ тамъ говорилось.

Какъ ни скромна, какъ ни скрытна была оппозиція, она не вся погибла цѣликомъ, оставивъ намъ достаточно своихъ слѣдовъ, чтобы прослѣдить ее на всѣхъ степеняхъ. Правда, мы не имѣемъ тѣхъ памфлетовъ, которые въ смѣлую минуту оппозиція распространяла въ публикѣ. Это

---

[1]) Светоній, Tiber. 59.

[2]) Тацитъ, Ann. III, 3.

были злободневныя произведенія, о которыхъ Тацитъ говоритъ, что ихъ жадно читали, пока была какая-нибудь опасность ихъ доставать; когда же всякій могъ имѣть ихъ, они предавались забвенію[1]). Но историки сохранили намъ нѣсколько эпиграммъ, направленныхъ противъ цезарей[2]); въ числѣ ихъ есть довольно остроумныя, и всѣ онѣ очень рѣзки. Императоры вначалѣ старались пренебрегать этими нападками; Августъ писалъ Тиберію, принимавшему ихъ близко къ сердцу: „Остерегайся, дорогой Тиберій, уступать пылкости своего возраста и не негодуй на распускаемыя обо мнѣ злыя сплетни: достаточно и того, что намъ не могутъ сдѣлать зла“[3]). Самъ Тиберій, ставши императоромъ, отвѣчалъ тѣмъ, которые побуждали его преслѣдовать злые языки, что „въ свободномъ государствѣ всякій долженъ пользоваться свободой думать и говорить, когда ему угодно“[4]). Но эта умѣренность вскорѣ испарилась: при томъ же Тиберіи авторы ~~ѣдкихъ~~ стиховъ, если только ихъ можно было найти, подвергались жестокимъ наказаніямъ—однихъ свергали съ Капитолія[5]), другихъ душили въ тюрьмѣ[6]).

Когда недовольные не рѣшались нападать открыто, когда стало крайне опаснымъ дѣломъ распространять стихи или памфлеты, ~~тогда~~ они выбирали, какъ мы видѣли, окольный путь. Въ старыхъ и новыхъ произведеніяхъ они выискивали сходство съ современностью; они указывали ихъ другъ другу и своимъ обобщеніемъ еще болѣе подчеркивали ихъ. Такой способъ фрондировать противъ правительства былъ менѣе опасенъ и довольно легокъ. Всегда можно придать желательный смыслъ тому, что читаешь или слышишь, и открыть въ любомъ произведеніи такіе намеки, въ которыхъ авторъ совершенно неповиненъ. Одушевляемый ненавистью и сдерживаемый страхомъ умъ всюду находилъ скрытый смыслъ. Достаточно было появиться на сценѣ ак-

[1]) Тацитъ, Ann. XIV, 50.

[2]) Онѣ собраны въ диссертаціи Bernstein'а подъ заглавіемъ: Versus ludicri in Romanorum Caesares. Halle, 1810.

[3]) Светоній, Aug. 51.

[4]) Светоній, Tib. 28.

[5]) Діонъ, LVII, 22.

[6]) Тацитъ, Ann. VI, 39.

теру съ невѣрной походкой, съ трясущейся головой, а хору пѣть при этомъ: „Вотъ старый дуракъ возвращается съ поля“, какъ весь театръ покатывался со смѣху: въ немъ узнавали императора Гальбу [1]). Но независимо отъ такихъ случайныхъ намековъ было много и умышленныхъ, на которые авторъ расчитывалъ для успѣха своего произведенія. Конечно, такая смѣлость могла дорого стоить; но чѣмъ не рискнетъ писатель ради апплодисментовъ! И дѣйствительно, въ это время появилось множество произведеній, полныхъ подвоховъ, двусмысленностей, общихъ мыслей, могущихъ получить частное значеніе, сентенцій и афоризмовъ, въ которыхъ, подъ видомъ поученія человѣческому роду, говорилась истина по адресу цезаря. Эта литература намековъ обращалась преимущественно къ свѣтскому кругу, и полемъ ея дѣйствія служили въ особенности читальныя залы.

Публичныя чтенія были введены въ моду Поллiономъ около середины царствованія Августа. Они быстро достигли успѣха, который не трудно объяснить, если вспомнить занятія и вкусы людей той эпохи. Литература пользовалась тогда большой любовью и, если вѣрить Горацію, почти всякій хотѣлъ быть писателемъ [2]). Обыкновенно никто не хранилъ про себя своихъ произведеній; каждый былъ о своемъ писательствѣ столь высокаго мнѣнія, что счелъ бы преступленіемъ не познакомить съ нимъ публику. Къ несчастью, въ древности книги не расходились такъ быстро и такъ легко, какъ теперь. Книги знаменитыхъ писателей распространялись скоро и широко; остальнымъ же грозила опасность остаться въ тѣни. А чтобы избѣжать этой печальной участи и какимъ-нибудь образомъ дать знать о себѣ, авторы ввели моду читать свои произведенія публично: это было средство спасти ихъ отъ угрожавшаго имъ забвенія. Если писатель былъ бѣденъ, онъ шелъ туда, гдѣ собиралась толпа, на форумъ, въ портики, въ общественныя бани; онъ останавливалъ прохожихъ, чтобы продекламировать свои стихи, рискуя, что его освищутъ или побьютъ камнями, если аудиторія окажется не расположенной слушать его. Если же пи-

---

[1]) Светоній, Galba, 13.

[2]) Epist. II, 107 и сл.

сатель былъ человѣкъ богатый, онъ приглашалъ къ обѣду своихъ кліентовъ и друзей, любезно принималъ ихъ и, пользуясь ихъ благодарностью, заставлялъ гостей слушать и восхищаться. Горацій разсказываетъ забавную исторію объ ужасномъ заимодавцѣ, который созывалъ своихъ неоплатныхъ должниковъ въ срокъ платежа, чтобы прочесть имъ свои скучнѣйшія произведенія; и надо было или апплодировать ему или уплатить долгъ. Несчастные „вытягивали шеи“, какъ обреченныя жертвы, и апплодировали, чтобы заслужить отсрочку [1]). Полліонъ не былъ ни настолько бѣденъ, чтобы бѣгать по общественнымъ мѣстамъ, ни настолько глупъ, чтобы довольствоваться апплодисментами изъ снисхожденія. Онъ очень старался тѣмъ не менѣе объ извѣстности своихъ трагедій и историй. Этотъ тщеславный человѣкъ, помогавшій Цезарю и Октавію занять первое мѣсто въ государствѣ, лично не довольствовался вторымъ мѣстомъ и искалъ въ литературѣ того положенія и значенія, въ которомъ отказала ему политика. Ему-то и пришла въ голову мысль выбрать залу въ своемъ домѣ, устроить ее въ видѣ театра, т. е. съ оркестромъ и галлереями, и по билетамъ приглашать къ слушанію своихъ произведеній тѣхъ лицъ, которыхъ онъ зналъ или которымъ онъ хотѣлъ быть извѣстенъ. Многіе послѣдовали его примѣру, и, такимъ образомъ, скоро въ Римѣ появилась мода посѣщать читальныя залы, особенно въ апрѣлѣ и въ августѣ [2]).

Легко представить себѣ, какія чувства овладѣвали посѣтителями этихъ литературныхъ празднествъ. Слушатели и чтецы принадлежали обыкновенно къ лучшему обществу; поэтому они раздѣляли всѣ симпатіи и антипатіи большого свѣта. Можно предполагать, что въ общемъ оппозиціонный духъ преобладалъ на этихъ публичныхъ чтеніяхъ. Если и была возможность высказаться, то именно здѣсь, гдѣ послѣ смерти Домиціана Титиній Капитонъ читалъ исторію его жестокостей. Всякій считалъ своею обязанностью притти его послушать. „Казалось,—говоритъ Плиній,—что присут-

[1]) Горацій, Sat. I, 3, 88.

[2]) Плиній, Epist., I, 3: toto mense aprili nullus fere dies, quo non recitaret aliquis. Ювеналъ, III, 9: et augusto recitantes mense poetas.

ствуешь при надгробномъ словѣ этимъ несчастнымъ людямъ, похороны которыхъ нельзя было почтить [1]). При дурныхъ цезаряхъ здѣсь господствовала, конечно, бóльшая сдержанность, но и тогда находили возможность высказаться. Въ самую мрачную эпоху царствованія Нерона поэтъ Куріацій Матернъ осмѣлился прочитать трагедію, полную непріятныхъ для императора намековъ [2]). При Веспасіанѣ онъ продолжалъ свою маленькую войну посредствомъ эпиграммъ. Онъ прочелъ однажды Катона, „гдѣ забывалъ о себѣ,—говоритъ Тацитъ,—думая лишь о своемъ героѣ". Конечно, смѣлыя выходки поэта встрѣчали себѣ полное одобреніе у слушателей: на слѣдующій день въ Римѣ только и было разговоровъ, что объ его смѣлости и объ опасностяхъ, которыя она могла на него навлечь [3]).

Трагедіи Куріація Матерна потеряны, но у насъ есть трагедіи Сенеки, которыя могутъ намъ дать представленіе о томъ, что позволяли себѣ говорить писатели въ читальныхъ залахъ. Конечно, трагедіи Сенеки весьма посредственны: если ихъ оцѣнивать, какъ театральныя пьесы и сравнить съ произведеніями Софокла и Эврипида, то нельзя не отнестись къ нимъ очень сурово. Но слѣдуетъ помнить, что онѣ были написаны не для сцены, что авторъ предназначалъ ихъ только для публичныхъ чтеній. Это типъ салонныхъ трагедій, къ которымъ нельзя относиться такъ же, какъ къ сценической трагедіи. Такой родъ пьесъ можетъ казаться ошибочнымъ и плохимъ, вызвать суровое осужденіе; однако, салонная трагедія представляетъ особый родъ литературы, который подчиненъ другимъ правиламъ, имѣетъ свою спеціальную публику и долженъ имѣть извѣстные недостатки, чтобы ей нравиться. Сенека, дорожившій успѣхомъ, сознательно шелъ по такому пути. У него одна только забота: чтобы польстить вкусу своихъ слушателей. А онъ знаетъ, что слушателей можно заинтересовать только разсказомъ объ ихъ времени и о нихъ самихъ; онъ такъ и поступаетъ безъ долгихъ размышленій: по нѣкоторымъ его выраженіямъ

---

[1]) Плиній, Epist. VIII, 12.

[2]) Тацитъ, Dial. de orat. 11. Мы здѣсь читаемъ: imperante Nerone, согласно поправкѣ Мюллера, вмѣсто in Nerone.

[3]) Тацитъ, Dial. 2.

можно догадаться, что онъ самъ заранѣе увѣдомляетъ своихъ слушателей, что настоящее занимаетъ его болѣе, чѣмъ прошлое, и что его взоры всегда обращены на Римъ, хотя онъ говоритъ объ Аргосѣ или Θивахъ [1]). Вотъ почему политическіе намеки такъ часто попадаюся въ его трагедіяхъ.

Въ рукахъ авторовъ было отличное средство вплетать такіе намеки въ свои трагедіи, не возбуждая особеннаго подозрѣнія власти. Между персонажами древней римской трагедіи былъ одинъ, съ которымъ авторы обыкновенно не стѣснялись: это тираннъ, котораго всегда представляли несправедливымъ, вспыльчивымъ, грозно повелѣвающимъ своими трепещущими подданными [2]). Онъ долженъ былъ возбуждать ненависть, какъ предатель нашихъ мелодрамъ. Когда онъ, надутый спѣсью, появлялся на сценѣ, когда онъ произносилъ свои высокопарныя фразы, откинувши назадъ голову [3]), вся толпа во времена республики чувствовала себя счастливою, что надъ нею нѣтъ царя. Тираннъ сохранился въ трагедіи и при императорахъ, авторы же продолжали относиться къ нему съ антипатіей: это стало традиціей. Цезари съ грѣхомъ пополамъ могли не принимать на свой счетъ всѣхъ дерзостей, которыя имъ говорились, такъ какъ было признано что „принципатъ и тираннія не одно и то же". Но Сенека какъ будто не хочетъ вводить въ обманъ своихъ слушателей. Онъ самъ старается подчеркнуть, что, бичуя это смѣшное лицо трагедіи, онъ своими насмѣшками мѣтитъ значительно выше. Вотъ одинъ изъ афоризмовъ, которые онъ охотнѣе всего влагаетъ въ уста тиранну: „Только добродушные владыки убиваютъ однимъ ударомъ; въ моемъ царствѣ смерть есть милость, которую нужно вымаливать [4])". — „Тотъ, кто убиваетъ слишкомъ скоро, не умѣетъ быть тиранномъ [5])". Это изреченіе Тиберія; онъ

[1]) Можемъ ли мы сомнѣваться въ этомъ, когда въ серединѣ своего Тіеста онъ говоритъ намъ о связкахъ прутьевъ и произноситъ имя Quirites?

[2]) Цицеронъ, Pro Rab. 11.

[3]) Сенека, Epist. 80, 7: in scena latus incedit, et haec resupinus dicit.

[4]) Thyestes, 247.

[5]) Herc. fur. 511. См. также Phaenissae, 100; Troad, 1175; Med. 19 и 1018; Agam. 994.

отвѣчалъ такъ однажды своей жертвѣ, просившей у него смерти: „Развѣ мы уже примирились?“ [1]). Ясно, что подъ видомъ тиранна здѣсь надо разумѣть императора и если всмотрѣться внимательнѣе, то мы повсюду встрѣчаемъ то же самое. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, къ кому относился слѣдующій великодушный совѣтъ: „Вы, сидящіе на престолѣ, воздерживайтесь отъ пролитія крови“ [2]). Нѣкоторыя выраженія этихъ трагедій кажутся даже прямыми намеками на особенное положеніе Сенеки и на безсиліе его наставить своего ученика на добрый путь. „Я знаю,—говоритъ онъ,—что гордыя уши цезарей не любятъ слушать истину; ихъ высокомѣріе не желаетъ, чтобъ имъ напоминали о добродѣтели“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ онъ какъ будто сожалѣетъ о тѣхъ непріятныхъ уступкахъ, которыя ему пришлось дѣлать Нерону въ бытность свою у власти и которыя такъ огорчили всѣхъ честныхъ людей: „Кто поставилъ себя въ зависимость отъ цезарей,—говоритъ онъ,—тотъ долженъ отказаться отъ всякой справедливости, изгнать изъ своего сердца всякое честное чувство; кто сколько-нибудь дорожитъ честью, тотъ плохой имъ слуга“ [4]). Тому, кто спросилъ бы его, какъ такой наставникъ, какъ онъ, могъ воспитать такого ученика, какъ Неронъ, Сенека могъ отвѣтить: „Если бы никто не воспитывалъ въ цезаряхъ вѣроломства и преступленія, этому научилъ бы ихъ тронъ“ [5]). Такъ, самые общіе мысли и афоризмы, которые съ перваго взгляда кажутся избитыми мѣстами, пріобрѣтаютъ частный смыслъ и становятся живыми, если за комментаріями къ нимъ обратиться къ исторіи самого Сенеки. Любовь къ скромному положенію, которою онъ надѣляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, ужасъ передъ высокою ролью, сожалѣніе о большихъ уступкахъ соблазнамъ богатства и власти, — все это Сенека прочувствовалъ какъ только впалъ въ немилость. Такъ онъ самъ говоритъ устами Тіеста: „Вѣрьте мнѣ, избытокъ соблазняетъ насъ

[1]) Светоній, Tib. 61. Онъ сказалъ также про Карвилія, который покончилъ съ собой въ тюрьмѣ: „Карвилій улизнулъ отъ меня“.

[2]) Herc. fur. 747.

[3]) Hippol. 135.

[4]) Hippol. 428.

[5]) Thyestes, 313.

лишь обманчивою внѣшностью, и глупецъ тотъ, кто боится бѣдности. Пока я былъ могучъ, я не переставалъ трепетать. Теперь я счастливъ, не возбуждая ни въ комъ ни ревности ни страха. Преступленіе не ищетъ бѣдняка въ хижинѣ. Тамъ можно безопасно сѣсть за скромную трапезу, тогда какъ изъ золотого кубка можешь выпить ядъ. Я говорю вамъ то, что пришлось испытать самому“ [1]). Передаютъ, что онъ дѣйствительно самъ испыталъ нѣчто подобное. Неронъ хотѣлъ отравить Сенеку черезъ одного изъ своихъ вольноотпущенниковъ, и только обычная умѣренность спасла его. Съ тѣхъ поръ, чтобы избѣжать подобной опасности, онъ питался одними дикими плодами и утолялъ свою жажду проточной водой [2]).

Его трагедіи еще болѣе интересны по той причинѣ, что онъ безпокоится не только о себѣ, но заботится о другихъ столько же, сколько о себѣ. Чувство опасности заставляетъ его думать о своихъ товарищахъ по несчастію; онъ старается поддержать и укрѣпить ихъ. Онъ напоминаетъ имъ, что „тотъ, кто сохраняетъ силу духа, не можетъ быть несчастнымъ“ [3]). Да развѣ у нихъ нѣтъ и вѣрнаго средства, чтобы избавиться отъ столь суроваго гнета: „Всякій, говоритъ онъ, можетъ отнять у насъ жизнь, но никто не можетъ отнять у насъ смерти [4]). Тотъ, кто умѣетъ умирать, никогда не будетъ рабомъ“ [5]). Онъ утѣшаетъ ихъ, показывая, что сколь ни печально положеніе подданныхъ, положеніе тиранна еще хуже. Онъ не можетъ скрыться отъ всюду устремленныхъ на него глазъ: „его дворецъ прозраченъ и позволяетъ замѣтить всѣ его недостатки“ [6]). У него нѣтъ друзей, онъ не долженъ разсчитывать на чью-либо преданность: „вѣрность никогда не переступаетъ порога дворца“ [7]). Тираннъ знаетъ, какія опасности ему угрожаютъ, и проводитъ жизнь въ постоянномъ трепетѣ. „Кто управляетъ же-

---

[1]) Thyestes, 446.
[2]) Тацитъ, Ann. XV, 45.
[3]) Herc. fur. 464.
[4]) Phaen. 152.
[5]) Herc. fur. 426.
[6]) Agam. 148.
[7]) Agam. 285.

лѣзнымъ скипетромъ, тотъ трепещетъ передъ тѣми, которыхъ онъ заставляетъ трепетать; страхъ возвращается къ тому, кто его внушаетъ“ [1]). Конечно, этотъ человѣкъ, къ которому возвращается страхъ, который онъ заставляетъ испытывать другихъ, не кто иной какъ императоръ; невозможно въ этомъ сомнѣваться, читая слѣдующіе стихи: „Кто по своей прихоти раздаетъ короны, передъ кѣмъ дрожащіе народы склоняютъ колѣна, кто однимъ мановеніемъ головы обезоруживаетъ Мидянъ, Индійцевъ и Даковъ, страшныхъ для Парѳянъ, тотъ самъ не избавленъ отъ безпокойства на своемъ тронѣ; онъ содрогается, думая о капризахъ судьбы и внезапныхъ ударахъ рока, опрокидывающихъ царства“ [2]). Такъ ясно объяснившись съ своей аудиторіей, Сенека позволяетъ себѣ обратиться къ тирану со слѣдующими словами: „Вы, которымъ владыка земли и морей вручилъ ужасное право надъ жизнью и смертью всѣхъ людей, оставьте этотъ гордый и неприступный видъ. Участь, которою вы грозите своимъ подданнымъ, испытать вы можете сами. Вы повелѣваете другими, но и надъ вами ~~тамъ~~ есть повелитель, который распоряжается вашей судьбой“ [3]). Высшая власть потому столь хрупка и ненадежна, что тираннъ увѣренъ въ ненависти къ нему. Какъ можетъ устоять онъ противъ возбуждаемаго имъ недовольства; въ одинъ прекрасный день онъ долженъ отъ него погибнуть, въ особенности, если онъ злоупотребляетъ своей властью. Поэтъ предсказываетъ ему это неизбѣжное паденіе [4]), и не только предсказываетъ, но желаетъ и зоветъ его; онъ старается дать и оружіе въ руки недовольныхъ, заранѣе оправдывая ударъ кинжала, который освободитъ Римъ и весь міръ отъ гнуснаго цезаря. „Нельзя,—говоритъ онъ,—принести Юпитеру болѣе пріятной жертвы, чѣмъ несправедливаго владыку!“ [5]). Вотъ что говорилось, вотъ чему апплодировали въ читаль-

[1]) Oedip. 705.

[2]) Thyestes, 600.

[3]) Ясно, что Сенека намекаетъ здѣсь на одно изъ случившихся при немъ пораженій парѳянъ. Не идетъ ли тутъ рѣчь о побѣдахъ Карбулона?

[4]) Med. 196: iniqua numquam regna perpetuo manent.

[5]) Herc. fur. 923.

ныхъ залахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Палатинскаго холма, вотъ что повторялось и комментировалось врагами цезаря, что составляло на слѣдующій день предметъ разговора во всемъ Римѣ. Конечно, трудно понять, какъ можно было такъ смѣло и свободно говорить при Неронѣ [1]), если бы мы не знали, сколь неопредѣленно и нерѣшительно по своей природѣ было императорское правительство; оно было то терпимымъ, то безпощаднымъ, позволяя въ одномъ мѣстѣ то, что запрещалось въ другомъ, наказывая одного за то, что сходило съ рукъ другому.

Обычно говорили не такъ громко, желая избѣжать всякаго риска. Гласно высказывали свои мысли только смѣльчаки; остальные довѣрялись лишь нѣсколькимъ друзьямъ. Съ перваго взгляда кажется невозможнымъ, чтобы до насъ дошло что-нибудь изъ тѣхъ секретныхъ разговоровъ. Однако и они не совсѣмъ потеряны для насъ; римскіе историки зачастую приводятъ ихъ. Они собирали подобные разговоры изъ устъ современниковъ и удѣляли имъ важное мѣсто въ своихъ повѣствованіяхъ. Тацитъ, Светоній, даже Діонъ полны подобными разговорами. Отсюда возникали всѣ противорѣчивые слухи, среди которыхъ сами историки съ трудомъ разбираются, всѣ недоброжелательные комментаріи на каждое дѣйствіе цезаря, неправдоподобные разсказы, странныя обвиненія, которыя историку приходится сразу же опровергать. Такимъ образомъ они сохранили намъ кое-что отъ этой робкой оппозиціи, которая держалась въ тѣни и говорила только полусловами; читая историковъ, мы можемъ и оцѣнить ее.

Замѣтно прежде всего, что чѣмъ болѣе оппозиція пряталась, тѣмъ она была безпощаднѣе. Ничто не укрывалось отъ недоброжелательства этихъ людей; они были тѣмъ смѣлѣе въ душѣ, чѣмъ сдержаннѣе обязаны были быть на глазахъ. Они никогда ничѣмъ не были довольны. Имъ слу-

[1]) Очень возможно, что большинство трагедій Сенеки было сочинено и читано послѣ его удаленія и незадолго до смерти. Тацитъ говоритъ, будто его обвиняли за то, что онъ чаще писалъ стихи съ тѣхъ поръ, какъ Неронъ увлекся поэзіей (Ann. XIV, 52); это обвиненіе основательно лишь въ томъ случаѣ, если Сенека писалъ для сцены, какъ Неронъ.

чалось нападать на отличныя мѣропріятія, значеніе которыхъ они не хотѣли понять. Все служило поводомъ для злобной пасмѣшки. Тиберій въ первые годы не могъ сдѣлать ничего, чему не придали бы дурного смысла: его порицали за то, что онъ оставался въ Римѣ во время возмущенія легіоновъ въ Германіи [1]); правда, его порицали бы еще болѣе, если бы онъ покинулъ Римъ. На него сердились за то, что онъ избѣгалъ гладіаторскихъ зрѣлищъ [2]): эту ненависть къ народнымъ празднествамъ считали доказательствомъ его мрачнаго и угрюмаго характера. Но въ то же время его сыну Друзу не могли простить, что онъ находилъ въ нихъ слишкомъ много удовольствія. Осуждали его ненасытное тщеславіе, когда онъ принималъ предлагаемыя ему почести, и называли высокомѣрнымъ, если онъ отвергалъ ихъ. Когда Тиберій запретилъ воздвигнуть себѣ храмъ въ Испаніи и отказался принимать всерьезъ свою божественность, — мудрость, за которую потомство обязано ему благодарностью, — говорили, что это низкая душа: „И великіе люди жаждутъ великихъ наградъ, кто же пренебрегаетъ славой, пренебрегаетъ и доблестью“ [3]). Однажды, послѣ разлива Тибра, опустошившаго всѣ низменные кварталы въ Римѣ, возникла мысль предупредить повтореніе подобныхъ бѣдствій, давши другой стокъ озерамъ и рѣчкамъ, переполнявшимъ рѣку. Нашлись люди, осуждавшіе и эту мѣру. Они говорили, что „природа мудро предусмотрѣла нужды смертныхъ“ и что „стремленіе ее насиловать и исправлять есть преступленіе“; они доходили до утвержденія, что Тибръ былъ бы униженъ, если уменьшить массу его водъ, „и что онъ вознегодовалъ бы, если бы его заставили течь съ меньшею славой“ [4]). Конечно, все это довольно странныя разсужденія, и обитатели Велабра, безъ сомнѣнія, находили, что оградить ихъ дома лучше, чѣмъ сохранить славу Тибра: но надо было всюду нападать и вездѣ находить поводы для жалобъ. Такова была единственная мысль большинства недовольныхъ изъ большого свѣта.

---

[1]) Тацитъ, Ann. I, 46.
[2]) Тацитъ, Ann. I, 76.
[3]) Тацитъ, Ann. IV, 38.
[4]) Тацитъ, Ann. I, 79.

IV.

Чего хотѣла оппозиція. — Почему ее считали республиканской. — Оппозиція въ школахъ. — Оппозиція философовъ. — Сенека. — Тразеа. — Политика воздержанія. — Почему философы были недовольны.

Римская оппозиція, какъ мы только что ее описали, была мелочна, придирчива и раздражающе дѣйствовала на представителей власти. Понятно, что она часто выводила изъ себя императоровъ; но представляла ли она для нихъ дѣйствительную опасность? Чтобы оправдать ихъ насилія противъ нея, слѣдовало бы этотъ вопросъ рѣшить утвердительно. Это и пытались въ дѣйствительности сдѣлать тѣ политики, которые въ наше время берутся за реабилитацію римской имперіи. Эти изслѣдователи утверждаютъ, что цезари были вовлечены въ жестокую борьбу съ аристократіей, что безпрестанно вызываемые ею и опасаясь за свое существованіе и за свою власть, они наносили ей удары лишь въ самозащитѣ и не могли щадить ее, не губя себя. Въ такомъ изображеніи всѣ эти недовольные являются открытыми и систематическими противниками императорскаго режима, принципіальными республиканцами [1]), стремившимися разрушить новый порядокъ вещей и возстановить тотъ, который былъ опрокинутъ Цезаремъ и Октавіаномъ.

Въ пользу этого мнѣнія говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что тогда всѣ съ большой симпатіей отзывались о республикѣ. Ея имя у всѣхъ на языкѣ, ея герои упоминаются при каждомъ удобномъ случаѣ. Намъ трудно допустить съ перваго взгляда, чтобы въ такихъ похвалахъ прошлому не было извѣстнаго сожалѣнія о немъ; намъ кажется, что нельзя было быть другомъ Катона, не будучи врагомъ имперіи. Не слѣдуетъ забывать, однако, что если отнести къ заговорщикамъ всѣхъ прославляющихъ прошлое, то въ первые ряды бунтовщиковъ надо поставить самихъ цезарей. Никто больше ихъ не злоупотреблялъ воспоминаніями о славномъ прошломъ; далекіе отъ того,

---

[1]) Этимъ словомъ можно обозначить сторонниковъ предшествовавшаго имперіи порядка, что не будетъ анахронизмомъ. Тацитъ именно въ этомъ смыслѣ употребляетъ слово respublica: quotusquisque reliquus, qui rempublicam vidisset (Ann. I, 3).

чтобы считать эти воспоминанія протестами противъ своей власти, они первые ихъ вызываютъ и прославляютъ. Это было слѣдствіемъ искусной политики Августа. Цезарь низвергъ республику; Августъ хотѣлъ прослыть возстановителемъ ея: онъ считалъ себя ея продолжателемъ и наслѣдникомъ. Съ этого момента уже не было противоположности между нимъ и героями республики: онъ попросту расположился въ ихъ компаніи и воспользовался ихъ славой для того, чтобы возвысить свою. Если онъ и не говорилъ открыто, что Цезарь былъ неправъ въ своей борьбѣ съ Помпеемъ, то онъ предоставилъ высказать это своимъ историкамъ и поэтамъ [1]). Весь свѣтскій кругъ вокругъ него принадлежалъ къ партіи Помпея, и онъ не сердился на это. Кто хотѣлъ польстить ему, напр. Проперцій, тотъ безъ зазрѣнія совѣсти извращалъ исторію, представляя битву при Акціумѣ реваншемъ за Фарсалы [2]). Дошло до того, что одинъ изъ членовъ императорскаго дома, будущій императоръ Клавдій, котораго сдѣлали историкомъ, потому что не знали, что съ нимъ дѣлать, написалъ однажды произведеніе въ защиту Цицерона противъ навѣтовъ Галла [3]). Итакъ, большое заблужденіе думать, будто всѣ тѣ, которые съ такимъ почтеніемъ отзывались о людяхъ и порядкахъ прежняго времени, сожалѣли о прежнемъ правительствѣ, и будто хвалить республику можно было только республиканцамъ.

Конечно, мы не хотимъ утверждать, что въ то время не было истинныхъ республиканцевъ, но мы думаемъ, что они были рѣдки [4]). Скорѣе всего ихъ можно было найти въ школахъ. Юношеству преподавали только одно искусство — краснорѣчіе; а именно краснорѣчіе болѣе чѣмъ что-либо иное потеряло отъ гибели республики. Краснорѣчію нужна

---

[1]) Вергилія разумѣетъ, повидимому, именно это, когда проситъ Цезаря первымъ положить оружіе (Aen. VI, 36). Титъ Ливій размышлялъ надъ вопросомъ, не составляло ли рожденіе Цезаря несчастье для Рима?

[2]) III, 2, 35.

[3]) Светоній, Claud. 41.

[4]) Это отчетливо выражаетъ Тацитъ сжатымъ описаніемъ состоянія умовъ и мнѣній въ моментъ смерти Августа. Онъ говоритъ, что нѣсколько человѣкъ сожалѣли о потерянной свободѣ, но такихъ было мало и жалобы ихъ остались безъ результата: pauci bona libertatis incassum disserere (Ann. I, 4).

свобода; даже нѣкоторая крайность въ этомъ направленіи ему не повредитъ. „Великое краснорѣчіе,—говоритъ Тацитъ,—подобно пламени: ему нуженъ матеріалъ для питанія, движеніе для возбужденія; оно блещетъ только когда горитъ“ [1]). Среди бурь народнаго правленія великій ораторъ можетъ достигнуть всего. Счастливый поворотъ судьбы возноситъ его къ власти и разомъ даетъ ему славу и богатство. Эти случайности были рѣдки при новомъ правительствѣ: краснорѣчіе играло здѣсь незначительную роль. Вотъ почему тѣ, которые жаждали подобныхъ приключеній, которые торопились выдвинуться, горячія натуры, пылкіе темпераменты, порожденные конвульсіями гражданской борьбы, которыхъ стѣснялъ порядокъ и правильность императорскаго режима, люди, подобные Лабіену, Кассію Северу, горько сожалѣли о республикѣ и громко высказывали это. Насколько ихъ мнѣнія выдѣлялись изъ робкой оппозиціи большого свѣта, показываетъ то обстоятельство, что въ общемъ ихъ тамъ ненавидѣли. Они открыто возставали противъ этого элегантнаго общества, которое возмущалось смѣлостью ихъ словъ, цинизмомъ ихъ поведенія и почти одобряло императоровъ за ихъ суровость къ такимъ лицамъ; но послѣдніе имѣли большое вліяніе въ школахъ. Знаменитые ораторы на форумѣ, они не пренебрегали и тѣми упражненіями, въ которыхъ риторы обучали своихъ учениковъ и которые назывались декламаціями. Они одновременно вносили туда блестящія качества своего краснорѣчія и смѣлость своихъ мнѣній. Разсказываютъ, что Лабіенъ декламировалъ однажды на одинъ излюбленный риторами сюжетъ; дѣло шло объ аферистахъ, которые подбирали брошенныхъ дѣтей и калѣчили ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ прибыльныхъ нищихъ. Всѣ ораторы обыкновенно съ жалостью относились къ жертвамъ; Лабіенъ осмѣлился встать на сторону палача. Онъ защищалъ его, напр., противъ цезарей и вельможъ, которые отнюдь не больше заслуживали уваженія человѣчества, запихивая рабовъ въ свои дома и калѣча ихъ для служенія своимъ прихотямъ, „которые, не будучи сами людьми, хотятъ

[1]) Тацитъ, De orat., 36: Magna eloquentia, sicut flamma materia alitur, et motibus excitatur, et urendo clarescit.

и другимъ помѣшать стать ими" [1]); справедливо ли наказывать какого-нибудь жалкаго преступника, если такіе изверги избѣгали правосудія? Подобное горячее краснорѣчіе прельщало молодыхъ людей. Лабіенъ и Кассій Северъ были въ модѣ у школьниковъ. Не только подражали ихъ манерѣ говорить, но и политическое настроеніе ихъ находило сочувствіе. Обычныя у риторовъ темы сохранялись еще отъ прежняго времени; здѣсь много говорилось о тираннѣ, лицѣ съ гиперболичной злостью, которому приписывались всякаго рода злодѣйства. Съ какимъ удовольствіемъ его отдѣлывали здѣсь! И какъ счастливъ былъ весь классъ, „цѣлымъ хоромъ убивая тиранна", какъ выражается Ювеналъ [2]). Современная исторія также проникала въ школу: и здѣсь трактовались сюжеты изъ событій ближайшаго прошлаго. Съ царствованія Августа жизнь и смерть Цицерона стали темой для декламацій учениковъ и учителей. Такъ предполагалось, что въ послѣднія свои минуты онъ разсуждаетъ съ друзьями о томъ, долженъ ли онъ умолять Антонія о прощеніи и сжечь свои филиппики. Это былъ удобный случай, чтобы поговорить о проскрипціяхъ, и никто не отказывалъ себѣ въ удовольствіи заклеймить мимоходомъ „кровавый торгъ, гдѣ назначалась цѣна за смерть гражданъ". Антонія, конечно, ругали больше всѣхъ другихъ тріумвировъ: онъ уже не могъ защищаться, его уже не было; но и другихъ не щадили. Здѣсь не хотѣли вѣрить той оффиціальной лжи, что Октавіанъ употребилъ всѣ усилія, чтобы вырвать Цицерона у своего коллеги; великому оратору говорили, что ему надо умереть, что ему не отъ кого ждать помощи, что онъ ненавистенъ одному изъ тріумвировъ и стѣснителенъ для другого, что его смерть освобождаетъ одного — отъ врага, а другого — отъ угрызенія совѣсти [3]). Можно думать, какими апплодисментами награждались подобныя смѣлыя рѣчи!

Итакъ, въ школахъ были еще республиканцы; особенно учителя должны были сожалѣть о прошломъ, такъ какъ

[1]) Сенека, Controv, 33.

[2]) Ювеналъ, VII, 151: quam perimit saevos classis numerosa tyrannos.

[3]) Сенека, Suas. 6: si cui ex triumviris non es invisus, gravis es.

они болѣе всѣхъ потеряли при новомъ строѣ; энтузіазмъ учениковъ не вознаграждалъ ихъ за успѣхи на форумѣ. Это сожалѣніе было вполнѣ естественно и его не трудно понять, если бѣгло взглянуть на то, что осталось отъ всего риторскаго краснорѣчія. Сколько потерянныхъ силъ! Сколько ума и таланта затрачено безъ пользы! Какая тонкость наблюденія! Что за сила мысли! Но, увы, въ тотъ моментъ, когда римское краснорѣчіе достигло высшей точки своего развитія, когда ему открывались всѣ пути, имперія внезапно заперла его въ школу! Какой ораторъ вышелъ бы, напр., изъ Порція Латрона, попробуй онъ свои силы въ борьбѣ, достойной его таланта! Сенека говоритъ, что въ его рѣчахъ были прекрасные порывы рядомъ съ неожиданными слабостями [1]); если ему случалось быть ниже своего таланта, если порой онъ какъ будто небрежничалъ, не происходило ли это оттого, что онъ въ душѣ сознавалъ всю безплодность своего искусства, думая о томъ, чего онъ могъ бы достигнуть въ другія времена? Его соперникъ, Альбуцій Силъ, обильно пересыпалъ свои рѣчи вульгарными словцами, чтобы не показаться исключительнымъ мастеромъ стиля [2]). Его отталкивало риторское ремесло, которому онъ служилъ съ такою славой. Поэтому онъ и не скрывалъ своихъ сожалѣній о той формѣ правленія, которая позволила бы ему стать политическимъ ораторомъ. Однажды, когда онъ защищалъ дѣло въ Миланѣ, слушателямъ хотѣли помѣшать ему аплодировать; онъ обернулся тогда къ статуѣ Брута и назвалъ его опорой и защитникомъ законовъ и свободы [3]). Если такіе серьезные и положительные люди, учителя, часто бывали республиканцами, то тѣмъ болѣе ученики должны были стать таковыми. Но, вѣроятно, пылъ молодого чувства удерживался ненадолго. Вступивъ въ дѣйствительную жизнь, эти молодые люди забывали свои прежнія мнѣнія. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые въ школѣ всѣхъ горячѣй убивали тиранна, которые энергично совѣтовали Цицерону лучше умереть, чѣмъ опозорить себя, шли по кратчайшей дорогѣ и, стремясь быстрѣе выдвинуться,

[1]) Сенека, Controv. I, предисловіе.

[2]) Controv. VII, предисловіе.

[3]) Светоній, Derhet., 6.

дѣлались доносчиками. Более честные становились благоразумными изъ чувства самосохраненія и не отказывались нѣсколькими льстивыми выраженіями заплатить за свою безопасность; въ конечномъ же счетѣ всѣ мирились съ принципомъ существующаго режима; всѣ единогласно признавали, что обширное пространство имперіи, разнообразіе составляющихъ ее народовъ, напирающіе на ея границы враги,— все это требовало для большей силы власти ея средоточія и отдачи въ руки одного человѣка.

Вотъ почему ораторы не были опасны для цезарей; философы были въ ихъ глазахъ подозрительнѣе — они казались имъ истинными врагами имперіи. Начиная съ Тиберія было организовано преслѣдованіе философовъ, которое продолжалось безъ перерыва до Антониновъ. Философы часто терпѣли гоненія поодиночкѣ, но иногда подвергались и массовымъ преслѣдованіемъ: при Неронѣ, Веспасіанѣ, Домиціанѣ всѣ они были изгнаны изъ Рима и изъ Италіи.

Чѣмъ же заслужили они эти строгости? Ихъ считали недовольными новымъ строемъ и приверженцами стараго. Ихъ обвиняли въ подражаніи такимъ отчаяннымъ республиканцамъ, какъ Туберонъ, Фавоній, Брутъ. Доносчики говорили о стоикахъ: „Это секта, которая никогда не порождала ничего, кромѣ интригановъ и бунтовщиковъ“ [1]). Такое мнѣніе было широко распространено даже среди умѣренныхъ круговъ общества, такъ что Сенека почувствовалъ необходимость возстать противъ него. Онъ сдѣлалъ это въ знаменитомъ письмѣ, гдѣ старался доказать, что у цезарей нѣтъ болѣе вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ, чѣмъ философы. „Изъ путешественниковъ,—говорилъ онъ,—которые плаваютъ по тихому морю, больше всего выигрываютъ отъ спокойствія водъ и больше чувствуютъ себя обязанными Нептуну тѣ, кто перевозитъ самые лучшіе товары“; такимъ же образомъ общественное спокойствіе наиболѣе драгоцѣнно для тѣхъ, кто пользуется имъ, чтобы достигнуть мудрости. А такъ какъ философы лучше всѣхъ другихъ пользуются спокойствіемъ, то они умѣютъ и лучше оцѣнить его благо-

[1]) Тацитъ, Ann., XVI, 23.

дѣяніе и чувствуютъ больше благодарности къ тому, кто даетъ его [1]. Несомнѣнно, что лично Сенека отнюдь не республиканецъ; во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ излагаетъ свое политическое credo, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія въ его убѣжденіяхъ. Монархія при справедливомъ царѣ казалась ему лучшимъ изъ правительствъ [2]; онъ не думалъ, чтобы можно было вернуться къ древней республиканской формѣ правленія, разъ были потеряны древніе нравы [3]; онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что считаетъ императорскую власть необходимой для блага Рима: „Если бы случай намъ позволилъ свергнуть это иго, и если бы мы не согласились вновь возложить его на свою голову, то удивительное единство и обширное зданіе нашей имперіи разсыпались бы на куски. Когда Римъ перестанетъ повиноваться, онъ перестанетъ и повелѣвать“ [4]. Правда, что имя Катона не сходитъ съ языка Сенеки; это могло бы дать поводъ заподозрить его, что онъ симпатизируетъ тому дѣлу, которому Катонъ такъ благородно служилъ; но надо замѣтить, что обычныя похвалы, которыя Сенека расточаетъ Катону, не такого свойства, чтобы его компрометировать. Онъ видитъ въ немъ только одного философа и порицаетъ въ Катонѣ патріота и республиканца; онъ находитъ, что своимъ вмѣшательствомъ въ общественныя дѣла Катонъ унизилъ себя. „Что тебѣ дѣлать,—говоритъ онъ ему,—въ этой свалкѣ? Дѣло идетъ уже не о свободѣ, она давно потеряна. Теперь рѣшается вопросъ, которому изъ двухъ соперниковъ будетъ принадлежать республика; что тебѣ до этого спора? Ни одна изъ сторонъ не достойна тебя“ [5]. Исправленный такимъ образомъ Катонъ, чтобы стать мудрецомъ, перестаетъ быть гражданиномъ, онъ паритъ слишкомъ высоко надъ человѣчествомъ, чтобы заниматься нашими мелкими дрязгами, онъ совершенно утратилъ интересъ къ политическимъ дѣламъ, онъ не могъ болѣе затмевать цезарей и

[1] Epist. 73.

[2] De benef., II, 20: cum optimus status civitatis sub rege justo sit.

[3] Тамъ же.

[4] De clem. I, 4.

[5] Epist. 14.

хвалить его можно было безъ опасенія прослыть бунтовщикомъ [1]).

Чувства Сенеки раздѣлялись, вѣроятно, большинствомъ тогдашнихъ философовъ. Самый знаменитый изъ нихъ, благородный Тразеа, также не кажется намъ рѣшительнымъ врагомъ имперіи. Мы представляемъ себѣ его обыкновенно строгимъ человѣкомъ, фрондеромъ суроваго нрава; это былъ, напротивъ, свѣтскій человѣкъ, домъ котораго посѣщался мужчинами и женщинами изъ хорошаго круга. Тразеа очень любилъ театръ и въ своей родинѣ, Падуѣ, онъ появился однажды на сценѣ въ трагическомъ костюмѣ, что сильно скандализировало бы древнихъ Римлянъ [2]). По словамъ Плинія, онъ былъ необыкновенно мягкій человѣкъ и не желалъ строгости даже по отношенію къ величайшимъ преступникамъ. „Кто слишкомъ ненавидитъ пороки,—говорилъ онъ часто,—тотъ не любитъ людей“ [3]). И свою оппозицію Тразеа проводилъ очень скромно и съ большимъ тактомъ. Онъ не былъ прямолинеенъ и рѣзокъ. Если онъ считалъ нужнымъ поднять голосъ въ сенатѣ противъ какой-нибудь нежелательной мѣры, то начиналъ съ восхваленія императора, котораго онъ, не колеблясь, называлъ превосходнымъ государемъ, egregius princeps, хотя этотъ превосходный государь былъ Неронъ [4]); да и такія выходки онъ рѣдко позволялъ себѣ и больше любилъ протестовать однимъ молчаніемъ. Когда Неронъ пѣлъ, онъ не засыпалъ, какъ это случилось однажды съ Веспасіаномъ, едва не заплатившимъ жизнью за такую невѣжливость; онъ даже апплодировалъ въ удачныхъ мѣстахъ, только его энтузіазмъ находили слишкомъ умѣреннымъ. Когда въ сенатѣ разыгрывались странныя комедіи, а растерянные сенаторы, опьяняя самихъ себя криками одобренія, въ концѣ концовъ, доходили до какого-то изступленія лести, Тразеа былъ холоднѣе своихъ

[1]) Что можно было хвалить Катона, не будучи мятежникомъ, это доказываетъ Петроній, который безъ всякихъ колебаній прославляетъ его въ самыхъ высокихъ выраженіяхъ въ своей поэмѣ De bello civili.

[2]) Тацитъ, Ann. XVI, 21.

[3]) Плиній, Epist. VIII, 22.

[4]) Тацитъ, Ann. XIV, 48.

коллегъ, но и онъ подавалъ голосъ вмѣстѣ съ остальными [1]). Онъ умышленно вполнѣ высказывался лишь тогда, когда дѣло шло о малозначительныхъ вопросахъ, къ которымъ, по его мнѣнію, императоръ былъ равнодушенъ [2]); такая выдержанная осторожность долго предохраняла его отъ гнѣва государя. Припомнимъ, что хотя Тразеа слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ имперіи, онъ былъ все же одной изъ послѣднихъ жертвъ Нерона.

Оппозиція философовъ не носила, слѣдовательно, крамольнаго характера, какъ это утверждали доносчики. Единственный поводъ, который давали философы для упрековъ въ томъ, что они находятся въ заговорѣ и конспираціи, былъ тотъ, что въ одинаковыхъ случаяхъ они вели себя одинаково: когда они видѣли, что честный человѣкъ не можетъ уже появляться въ сенатѣ, они рѣшали или не приходить вовсе, если же приходили, то молчали. „Они требовали для себя единственной, самой умѣренной свободы ничего не говорить“; [3]) но именно этого имъ и не хотѣли разрѣшить. Когда нельзя было уличить философовъ въ открытомъ заговорѣ, ихъ обвиняли въ томъ, что они стакнулись воздерживаться. Въ такихъ границахъ, намъ кажется, обвиненіе было справедливо, и почти всѣ философы, повидимому, его заслуживали. На закатѣ своей жизни Сенека совѣтовалъ Луцилію удалиться отъ дѣлъ [4]). Въ то же время онъ наполнялъ свои трагедіи тирадами о прелести ничтожества, о счастіи жить „вдали отъ скользкихъ вершинъ власти“ и умереть „старымъ плебеемъ“. [5]) Когда ему показалось, что настало время самому удалиться, какъ онъ совѣтовалъ другимъ, онъ просилъ на это соизволеніе государя, чтобы его рѣшеніе не было дурно истолковано. Сенека предложилъ возвратить Нерону всѣ имѣнія, которыя получилъ отъ него, и просилъ позволенія удалиться отъ двора. [6]) Неронъ отказалъ

---

1) Тацитъ, Ann., XIV, 12; silentio vel brevi assensu priores adulationes transmittere solitus.

2) Тацитъ, Ann. XII, 49.

3) Сенека, Oedip, 523: Tacere liceat: nulla libertas minor a rege petitur.

4) Epist. 19 и сл.

5) Сенека, Thyeste, 390.

6) Тацитъ, Ann. XIV, 53,

ему въ этомъ. Около того же времени Тразеа, который не захотѣлъ поздравить императора со смертью его матери, а также воздать божескія почести Поппеѣ, совершенно перестал принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Стараясь не быть замѣшаннымъ въ мѣропріятіяхъ, которыя онъ считалъ преступными, но не желая всетаки явиться бунтовщикомъ, нападая на нихъ открыто, онъ удалился изъ сената и въ теченіе трехъ лѣтъ не показывался тамъ. Этимъ воспользовались доносчики, чтобы погубить его. Они разсказывали Нерону, что въ провинціяхъ и въ войскахъ читается Оффиціальный журналъ Рима, куда заносились постановленія сената и имена голосовавшихъ сенаторовъ, съ спеціальной цѣлью узнать, „чего Тразеа не захотѣлъ сдѣлать“ [1]). Неронъ обратился къ сенаторамъ съ жалобой на тѣхъ, кто не исполняетъ своихъ обязанностей и личнымъ примѣромъ поощряетъ безпечность другихъ; въ результатѣ Тразеа, какъ „дезертиръ общаго дѣла“, былъ приговоренъ къ смерти. Вотъ крайній предѣлъ, наибольшая смѣлость оппозиціи, которая такъ дорого стоила философамъ! Она не осмѣливалась выливаться въ опредѣленныхъ и прямыхъ дѣйствіяхъ и никогда не шла дальше молчанія и воздержанія. Такое поведеніе можетъ объяснить ненависть къ нимъ дурныхъ государей, но оно, конечно, не въ силахъ оправдать ихъ жестокихъ мѣръ.

Сила оппозиціи не только была преувеличена, но и самый принципъ ея не былъ понятъ. Несомнѣнно, они не любили дурныхъ цезарей, чему нельзя удивляться и чего нельзя имъ ставить въ вину; но они ненавидѣли пороки цезарей, а не власть ихъ. Эта власть дѣйствительно нисколько ихъ не стѣсняла и они охотно мирились съ нею. Почти всѣ эти мудрецы дѣлали видъ, будто они съ презрѣніемъ смотрятъ на суету земныхъ дѣлъ и обсуждать подробности правленія казалось имъ низкимъ ремесломъ. Они проповѣдывали также, что духъ можетъ и долженъ отрѣшаться отъ плоти, что онъ самъ создаетъ свою судьбу и свое счастье, что случаи жизни не имѣютъ вліянія на

---

[1]) Тацитъ, Ann. XVI, 22: Diurna populi romani per provincias, per exercitus, curatius leguntur ut noscatur quid Thrasea non fecerit.

него, что духъ можетъ быть счастливымъ въ нищетѣ и мученіяхъ, свободнымъ въ оковахъ. Такимъ образомъ, режимъ, при которомъ они жили, мало ихъ интересовалъ, и самые отважные изъ нихъ желали даже, чтобъ онъ былъ суровымъ и тѣмъ самымъ позволилъ-бы имъ упражнять свою добродѣтель, какъ набожный человѣкъ желаетъ страданій и бѣдности, которыя помогли бы ему скорѣе достигнуть небесъ. Слѣдовательно, оппозиція философовъ противъ цезарей была не столько политическая по своему принципу, сколько моральная. Они болѣе всего цѣнили соблюденіе простыхъ правилъ честности, и въ императорѣ они порицали больше человѣка, чѣмъ властителя. Они ставили ему въ вину излишество празднествъ, изобиліе ѣды, пышность, распутство, безчеловѣчность или, лучше сказать, они включали его въ ту анаѳему, которую они произносили надъ всѣми своими современниками; но обыкновенно они дальше не шли и если бы имѣли счастье видѣть на Палатинскомъ холмѣ честнаго и умѣреннаго ~~цезаря~~ (какимъ былъ впослѣдствіи Маркъ Аврелій, добрый супругъ и нѣжный отецъ, поглощенный своими обязанностями, педантъ въ исполненіи ихъ, охотно убѣгающій отъ толпы, чтобы углубиться въ самого себя) они бы вполнѣ помирились съ нимъ и ничего больше не желали [1]). Итакъ философы не были заговорщиками, какими ихъ выставляли доносчики; можно даже утверждать, что нѣкоторое равнодушіе, которое они рекомендовали по отношенію къ внѣшнимъ вещамъ, наклонность искать полнаго удовлетворенія въ душѣ и пренебрегать всѣмъ остальнымъ, — все это было на руку установившемуся режиму и дѣлало ихъ мирными подданными. Но если такая оппозиція не угрожала имперіи, то она была очень непріятна цезарю. Она принимала форму поученія, а ничто такъ не выводитъ изъ терпѣнія людей съ высокимъ положеніемъ, какъ выслушиваніе поученій. Они неохотно переносятъ подобные

---

[1]) Мы не хотимъ сказать, чтобы Маркъ Аврелій удовлетворилъ тѣхъ людей, которые спеціализировались на недовольствѣ. И въ его правленіе были лица, которыя продолжали жаловаться. Его историкъ замѣчаетъ по этому поводу, что нѣтъ такого государя, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, котораго пощадило бы злословіе. Hist. Aug., Marc. Anton, 15.

выговоры и не любятъ непрошенныхъ наставниковъ. Когда Неронъ возвращался къ себѣ въ костюмѣ кучера или комедіанта, когда онъ шелъ ночью домой послѣ какой-нибудь драки, что было однимъ изъ любимѣйшихъ его удовольствій, онъ приходилъ, конечно, въ ярость, если ему встрѣчался кто-нибудь изъ этихъ людей съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ серьезной осанкой, въ строгой одеждѣ, которые какъ будто для того и попадались ему на пути, чтобъ напоминать объ обязанностяхъ.[1] Онъ и питалъ дѣйствительно смертельную ненависть къ философамъ; его нетрудно было убѣдить въ томъ, что они глубокіе конспираторы, что они всегда подготовляютъ исподтишка какое-нибудь великое предпріятіе и, будучи заклятыми врагами имперіи, работаютъ надъ возстановленіемъ стараго порядка.

Эти упреки были не ~~серьезны~~; что бы ни утверждали доносчики, оппозиція въ общемъ не имѣла ни такихъ далекихъ видовъ, ни такихъ установившихся принциповъ. Когда государи видѣли ловкихъ и рѣшительныхъ заговорщиковъ въ свѣтскихъ людяхъ, виновныхъ въ нѣсколькихъ остротахъ, они дѣлали имъ слишкомъ много чести. Кто дѣйствительно былъ въ заговорѣ, тотъ, конечно, остерегался чѣмъ-нибудь выдать себя; другіе высказывались безъ умысла, случайно, чтобъ дать выходъ своей ~~злобѣ~~. У нихъ не было выработаннаго плана, они не пытались сговориться, не составляли партіи. Самые рѣшительные изъ недовольныхъ страстно желали избавиться отъ ~~здравствующаго~~ цезаря, но въ общемъ ихъ мысль не шла дальше. ~~У нихъ~~ больше ненависти ~~было~~ къ человѣку, нежели ~~къ~~ режиму, ~~они не~~ хотѣли перемѣны правленія, ~~но~~ смѣны повелителя. Итакъ, между недовольными въ Римѣ могли встрѣчаться единичные республиканцы, но мы не допускаемъ, чтобы во времена имперіи существовала республиканская партія.

---

[1] Тацитъ, Анн. XVI, 22: rigidi et tristes, quo tibi lasciviam exprobrent.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ссылка Овидія.

Мы видѣли, что Августъ къ концу своего правленія измѣнилъ политику относительно тѣхъ, которые осмѣливались быть недовольными имъ и высказали это. Онъ долгое время показывалъ, что презираетъ ихъ нападки, теперь же началъ сурово наказывать ихъ и, повидимому, не намѣренъ былъ терпѣть больше уже никакой оппозиціи. Именно въ этотъ-то моментъ поэтъ Овидій былъ изгнанъ изъ Рима и сосланъ на край свѣта. Эта ссылка является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и темныхъ событій эпохи Августа. Причина ссылки остается весьма гадательной: императорскій эдиктъ, который водворилъ поэта въ дикія страны Эвксинскаго Понта, ставитъ ему въ вину только изданіе поэмы Ars amandi; но въ Римѣ всякій зналъ, что безнравственность его произведеній не была единственнымъ мотивомъ изгнанія поэта. Говорили, что Овидій совершилъ болѣе серьезный поступокъ и лично противъ императора; объ этомъ говорили, но говорили шопотомъ, и ни одинъ писатель древности не открываетъ намъ, какого рода былъ этотъ поступокъ. Единственный документъ, по которому мы можемъ судить о немъ, это произведенія самого Овидія; намъ кажется, они могутъ дать въ этомъ отношеніи достаточныя указанія. Поэмы, написанныя Овидіемъ во время своего пребыванія въ Римѣ, позволяютъ намъ оцѣнить оффиціальный мотивъ его ссылки; то, что онъ написалъ позднѣе, поможетъ открыть намъ ея тайную причину. Надо изслѣдовать тотъ и другой періодъ творчества Овидія, если мы хотимъ разрѣшить эту историческую загадку.

I.

Счастливая юность Овидія. — Онъ очарованъ своимъ вѣкомъ. — Его современники благоволятъ къ нему. — Amores. — Ars amandi. — Какіе упреки вызывало это призведеніе? — Отвѣтъ Овидія на эти упреки.

Никогда, думается намъ, не было человѣка болѣе счастливаго, чѣмъ Овидій до своей ссылки. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ жизнь была къ нему гораздо ласковѣе, чѣмъ она обыкновенно бываетъ къ поэтамъ. Горацій и Вергилій, его великіе предшественники, не пользовались такой постоянной удачей, а быть можетъ и такимъ безусловнымъ успѣхомъ. Овидію не нужно было, подобно имъ, бороться съ суровою нуждою; онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые, благодаря своему происхожденію и состоянію, находятъ готовое, мѣсто въ свѣтѣ, какъ только они въ немъ появляются. Его семья носила уважаемое имя и занимала видное положеніе; его отецъ былъ человѣкъ со средствами и старался сохранить ихъ. Въ молодости Овидій жаловался на эту послѣднюю черту въ характерѣ отца, ограничивавшую его вольности [1]), но впослѣдствіи онъ даже воспользовался ею. Самъ онъ при всѣхъ своихъ безумствахъ никогда не былъ расточителенъ. Мы знаемъ, что за любовь онъ охотнѣе платилъ красивыми стихами, нежели чистыми деньгами; такимъ образомъ для своего существованія Овидію не было нужды состоять на жалованіи у какого-нибудь покровителя, подобно большинству своихъ собратьевъ. Его слава началась съ раннихъ лѣтъ. Онъ былъ знаменитъ еще ученикомъ, и память объ его патетическихъ импровизаціяхъ долго сохранялась среди риторовъ [2]). Въ двадцать лѣтъ онъ читалъ свои стихи въ многолюдныхъ собраніяхъ. Горацій и Тибулъ, Вергилій и Проперцій еще были живы; Римъ, все вниманіе котораго занимали эти великіе геніи, былъ вправѣ игнорировать или же равнодушно относиться къ новичкамъ; несмотря на это, римскій свѣтъ внимательно прислушивается къ молодому поэту и до конца не перестаетъ выражать ему одобреніе. „Мнѣ посчастливилось, — говоритъ намъ Овидій, —

---

[1]) Am. I, 3, 10.

[2]) Сенека, Controv. 10.

пріобрѣсти при жизни ту славу, которая обыкновенно выпадаетъ на долю лишь мертвецовъ [1]).“

Счастье поэта завершалось его полнымъ довольствомъ и самимъ собою и окружающими. У него былъ не такой характеръ, чтобы видѣть въ жизни однѣ дурныя стороны. Обычно, если поэтамъ недостаетъ дѣйствительныхъ несчастій, они создаютъ себѣ воображаемыя. Въ большинствѣ случаевъ настоящее имъ не нравится; они живутъ охотнѣе въ прошедшемъ или въ будущемъ, и эти экскурсіи доставляютъ имъ тысячу причинъ для жалобъ на все окружающее. Овидій, напротивъ, любилъ свое время и чувствовалъ, что онъ созданъ именно для него. „Пусть другіе,—говоритъ онъ,— сожалѣютъ о древнихъ временахъ; я почитаю себя счастливымъ, что родился въ этомъ вѣкѣ: онъ мнѣ пришелся по вкусу [2]).“ Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ старается восхвалять древнюю доблесть, чтобъ показаться человѣкомъ серьезнымъ и понравиться императору, онъ находитъ средства проявить свои подлинныя чувства. Послѣ красивой тирады, гдѣ онъ прославляетъ то счастливое время, когда консуловъ брали отъ плуга, когда спали на соломѣ съ вязанкой сѣна подъ головой, онъ спѣшитъ исподтишка прибавить: „Хотя мы и хвалимъ старыхъ людей, но живемъ, какъ люди современные [3]).“ Слова эти были вполнѣ справедливы.

Кто такъ полонъ и такъ увлеченъ своимъ временемъ, тотъ не любитъ покидать его, тотъ всегда носитъ съ собою воспоминаніе о немъ и сообщаетъ его характеръ всѣмъ другимъ эпохамъ. Именно такъ поступалъ Овидій, что и отличаетъ его отъ другихъ писателей его вѣка. Воображеніе Вергилія охотнѣе уносилось въ далекіе и первобытные вѣка, гдѣ онъ и выводилъ своихъ героевъ. Повидимому, изъ нихъ особенно по душѣ ему пришелся образъ добраго царя Эвандра, настоящаго царя золотого вѣка, который гуляетъ подъ единственной охраной двухъ собакъ и просыпается въ своей хижинѣ подъ пѣніе птицъ. Титъ Ливій заявилъ въ своей

[1]) Trist. IV, 10, 121.

[2]) Ars am. III, 121.

[3]) Fast. I, 225: **Laudamus veteres, sed nostris utimur annis.**

знаменитой фразѣ, что когда онъ разсказываетъ про древность, то и его душа дѣлалась древнею. Овидій поступаетъ наоборотъ: онъ приближаетъ древность къ себѣ, вмѣсто того, чтобы самому уйти въ нее; онъ смотритъ на нее сквозь призму своего времени и даетъ ей свою окраску. Его обычный методъ состоитъ въ модернизаціи. Этотъ пріемъ пріобрѣтаетъ особую прелесть и потому еще, что поэтъ пользуется имъ безъ всякаго усилія, съ какой-то наивностью: онъ описываетъ прошлое такъ, какъ онъ его видитъ. Такой характеръ присущъ уже первымъ его произведеніямъ: молодыя женщины или дѣвушки, которыхъ онъ заставляетъ говорить въ своихъ Героиняхъ, — все современницы Августа, свѣтскія особы, остроумныя и хорошо воспитанныя, лишенныя всякой античной простоты. Онѣ постоянно заняты тѣмъ, что пишутъ письма своимъ мужьямъ или любовникамъ; онѣ ожидаютъ и получаютъ отъ нихъ отвѣты, что предполагаетъ довольно оживленныя письменныя сношенія между всѣми частями свѣта; посланцы проникаютъ даже на пустынный островъ Наксосъ, гдѣ покинутая Аріадна утѣшается, сочиняя трогательное посланіе къ тому, кто только что ее покинулъ. Всѣ мелочи носятъ тотъ же самый характеръ. Герои троянской войны, возвратившись домой, разсказываютъ за виномъ о своихъ подвигахъ, совсѣмъ какъ римскіе легіонеры. Парисъ — это щеголь, который тутъ же за столомъ Менелая и въ его присутствіи признается въ своей любви Еленѣ, соблюдая всѣ пріемы, которые позднѣе будутъ описаны въ Искусствѣ любви. Елена, неравнодушная къ красотѣ Фригійца, очень смущена его вопросомъ и не знаетъ, что на него отвѣтить. Это первое любовное пасьмо, которое она пишетъ; она завидуетъ счастью женщинъ, у которыхъ имѣется больше опыта, чѣмъ у нея: felices quibus usus adest [1]). Мы видимъ, какъ далеко ушелъ Овидій отъ Гомера, и неудивительно, что благоговѣйные поклонники древности жаловались, что поэтъ профанируетъ ее; но чтобы понять произведенія послѣдняго, нужно читать ихъ такъ, какъ онъ ихъ писалъ, а не требовать отъ него того, чего онъ не хотѣлъ давать.

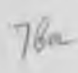
[1]) Heroid. XVII, 145.

Овидій не изъ числа тѣхъ строгихъ художниковъ, которые стремятся проникнуть въ шедевры древности и почтительно ихъ воспроизводить. Онъ все время только заигрываетъ съ прошлымъ; онъ говоритъ о немъ съ улыбкой на устахъ. Овидія вполнѣ справедливо сравнивали съ его соотечественникомъ, Аріостомъ; у обоихъ одна манера обращаться съ воспоминаніями и древними легендами. Оба любятъ разсказывать ихъ, но оба просто извлекаютъ изъ этихъ разсказовъ только веселое; они держатся на серединѣ между ироніей и серіозностью. Въ этомъ ихъ главная оригинальность и причина ихъ громкаго успѣха. Вергилій говоритъ, что въ его время миѳологія износилась; Овидій обновилъ ее, но въ то же время и извратилъ ея характеръ, почему всѣ, читавшіе его стихи, удивлялись, какую новую прелесть онъ умѣлъ придать старымъ разсказамъ: его герои неожиданно становились вновь живыми и молодыми, приспособлялись къ обычаямъ, взглядамъ и образу жизни читателей, безъ колебанія провозгласившихъ Овидія первымъ поэтомъ своего времени.

Безусловно, такая оцѣнка преувеличена, но по крайней мѣрѣ она была вполнѣ искренна. Современное Овидію общество узнавало себя въ его произведеніяхъ, и, превознося ихъ, хвалило и себя. Никто лучше его не изобразилъ этого общества. Чтобы понять его во второй половинѣ царствованія Августа нужно читать Овидія. Изученіе римскаго общества по произведеніямъ этого поэта ясно показываетъ намъ, насколько оно не похоже на его обычныя фантастическія изображенія. Въ большинствѣ случаевъ къ нему относятся съ жалостью, такъ какъ оно потеряло свою свободу. Эта потеря несомнѣнно велика, но общество переносило ее довольно легко. Такъ какъ оно видѣло лишь послѣднія несчастныя битвы ради защиты свободы или ея уничтоженія, то можно сказать, что римское общество страдало изъ-за свободы, не зная ея. Оно никогда о ней не сожалѣло. Это общество цѣликомъ принадлежало настоящему; подобно Овидію, оно не переживало тревожныхъ воспоминаній, которыя всегда вносятъ нѣкоторую горечь въ удовольствія текущія. Мѣсто общественныхъ дѣлъ, которыми римляне перестали заниматься, заняли другіе пред-

меты развлеченія, болѣе для нихъ пріятные. Интересъ къ жизни перемѣстился. Онъ уже не сосредоточивался, какъ нѣкогда, на завоеваніи политическаго вліянія, на управленіи партіями и народными страстями; теперь люди стремились блистать въ благовоспитанномъ обществѣ, распространять въ немъ славу о своемъ умѣ или молву о своихъ похожденіяхъ. Это былъ праздный міръ занятыхъ людей, in otio negotiosi; тысячи важныхъ пустяковъ, составляющихъ свѣтскую жизнь, отнимали у нихъ досугъ и не давали времени сожалѣть о гражданской дѣятельности, которую они утратили. Вотъ какое представленіе о современникахъ Овидія складывается у насъ при чтеніи его произведеній. Мы не осмѣлимся безусловно утверждать, что это была счастливая эпоха: счастье, въ самомъ общемъ значеніи этого слова, содержитъ въ себѣ и то серьезное удовольствіе, которое испытываетъ человѣкъ, сознавая господиномъ самого себя и управляя своей судьбою; тогда же всѣ находились въ полной зависимости отъ одного человѣка; но эта эпоха была, по крайней мѣрѣ, совершенно довольна своей судьбой. Никогда въ другое время такъ широко не пользовались всѣми доступными благами и не думали такъ мало о тѣхъ благахъ, которыхъ лишились.

Понятно, такое общество вполнѣ подошло къ Овидію и онъ считалъ за счастье жить въ немъ: никто лучше него не былъ приспособленъ къ современнымъ ему пріятностямъ. Что такой человѣкъ пользовался громкимъ успѣхомъ, что онъ долго жилъ одною жизнью съ людьми своего вѣка и своего положенія, это можно заранѣе предположить, еслибъ

онъ даже скрылъ отъ насъ свои симпатіи, которыя, напротивъ, онъ старательно подчеркивалъ. Его Amores содержитъ исторію его юности, откуда видно, по всѣмъ приключеніямъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, что свою юность онъ провелъ весьма легкомысленно. Правда, позднѣе, въ ссылкѣ, онъ старался смягчить дурное впечатлѣніе своихъ первыхъ произведеній. Его письма къ императору и къ друзьямъ полны запирательствъ. Онъ хотѣлъ бы увѣрить насъ, что его нравы были лучше его произведеній, что „если муза его была легкомысленна, то по крайней мѣрѣ

жизнь его была чиста“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ очень возможно, что во всѣхъ его разсказахъ много выдуманнаго и просто ложнаго. Его стихи не вытекаютъ прямо изъ сердца, какъ, напр., у Катулла; въ его элегіяхъ нѣтъ невольныхъ и порывистыхъ признаній, которыя носили бы печать правдивости. Овидій представляется намъ скорѣе человѣкомъ съ распутнымъ воображеніемъ, и въ его вольныхъ похожденіяхъ голова, кажется, играла бо̀льшую роль, чѣмъ сердце. Его болѣзненный темпераментъ, его слабое здоровье не позволяли большихъ излишествъ. Онъ самъ говоритъ, что былъ блѣденъ и почти никогда не пилъ вина [2]). Когда Овидій воспѣваетъ свою любовь, то любовныя раны его всегда оказываются легкими; онѣ не могутъ заставить его забыть, что онъ поэтъ. Любовникъ не затираетъ художника, который только и думаетъ, какъ бы изъ всего того, что онъ дѣлаетъ или видитъ, извлечь выгоду для своей поэзіи. Итакъ, онъ могъ преувеличивать свои чувства; онъ украшалъ дѣйствительность, чтобы сдѣлать ее болѣе достойною вниманія читателей; но, несмотря на его утвержденія, далеко не все было имъ выдумано. Коринна — созданіе не одного только разсудка, и въ описаніи ея развлеченій есть нѣчто большее, чѣмъ поэтическія мечты и фикціи. Овидій самъ сознается въ этомъ въ минуту откровенности. Въ тотъ моментъ, когда онъ пытается защитить свою молодость, у него проскальзываютъ слова: „Мое сердце тогда было нѣжно, чувствительно къ стрѣламъ любви, оно воспламенялось отъ малѣйшей искры“ [3]). Это признаніе стоитъ замѣтить. Овидій не обманываетъ насъ, когда въ своихъ Amores говоритъ въ прекрасныхъ стихахъ, что онъ влюблялся во всѣхъ женщинъ: „У меня нѣтъ силы управлять собою; я подобенъ кораблю, который уносятъ быстрыя волны. Мое сердце не ограничивается предпочтеніемъ извѣстныхъ красавицъ, оно находитъ сотни причинъ любить ихъ всѣхъ“; затѣмъ онъ перечисляетъ, какъ Донъ-Жуанъ, всѣхъ тѣхъ, которыя ему нравятся [4]). Допустимъ, что въ его при-

[1]) Trist. II, 354.
[2]) Pont. I, 10, 30.
[3]) Trist. IV, 10, 65.
[4]) Am. II, 4, 7.

знаніяхъ есть доля преувеличенія и фатовства, тѣмъ не менѣе основа ихъ справедлива. На этой основѣ Овидій свободно вышивалъ узоры. Свои приключенія онъ проводитъ по всѣмъ ступенямъ, обычнымъ при подобнаго рода чувствѣ, чтобъ имѣть удовольствіе описать ихъ; онъ пользуется случаемъ, чтобы описать любовь ревнивую, любовь счастливую, любовь обманутую; но этотъ случай доставляла ему его собственная біографія, поэтому тѣ, что искали въ его элегіяхъ поводовъ къ нападкамъ на его юность, дѣлали это не безъ основанія.

Позволяя себѣ такимъ образомъ измѣнять и украшать дѣйствительность, поэтъ вноситъ иногда нѣкоторую неопредѣленность въ свои картины. Такъ, напр., мы не можемъ ясно различить, въ какой свѣтъ онъ насъ вводитъ. Такая неопредѣленность очень важна, и мы увидимъ позднѣе, что ею жестоко воспользовались противъ самого поэта. Какого сорта женщины принимали участіе въ тѣхъ веселыхъ собраніяхъ, которыя онъ самъ описываетъ? Главное, кто эта Коринна, его первая возлюбленная? Все, что мы знаемъ о ней, это то, что имя Коринны ей не принадлежало: поэтъ выдумалъ его, чтобы скрыть ея настоящее имя [1]). Если онъ боялся ее скомпрометтировать, ясно, что репутація ея заслуживала пощады. Слѣдовательно, она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя ищутъ приключеній и шума. Въ противномъ случаѣ она бы захотѣла быть названной, потому что стихи великаго поэта ввели бы ее въ моду [2]). Но принадлежала ли она къ хорошему обществу? Этому можно повѣрить, судя по описанію Овидіемъ того, у кого онъ ее отнялъ: онъ называетъ его ея мужемъ, vir suus. „Такъ сильно охранялась эта женщина, оберегаемая мужемъ, бдительнымъ слугою и крѣпкой дверью; сколько враговъ надо было побѣдить!“ [3]) Если предположить даже, что названіе мужа скрываетъ здѣсь другое, менѣе почетное имя, нужно все же признать, что завоеваніе Коринны было дѣломъ труднымъ,

---

[1]) Trist. IV, 10, 60.

[2]) Овидій же разсказываетъ, что одна изъ такихъ женщинъ, пользуясь этой неопредѣленностью, всюду говорила, что Коринна это она сама. Am. II. 17, 29.

(3 Am. II, 12, 3.

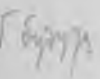
что она была не изъ тѣхъ, что достаются всѣмъ. Правда, вникая въ нѣкоторыя детали, которыя Овидiй сообщаетъ о ней, мы находимъ ее весьма податливой и самаго легкаго нрава; но въ конечномъ итогѣ она не хуже Делiи Тибулла и Цинтiи Проперцiя, а мы знаемъ, что обѣ онѣ были свѣтскiя дамы, послѣдняя носила даже почтенное имя. Тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ думать, несмотря на всѣ эти доводы, что Коринну слѣдуетъ причислить, какъ выражается Горацiй, ко второму классу или, какъ у насъ говорятъ, къ дамамъ полусвѣта. Овидiй очень горячо защищается отъ обвиненiя, что онъ любилъ замужнихъ женщинъ. „Нѣтъ никого,—говоритъ онъ,—даже изъ простого народа, который по моей винѣ могъ бы сомнѣваться въ законности своихъ дѣтей“ [1]). Это было одно изъ величайшихъ преступленiй для римлянъ; оно осуждалось общественнымъ мнѣнiемъ такъ же, какъ и закономъ. Въ свою очередь къ любви куртизанокъ относились весьма терпимо. Плавтъ, который иногда старается быть моралистомъ, говоритъ: „Только бы не заходить въ чужiя владѣнiя; ничто не мѣшаетъ идти по большой дорогѣ“. Вотъ почему Овидiй, такъ сильно занимавшiй общество своей разсѣянной жизнью, хотя и признавалъ, что всѣ въ Римѣ говорили о немъ, но смѣло прибавлялъ, что дурные слухи его не касались. Вѣдь связь съ Коринной и съ подобными ей не была изъ числа тѣхъ, которыя создаютъ дурную славу.

Надо сознаться, что эта неопредѣленность, отъ которой весьма трудно избавиться, читая Amores, не особенно благопрiятна для общества того времени. Если трудно опредѣлить, какой именно классъ общества хотѣлъ вывести Овидiй, то происходитъ это потому, что различные классы часто сливались другъ съ другомъ. Картины легкихъ нравовъ, нарисованныя поэтомъ, почти одинаково соотвѣтствовали всѣмъ классамъ. Онъ самъ переходитъ отъ одного къ другому безъ всякаго предупрежденiя и съ большой легкостью, которая доказываетъ отсутствiе между разными слоями общества глубокаго различiя. Когда онъ говоритъ намъ, что въ Римѣ только и занимаются, что удовольствiями,

---

[1]) Trist. I.

что Венера царствуетъ въ городѣ, основанномъ ея сыномъ, что нѣтъ добродѣтельныхъ женщинъ кромѣ тѣхъ, у кого никто не просилъ ничего, casta est quam nemo regavit[1]), то онъ какъ будто говоритъ здѣсь за всѣхъ и не дѣлаетъ никакихъ исключеній. Относительно одной изъ его элегій мы совершенно не можемъ сомнѣваться; она обращена именно къ людямъ женатымъ и, къ ущербу для нравственности, это вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ пріятныхъ и легкихъ во всемъ сборникѣ. Это та самая элегія, гдѣ онъ совѣтуетъ слишкомъ строгимъ мужьямъ быть довѣрчивѣе къ своимъ женамъ и не увеличивать безполезныхъ предосторожностей. Мы еще понимаемъ поэта, когда онъ говоритъ: „Какъ бы тщательно вы не охраняли все остальное, вы не властны надъ душой. Когда всѣ замки крѣпко заперты, любовникъ остается въ сердцѣ“[2]). Или еще: „Мы особенно желаемъ того, въ чемъ намъ стараются отказать. Бдительная охрана привлекаетъ воровъ. Мало кто любитъ доступныя удовольствія. Есть женщины, которыя нравятся не столько своей красотой, сколько любовью ихъ мужей. Видя влюбленность мужей, въ женахъ предполагаютъ неизмѣримую прелесть“. Но что слѣдуетъ дальше, то поистинѣ изумительно: „Тотъ не умѣетъ жить, кто сердится, если у его жены есть любовники; тотъ не знаетъ римскихъ нравовъ. Если ты уменъ, закрой глаза, охлади свое возбужденное лицо, забудь суровыя права мужей. Сохраняй друзей, которыми ты обязанъ своей женѣ, и она тебя не оставитъ. Ты обяжешь такимъ образомъ очень многихъ, нисколько не вредя себѣ; ты будешь имѣть готовое мѣсто на всѣхъ празднествахъ молодежи и увидишь свой домъ полнымъ подарковъ, которые тебѣ ровно ничего не стоятъ“. За эти нескромныя шутки Овидій многимъ поплатился!

Искусство любви, написанное позднѣе и послужившее одною изъ причинъ ссылки поэта, не оставляетъ мѣста такимъ неопредѣленностямъ, какъ Amores. По крайней мѣрѣ Овидій высказываетъ здѣсь очень ясно, для кого написана его книга. „Удалитесь отсюда, кто носитъ легкія

---

[1]) Am. I, 8, 42.
[2]) Am. III, 4.

повязки, знакъ цѣломудрія, и кого длинное платье покрываетъ до пятъ! Я пою не вызывающую соблазна любовь и дозволенныя радости“ [1]). Итакъ, онъ обращается къ тѣмъ женщинамъ легкаго поведенія, въ большинствѣ случаевъ вольноотпущенницамъ, которыя были тогда такъ многочисленны и пользовались такимъ значеніемъ. Римъ сильно привлекалъ ихъ къ себѣ во всѣ времена. Уже Плавтъ говорилъ въ эпоху пуническихъ войнъ: „Здѣсь куртизанокъ больше, чѣмъ мухъ въ жаркую погоду“. Еще хуже стало во времена Августа, особенно благодаря громаднымъ празднествамъ, ~~которыя~~ привлекали столько любопытныхъ, что, по выраженію Овидія, городъ и міръ сливались воедино, orbis in urbe fuit [2]). Эти женщины, если вѣрить поэту, были очень ловкія искусницы. Онѣ не только говорили на греческомъ и латинскомъ языкахъ, которые подѣлили между собой тогдашній міръ, не только умѣли танцовать и пѣть, но также и жеманно говорить, граціозно ходить, смѣяться и плакать: все это были таланты, которыми онѣ умѣли во время пользоваться. Онѣ имѣли всѣ недостатки, обычные у подобныхъ женщинъ, а кромѣ того и другіе, свойственные тогдашнему времени; такъ, напр., онѣ были очень суевѣрны. Восточныя религіи, которыя начинали пріобрѣтать уже большое значеніе, не имѣли болѣе горячихъ послѣдователей. Онѣ принимали участіе въ праздникахъ Великой Матери, ~~онѣ~~ всѣмъ сердцемъ оплакивали Адониса, посѣщали храмъ Изиды, назначали тамъ даже свиданія и набожно постились въ субботній день; заболѣвая, онѣ за знахаркой посылали раньше, чѣмъ за врачемъ. Понятно, что вѣрность не была въ числѣ ихъ добродѣтелей. Овидій, не довѣрявшій женской добродѣтели, полагаетъ, что рано или поздно ни одна женщина не можетъ устоять, и что побѣда надъ ними есть лишь дѣло терпѣнія. „Увѣрь себя,—говоритъ онъ,—что ты долженъ побѣдить, и ты побѣдишь [3])“. Онъ утверждаетъ, что даже Пенелопа начинала уже поддаваться и мужъ ея возвратился во время. Правда, она потратила двадцать лѣтъ на то, чтобы сдаться; конечно, это прекрасный примѣръ, но ему

[1]) Ars am. I, 13.
[2]) Ars am. I, 174.
[3]) Ars am. I, 269.

не будутъ подражать тѣ, къ кому обращается Ars amandi. Нужно ли прибавлять, что эти женщины были также и очень жадны. Поэтъ горько плачется, что ихъ уже не трогаютъ прекрасные стихи. Самому Гомеру, еслибъ онъ предложилъ одну Иліаду, указали бы на дверь. „Мы поистинѣ живемъ въ золотой вѣкъ, — весело заявляетъ Овидій; — съ помощью золота можно достигнуть почестей и добиться любви“[1]). И на самомъ дѣлѣ этому легкомысленному обществу нужно было много денегъ, чтобъ удовлетворить всѣ свои разорительные капризы, чтобъ оплатить тѣ прекрасныя матеріи, „блестящія краски которыхъ подобны весеннимъ цвѣтамъ“[2]), или тѣ богатыя и искусныя прически, которыя продавались близъ храма Геркулеса Музагета (въ Римѣ былъ тогда рынокъ волосъ)[3]), чтобы привлекать къ себѣ взоры и затмевать соперницъ на вечернихъ прогулкахъ по форуму или подъ портиками Октавія и Помпея, на поѣздкахъ вмѣстѣ съ цѣлымъ Римомъ на празднество Діаны къ берегамъ озера Неми, на лично управляемой колесницѣ, или когда въ августѣ мѣсяцѣ веселыя компаніи шли гулять на пляжъ въ Байахъ, гдѣ, по словамъ Сенеки, „назначали себѣ свиданіе всѣ пороки“.

Вотъ для какихъ женщинъ написана поэма Овидія. Что же касается мужчинъ, то она имѣетъ въ виду молодыхъ римскихъ щеголей, особенно тѣхъ, которые очень любили удовольствія, но у которыхъ не хватало средствъ оплачивать ихъ. „Я пою для бѣдныхъ, — говоритъ поэтъ, — я самъ былъ бѣденъ, когда былъ влюбленъ“[4]). У богатыхъ есть вѣрное средство нравиться. Искусство любви для нихъ очень просто; имъ нужно только изучить другое искусство, искусство не быть обманутыми, а оно не изъ легкихъ. Остальные должны замѣстить ловкостью недостающее имъ богатство. Овидій учитъ ихъ дивнымъ уловкамъ. Если они ничего не могутъ принести, они тѣмъ не менѣе должны обѣщать. „Обѣщанія ничего не стоятъ, и самый бѣдный можетъ быть ими богатъ. Заставь думать, что ты вотъ-

---

1) Ars am. II, 277.
2) Ars am. III, 185.
3) Ars am. III, 168.
4) Ars am. II, 165.

вотъ готовъ дать то, что ты не дашь никогда. Именно такъ владѣлецъ безплоднаго поля всегда поддается обманчивой надеждѣ на будущій урожай; такъ, разсчитывая отыграться, игрокъ продолжаетъ проигрывать: заманчивая надежда на удачу снова тянетъ къ игрѣ его жадныя руки. Вся задача— это достигнуть однажды своего, ничего не затративши; а чтобы не потерять плода первыхъ милостей, тебѣ окажутъ и новыя" [1]). Съ наибольшею выгодою богатые подарки замѣняетъ предупредительность; но тутъ надо ужъ идти на все. Овидій требуетъ чудесъ терпѣнія и смиренія. Нужно уступать всѣмъ требованіямъ любимой женщины, нужно повиноваться ея приказаніямъ, защищать ея мнѣнія, смѣяться лишь только она улыбнется, плакать, когда она плачетъ, проигрывать, когда играешь съ ней, подставлять кресло, какъ только она захочетъ сѣсть, „снимать обувь съ ея нѣжной ноги и надѣвать ее", и даже держать зеркало, когда она занимается своимъ туалетомъ [2]). Если эта обязанность претитъ тебѣ, не забывай, чтобы придать себѣ мужества, что Геркулесъ исполнялъ ее раньше тебя. Но это еще не все, — поэтъ требуетъ большаго. Перенося всѣ фантазіи своего предмета, нужно закрывать глаза на его невѣрности. Нужно научиться переносить соперника. Жертва велика, Овидій предвидитъ, что она многаго стоитъ, и даже сознается, что самъ онъ никогда не могъ съ этимъ примириться. За такой недостатокъ онъ смиренно обвиняетъ себя и надѣется излѣчить отъ него своихъ учениковъ [3]). Мужья, куда ни шло, еще имѣютъ право сердиться; но въ томъ свѣтѣ, куда поэтъ вводитъ насъ, гдѣ одинъ капризъ создаетъ связи, гнѣвъ смѣшенъ, и Овидій пользуется случаемъ напомнить еще разъ, что даваемыя имъ наставленія не предназначены для женатыхъ. „Я свидѣтельствую еще разъ, что здѣсь дѣло идетъ только о дозволенныхъ закономъ удовольствіяхъ. Моя легкая муза остерегается шутить съ честными женщинами" [4]).

---

[1]) Ars am. I, 445.

[2]) Ars am. I, 211.

[3]) Ars am. II, 539.

[4]) Ars am. II, 597.

Несмотря на всѣ предосторожности, Ars amandi доставило ему больше вреда, чѣмъ Amores. Пока онъ довольствовался разсказами о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, его не трогали. Тибуллъ и Проперцій, которые были у всѣхъ въ рукахъ, пріучили къ подобнымъ повѣствованіямъ; но хладнокровно, съ обдуманнымъ намѣреніемъ, обращать свои поступки въ наставленія, создавать теорію той легкомысленной жизни, которую онъ велъ, стремиться преподать ее другимъ и собирать учениковъ, это было уже слишкомъ. Овидій говоритъ намъ, что на него сильно нападали. Онъ задумалъ даже обезоружить своихъ враговъ какъ бы отреченіемъ отъ своей книги; онъ опубликовалъ то, что назвалъ ~~Сред~~ствами отъ любви. Къ несчастью, добродѣтель ему не удавалась. „~~Средства~~ отъ любви“ скучное произведеніе, которое не могло уничтожить зла, произведеннаго Ars amandi, и никого не удовлетворило.

Противъ Овидія были возстановлены не только какіе-нибудь мрачные и суровые люди; его врагомъ была цѣлая партія, всегда очень сильная въ Римѣ, а именно, партія ревнителей древнихъ обычаевъ и нравовъ. Она имѣла достаточно причинъ быть недовольной поэтомъ. Онъ оскорблялъ ее своимъ поведеніемъ не меньше, чѣмъ своими произведеніями. Его происхожденіе предназначало его къ общественнымъ должностямъ, и сперва онъ хотѣлъ, повидимому, избрать эту дорогу. Онъ съ честью выполнялъ тѣ должности, съ которыхъ начинали свою карьеру молодые люди изъ хорошей семьи; но его рвеніе быстро остыло. Въ тотъ моментъ, когда онъ могъ войти въ сенатъ, его честолюбіе вдругъ погасло, и онъ сразу отдался частной жизни. Какъ всякій другой, онъ могъ бы стать преторомъ или консуломъ; но онъ захотѣлъ быть только поэтомъ. Теперь мы не видимъ въ этомъ особенно дикаго поступка, но тогда питавшимся старыми традиціями людямъ казалось, что отреченіе отъ общественныхъ должностей есть измѣна отечеству. Подобныя измѣны были не рѣдки въ эту эпоху, когда политическая жизнь уже утратила свою привлекательность; но тѣ, кто осмѣливался совершать ихъ, остерегались хвалиться этимъ. Овидій, напротивъ, на всѣ нападки рѣзко отвѣчалъ: „Почему вы обвиняете меня въ томъ, что я про-

вожу мою жизнь, ничего не дѣлая, и называете меня лѣнивымъ, когда я сочиняю стихи? Почему вы браните меня за то, что я во цвѣтѣ лѣтъ не посѣщаю пыльнаго лагеря, пренебрегаю изученіемъ законовъ съ его пустословіемъ, отказываюсь проституировать свой голосъ въ скучныхъ состязаніяхъ на форумѣ? Работа, которой вы требуете отъ меня, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя разрушаются смертью, я же ищу безсмертной славы. Я хочу, чтобы мое имя воспѣвалось всегда и во всей вселенной“ [1]. Этотъ гордый отвѣтъ не могъ умиротворить враговъ, они должны были сердиться еще сильнѣе, когда онъ въ шутку сравнивалъ влюбленныхъ съ солдатами (militat omnis amans) [2], когда утверждалъ, что его любовныя исторіи должны быть ему зачтены за военные походы, что всѣмъ браннымъ подвигамъ онъ предпочитаетъ завоеваніе Коринны. „Увѣнчайте же главу мою, лавры тріумфа! Я побѣдитель: Коринна въ моихъ объятіяхъ. Я опрокинулъ не какія-нибудь жалкія стѣны и преодолѣлъ не только узкіе рвы, я сталъ властелиномъ женщины!“ [3].

Теперь мы смѣемся надъ этими шутками, но тогда многіе ими возмущались или дѣлали видъ, что возмущаются. Ревнители прошлаго, проповѣдники морали, которыми Римъ всегда изобиловалъ, дѣлали видъ, что они разгнѣваны. Имъ легко доставались прекрасныя тирады объ опасностяхъ, которыя книги Овидія представляли для добродѣтели. Когда поэтъ пытался защищаться, напоминая, для кого были написаны Amores и въ особенности Ars amandi, ему противопоставляли немало вѣскихъ доводовъ. Увѣренъ ли онъ, что его книги всегда будутъ попадать по адресу? И самъ онъ, такъ тонко описавшій привлекательность запретнаго плода, развѣ не знаетъ, какое удовольствіе доставляетъ узнать что-нибудь, чего намъ не хотятъ сообщать? Написать на заголовкѣ произведенія: „Удалитесь отсюда, кто носитъ легкія повязки, знакъ цѣломудрія“, не значитъ ли это внушить нѣкоторымъ изъ нихъ желаніе приблизиться? А если онѣ поддадутся искушенію, если въ тѣни или тай-

---

[1] Am. I, 15.
[2] Am. I, 9, 1.
[3] Am. II, 12.

комъ онѣ пробѣгутъ эти прелестные стихи, не для нихъ написанные, не найдутъ ли онѣ тамъ уроковъ, которыми могутъ воспользоваться? Способъ обмануть мужа весьма похожъ на способъ обмануть любовника, и когда, благодаря ловкости преподавателя, усвоено это опасное искусство, трудно противостоять желанію использовать его. Овидій хорошо зналъ, что его будутъ читать всѣ: „молодая дѣвушка, которая краснѣя смотритъ на того, кого она любитъ, юноша, сердце котораго трепещетъ невѣдомымъ ему чувствомъ, узнаютъ въ его произведеніяхъ, какое ощущеніе ихъ волнуетъ“[1]); и въ минуты искренности онъ не былъ недоволенъ этимъ. Овидій зналъ, что страстныя картины, которыми были полны его стихи, смутятъ душу многихъ изъ его читателей: „Наша любовь, — говорилъ онъ Коринне, — породила любовь у многихъ“[2]). Его враги только на это и указывали. Такимъ образомъ у нихъ было нѣкоторое основаніе находить опасными его произведенія; но они заходили слишкомъ далеко, обвиняя его въ томъ, что онъ развратилъ своихъ современниковъ. Это значило придавать его стихамъ слишкомъ много значенія. Овидій основательно возражалъ имъ, что онъ слѣдовалъ скорѣе за своимъ временемъ, чѣмъ направлялъ его, что все общество было полно такими искушеніями и кто хочетъ погубить себя, тотъ найдетъ всюду случай; ему достаточно было для этого указать на гулянья, гдѣ выставлялось столько продажныхъ красавицъ, на цирки, гдѣ скучивались люди всякаго пола и состоянія, на театры, гдѣ, какъ и нынѣ, мужья были всегда жалкими и осмѣянными, а любовники всегда увѣренными въ благосклонности своихъ возлюбленныхъ и въ апплодисментахъ публики, на храмы, гдѣ лучшіе художники изображали любовныя похожденія боговъ, что должно было сообщить поклонникамъ сильную охоту подражать имъ. Справедливо ли, среди всѣхъ этихъ опасностей, такъ вопить о дурномъ вліяніи, какое могли имѣть нѣсколько легкихъ стиховъ? И самые эти стихи, столь поносимыя, были ли они такъ преступны, какъ позорные мимы, разыгрывавшіеся на сценѣ подъ покровительствомъ власти, какъ непристойные романы, которые свободно

---

1) Am. II, I, 7.

2) Am. III, 11, 19.

продавались у всѣхъ книготорговцевъ и выдавались читателямъ во всѣхъ библіотекахъ государства?[1]) Всѣ эти доводы были справедливы; но имъ не хотѣли внимать. Обществу всегда нужно взвалить на кого-нибудь отвѣтственность за свои недостатки. Чѣмъ больше оно чувствуетъ раскаяніе, тѣмъ болѣе склонно оно искать виновнаго, который бы вмѣсто него понесъ наказаніе, и когда общество его основательно накажетъ, оно даруетъ самому себѣ прощеніе и возрадуется своей невинности.

II.

Овидій старается быть серьезнѣе. — Его отношенія къ Августу. — Почему Августъ не любилъ его. — Первая Юлія. — Вѣроятная причина ссылки Овидія.

Овидію было около сорока лѣтъ, когда онъ писалъ Искусство любви. Это было то время, когда его муза становилась солиднѣе, а жизнь — серьезнѣе. Кто сильно любитъ свѣтъ и его удовольствія, для того переходъ отъ молодости къ зрѣлому возрасту — всегда тяжелый кризисъ. Эта перемѣна тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ она обычно бываетъ рѣзче. Слѣдуя прелестному выраженію поэта, годы проходятъ безъ шума, tacitis senescimus annis[2]); человѣкъ замѣчаетъ что онъ старится лишь тогда, когда старость уже наступила. И тогда уже поздно измѣнять свой образъ жизни, отказываться отъ своихъ вкусовъ. Человѣкъ трудно разстается съ ними и пытается даже сохранить ихъ. Кто слишкомъ поздно разстается съ молодостью, тотъ въ наказаніе не умѣетъ примириться со старостью.

Овидій по крайней мѣрѣ пытался примириться со своимъ возрастомъ. Послѣ Ars amandi онъ перемѣнилъ тонъ и хотѣлъ обратиться къ болѣе серьезнымъ темамъ. Уже не первый разъ онъ пробовалъ это сдѣлать. Такъ какъ онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, когда былъ молодъ, то его соблазнила слава Гомера. Онъ разсказываетъ, что принялся за эпическую поэму о войнѣ боговъ и гигантовъ;

---

[1]) Мы резюмируемъ здѣсь приводимые Овидіемъ въ защиту Ars amandi доводы, изложенные въ элегіи къ Августу, которая составляетъ вторую книгу его Tristes.

[2]) Fast. VI, 771.

величіе сюжета приводило его въ восторгъ и онъ былъ полонъ рвенія. Къ несчастью, разсердилась Коринна: она хотѣла одна владѣть своимъ поэтомъ и не соглашалась подѣлиться имъ даже съ богами. „Такъ какъ я говорилъ только о буряхъ, о громахъ, которые мечетъ Юпитеръ, защищая небо, то моя возлюбленная выгнала меня; вотъ почему я такъ скоро забросилъ Юпитера и его громы“[1]). Когда прошло владычество Коринны, онъ естественно возвратился къ миѳологическимъ поэмамъ, къ которымъ у него всегда была рѣшительная склонность. Однако, его обращеніе не было такъ полно, какъ онъ думалъ: измѣнивъ сюжеты, онъ не измѣнилъ метода, да и о перемѣнѣ сюжетовъ можно говорить лишь относительно. Когда поэтъ съ такою грустью прощался съ Венерой въ четвертой книгѣ Fastes и просилъ у нея извиненія за то, что онъ ее покидаетъ, Венера могла бы успокоить его: онъ не переставалъ быть ей вѣрнымъ. Что бы онъ ни предпринималъ, старыя привычки господствуютъ надъ нимъ, вѣрнымъ „пѣвцомъ легкой любви“[2]). Если онъ вводитъ насъ на Олимпъ, то развѣ для того, чтобы разсказывать намъ тамошнія скандальныя исторіи. Его усилія стать солиднѣе ему удаются плохо и онъ походитъ на добраго бога Сильвана, большого волокиту, про котораго онъ самъ намъ разсказываетъ, что тотъ всегда былъ нѣсколько моложе своего возраста[3]).

Въ то время какъ Овидій силился перейти къ болѣе значительнымъ произведеніямъ, онъ старался иначе устроить и свою жизнь. Онъ отнюдь не сталъ честолюбивѣе; онъ достаточно зналъ себя, чтобы не стремиться къ политической роли; но по мѣрѣ того, какъ ему приходилось отказываться отъ удовольствій, онъ все больше развивалъ свой вкусъ къ размышленію. Въ молодости онъ жилъ больше съ поэтами и съ писателями; къ старости онъ сближается съ знатными лицами. Здѣсь перемѣна была въ дѣйствительности еще меньше, чѣмъ это кажется. Въ новомъ обществѣ куда онъ вошелъ, онъ занялъ почти то же мѣсто, что и въ преж-

---

1) Am. II, I, 15.

2) Trist. III, 3, 73: tenerorum lusor amorum.

3) Metam., XIV, 639: Silvanusque sui semper juvenilior annis.

немъ. При изученіи причины его ссылки легко видѣть, что и для знатныхъ господъ онъ остался поэтомъ Ars amandi и Amores. Онъ принималъ участіе главнымъ образомъ только въ ихъ развлеченіяхъ и былъ для нихъ не столько другомъ, своимъ присутствіемъ доставляющимъ честь, сколько пріятелемъ и повѣреннымъ ихъ легкихъ приключеній. Позднѣе онъ горько оплакивалъ свои блестящія связи, которыя способствовали его гибели. „Вѣрьте мнѣ,—писалъ онъ изъ страны скиѳовъ,—жить въ неизвѣстности, значитъ жить счастливо“ [1]), но живя въ Римѣ онъ говорилъ другое. Его всюду хорошо принимали благодаря его таланту и пріятному уму. Литературная слава ввела его въ тотъ свѣтъ, куда по своему происхожденію, хотя и высокому, онъ не могъ бы проникнуть; онъ былъ здѣсь предметомъ самой лестной предупредительности; здѣсь онъ встрѣчалъ соблазны, которые были непреодолимы, вслѣдствіе его природной склонности къ роскоши. Когда эти важные господа въ свободную минуту удостоивали написать нѣсколько стиховъ, они были счастливы прочесть ихъ Овидію, и въ свою очередь съ благодарностью принимали стихи, которые поэту заблагоразсудилось написать въ ихъ честь. Въ числѣ тѣхъ, къ которымъ онъ обращался въ своихъ элегіяхъ, находятся Массала, Грецинъ, Помпей, Котта, Фабій Максимъ, самые высокія имена во всей имперіи.

Но эти блестящія связи его не удовлетворяли. Унаслѣдовавъ репутацію Горація и Вергилія, онъ хотѣлъ бы занять то близкое къ императору положеніе, которое занимали его предшественники, и всѣмъ казалось, что оно должно было ему принадлежать. Августъ принялъ на себя роль покровителя современной ему литературы; въ его политику входило привлекать къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто могъ вліять на общественное мнѣніе. На этомъ основаніи онъ естественно долженъ былъ бы привязать къ себѣ поэта, стихи котораго распѣвалъ весь Римъ. Однако, онъ повидимому никогда не приближалъ къ себѣ Овидія. Если бы Августъ какъ нибудь отличилъ Овидія, послѣдній не преминулъ бы заявить объ этомъ, но онъ молчитъ. Трудно какъ-будто объяснить, почему Августъ, такъ симпатизировавшій искус-

[1]) Trist. III, 4, 52.

ствамъ, систематически отдалялъ отъ себя столь крупнаго поэта; нужно, однако, поискать основаній для этого.

Отмѣтимъ прежде всего, что если отношенія между поэтомъ и государемъ никогда не достигали близости, то въ этомъ не вина поэта. Онъ дѣлалъ всяческіе подходы и ничего не упускалъ, чтобы привлечь къ себѣ благосклонность императора. Надо признать, однако, что первыя его произведенія сдержаннѣе и менѣе льстивы, чѣмъ позднѣйшія. Въ его Amores едва два-три раза упоминается объ Августѣ; онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда ищутъ болѣе расположенія Коринны, чѣмъ императора. Мы находимъ здѣсь даже смѣлую выходку, которая не обратила на себя вниманія, но кажется весьма удивительной для такого робкаго человѣка. Онъ говоритъ про Галла, одну изъ жертвъ Агвуста. Уже одно упоминаніе этого имени, непріятнаго для императора и которое онъ заставилъ вычеркнуть изъ Георгикъ, было дерзостью. Но Овидій идетъ дальше: онъ рѣшается намекнуть, что Галлъ былъ не виновенъ, что его ложно обвинили [1]). Зная Овидія, нельзя не удивиться подобной смѣлости; но такая независимость съ его стороны продержалась недолго. Начиная съ Ars amandi тонъ мѣняется; съ этихъ поръ у Овидія замѣтно желаніе стать оффиціальнымъ поэтомъ имперіи. Это было въ тотъ моментъ, когда молодой Кай, сынъ Агриппы и Юліи, усыновленный Августомъ, отправлялся въ походъ на Востокъ, откуда ему не суждено было вернуться. Поэтъ предсказываетъ ему всевозможный успѣхъ и тріумфіальное возвращеніе. Онъ набожно проситъ у Марса, отца Римлянъ, и у цезаря, отца молодого царевича, оказать ему свое божественное покровительство, „такъ какъ изъ нихъ двухъ одинъ уже богъ, другой будетъ имъ впослѣдствіи“ [2]). Такова была прелюдія къ чудовищной лести Метаморфозъ и Fastes.

Необходимо поговорить нѣсколько объ этой льстивости, такъ отталкивающей насъ при чтеніи послѣднихъ произведеній Овидія. Единственнымъ извиненіемъ ему можетъ быть то, что въ данномъ случаѣ онъ слѣдовалъ только примѣру

[1]) Am. III, 63.

[2]) Ars am. I, 203.

другихъ. Всѣ современные ему писатели говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и онъ. Можно подумать, что они были крайне поражены событіями, происходившими на ихъ глазахъ: твердой охраной общественнаго спокойствія, бдительной заботой о томъ, чтобы имперію уважали на всѣхъ границахъ, преклоненіемъ передъ ея могуществомъ со стороны невѣдомыхъ, варварскихъ народовъ. Въ конечномъ счетѣ, это была великая эпоха; люди справедливые и великодушные, которые не ставили себѣ въ заслугу казаться вѣчно недовольными и „печаловаться объ общественномъ благѣ“, могли найти много основаній для похвалы. Почему только во всѣхъ этихъ похвалахъ столько угодничества? [1]) Откуда эти преувеличенія, которыя даже истинѣ придаютъ лживую внѣшность? И какъ могли Августа восхвалять такъ же, какъ Нерона и Домиціана? Нѣкоторые всю вину хотѣли бы взвалить на самого Августа; мы думаемъ, что по всей справедливости большую часть ея нужно отнести на счетъ самой эпохи. Очевидно, это общество, которое кажется намъ такимъ блестящимъ, имѣло въ основѣ что-то низкое; оно созрѣло для деспотизма, когда онъ явился. Это доказывается тѣмъ, что оно съ удовольствіемъ встрѣтило его и удивительно быстро къ нему приспособилось. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ битвы при Филиппахъ, въ то время какъ солдаты Октавія грабили Италію, Вергилій, который былъ обязанъ ему нѣкоторыми милостями, восклицаетъ: „Да, это богъ, и кровь агнца будетъ часто орошать его жертвенники!“ Какой предупредительный апоѳеозъ на другой день послѣ проскрипцій! Такимъ образомъ можно сказать, что имперія была уже подготовлена въ умахъ раньше Августа. Съ перваго же момента общество стремилось вручить ему власть такъ же ревностно, какъ онъ горячо желалъ получить ее. Впослѣдствіи сенатъ всегда предлагалъ ему больше почестей, чѣмъ онъ хотѣлъ; однажды народъ даже возмутился, чтобъ принудить его къ диктаторству. Надо предоставить каждому причитающуюся ему долю отвѣтственности; не только имперія создавала тогдашнее общество, но и общество соз-

[1]) Мы исключаемъ прекрасные стихи Горація въ его вступленіи къ посланію Августу. Такъ сынъ вольноотпущенника въ самой лести сумѣлъ лучше другихъ сохранить свое достоинство.

давало имперію. Августъ далеко не былъ единственнымъ виновникомъ той моральной слабости характеровъ, которая въ концѣ-концовъ испугала его самого. Повидимому, всеобщая трусость, забвеніе собственнаго достоинства, безпомощность общества должны были увеличивать прочность власти, но все это ужаснуло его. Конечно, цезарь не любилъ честолюбцевъ, но онъ понималъ, что имперія погибнетъ, если всѣ будутъ избѣгать общественныхъ должностей, и принялъ мѣры, чтобы воспрепятствовать такому дезертирству. Несомнѣнно, ему пріятна была общая склонность къ удовольствіямъ: абсолютная власть всегда отъ этого выигрываетъ. Но онъ увидѣлъ, наконецъ, что страна, гдѣ удовольствія являются самымъ важнымъ занятіемъ, не можетъ дать болѣе ни гражданъ, ни солдатъ. Послѣ пораженія Вара, когда онъ пытался набрать новую армію, никто не захотѣлъ отправляться въ походъ: пришлось ему набирать ветерановъ и вольноотпущенниковъ [1]). Правда, ~~что~~ Августъ не возвратилъ обществу утраченной энергіи. Онъ не имѣлъ для его исцѣленія сколь-нибудь дѣйствительныхъ средствъ. Единственнымъ цѣлесообразнымъ лѣкарствомъ могло быть возвращеніе ему самоуправленія, но это было то единственное средство, котораго онъ не могъ примѣнить. Вотъ почему и попытки Августа реформировать общество оказались безуспѣшными; а такъ какъ самъ онъ обходился съ нимъ кротко, то оказался для него, пожалуй, менѣе полезенъ, чѣмъ дурные государи, которые слѣдовали за нимъ. Деспотизмъ жестокій иногда лучше деспотизма гуманнаго и умѣреннаго. Благосостояніе вызываетъ духовное ослабленіе, а избытокъ страданій возрождаетъ; такимъ образомъ, можно сказать въ общемъ, что Тиберій и Неронъ сдѣлали болѣе Августа для развитія силы характеровъ.

Итакъ, Августъ не былъ вполнѣ доволенъ своею эпохой, хотя во многомъ онъ долженъ былъ пенять на самого себя. Въ этомъ его первое разномысліе съ Овидіемъ, который не перестаетъ восхвалять свой вѣкъ. Взгляды Августа на способы исцѣленія общества были еще болѣе далеки отъ поэта. Императоръ хотѣлъ возродить въ тотъ развращенный вѣкъ вкусъ къ античнымъ добродѣтелямъ. Слишкомъ рѣзко вызывать великія воспоминанія прошлаго было, можетъ быть,

---

[1]) Dion, LVI, 23.

нѣсколько опасно для его власти; но онъ думалъ, что еще опаснѣе дать имъ окончательно погибнуть. Когда онъ говорилъ въ сенатѣ или на площади, онъ то и дѣло обращался къ обычаямъ предковъ. Чтобы побудить римлянъ вступать въ бракъ или быть умѣренными въ издержкахъ, Августъ приказывалъ публично читать рѣчь Метелла о необходимости продолженія рода (de prole augenda) или рѣчь Рутилія объ умѣренности въ постройкахъ (de modo aedificiorum). Возможно, что Овидій слегка подтрунивалъ надъ этой старой моралью, тогда какъ Августъ всячески старался провести ее.

Восхваляя старое время, Августъ побуждалъ своихъ современниковъ возвратиться къ старымъ нравамъ. Такое средство ему казалось подходящимъ, чтобъ придать имъ больше энергіи и упорядочить ихъ семейную жизнь. Онъ хотѣлъ такимъ образомъ возвратить римскому обществу, ослабленному двумя ~~упадочными~~ вѣками и пятьюдесятью годами междуусобной войны, простоту, уваженіе къ религіи, любовь къ семьѣ, словомъ, всѣ тѣ добродѣтели, которыя даютъ спокойствіе въ настоящемъ и увѣренность въ будущемъ. Къ несчастью, добродѣтель не вводится приказомъ и административныхъ мѣръ недостаточно, чтобъ сдѣлать народъ честнымъ. Вскорѣ и самъ Августъ убѣдился въ этомъ. Если онъ и могъ радоваться ~~когда-нибудь~~ удачѣ своихъ моральныхъ реформъ, то громкіе скандалы вскорѣ доказали ему, что онъ жестоко ошибался. Этотъ государь, которому его поэтъ Горацій говорилъ: „Прелюбодѣяніе не мараетъ больше семействъ, нравы и законы восторжествовали надъ грязнымъ порокомъ“ [1]), къ концу своей жизни долженъ былъ наказывать прелюбодѣяніе въ своемъ собственномъ домѣ.

Похожденія его дочери, Юліи, были однимъ изъ самыхъ большихъ несчастій Августа. Онъ далъ ей весьма тщательное воспитаніе. Она пряла шерсть, какъ римлянка древнихъ временъ; Августъ не носилъ другой одежды, кромѣ сотканной ему женой и дочерью; но такія предосторожности Юлію не сдѣлали Лукреціей; Светоній и Сенека разсказали намъ, до чего она дошла. Несмотря на ихъ свидѣтельства, которыя трудно опровергнуть, Виландъ въ умной и горячей

1) Od., IV, 5.

статьѣ пытался защитить ее. Онъ напоминаетъ, что Юлія была женщина умная, кроткая и привѣтливая, и что народъ обожалъ ее. Онъ искусно группируетъ всѣ причины, которыя объясняютъ и смягчаютъ ея ошибки. Несомнѣнно, въ извиненіяхъ ея поведенію нѣтъ недостатка. Подъ однимъ кровомъ съ нею жилъ ловкій и ожесточенный врагъ, ея мачеха Ливія, которая не только ничего не дѣлала, чтобъ защитить свою падчерицу, но вѣроятно сама же содѣйствовала ея гибели, чтобы не имѣть соперницы въ сердцѣ Августа. Юлію выдавали замужъ послѣдовательно за всѣхъ кандидатовъ на императорскій престолъ. Она переходила безмолвно отъ одного къ другому съ такою быстротою, что ей трудно было отличать своихъ мужей отъ своихъ любовниковъ. Странный способъ пріучать молодую женщину уважать бракъ и внушать ей цѣломудренность! Двое послѣднихъ, за которыхъ ее выдали замужъ, были уже женаты, но ихъ заставили развестись, чтобъ освободить ей мѣсто. Такимъ образомъ, ей выпалъ печальный рокъ, вступая въ новый домъ, вытѣснять оттуда любимую женщину, которой мужъ волей-неволей долженъ былъ пожертвовать. Она видѣла, какъ ея новый супругъ плачетъ при воспоминаніи о той, которую она замѣнила. Отсюда вытекала, конечно, холодность и взаимное отвращеніе. Юлія чувствовала, что ее брали только потому, что она приносила съ собою въ приданое имперію; поэтому-то она и искала внѣ дома такихъ связей, гдѣ бы могло бы играть какую-нибудь роль и сердце. Она находила ихъ въ средѣ той изящной и развратной молодежи, которою она охотно окружала себя. Списокъ ея любовниковъ очень длиненъ. Здѣсь, наряду съ нѣсколькими краснорѣчивыми греками, встрѣчались имена Гракха, Сципіона, Аппія Клавдія, — все великія имена республики, ставшія будуарными героями; главное мѣсто занималъ Юлій Антоній, единственный пощаженный сынъ тріумвира; онъ жилъ въ Палатинѣ, въ домѣ убійцы своего семейства, пользовался его милостями, тайкомъ читалъ здѣсь произведенія Цицерона, ради развлеченія писалъ миѳологическія поэмы, можетъ быть, иногда думалъ и о своемъ отцѣ, который чуть не сдѣлался господиномъ надъ міромъ, и о своихъ братьяхъ, которыхъ Августъ предательски убилъ. Какъ же дочь Августа полюбила сына

Антонія? Это неизвѣстно; мы знаемъ только, что обоимъ имъ доставляло удовольствіе бравировать общественнымъ мнѣніемъ: въ то время какъ добродѣтель была оффиціально предписана, они дошли до невѣроятныхъ предѣловъ безстыдства, избравъ форумъ или государственную трибуну сценой своихъ ночныхъ оргій; словно въ своемъ усталомъ распутствѣ они нуждались въ грозной опасности, чтобы воодушевиться и вновь набраться силъ.

„Августъ,—говоритъ Виландъ,—любилъ свою единственную дочь такъ, какъ могъ любить подобный ему человѣкъ, т. е. онъ любилъ въ ней самого себя“. Такая привязанность была недостаточна, однако, чтобъ сдѣлать его снисходительнымъ. Его гнѣвъ разразился съ ужасающей силой. Онъ сдѣлалъ сенатъ и весь міръ повѣренными своего несчастья. Онъ велѣлъ убить или изгнать сообщниковъ Юліи, которую сослалъ на островъ, куда никто не могъ заглянуть безъ его приказанія. Напрасно народъ неоднократно просилъ о помилованіи; Августъ былъ непреклоненъ и передъ своей смертью еще разъ проклялъ дочь въ своемъ завѣщаніи. Такой страшный гнѣвъ остается непонятнымъ, если допустить, что онъ былъ вызванъ одной любовью къ добродѣтели; но у Августа были и другія основанія сердиться на свою дочь. Онъ жестоко каралъ въ ней скорѣе неудачу своей политики, чѣмъ оскорбленіе нравственности. Какое несчастье для него, какая горькая досада чувствовать себя побѣжденнымъ въ той борьбѣ, которую онъ предпринялъ противъ современныхъ нравовъ, видѣть на членѣ своей семьи всю тщетность усилій, быть вынужденнымъ признаться предъ цѣлымъ міромъ, что его льстецы и его поэты слишкомъ поторопились воспѣть его побѣду! Такая жестокая неудача поразила въ самое сердце государя, избалованнаго успѣхомъ. Вотъ что сдѣлало его неумолимымъ. Отецъ возможно и простилъ бы, но верховный повелитель мстилъ за себя.

Юлія имѣла и другихъ сообщниковъ, помимо тѣхъ, которые были наказаны; Августъ хорошо зналъ это. Такими сообщниками были всѣ тѣ, которые посѣщали портики и театры, всѣ свѣтскіе люди, у которыхъ, по выраженію Тацита, развращенность считалась признакомъ хорошаго тона и послѣднимъ словомъ моды (corrumpere et corrumpi

saeculum vocant[1]); словомъ, все изнѣженное общество, снисходительныя правила котораго проникли и на Палатинскій холмъ. Какъ долженъ былъ негодовать императоръ, видя, что это общество не дало себя побѣдить и воочію доказало ему, что оно сильнѣе его! Но такъ какъ ему невозможно было справиться со всѣми, такъ какъ общество по своему объему не могло стать объектомъ его мести, то естественно, онъ больше всего сердился на того, кто служилъ самымъ блестящимъ его представителемъ и въ комъ это общество охотно узнавало себя. Вотъ почему Овидій долженъ былъ особенно ему не нравиться. Если Августъ чувствовалъ потребность найти виновнаго для наказанія и свалить на кого-нибудь общую вину, то гнѣвъ его долженъ былъ, главнымъ образомъ, упасть на того, кто столько разъ прославлялъ нравы своего времени. Кто знаетъ, не установилось ли съ этого момента въ его умѣ тайной связи между его домашними несчастьями и стихами поэта? Тѣмъ болѣе, что произошло непріятное совпаденіе: Ars amandi было опубликовано въ годъ ссылки Юліи. Это была простая случайность; уроки Овидія не оказали никакого вліянія на поведеніе молодой женщины; она слѣдовала его правиламъ гораздо ранѣе, чѣмъ они были написаны; но понятно, что такое совпаденіе поразило Августа. Самый успѣхъ подобнаго произведенія могъ показаться оскорбленіемъ отцовскаго горя, въ глазахъ же императора онъ являлся даже угрозой обществу[2]). Мы убѣждены, что Августъ никогда не забылъ этого; однако, онъ скрылъ свое недовольство. Ars amandi сперва не подвергалось никакому преслѣдованію. Когда императоръ предсѣдательствовалъ при производствѣ ценза,

[1]) Germ., 18.

[2]) Этотъ успѣхъ очень великъ. Имя Овидія, конечно, было однимъ изъ наиболѣе популярныхъ въ римскомъ свѣтѣ. Въ одной изъ его поэмъ Трагедія бранитъ автора за то, что онъ покинулъ ее, что съ появленіемъ Amores его стихи распѣваются на пирахъ, что ихъ пишутъ на стѣнахъ у перекрестковъ (Am. III, 1, 17); и дѣйствительно, стихи Овидія часто находятъ теперь въ Помпеѣ начерченными или вырѣзанными на стѣнахъ домовъ. Послѣ Ars amandi его слава должна была еще болѣе возрасти. „Онъ,— говоритъ риторъ Сенека,— наполнилъ весь міръ своимъ Ars amandi и своими любовными изреченіями (Excerpta controv., 7).

онъ оставилъ поэту его всадническое кольцо; вполнѣ вѣроятно, что хотя императоръ и сердился на поэта за его стихи и втайнѣ обвинялъ его отчасти за распутство современниковъ, онъ удовольствовался бы тѣмъ, что держалъ Овидія вдали отъ себя; но ~~здѣсь~~ произошло новое событіе, которое напомнило ему старые проступки поэта и ~~вызвало~~ наказаніе. повлекло за собой его наказание.

Мы подошли, наконецъ, къ тому таинственному происшествію, которое вызвало гнѣвъ Августа. Какъ уже сказано, судить о немъ мы можемъ только по свидѣтельству самого Овидія; но и онъ говоритъ очень мало. Въ его время всѣмъ была извѣстна истина, что избавляло поэта отъ разсказовъ. Онъ избѣгаетъ даже, по возможности, намекать на происшедшее. Малѣйшее слово, вырвавшееся у него, онъ рѣзко останавливаетъ и, словно напуганный своею смѣлостью, говоритъ: „Молчи, языкъ; не надо болѣе ничего прибавлять. Почему не могу я похоронить это печальное воспоминаніе вмѣстѣ съ своимъ пепломъ“ [1]). А такъ какъ современники поэта, конечно, по тѣмъ же мотивамъ были не менѣе скрытны, то у насъ нѣтъ точнаго указанія ни отъ него, ни отъ другихъ о причинахъ его ссылки.

Это молчаніе исторіи даетъ полный просторъ воображенію; отсутствіе достовѣрныхъ фактовъ породило множество гипотезъ. Мы не будемъ разбирать каждую изъ нихъ; это скучный и безполезный трудъ. Всѣ онѣ въ общемъ основываются на слѣдующихъ словахъ поэта: „Зачѣмъ я что-либо видѣлъ? Зачѣмъ я сдѣлалъ свои взоры участниками проступка [2]).....? Я наказанъ за то, что былъ свидѣтелемъ преступленія, не зная этого; я виновенъ лишь въ томъ, что имѣлъ глаза“ [3]). Что же за преступленіе могъ онъ видѣть? Одни склоняются къ мысли, что онъ подсмотрѣлъ какую-нибудь государственную тайну; это предположеніе весьма неопредѣленно и вмѣстѣ съ тѣмъ мало вѣроятно. Сурово наказать Овидія, изгнать его въ такое мѣсто, откуда онъ могъ сноситься съ Римомъ, было плохимъ средствомъ обезпечить его молчаніе. Равнымъ образомъ ничто не даетъ

---

1) Pont. II, 2, 61.
2) Trist. II, 5.
3) Trist. III, 5, 49.

права предполагать, что онъ былъ наказанъ за выдачу этой тайны. Овидій всюду говоритъ, что онъ виноватъ тѣмъ, что видѣлъ, а не тѣмъ, что говорилъ. Другіе вообразили, что онъ нескромно подсмотрѣлъ, какъ Ливія купается; но тогда забываютъ слова самого Овидія, когда онъ говоритъ, что былъ свидѣтелемъ преступленія, а вѣдь купаться не есть преступленіе. Большинство держится того мнѣнія, что онъ случайно присутствовалъ при какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ Августа, возможно, при любовныхъ сношеніяхъ съ собственной дочерью. Это мнѣніе, которое защищалъ Вольтеръ, опирается на мало серьезный авторитетъ, а именно, на Калигулу. Этому императору недостаточно было того, что онъ происходилъ отъ Августа по своей бабушкѣ Юліи; въ своемъ странномъ тщеславіи онъ притязалъ на происхожденіе отъ Августа съ обѣихъ сторонъ. Онъ приходилъ въ негодованіе при мысли, что его предкомъ былъ плебей Агриппа, солдатъ-выскочка, и находилъ гораздо болѣе почетнымъ для своего рода то предположеніе, что мать его обязана своимъ происхожденіемъ кровосмѣшенію. Но бредъ сумасшедшаго не можетъ служить доказательствомъ; Августъ совершилъ достаточно скверныхъ поступковъ, чтобы порицать его, не навязывая ему воображаемыхъ. Впрочемъ, если допустить даже, что онъ виновенъ — а нѣтъ никакого основанія такъ думать, — то нельзя было бы установить какую-либо связь между подобнымъ происшествіемъ и ссылкой Овидія: вѣдь поэтъ былъ изгнанъ изъ Рима спустя уже десять лѣтъ послѣ удаленія Юліи, когда она жила въ строгомъ заточеніи и вдали отъ взоровъ отца. Мало того, всякому понятно, что если бы дѣло шло о дурномъ поступкѣ Августа, то поэтъ не говорилъ бы о немъ или старался бы его смягчить. Овидій же, напротивъ, характеризуетъ его очень сурово; онъ называетъ его преступленіемъ. Если онъ такъ свободно говоритъ объ этомъ преступленіи, то ясно, что оно было совершено не Августомъ, а противъ него; дѣло идетъ о проступкѣ, котораго Августъ былъ жертвой, а не дѣйствующимъ лицомъ, и который причинилъ ему глубокое горе. „Я не хочу снова бередить твои раны,— говоритъ ему поэтъ; — онѣ уже достаточно причинили тебѣ боль одинъ разъ“ [1]).

[1]) Trist., II, 209.

Эти слова наводятъ насъ на слѣдъ истины: глубокое горе, которое испыталъ Августъ — всѣ историки согласны въ этомъ, — было вызвано преступнымъ поведеніемъ его дочерей, потому что оно оскорбляло въ немъ правителя и отца. Отсюда возможно, что Овидій намекаетъ на какое-нибудь приключеніе въ такомъ родѣ, и что та рана, которую онъ не хочетъ бередить въ душѣ императора, есть воспоминаніе о безчестіи его дома. Правда, здѣсь рѣчь не можетъ итти о распутствахъ первой Юліи, уже десять лѣтъ удаленной изъ Рима; но это не единственный скандалъ во дворцѣ реформатора общественныхъ нравовъ. Несмотря на устрашающій примѣръ, который онъ далъ, повторялись тѣ же самые проступки и приходилось прибѣгать къ тѣмъ же наказаніямъ. Августъ долженъ былъ покарать свою внучку, вторую Юлію, которая шла по стопамъ своей матери. Ее обвинили въ прелюбодѣйствѣ съ молодымъ человѣкомъ изъ древняго рода, Силаномъ, и водворили въ одинъ изъ городовъ Италіи, гдѣ она прожила еще двадцать лѣтъ. Здѣсь и время, когда ея преступленіе было открыто и наказано, точно совпадаетъ съ ссылкой Овидія. Не позволяетъ ли это совпаденіе предположить, что Овидій былъ замѣшанъ въ любовныя сношенія Юліи и Силана, что мы имѣемъ здѣсь истинную причину гнѣва Августа противъ него?

Разъ допустить этотъ фактъ, то все становится понятнымъ. Тѣ нѣсколько словъ, которыя поэтъ обронилъ въ свое оправданіе, пріобрѣтаютъ свой подлинный смыслъ; онъ намекаетъ, какимъ путемъ вошелъ онъ въ близкія отношенія Юліи и Силана и какую роль онъ игралъ тутъ; соберемъ же тщательно всѣ данныя и попытаемся по возможности освѣтить эту темную исторію.

Легко представить себѣ, какъ завязались тѣ отношенія, которыя погубили поэта. „Это мои стихи,—говоритъ онъ,— привели къ тому, что, на мою голову, мужчины и женщины искали знакомства со мною“ [1]). Понятно, что Силанъ и Юлія въ пылу взаимной страсти захотѣли поближе сойтись съ авторомъ Amores и Ars amandi. Такое желаніе со стороны

---

[1]) Trist., II, 5:
Carmina fecerunt, ut me cognoscere vellent,
Omine non fausto, femina virque, mea.

внучки императора было равнозначно приказанію. Овидій охотно повиновался и, несомнѣнно, радовался этой связи, приближавшей его къ императору; но какъ онъ могъ не предусмотрѣть опасности, которую могло навлечь для него такое знакомство? Какимъ образомъ ссылка первой Юліи, смерть Антонія, всѣ эти страшныя воспоминанія, которыя не могли быть забыты, не научили его держаться насторожѣ? Онъ самъ понимаетъ всю странность своего неблагоразумія и пытается объяснить намъ его. „Моимъ первымъ проступкомъ,—говоритъ онъ,—было заблужденіе“ [1]), и это слово всегда повторяется въ его стихахъ. Овидій несомнѣнно хочетъ сказать, что вначалѣ онъ заблуждался относительно характера склонности Юліи къ Силану и считалъ ее менѣе преступной, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Сознаемся, что намъ очень трудно повѣрить ему на слово. Можно ли допустить, чтобы человѣкъ, столь проницательный въ подобнаго рода интригахъ, написавшій ихъ теорію и знакомый съ ихъ практикой, позволилъ себя провести людямъ, которые, зная его снисходительность, не имѣли причины скрываться отъ него? Напрасно для большей убѣдительности онъ обвиняетъ свое простодушіе и неоднократно повторяетъ что онъ былъ глупцомъ [2]): есть люди, которые никогда не заставятъ вѣрить своей наивности. Предполагая даже, что онъ ошибся вначалѣ, его заблужденіе не могло-бы тянуться долго. Когда оно прошло, когда онъ понялъ, въ какія отношенія замѣшанъ, рѣшился ли онъ измѣнить свое поведеніе? „Мой второй проступокъ,—говоритъ онъ,—заключается въ томъ, что я былъ робокъ“ [3]), а это должно означать, на нашъ взглядъ, что онъ не смѣлъ говорить; онъ ничего не сказалъ ни молодымъ людямъ, чтобы вернуть ихъ къ долгу, ни императору, чтобы открыть ему ихъ преступленіе. Онъ боялся и не безъ причины. Его положеніе

---

1) Trist., VI, 4, 39:

Prius offuit error.

2) Trist., I, 5, 42:

... hanc merui simplicitate fugam.

Trist., III, 6:

... stultitiamque meum crimen debere vocari.

3) Trist., IV, 4, 39. Pont. II, 2, 17.

Nil nisi non sapiens possum timidusque vocari.

было крайне опасно. Молчаніе погубило его, но онъ могъ погибнуть, если-бы и заговорилъ. Да и самъ онъ въ это время былъ уже запутанъ. Его предупредительность, быть можетъ, вначалѣ и не была преступной, но незамѣтно она стала таковой. Въ подобномъ ежедневномъ общеніи одна слабость влечетъ за собою другую, и онѣ такъ сплетаются, что трудно бываетъ сказать, въ какой именно моментъ началось преступленіе. „Ты простилъ бы мнѣ,—говоритъ онъ,—еслибъ ты зналъ всю послѣдовательность и сцѣпленіе моихъ несчастій“ [1]). Можно болѣе или менѣе догадываться, какого рода услуги могъ оказывать Овидій. Онъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ повѣренныхъ въ любви, которыхъ охотно вводятъ въ самыя интимныя отношенія, чтобъ время отъ времени нарушить tête-à-tête, когда оно становится въ тягость. Никто лучше этого поэта и остряка не умѣлъ внести веселье въ бесѣду и оживить праздникъ любви. Надо думать, что онъ зашелъ въ своей обязательности довольно далеко, потому что самъ чувствуетъ потребность оправдать ее. Онъ признаетъ, что его поведеніе было достойно порицанія, но спѣшитъ прибавить, что по крайней мѣрѣ онъ никогда не извлекалъ изъ него никакой выгоды [2]). Похожденія, въ которыя онъ такъ легкомысленно впутался, кончились весьма печально. Оба любовника, увлеченные страстью, забыли благоразуміе. Случилась, вѣроятно, какая-нибудь оргія, болѣе бѣшеная, болѣе шумная, чѣмъ другія; можетъ быть на трибунѣ и на форумѣ произошла сцена, сходная съ той, которая вызвала наказаніе первой Юліи. Овидій, на свое несчастіе, присутствовалъ здѣсь. Если полагаться на его увѣренія, онъ ничего заранѣе не зналъ, онъ даже не подозрѣвалъ о томъ, что должно было произойти [3]). Онъ не принималъ прямого участія въ празднествѣ и былъ только свидѣтелемъ его. Подобно Актеону, онъ видѣлъ [4]); это было

---

[1]) Trist., IV, 4, 37:

Hanc quoque qua perii culpam scelus esse negabis,
Si tanti series sit tibi nota mali.

[2]) Trist., III, 6:

Nil igitur referam, nisi peccasse, sed illo.
Praemia peccato, nulla petita mihi.

[3]) Trist., II, 107: поэтъ говоритъ здѣсь casus и fortuna.

[4]) Trist., II, 105.

его единственнымъ преступленіемъ, которое оказалось вполнѣ достаточнымъ, чтобы его погубить.

О дѣлѣ заговорили. Въ Римѣ, по словамъ Тацита, все становилось извѣстнымъ и обо всемъ гуторили[1]). Кто-нибудь изъ свидѣтелей проговорился; Овидій, который оказался однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ лицъ, былъ всего болѣе и скомпрометированъ. Возможно, что остальные обвинили его, чтобъ оправдать себя: „Нужно ли мнѣ,—говоритъ онъ,—напоминать о преступленіи моихъ товарищей и слугъ“ [2])? Фабій Максимъ, одинъ изъ его покровителей, узналъ о событіи вмѣстѣ съ другими. Онъ попробовалъ вызвать Овидія на признаніе и далъ ему понять, какой опасности онъ подвергается. „Я робко признавался,—говоритъ поэтъ,—или пытался отрицать, и подобно снѣгу, который таетъ подъ влажнымъ дыханіемъ западнаго вѣтра, слезы невольно текли по моему испуганному лицу“ [3]). Въ концѣ концовъ узналъ и Августъ, а узнавши, тотчасъ же покаралъ виновныхъ. Достойно вниманія то, что болѣе всѣхъ былъ наказанъ Овидій, виновный менѣе другихъ. Юлія не покинула Италію. Силанъ могъ остаться даже въ Римѣ; онъ удалился добровольно, хорошо понимая, что послѣ такого громкаго дѣла ему нельзя болѣе оставаться въ присутствіи оскорбленнаго имъ государя. Овидій былъ сосланъ на край свѣта. Такое сугубое наказаніе объясняется только прежней непріязнью императора. Обыкновенно утверждаютъ, что происшествіе съ Юліей было единственнымъ мотивомъ наказанія Овидія, поэма же Ars amandi была лишь предлогомъ къ нему; мы думаемъ, напротивъ, что его стихотворенія были настоящею причиною, а все остальное лишь поводомъ[4]). Мы говорили уже, что Августъ вѣроятно обвинялъ поэта въ душѣ за всеобщую распущенность и валилъ на него общую вину. То, что его утверждало, пови-

[1]) Ann., II, 27: in civitate omnium gnara et nihil reticente.

[2]) Trist., IV, 10, 101.

[3]) Pont., II, 4, 90.

[4]) Такое мнѣніе проводитъ и Адольфъ Шмидтъ въ своемъ премированномъ сочиненіи Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit.

димому, въ этой мысли, это — постоянное присутствіе Овидія въ его домашнихъ несчастіяхъ: косвенно черезъ Ars amandi въ преступленіи первой Юліи, а болѣе непосредственно въ исторіи со второй. Августъ сердился на поэта за все распутство, которое онъ долженъ былъ наказывать. Его сердце было полно сдерживаемаго и скрытнаго злопамятства; послѣдній скандалъ переполнилъ чашу. Вотъ почему Овидій былъ строже наказанъ, нежели другіе; онъ заплатилъ и за себя и за все общество. Гнѣвъ Августа былъ настолько силенъ, что не стѣснялся никакими соображеніями справедливости или законности [1]). И ненавистный поэтъ, личный врагъ императора за то, что онъ причинилъ столько вреда его политикѣ и внесъ духъ разврата въ его семью, распространивши его сначала въ обществѣ, былъ безжалостно сосланъ въ маленькій городокъ Евксинскаго Понта.

III.

Отъѣздъ Овидія въ изгнаніе. — Первая книга Tristes.—Жизнь Овидія въ Томи.—Его посланія къ женѣ.—Мольбы къ Августу.—Послѣдніе годы Овидія. — Его смерть.

Въ одной изъ своихъ элегій, гдѣ ярко сказалось отчаяніе Овидія, онъ разсказалъ намъ, какъ провелъ свою послѣднюю ночь въ Римѣ. Ничего не было готово къ отъѣзду, хотя Августъ далъ время приготовиться къ нему. Дочь поэта нельзя было увѣдомить заранѣе и она не могла привести къ нему внуковъ. Его домъ былъ почти пустъ; два или три друга едва отважились придти пожать руку. Ничто такъ не поразило его, ничто такъ не подѣйствовало, какъ это отщепенство. Онъ до сихъ поръ никогда не испытывалъ неудачи и потому не зналъ, что „пока человѣкъ счастливъ, онъ насчитываетъ много друзей, но при первомъ же облачкѣ онъ остается одинокимъ“ [2]). Несчастье заставило его сдѣлать это открытіе. Но вотъ скоро взойдетъ солнце; пора ѣхать. Домъ огласился слезами рабовъ и вольноотпущенниковъ;

---

[1]) Овидій утверждаетъ, что въ Римѣ не было закона противъ безнравственныхъ произведеній и что ихъ никогда не наказывали. „Я ничего не сдѣлалъ запрещеннаго закономъ“. Pont. II, 9, 71.

[2]) Trist., I. 9, 5.

„этотъ день походилъ на похороны“ [1]). Овидій оторвался, наконецъ, отъ огорченныхъ домочадцевъ и убѣжалъ, бросивъ послѣдній взглядъ на тотъ городъ, гдѣ онъ былъ такъ счастливъ и гдѣ оставлялъ, ему казалось, часть самого себя. Мы увидимъ, что онъ оставилъ тамъ одновременно свое счастье и свой талантъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ періодъ бурь, Овидій переплылъ Адріатическое море. Его плаваніе было небезопасно; буря отбросила его къ берегамъ Италіи, которую онъ, казалось, не могъ покинуть. На другомъ кораблѣ, Минервѣ, который принялъ его въ Коринѳѣ, онъ прошелъ мимо Циклад-скихъ острововъ и оплылъ берега Малой Азіи. Эти страны были ему знакомы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ обществѣ своего друга Макра, такого же поэта, какъ и онъ, онъ проѣхалъ Грецію и переплылъ Іонійское море, чтобы посѣтить мѣсто дѣйствія Иліады. Эти воспоминанія о счастливомъ времени сдѣлали его путешествіе еще печальнѣе; чтобы утѣшиться, онъ писалъ. „Стихи, которые вы прочтете,—говорилъ онъ своимъ друзьямъ,—я пишу не въ моихъ садахъ, сладко растянувшись для отдыха на своей постели, какъ я дѣлалъ обыкновенно; я пишу среди бурь, при свѣтѣ ненастнаго неба, и волны гнѣвнаго моря ударяются въ дощечки, на которыхъ я пишу“ [2]). Въ такихъ условіяхъ была составлена первая книга Tristes.

Эту книгу, когда она дошла до Рима, не всѣ одобрили. Нѣкоторые изъ друзей Овидія порицали его за то, что онъ написалъ ее. Это были, вѣроятно, тѣ самые люди, которые отсутствовали въ домѣ поэта при его отъѣздѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ удалился и не могъ ихъ компрометировать, они великодушно давали ему добрые совѣты; они заботились главнымъ образомъ объ его достоинствѣ и, такъ какъ нѣтъ ничего величественнѣе молчанія, то они хотѣли убѣдить Овидія, что онъ долженъ молчать. Бѣдный поэтъ отвѣчалъ имъ, что трудно удерживать слезы, когда страдаешь, и что слезами хоть немного можно облегчить душу. У поэта не было другого облегченія въ его горѣ, какъ

---

[1]) Trist., I, 3, 22.
[2]) Trist., I, 11, 37.

бесѣдовать о немъ съ друзьями и съ публикой. Вѣдь извѣстно, говорилъ онъ, что всѣ несчастные поютъ. „Рабъ, воздѣлывающій землю съ оковами на ногахъ, смягчаетъ своими пѣснями тяжесть работы. Бурлакъ поетъ, когда, склонившись надъ мокрымъ пескомъ, тянетъ свою барку противъ теченія. Поетъ также и матросъ, мѣрно притягивая гибкія весла къ своей груди и въ тактъ ударяя по волнамъ. Когда усталый пастухъ опирается на свою палку или садится на скалу, онъ услаждаетъ свое стадо звуками деревенской свирѣли. Служанка поетъ за пряжей и такимъ образомъ легче заканчиваетъ свой урокъ“ [1]). Овидій высказывается здѣсь не сполна; у него было другое болѣе важное основаніе постоянно посылать въ Римъ новые стихи: онъ боялся быть забытымъ. Онъ хорошо зналъ легкомысліе свѣтской жизни; ему было извѣстно, что кто постоянно занятъ настоящимъ, тому некогда вспоминать прошлое; несчастные не нравятся тѣмъ людямъ, которые не хотятъ, чтобы ихъ отвлекали отъ удовольствій, они спѣшатъ забыть объ ихъ существованіи, чтобъ избавиться отъ сожалѣній. Этого Овидій и хотѣлъ избѣжать во что бы то ни стало; вотъ почему онъ и писалъ постоянно, чтобы напомнить о себѣ забывчивому уму свѣтскаго круга. Его письма, адресованныя самымъ вѣрнымъ изъ его друзей, тотчасъ же предавались гласности. Онъ хотѣлъ всѣми средствами повернуть общественное мнѣніе въ свою пользу; но общественное мнѣніе, дисциплинированное полувѣковымъ рабствомъ, оставалось равнодушнымъ. Римляне стали уже народомъ, о которомъ Ювеналъ впослѣдствіи сказалъ: „Онъ обожаетъ успѣхъ и ненавидитъ изгнанниковъ“ [2]).

Овидій не заблуждался относительно достоинства своихъ послѣднихъ произведеній. Онъ хорошо зналъ, что по природѣ онъ былъ поэтомъ радости, что его муза не имѣла звуковъ для выраженія страданій. Слеза выбивала изъ колеи его элегическій стихъ, такой веселый, игривый и скачущій; Овидію случается улыбнуться по привычкѣ и пошутить не во время. Не разъ помимо воли поэта, быть можетъ,

---

[1]) Trist., IV, 1.

[2]) Ювен. X, 73:
Sequitur fortunam ut semper, et odit Damnatos.

помимо его сознанія, въ концѣ полнаго отчаянія пентаметра у него проскользнетъ острота. Читателя особенно приводитъ въ нетерпѣніе злоупотребленіе миѳологіей въ стихахъ послѣдняго періода. Все напоминаетъ Овидію сказанія; онъ кстати и некстати приводитъ ихъ всюду. Можно ли повѣрить, напримѣръ, тому, что при видѣ замершаго Геллеспонта, среди печали, причиняемой поэту такимъ зрѣлищемъ, ему тотчасъ же придетъ въ голову, что для Леандра это былъ бы прекрасный случай притти на свиданіе къ Геро и не утонуть? Миѳологическія воспоминанія осаждаютъ его мысль; онъ не можетъ противостоять имъ и всегда портитъ намъ выраженіе своихъ реальныхъ несчастій, сравнивая ихъ съ воображаемыми. Такія плохія отступленія огорчаютъ насъ, а не удивляютъ. Въ конечномъ счетѣ Овидій только свѣтскій и салонный поэтъ, а въ аристократическихъ кругахъ, гдѣ всякій старается выдѣлиться изъ толпы, гдѣ наибольшій упрекъ, какой только можно сдѣлать, это упрекъ въ вульгарности, создается особый языкъ, которымъ тамъ всѣ любятъ пользоваться. Во времена Людовика XIV въ салонахъ выработался цѣлый словарь галантныхъ выраженій и, чтобы показать себя свѣтскимъ человѣкомъ, нужно было пользоваться имъ. Въ эпоху Августа такимъ языкомъ воспитанныхъ людей была миѳологія. Никто не говорилъ на этомъ языкѣ остроумнѣе Овидія; но онъ такъ привыкъ употреблять его, что уже не могъ отъ него освободиться; какъ въ семнадцатомъ столѣтіи галантность заполняетъ у величайшихъ писателей даже тѣ мѣста, гдѣ хотѣлось бы слышать только голосъ истинной страсти, такъ точно и у авторовъ временъ Августа, въ особенности у Овидія, часто случается, что миѳологія распространяетъ атмосферу педантизма тамъ, гдѣ должно-бы говорить одно страданіе.

Послѣ долгаго и опаснаго путешествія Овидій прибылъ въ городъ, гдѣ ему суждено было жить и умереть. Поэтъ описалъ его намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Хотя онъ ко всему готовился, но дѣйствительность превзошла его опасенія. Этотъ городъ, называвшійся Томи или Томисъ (теперь Кюстенджи) [1], расположенъ на берегу Чернаго моря,

---

[1]) Въ настоящее время уже не можетъ быть сомнѣнія о подлинномъ мѣстоположеніи Томи. Надписи, найденныя въ Кюстенджи, нѣко-

на нѣкоторомъ разстояніи отъ Дуная. Онъ представляетъ собою древнюю греческую колонію, населенную большею частью осѣвшими тамъ сарматами. Пріѣхавъ сюда, Овидій почувствовалъ, какъ сердце его сжимается. Онъ убѣжденъ, что ни одна страна столь рѣзко не отличается отъ той, которую онъ съ неутѣшной горестью покинулъ; здѣсь пейзажъ мраченъ и климатъ суровъ. Теперь мы не такъ исключительны и умѣемъ цѣнить красоту самыхъ различныхъ мѣстностей. Величіе дикой природы насъ трогаетъ по меньшей мѣрѣ такъ же, какъ нарядность природы цивилизованной. Путешественники, глядя изъ Кюстенджи на степи Добруджи, не могутъ надивиться величію этихъ безлюдныхъ равнинъ и ихъ подавляющему однообразію; Овидій былъ пораженъ только ихъ пустыннымъ видомъ. „Ты не увидѣлъ бы ничего, — говоритъ онъ, — кромѣ оголенной земли безъ тѣни, безъ зелени“ [1]). Тамъ не знаютъ ни весны, ни осени, тамъ не видно ни жатвы, ни сбора винограда, тамъ никогда не слышно пѣнія птицъ. Поле, гдѣ незамѣтно ни деревьевъ, ни домовъ, составляетъ какъ будто продолженіе моря. Смотришь ли на Ѳвксинскій Понтъ или на твердую землю, вѣчно передъ тобой безконечная, голая, волнистая равнина. Какое грустное зрѣлище для глазъ, привыкшихъ къ граціозной и разнообразной природѣ Италіи и къ тѣни римскихъ виллъ!

Впрочемъ, Овидій высказываетъ много и другихъ упрековъ мѣсту своего изгнанія. Томи былъ недавно завоеванъ римлянами, которые не успѣли еще умиротворить этотъ городъ. Нравы остались жестокіе, споры легко переходили въ битвы, и суды заканчивались ударами мечей. Въ самомъ видѣ города было что-то странное и страшное. Какъ случается въ варварскихъ странахъ, женщины работали тамъ больше мужчинъ; ихъ повсюду можно было видѣть,

---

торыя изъ которыхъ были описаны французскими офицерами во время крымской войны, ясно свидѣтельствуютъ, что этотъ городъ замѣнилъ древнюю столицу Понта. Можно познакомиться съ этимъ вопросомъ въ интересномъ сочиненіи доктора Allard'a, подъ заглавіемъ La Bulgarie orientale. Всѣ найденныя тамъ надписи собраны и объяснены Леономъ Ренье. См. также Corp. insc. lat., III, 753.

[1]) Trist., III, 10, 75.

какъ онѣ мололи зерно или несли на головахъ кувшины. По улицамъ и площадямъ часто проѣзжали верхомъ сарматы и геты. У нихъ былъ грубый голосъ, дикое лицо, борода и волосы длинные. Они носили въ рукахъ лукъ, у пояса ножъ и очень часто имъ пользовались. Нѣтъ ничего суровѣе здѣшняго климата. Поэтъ разсказываетъ намъ, что вѣтеръ дуетъ тамъ съ такою силою, что опрокидываетъ стѣны. Зима же продолжительна и сурова. Снѣгъ, едва знакомый итальянцу, здѣсь мѣсяцами покрываетъ землю. Ручьи и море скованы льдомъ, и телѣги переѣзжаютъ въ это время черезъ рѣки. Вино замерзаетъ въ боченкахъ; чтобы угостить имъ сотрапезниковъ, нужно разбивать его ударами топора. Жители не выходятъ иначе, какъ закутанные въ шкуры животныхъ, которые совсѣмъ покрываютъ ихъ: едва можно разглядѣть ихъ лица и покрытую ледяными сосульками бороду. „Таково мѣстопребываніе поэта легкой любви. Таковы люди, которыхъ онъ принужденъ видѣть и слышать“ [1]). Тѣ, что живутъ по ту сторону Дуная, еще страшнѣе. Что за сосѣди эти сарматы, бессы, геты, которые никого не боятся и на всѣхъ наводятъ страхъ! Въ Римѣ любятъ говорить, что міръ покоренъ, что всѣ народы трепещутъ передъ легіонами. Овидій во время своей ссылки хорошо узналъ цѣну этимъ иллюзіямъ національнаго тщеславія. Рядомъ съ нимъ живутъ варвары, которые не повинуются претору и смѣются надъ легатомъ. Дунай—болѣе надежная защита противъ нихъ, чѣмъ страхъ, внушаемый римлянами; но когда Дунай замерзаетъ, ничто болѣе не сдерживаетъ ихъ; они дѣлаютъ набѣги отдѣльными шайками, уводя людей и стада, какія удается захватить. „Ихъ кони быстры, какъ птицы“, ихъ оружіе безъ промаха. Они пускаютъ отравленныя стрѣлы, которыя приводятъ въ дрожь Овидія всякій разъ, какъ онъ думаетъ о нихъ, а думать приходилось часто. Единственное средство не попасться имъ въ руки — сидѣть дома и запереться на цѣлую зиму. Иногда же не отдѣльные всадники, а цѣлыя племена переходятъ рѣку и принимаются за осаду города. Тогда нужно брать оружіе и бѣжать на стѣны. Несчастный

---

1) Trist., 7, 21.

поэтъ, избѣгавшій военной службы въ молодости, принужденъ сражаться въ старости. Нападенія часто бываютъ серьезныя, и стрѣлы варваровъ, эти знаменитыя отравленныя стрѣлы, падаютъ на середину улицъ. Однажды Овидій поднялъ одну изъ нихъ, чтобы послать своимъ римскимъ друзьямъ: у него не было для нихъ другого подарка, это единственный продуктъ страны гетовъ [1]).

Эти опасности, окружавшія поэта въ Томи, объясняютъ тѣ отчаянныя усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы выбраться отсюда. Онъ обращается по очереди ко всѣмъ своимъ друзьямъ, утомляетъ ихъ своими просьбами, умоляя добиться отъ божественнаго человѣка [2]), котораго онъ оскорбилъ, не полнаго помилованія, — онъ не смѣетъ на это расчитывать, — но смягченія своего изгнанія. Онъ вначалѣ пишетъ имъ, не называя именъ, изъ боязни ихъ скомпрометировать; затѣмъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи онъ становится менѣе робкимъ и болѣе настойчивымъ; онъ обращается къ нимъ поименно, чтобъ тѣмъ болѣе связать ихъ со своимъ дѣломъ; онъ надѣется, что при прямомъ обращеніи они не посмѣютъ отказать ему въ своей поддержкѣ, что общественное мнѣніе будетъ тяготѣть надъ ними и заставитъ ихъ предпринять что-нибудь въ его пользу.

Въ числѣ лицъ, которыхъ онъ умоляетъ о помощи, первое мѣсто занимаетъ его жена, ибо поэтъ Ars amandi, любовникъ Коринны, былъ женатъ. Это крайне удивляетъ насъ, и мы съ трудомъ представляемъ себѣ Овидія въ законномъ брачномъ союзѣ. И тѣмъ не менѣе онъ былъ женатъ три раза. Разводъ разлучилъ его съ первыми двумя женами, о которыхъ онъ говоритъ мало хорошаго и которыя, въ свою очередь, тоже могли многое поставить ему въ упрекъ. Послѣдняя была въ родствѣ съ очень знатными родами и въ личной дружбѣ съ императрицей Ливіей. Овидій женился на ней, когда старался утвердиться въ оффиціальномъ мірѣ и добиться близости къ Августу: это былъ бракъ по расчету. Очень возможно, что Овидій всегда внимательно относился къ особѣ съ такимъ знатнымъ родствомъ,

---

[1]) Pont., III, 8.
[2]) Trist., I, 3, 37.

но совершенно неизвѣстно, была ли она ему столь же пріятна, сколько могла быть полезна; до того момента, какъ онъ впалъ въ немилость, она не занимаетъ никакого мѣста въ его стихотвореніяхъ; это даетъ намъ поводъ думать, что она не занимала мѣста и въ его сердцѣ. Но затаенное до сихъ поръ нѣжное чувство къ женѣ проявляется въ тотъ моментъ, когда Овидій покидаетъ Римъ. Оно разряжается тогда съ поражающей силой. Если вѣрить ему, то при своемъ отъѣздѣ онъ болѣе всего жалѣетъ свою жену. „Ты отсутствуешь, но я говорю съ тобою; мой голосъ призываетъ только твое имя; ни одного дня, ни одной ночи, не проходитъ безъ того, чтобы я не думалъ о тебѣ“ [1]). Онъ рѣшительно становится примѣрнымъ супругомъ. Перемѣна эта была крайне внезапна, ее ничто не предуказывало; однако, многіе критики считали ее искренной. Есть даже такіе, которые до глубины души были тронуты тѣмъ, что подобная привязанность была столь жестоко разбита. Признаемся, что мы меньше склонны къ такимъ сожалѣніямъ; на нашъ взглядъ, эта внезапная страсть не вполнѣ естественна. Похвалы Овидія по адресу своей супруги далеко не безкорыстны. Если онъ щедро обѣщаетъ ей безсмертіе, какъ уже обѣщалъ его Кориннѣ, то подъ условіемъ, что она употребитъ всѣ усилія, чтобъ вызволить его изъ Томи. Отсюда можно подозрѣвать, въ концѣ концовъ, что эти возвышенныя чувства относятся скорѣе къ вліятельной особѣ, чѣмъ къ нѣжно любимой женщинѣ. Когда Овидій говоритъ съ ней, онъ, повидимому, не сомнѣвается въ ея преданности; но онъ менѣе въ ней увѣренъ, когда пишетъ другимъ: „Конечно,—говоритъ онъ Руфу,—моя жена очень расположена ко мнѣ сама по себѣ; но когда ты совѣтуешь ей, она ведетъ себя еще лучше“ [2]). Это, надо признать, очень скромное довѣріе. Дѣло доходило до того, что при видѣ ея тщетныхъ усилій, онъ не скрывалъ отъ нея своего недовольства: „Ты хочешь, чтобы я сказалъ тебѣ, что ты должна дѣлать? Спроси это у самой себя: ты легко найдешь отвѣтъ, если захочешь его найти. Я часто хвалилъ тебя въ своихъ сти-

---

[1]) Trist., III, 3, 15.

[2]) Pont., II, 11, 13.

хахъ; можетъ быть, впослѣдствіи усумнятся, заслуживаешь ли ты этихъ похвалъ. Остерегайся, чтобы зависть не имѣла права сказать: эта женщина ничего не хотѣла сдѣлать для спасенія своего мужа“ [1]). Мы знаемъ, что несчастье дѣлаетъ людей несправедливыми, однако, горечь и постоянство этихъ жалобъ позволяютъ думать, что онѣ могли имѣть основаніе. Близость къ Ливіи не способствовала самоотверженію и вполнѣ возможно, что жена Овидія, воспитанная въ подобной школѣ, думала больше о томъ, чтобы сохранить свое вліяніе, чѣмъ о защитѣ своего мужа.

Понятно, что всѣ эти мольбы Овидія къ женѣ и къ своимъ могущественнымъ друзьямъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ обращаетъ къ Августу. Онъ льстилъ ему до низости еще до того, какъ очутился въ немилости; когда же его постигло несчастіе, онъ потерялъ всякій стыдъ. Мало того, что онъ ставитъ Августа выше всѣхъ героевъ древности; онъ ему безъ всякихъ обиняковъ ~~посвящаетъ~~ всѣхъ боговъ Олимпа. Если онъ сравниваетъ его съ Юпитеромъ, то для того только, чтобы сейчасъ же добавить, что Юпитеръ богъ воображаемый, тогда какъ Августъ богъ видимый [2]). ~~Тотъ день~~, когда его другъ Котта прислалъ ему изображеніе императора и его семьи, былъ праздникомъ для этого бѣднаго дома въ Томи. Поэтъ не можетъ наглядѣться. Онъ строитъ для ~~него~~ часовню; ~~онъ~~ набожно обращается къ ~~нему~~ съ молитвой. „Моя голова скатится съ моихъ плечъ, говоритъ онъ, глаза мои выйдутъ изъ своихъ орбитъ, прежде чѣмъ я допущу, чтобы вы, дорогія божества, были вырваны у меня. Вы пристань и алтарь въ моемъ несчастьи. Если гетъ придетъ убить меня, онъ найдетъ васъ прижатыми къ моей груди“ [3]). Мы видимъ здѣсь уже изступленіе лести. У него бываетъ, однако, лесть искуснѣе и тоньше. Можно ли было подумать, что изъ всѣхъ добродѣтелей Августа онъ наиболѣе охотно будетъ прославлять его милосердіе и доброту. Всѣ поразившія его несчастія не мѣшаютъ сказать ему, „что нѣтъ ничего на свѣтѣ

[1]) Pont., III, 1, passim.

[2]) Trist., IV, 4, 20.

[3]) Pont., II, 8, 65.

болѣе кроткаго, чѣмъ Цезарь“ [1]). Никогда Овидій не жалуется Августу, что онъ съ нимъ слишкомъ сурово поступилъ. Вмѣсто упрековъ за свою ссылку, онъ благодаритъ его за оставленіе ему жизни. „Я опасался всего, говоритъ онъ Августу, потому что я все заслужилъ; но твой гнѣвъ былъ меньше моего проступка“ [2]). Именно такъ въ восточныхъ монархіяхъ жертва, согласно этикету, проситъ извиненія у палача.

Какъ бы снисходительно не относиться къ Овидію, учитывая его огромное несчастіе, такая льстивость насъ отталкиваетъ. Его упрекали за это уже въ то время, но онъ съ обезоруживающею откровенностью отвѣчалъ: „Скажи, если хочешь, что у меня чувства женщины; я сознаюсь, что моя душа слаба въ несчастіи“ [3]). Онъ винитъ въ этомъ свою природу: „Я родился для покоя и досуга, я питалъ ужасъ къ серьезнымъ дѣламъ, я не зналъ труда“. Справедливѣе, быть можетъ, винить образъ жизни, который онъ велъ до сихъ поръ. Въ свѣтской жизни есть что то изнѣживающее: она можетъ увеличить достоинства посредственности, но человѣкъ выдающійся теряетъ въ ней время и силы. Ежедневное общеніе съ людьми придаетъ характерамъ блескъ и лоскъ, но отнимаетъ у нихъ долю крѣпости. Съ душой происходитъ то же, что и съ тѣломъ: непринужденность походки и грація тѣлодвиженій и позъ достигаются лишь въ ущербъ крѣпости и идутъ обыкновенно рука объ руку съ нервностью. Старый Варронъ, который былъ простымъ крестьяниномъ и неучемъ, мужественно перенесъ несчастье: „Въ какомъ бы мѣстѣ ты ни былъ, — говорилъ онъ тѣмъ, кто страшился изгнанія, — не всюду ли та же самая природа?“ Напротивъ, Цицеронъ, Овидій и Сенека, образованные люди, привыкшіе посѣщать изящное общество, когда имъ пришлось покинуть Римъ, проводили время въ стенаніяхъ. Свѣтская жизнь, помимо истинныхъ потребностей, создаетъ массу потребностей, воображаемыхъ а съ послѣдними происходитъ то же, что и съ безразсудными привязанностями: онѣ завладѣваютъ сердцемъ сильнѣе другихъ и человѣкъ уже не имѣетъ силы разстаться

[1]) Trist., V, 2, 38.
[2]) Trist., V, 2, 59.
[3]) Pont., I, 3, 31.

съ ними. Такъ и Овидій наиболѣе остро чувствовалъ лишеніе свѣта и его удовольствій. Его мысль некогда не разстается съ блестящими собраніями, душой которыхъ онъ былъ; онъ думаетъ о публичныхъ лекціяхъ, гдѣ его стихи встрѣчались шумными аплодисментами; съ береговъ Эвксинскаго Понта онъ словно видитъ „эти храмы, мраморные театры, портики, газонъ Марсова поля и прекрасные общественные сады, гдѣ прогуливается молодежь“ [1]). Когда наступало время какого-нибудь праздника, онъ издали слѣдитъ за всѣми его эпизодами, словно онъ дѣйствительно присутствуетъ тамъ. „Теперь садятся на лошадей; вотъ часъ, когда происходятъ состязанія въ мирныхъ битвахъ. Бросаютъ мячъ или дискъ. Открывается театръ и каждый страстно аплодируетъ своимъ любимымъ актерамъ“. Когда поэтъ отсылаетъ въ Римъ одну изъ своихъ книгъ, онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ней, и его воображеніе сопровождаетъ ее. Какое счастье для него увидѣть еще разъ эти незабвенныя мѣста! Вотъ Форумъ, Священная дорога, храмъ Весты; вотъ дверь, украшенная дубовымъ вѣнкомъ, Овидію она хорошо извѣстна, это дверь на Палатинъ. Онъ проскальзываетъ туда, онъ пресмыкается тамъ въ мольбахъ, чтобы обезоружить „страшное божество, могущество котораго онъ лично испыталъ“ [2]). По возвращеніи изъ такихъ воображаемыхъ путешествій, гдѣ на одно мгновенье поэтъ могъ увидѣть всю пышность жизни и весь блескъ цивилизаціи, понятно, какимъ пустыннымъ и жалкимъ казался ему бѣдный скиѳскій городъ. Тогда мужество окончательно покидало его, и онъ въ отчаяніи говорилъ: „У меня нѣтъ сердца, я могу только плакать“ [3]).

Овидій провелъ цѣлыхъ восемь лѣтъ въ Томи. У него было время выучить мѣстный языкъ и, такъ какъ это былъ неисправимый поэтъ, онъ сталъ сочинять сарматскіе стихи. Жители при всемъ своемъ варварствѣ были польщены, пріобрѣтя такого великаго писателя, и осыпали его отличіями. Сенатъ и народъ города Томи [4]), освободили его отъ вся-

---

[1]) Pont., I, 8, 35.

[2]) Trist., III, 1.

[3]) Trist., III, 2, 9.

[4]) Такимъ громкимъ именемъ названы муниципальные сановники города Томи въ одной надписи временъ Адріана.

кихъ повинностей, сосѣдніе города послѣдовали этому примѣру [1]). Ему присудили даже лавровый вѣнокъ, но онъ говорилъ, что съ сожалѣніемъ принялъ его. Конечно, онъ думалъ о другихъ, болѣе шумныхъ тріумфахъ, которыхъ былъ лишенъ. Годы текли, и ничто не могло излѣчить это разбитое сердце; до конца онъ устремлялъ свои взоры на городъ, „который со своихъ семи холмовъ смотритъ на поверженный у ногъ его міръ“ [2]). Онъ никогда не отчаивался снова увидѣть его. Неудачи, которыя онъ перенесъ, не мѣшали ему надѣяться. Онъ утверждаетъ, что одно время его другъ, Фабій Максимъ, смягчилъ было Августа; но Фабій, ставъ жертвой придворной интриги, вынужденъ былъ покончить съ собой, Августъ же пережилъ его лишь на короткое время. Овидій поспѣшилъ воздвигнуть храмъ богу, который только что умеръ, и воздать ему хвалу въ поэмѣ на гетскомъ языкѣ; затѣмъ, подведя счеты съ усопшимъ императоромъ, онъ обратился къ новому и возобновилъ свои моленья. Но вѣдь онъ зналъ Тиберія и долженъ быть понять, чего можно ожидать отъ его милосердія. Вотъ почему въ его послѣднихъ стихахъ попадаются иногда отзвуки какой-то мрачной, необычной для него покорности. „Простите мнѣ, мои друзья, если слишкомъ надѣялся на васъ; это ошибка, отъ которой я, наконецъ, хочу исправиться... Я пришелъ въ страну гетовъ, я долженъ въ ней умереть, моя судьба должна завершиться, какъ началась. Пусть цѣпляются за надежду тѣ, которыхъ не всегда она обманывала. Когда же надежда утрачена, лучше всего умѣть во время отчаяться и думать, что ты разъ навсегда безвозвратно погибъ. Есть раны, которыя растравляются отъ стараній лѣчить ихъ; лучше ужъ ихъ не трогать. Меньше страданій быть сразу поглощеннымъ волнами, чѣмъ утомлять ихъ безсильною рукою“ [3]). Но это только молніи; въ глубинѣ души поэтъ упорно надѣялся и послѣ нѣкоторыхъ минутъ отчаянья снова принимался молить и льстить, какъ будто жестокая и презрительная душа Тиберія могла быть доступна мольбѣ и лести. Онъ былъ занятъ просмотромъ своей поэмы Fastes, чтобъ ввести въ

---

1) Pont., III, 9, 100 и 14, 104.

2) Trist., 1, 5, 69.

3) Pont., III, 7.

нее нѣсколько намековъ на новое царство и нѣсколько похвалъ старому, когда смерть застигла его на пятьдесятъ девятомъ году.

Ссылка Овидія и связанные съ ней эпизоды принадлежатъ столько же политической исторіи Рима, сколько и литературной. Они освѣщаютъ намъ закатъ того царствованія, побѣдоносное начало котораго привѣтствовали Горацій и Вергилій. Они показываютъ намъ, какъ государь, который до тѣхъ поръ умѣренно пользовался своею властью, наконецъ, огорченный плохимъ успѣхомъ своихъ реформъ и раздосадованный неожиданнымъ сопротивленіемъ, которое ~~онъ~~ встрѣтилъ, сталъ безжалостенъ ко всѣмъ тѣмъ, кого ~~онъ~~ считалъ вдохновителемъ этого сопротивленія; увлеченный своимъ гнѣвомъ онъ отрекся отъ искуснаго и великодушнаго образа дѣйствія, какого до сихъ поръ держался; долгое время, ставя себѣ въ заслугу уваженіе къ свободѣ устнаго и письменнаго слова, онъ кончилъ тѣмъ, что присуждалъ писателей къ ссылкѣ, а книги къ сожженію; такимъ образомъ, по свидѣтельству Діона, онъ сталъ въ тягость римлянамъ, которые раньше такъ ему удивлялись, и міръ почувствовалъ облегченіе, когда онъ умеръ. Послѣдніе годы Августа, какъ и Людовика XIV, показываютъ намъ, какъ трудно абсолютной власти быть сдержанной и мягкой; этимъ и пользуется время для созиданія уже иныхъ порядковъ. Изучая произведенія Овидія, мы понимаемъ, какъ, несмотря на внѣшній блескъ правленія Августа, могла зародится тогда глухая оппозиція, которая при всей славѣ императора выводила его изъ себя и которая гораздо сильнѣе раздражала его преемниковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Доносчики.

Въ силу закона lex majestatis императоры преслѣдовали тѣхъ, кого подозрѣвали въ недовольствѣ; они отыскивали и наказывали ихъ при помощи доносчиковъ. Намъ важно узнать, поэтому, что за люди были эти доносчики: надо знать, каково было ихъ происхожденіе, къ какимъ пріемамъ прибѣгали они въ своихъ обвиненіяхъ и какія ужасныя послѣдствія для тогдашняго общества имѣло довѣріе, пріобрѣтенное ими во время цезарей.

Римская имперія вполнѣ естественно произошла изъ республики. Большая часть учрежденій, которыя мы считаемъ созданіемъ императоровъ, древнѣе послѣднихъ; но заимствуя ихъ изъ прошлаго, императоры постарались извратить ихъ смыслъ: когда-то гарантіи свободы они стали теперь орудіями деспотизма. Такъ было и съ доносчиками. Это зловѣщее имя въ нашихъ глазахъ характеризуетъ тиранію императоровъ; однако, доносчики существовали и при республикѣ, въ тѣхъ границахъ, въ какихъ они терпимы въ свободной странѣ. Извѣстно, что римляне не знали той должности, которую занимаетъ нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, у нихъ не было спеціальныхъ магистратовъ, которые бы открывали и преслѣдовали государственныя преступленія. Забота объ этомъ была возложена на обыкновенныхъ должностныхъ лицъ, а за ихъ недостаткомъ, всѣ граждане имѣли право брать ее на себя. Такимъ правомъ пользовались въ Римѣ очень охотно, особенно въ моменты смутъ. Жизнь политическихъ дѣятелей проходила тогда

въ нападеніи и самозащитѣ: Катонъ былъ сорокъ четыре раза обвиняемымъ и гораздо чаще обвинителемъ. Девятидесяти лѣтъ отъ роду онъ появился на форумѣ, чтобы донести народу на Сервія Гальбу, который вопреки договорамъ вырѣзалъ цѣлое племя Лузитанцевъ; но роль обвинителей, повидимому, больше нравилась молодежи. Честолюбцы, чувствовавшіе въ себѣ талантъ и стремившіеся къ его обнаруженію, находили въ доносѣ удобное средство быстро выдвинуться: они выбирали кого-нибудь изъ самыхъ значительныхъ лицъ противной партіи съ наиболѣе сомнительной репутаціей и привлекали его къ народному суду. Если имъ удавалось вызвать большой скандалъ, общее вниманіе было обращено на нихъ: это считалось блестящимъ пріемомъ вступить въ общественную жизнь; Цезарь и Целій дебютировали именно такимъ образомъ. Однако, къ концу республики благородные умы начали стыдиться подобнаго способа извлекать выгоду изъ вреда для другого. Патріотизмъ ослабѣвалъ, древнія традиціи замѣнились новымъ духомъ, и выше всѣхъ добродѣтелей античнаго времени стали считать ту милую черту, которая состояла изъ благородства души и возвышеннаго ума и которой философы дали имя гуманности. Цицеронъ, начавшій карьеру съ обвиненія Верреса, заявлялъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ, что „ему кажется безчеловѣчнымъ употреблять на погибель людей искусство, созданное природой для ихъ спасенія“ [1]).

Законодательство какъ будто предвидѣло такую совѣстливость и прибѣгло къ весьма дѣйствительному средству, чтобъ погубить ее въ зародышѣ. Тѣ, которые вызвали чье нибудь осужденіе, получали четверть имущества обвиненнаго: отсюда, говорятъ, произошло названіе quadruplatores. Такъ какъ адвокатамъ было запрещено тогда брать деньги, то оказалось, что прибыльнѣе было обвинять, чѣмъ защищать, и люди, желавшіе быстро обогатиться, естественно, изъ доноса сдѣлали ремесло; но такое ремесло было гораздо болѣе выгодно, чѣмъ почетно; тѣ, кто изъ него

[1]) De off., II, 14. О всѣхъ этихъ вопросахъ, которые здѣсь только указываются см. Laboulaye, Essai sur les lois criminelles des Romains.

извлекалъ доходъ, далеко не пользовались уваженіемъ. „Я не хочу сдѣлаться профессіональнымъ доносчикомъ, говоритъ одинъ паразитъ у Плавта; мнѣ не подобаетъ безнаказанно вырывать у людей имущество; я не люблю тѣхъ, кто поступаетъ такъ [1]“. Онъ считаетъ болѣе благороднымъ слѣдовать примѣру своего отца и всѣхъ своихъ предковъ, „которые, подобно крысамъ, всегда ѣли чужой хлѣбъ“. Не съ большей симпатіей говоритъ о профессіональныхъ обвинителяхъ и Горацій тамъ, гдѣ онъ описываетъ двухъ знаменитыхъ обвинителей своего времени, „голосъ которыхъ, говоритъ онъ, охрипъ отъ злословія“. Только послѣдняя черта нѣсколько говоритъ въ ихъ пользу: „Они гуляютъ съ своими документами подъ мышкой и бесѣдуютъ между собою объ ужасахъ, ожидающихъ жуликовъ [2]“.

Обвинители во времена имперіи ужасали только честныхъ людей. Такая перемѣна въ ихъ роли, повидимому, уже чувствовалась, такъ какъ имъ дали новое имя: около времени Августа первый разъ встрѣчается названіе доносчика. Они были тогда очень заняты. Не говоря о нарушеніяхъ старыхъ законовъ, новые законы доставляли имъ массу работы. Такъ Августъ принялъ строгія мѣры противъ тѣхъ, кто не хотѣлъ вступать въ бракъ. По его внушенію доносчики проникали въ семьи и выглядывали, все ли здѣсь въ порядкѣ, дѣйствительны ли тѣ браки, которые заключились ради внѣшняго подчиненія волѣ императора. Такая домашняя инквизиція оказалась большимъ зломъ въ ту эпоху, и Тацитъ справедливо говоритъ, что послѣ страданій отъ болѣзни наступили страданія отъ лѣкарства [3]; но какъ и прежде съ наибольшою выгодою доносчики эксплоатировали политическія преступленія. Тѣ изъ нихъ, которые чувствовали себя созданными для первыхъ ролей, имѣли возможность достигнуть ихъ легко и быстро; вмѣсто того, чтобы терять время на преслѣдованіе толпы корыстыхъ адвокатовъ или упорныхъ холостяковъ, они обвиняли передъ сена-

---

1) Persa, 1, 2, 10.

2) Sat. 1, 4, 65.

3) Тац. Ann., III, 25: utque antehac flagitiis, ita tunc legibus laborabatur.

томъ враговъ Цезаря на основанiи закона объ оскорбленiи величества (lex majestatis).

Это знаменитый законъ, на который падаетъ извѣстная доля отвѣтственности за преступленiя имперiи, относится также къ республиканскому времени. Онъ каралъ смертью всякаго, „кто будетъ уличенъ въ томъ, что вредилъ величiю и достоинству римскаго народа“. Эта неопредѣленная формула имѣла то преимущество, что при каждомъ политическомъ кризисѣ позволяла побѣдившей партiи преслѣдовать всѣхъ своихъ противниковъ. Отсюда побѣжденная партiя обыкновенно проклинала ее, но въ случаѣ побѣды сейчасъ же ею пользовалась. Въ особенности полно использовалъ ее Сулла, который путемъ ловкаго толкованiя закона нашелъ средство распространить его какъ на слова, такъ и на дѣйствiя [1]). Имперiя съ внѣшней стороны ничего не измѣнила въ законѣ о величествѣ; текстъ его остался тотъ же, но результаты получились совершенно иные. Императоръ былъ поставленъ всюду на мѣсто народа; онъ воспользовался этимъ, чтобы оградить себя и свое величiе законами, защищавшими величiе и безопасность республики. Ясны и послѣдствiя такой подстановки. Отвлеченныя понятiя обычно менѣе требовательны, нежели личности: когда республика означала всѣхъ, она не чувствовала необходимости такъ часто прибѣгать къ своей защитѣ и къ наказанiямъ; когда-же она отожествилась съ однимъ человѣкомъ, все начало страшить ее. Прибавимъ, что этотъ человѣкъ имѣлъ особенныя свойства, а почести, какiя ему оказывали, вознесли его на самую вершину. Онъ былъ облеченъ властью трибуна и потому былъ лицомъ священнымъ; онъ считался божествомъ при жизни и окончательно становился таковымъ по смерти: политическiй проступокъ осложнялся религiознымъ чувствомъ, а оппозицiя становилась кощунствомъ. Передъ живымъ или мертвымъ императоромъ

---

[1]) Циц., Ad. fam. III, 11, 2: verum tamen est majestas (ut Sulla voluit) ne in quemvis impune declamare liceret.

Другое мѣсто у Цицерона показываетъ, что уже при республикѣ можно было съ нѣкоторой натяжкой дать закону о величествѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ измѣненiй, которыя возмущаютъ насъ въ императорскую эпоху. In Verrem, IV, 41.

нужно было находиться въ состоянiи вѣчнаго обожанiя; повиновенiе должно было принять характеръ культа и, какъ во всякомъ культѣ, малѣйшая разсѣянность, малѣйшая ошибка ставились въ вину. Случалось, что людей преслѣдовали и осуждали за то, что они брали имя Августа въ свидѣтели при ложной клятвѣ, прибили раба или перемѣнили одежду передъ изображенiемъ императора. Таковы были крайнiе результаты закона о величествѣ.

Этотъ законъ, какъ видно отсюда, давалъ не мало работы доносчикамъ; ихъ задача сводилась просто къ тому, чтобы извлечь изъ этого закона все, что только въ немъ содержалось. Любопытно узнать, въ какое время и какимъ путемъ они достигали этого.

I.

Когда появляются доносчики. — Августъ и процессъ Корнелiя Галла. — Доносчики во время Тиберiя. — Какъ нужно судить объ этомъ государѣ. — Его управленiе и характеръ. — Отвѣтственны ли доносчики за его жестокости.

Доносчики, если вѣрить Тациту, начали свою дѣятельность только въ эпоху Тиберiя; онъ тщательно устанавливаетъ дату и называетъ то лицо, которому онъ приписываетъ первенство: „Криспинъ,—говоритъ онъ,—первый принялся за это ремесло, которое благодаря несчастнымъ временамъ и человѣческому безстыдству прiобрѣло позднѣе большое влiянiе. Бѣдный, темный интриганъ, Криспинъ игралъ на жестокости цезаря сначала косвенными путями, пользуясь секретными записками; вскорѣ онъ сталъ нападать на самыхъ видныхъ людей; пользуясь довѣрiемъ одного и ненавистный остальнымъ, онъ показалъ примѣръ, который его подражатели, ставшiе богатыми и страшными изъ бѣдняковъ и презрѣнныхъ личностей, обратили на погибель другихъ, а въ конечномъ счетѣ и самихъ себя“ [1]. Это утвержденiе не совсѣмъ точно; подобнаго рода доносы такъ же стары, какъ имперiя, и существовали уже при Авгу-

[1]) Ann. I, 74.

стѣ, какъ доказываетъ смерть Корнелія Галла. Эту исторію стоитъ разсказать. Галлъ былъ богатый провинціалъ, давно, еще во время гражданской войны поселившійся въ Римѣ и создавшій себѣ громкую репутацію роскошью жизни и тонконостью ума. Онъ посѣщалъ лучшее общество, покровительствовалъ литераторамъ и самъ сочинялъ любовные стихи, нѣсколько манерные, но очень милые. Въ то же время этотъ человѣкъ удовольствія умѣлъ быть и человѣкомъ дѣла; онъ храбро сражался за Октавія. Именно ему послѣ битвы при Акціумѣ было поручено преслѣдовать Антонія, котораго онъ и довелъ до самоубійства. Въ награду Галлъ получилъ въ управленіе Египетъ, гдѣ исполняя трудную должность, проявилъ большія способности; но оказанныя имъ услуги не спасли его отъ немилости. Довольно трудно установить, въ чемъ онъ провинился; по всей вѣроятности, онъ былъ опьяненъ своей великой удачей; Египетъ во всѣ времена былъ страною рабовъ; отъ временъ фараоновъ тамъ существовалъ обычай обоготворять повелителя, каковъ бы онъ ни былъ. Пришедшіе затѣмъ греки по существу нисколько не измѣнили этой угодливости; они удовольствовались сообщеніемъ этой лести болѣе пикантной формы, что дѣлало ее еще опаснѣе для того, кто былъ ея объектомъ. Всеобщая лесть вскружила голову и Галлу; онъ заставлялъ себѣ приписывать честь за всѣ благія дѣйствія, что было непростительнымъ преступленіемъ въ глазахъ подозрительнаго монарха; онъ позволялъ воздвигать себѣ статуи и вырѣзать свое имя па пирамидахъ; по секрету, считая себя окруженнымъ только друзьями, онъ въ интимной бесѣдѣ проронилъ какія то неосторожныя слова. Между его собесѣдниками оказался предатель. Императоръ былъ увѣдомленъ; Галлъ былъ отозванъ изъ Египта и получилъ приказаніе не показываться болѣе во дворцѣ; всѣ накинулись на него, сенатъ проявилъ особое рвеніе, разслѣдовалъ дѣло и осудилъ несчастнаго на изгнаніе. Галлъ въ отчаяніи убилъ себя. Августъ, котораго не было тогда въ Римѣ, когда узналъ о его смерти, сдѣлалъ видъ, будто оплакиваетъ своего друга и сожалѣетъ, что къ нему отнеслись слишкомъ строго; это не помѣшало ему все же сердечно благодарить сенатъ, „который такъ горячо отозвался на

нанесенныя ему оскорбленія“ [1]. —Вотъ первое представленіе комедіи, которая разыгрывалась впродолженіе всей имперіи; тутъ уже участвуютъ всѣ персонажи, имѣются всѣ эпизоды: предательство друга, усердіе и низость судей, лживая умѣренность повелителя. Тиберію не оставалось выдумывать ничего новаго, и честь открытія должна принадлежать Августу.

Необходимо оговориться все же, что въ правленіе Августа подобныя сцены были довольно рѣдки; напротивъ, послѣ него онѣ происходятъ очень часто. Зная Тиберія, легко понять, почему доносъ сталъ при немъ постояннымъ явленіемъ и однимъ изъ главныхъ средствъ управленія. Никогда ни одинъ государь не боялся такъ уронить себя, какъ Тиберій. Онъ дѣйствовалъ возможно меньше лично и пользовался своей властью только исподтишка. Не желая открыто принимать участіе въ дѣйствіяхъ своей мести, онъ нуждался въ доносчикахъ, что донимать своихъ враговъ и привлекать ихъ къ суду сената; такимъ образомъ доносчики были необходимымъ колесомъ въ этомъ лицемѣрномъ правленіи. Если не онъ первый пустилъ ихъ въ дѣло, то по крайней мѣрѣ при немъ вполнѣ отчетливо обнаружилось, какія услуги они могутъ оказать цезарю, который пожелаетъ распоряжаться жизнью и состояніемъ всѣхъ своихъ подданныхъ, не выдавая при этомъ себя. Пользуясь службой доносчиковъ, Тиберій угнеталъ римлянъ самой жестокой тираніей, какую они когда либо испытали.

Однако, мы встрѣчаемся здѣсь съ серьезными возраженіями. Вполнѣ-ли справедливо только что высказанное нами сужденіе? Тиберій ли пользовался доносчиками, или доносчики привели въ заблужденіе и увлекли Тиберія? Кому въ самомъ дѣлѣ принадлежалъ починъ начавшихся тогда обвиненій? На кого должна пасть отвѣтственность за пролитую кровь? Всѣ эти какъ будто исчерпанные вопросы были вновь подняты въ наши дни и вызвали самые разнообразные отвѣты. Тиберій нашелъ смѣлыхъ апологетовъ, которые безъ колебаній винятъ за его преступленія тѣхъ людей, которые служили ему орудіями и даже были

---

[1]) Свет., Aug., 66.

его несчастными жертвами. Ученые историки еще недавно въ Германіи пытались доказать намъ, что о Тиберіи составилось дурное представленіе и что надо, наконецъ, вернуть ему наше уваженіе[1]). Такая задача не изъ легкихъ, и защищающіе Тиберія изслѣдователи впадаютъ часто въ противорѣчія. Не входя во всѣ подробности этой полемики, окинемъ быстрымъ взглядомъ тотъ путь, на которомъ можно примирить Тиберія съ общественнымъ мнѣніемъ и выяснить ту роль, какую приписываютъ доносчикамъ апологеты цезаря.

Тѣ, кто желаетъ внушить намъ уваженіе къ Тиберію, начинаютъ всегда съ восхваленія его внѣшней политики. Надо признать, что это похвала заслуженная. Самъ Тацитъ соглашается, что въ его царствеваніе вселенная была спокойна, имперія процвѣтала и пользовалась уваженіемъ. Ему было пятьдесятъ шесть лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ Августу: въ такомъ возрастѣ, люди уже не увлекаются блестящими случайностями войны. Отдаленныя приключенія не привлекали его; имперія казалась ему достаточно обширной; онъ довольствовался защитой ея, не заботясь о расширеніи. Съ чужими народами онъ велъ искусную и осторожную политику; онъ остерегался ихъ раздражать, старался разъединить ихъ между собой и для ослабленія ихъ больше разсчитывалъ на свои интриги, чѣмъ на легіоны. Относительно пронинцій Тацитъ говоритъ, что Тиберій обыкновенно выбиралъ честныхъ управителей и зорко

---

1) См. особенно Ad. Stahr, Tiberius. Эта книга, входящая въ серію этюдовъ о римской древности (Bilder aus dem Alterthume), появилась въ Берлинѣ въ 1863 г. Она была предметомъ горячаго спора въ нѣмецкой и англійской прессѣ. Эдуардъ Пашъ взялся за ея опровержение (Zur Kritik der Geschichte des Kaisers Tiberius, Altenburg 1886). Насъ очень удивляетъ, что Штаръ, который прилагаетъ много стараній, чтобы найти себѣ въ литературѣ предшественниковъ, благосклонно относящихся къ Тиберію, забылъ упомянуть о диссертаціи Дюрюи (De Tiberio imperatore), которую онъ въ 1853 г. передъ Faculté des lettres защитилъ въ Парижѣ и которая вызвала тоже большіе споры. Почти всѣ аргументы Штара уже обсуждены и указаны въ этой диссертаціи; только заключенія Дюрюи далеко не такъ радикальны, какъ у Штара. Онъ защищаетъ администрацію Тиберія, но не доходитъ подобно Штару, до утвержденія, что Тиберій симпатичная личность.

слѣдилъ за ними. Мы уже доказали, что провинціи чувствовали себя при новомъ режимѣ лучше, нежели объ этомъ думаютъ, что онѣ пережили безъ особенныхъ потрясеній не только правленіе Тиберія, но и времена Калигулы и Нерона. Къ своему счастью, имперія тогда еще не была такъ централизована, какъ позднѣе, и административная независимость муниципій не давала много простора имперскому правительству. При самыхъ дурныхъ цезаряхъ, какъ и при самыхъ хорошихъ, декуріоны продолжали управлять дѣлами общины, народъ избиралъ должностныхъ лицъ, дуумвиры чинили судъ, народныя ассоціаціи собирались на свои банкеты и празднества. Дни проходили среди мирной агитаціи и лишь издали слышались бури, приводившія въ трепетъ Римъ [1]).

Если въ общемъ нѣтъ разногласій относительно внѣшней политики Тиберія и его управленія въ провинніяхъ, то поведеніе его въ отношеніи къ сенату и римской аристократіи даютъ большее мѣсто для разногласій; но въ особенности эти разнорѣчія сказываются тогда, когда дѣло доходитъ до оцѣнки Тиберія, какъ человѣка, когда стремятся понять его странный и сложный характеръ. Однако, есть достовѣрные факты, признать которые вынуждены всѣ: начало его царствованія было счастливо, конецъ ужасенъ. Какая причина столь крутой перемѣны? Какъ совершился этотъ переходъ? Вотъ о чемъ идетъ споръ. Объясненіе, которое даетъ Тацитъ, весьма просто. Тиберій по природѣ былъ золъ, говоритъ онъ; но пока рядомъ съ нимъ были соперники, которые могли воспользоваться его ошибками, пока онъ хоть кого-нибудь боялся или почиталъ, онъ насиловалъ самого себя. Но когда онъ освободился отъ Германика и его семьи, отъ Ливіи, отъ Сеяна, тогда онъ рѣшился быть самимъ собою и показалъ себя такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Подлинный Тиберій таковъ,

---

[1]) Однако, императорская тираннія имѣла нѣсколько жертвъ и въ провинціяхъ. Светоній говоритъ, что Тиберій подъ самыми пустяшными предлогами конфисковалъ состоянія богатѣйшихъ жителей Галліи, Испаніи, Сиріи и Греціи (Suet., Tib., 49). Неронъ велѣлъ убить шесть собственниковъ, которые владѣли половиной Африки (Плиній, Hist. nat., XVIII, 6).

слѣдователено, какимъ мы знаемъ его въ послѣдніе годы. Именно это и отрицаютъ новѣйшіе критики. Тацитъ, говорятъ они, плохой психологъ, онъ плохо знаетъ человѣческую природу: до шестидесяти лѣтъ невозможно носить личины [1]). Какимъ чудомъ искусства можно скрываться такъ долго? Какая бездна глупости заставляетъ человѣка распуститься такъ поздно? Для этихъ лицъ настоящій Тиберій это Тиберій первыхъ лѣтъ; люди и обстоятельства заставили его измѣниться, но въ сущности это была добрая и благородная натура (eine gute und edle Natur) [2]).

Вотъ этого какъ разъ и нельзя допустить; достаточно знать, какимъ Тиберій сталъ въ концѣ, чтобы понять, чѣмъ онъ былъ въ началѣ. Никто не можетъ доказать, что „добрая и благородная натура“ можетъ дойти до такихъ ужасовъ. Какому бы вліянію событій и людей ни подвергался Тиберій, жестокіе инстикты, которые открылись въ немъ въ концѣ жизни, существовали и вначалѣ; исторія молодости доказываетъ, что время отъ времени онъ и тогда отводилъ душу. Конечно, мы отнюдь не можемъ смѣшивать его съ тѣми цезарями, которые слѣдовали за нимъ. Тиберій не былъ сумасшедшимъ, какъ Калигула, слабоумнымъ, какъ Клавдій, или маніакомъ, какъ Неронъ. Его разсудокъ остался твердымъ среди величайшихъ эксцессовъ, но сердце его было всегда дурнымъ. Онъ выросъ среди интригъ двора, гдѣ его не любили, окруженный тайными и явными врагами; его положеніе было одновременно высокимъ и подчиненнымъ; ему льстили одни, его унижали другіе; не имѣя другой поддержки, кромѣ матери, онъ стыдился того, что обязанъ ей своимъ высокимъ положеніемъ; опасаясь стать кому-нибудь поперекъ дороги, онъ вынужденъ былъ слѣдить за своими словами, своими жестами и взглядами, скрывать свои самыя законныя стремленія и даже свои таланты. Понятно, что онъ сохранилъ на всю свою жизнь неизлѣчимое недовѣріе къ людямъ и неискоренимую потребность лицемѣрить. Когда онъ достигъ власти, его

---

[1]) Пашъ приводитъ, однако, примѣръ Сикста V, который дождался почти такого же возраста, чтобы проявить свой подлинный характеръ.

[2]) Stahr, Tib. стр. 164.

сердце было исполнено злопамятства и жажды мести, храня воспоминанія объ испытанныхъ униженіяхъ и страхѣ; и тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ окружать себя жалкими предосторожностями, боясь дневного свѣта, ни одного затрудненія не встрѣчая открыто, повсюду видя враговъ, которыхъ преслѣдовалъ низкою и темною местью. Ни его качества, ни его пороки не пріобрѣли никакого величія отъ того высокаго положенія, котораго онъ достигъ случайно и послѣ столь долгаго ожиданія. Онъ всегда остался выскочкой на тронѣ и имѣлъ такой видъ, будто на немъ онъ не чувствуетъ себя дома. У него были и хорошія качества, но въ силу роковой странности его недостатки дѣлали ихъ безполезными. Всѣ современники говорятъ намъ, что онъ былъ холоденъ и мраченъ, tristissimus hominum. Его откровенность имѣла въ себѣ что то жестокое, а его вѣжливость походила на скрытность. Если ему приходила фантазія быть великодушнымъ, что случалось рѣдко, онъ давалъ нехотя и своимъ благодѣяніемъ обижалъ. Онъ имѣлъ способность дѣлать скверно самыя лучшія вещи[1]). Его ненавидѣли еще раньше, чѣмъ онъ заслужилъ это. Изъ сочиненныхъ тогда сатирическихъ стиховъ, которые его такъ огорчали, видно, что еще съ первыхъ лѣтъ его царствованія окружающіе предчувствовали въ немъ Тиберія послѣднихъ лѣтъ.

Мы думаемъ, слѣдовательно, что Тиберій уже родился злымъ, признавая, что высокое положеніе окончательно испортило его. „Онъ былъ сильно потрясенъ и измѣненъ властью“, говоритъ Тацитъ[2]). Вообще деспотизмъ одинаково опасенъ, и для того, кто пользуется имъ, и кто ему повинуется, но нигдѣ онъ не имѣлъ такихъ грустныхъ результатовъ для подданныхъ и для повелителя, какъ въ Римѣ. Мы указывали выше, почему этотъ режимъ породилъ больше дурныхъ государей, чѣмъ всякій другой. И Тиберій также поддался его вліянію;

---

1) Sen., De ben., II, 7 и 8.

2) Ann., VI, 48: vi dominationis convulsus et mutatus. Тацитъ точно отмѣчаетъ ходъ этой перемѣны въ Тиберіи. Онъ указываетъ моментъ, когда Тиберій рѣшительно сталъ портиться (Ann. IV, I), а именно, когда онъ сталъ жаденъ къ чужому добру (id., 20), и когда пристрастился къ самому постыдному распутству (VI, 1).

онъ становился хуже, старѣя въ привычкахъ своей неопредѣленной власти; не слѣдуетъ думать, однако, что одинъ императорскій санъ отвѣтственъ за его преступленія и сдѣлалъ его тѣмъ извергомъ, какимъ онъ сталъ подъ конецъ. Въ каждомъ человѣкѣ есть какъ бы скрытыя силы, направленныя къ добру и къ злу, которыя въ обыденной жизни часто остаются подъ спудомъ. Напрасно говорятъ, что ихъ создаютъ чрезвычайныя обстоятельства; они ихъ только раскрываютъ. Сколько чуднаго самоотверженія, сколько дикихъ инстинктовъ вывела на свѣтъ французская революція! Сколько такихъ людей создали себѣ ужасную славу, которые не поднялись бы выше извѣстной посредственности въ порокахъ, если бы великое потрясеніе не пробудило въ нихъ всего того, что дремало въ глубинѣ ихъ природы! Можетъ ли это быть причиной ихъ оправданія? Нужно ли ихъ преступленія приписывать событіямъ? Мы думаемъ, наоборотъ, что вполнѣ законно судить объ ихъ природѣ по ихъ поступкамъ, и мы вправѣ сказать, что они и въ дѣйствительности были злы, если могли стать таковыми.

Мы только комментируемъ здѣсь объясненіе Тацитомъ темнаго и сложнаго характера Тиберія и думаемъ, что оно правильно. Если же Тацитъ дѣйствительно ошибся, если нужно признать, напротивъ, что Тиберій имѣлъ „прекрасную и благородную натуру", то какъ понять, что онъ могъ испортиться? Чтобы сдѣлать вѣроятной такую перемѣну, указываютъ на доносчиковъ. Намъ говорятъ, что Тиберій уступилъ дурнымъ вліяніямъ, что онъ довѣрчиво слушался тѣхъ, въ интересахъ которыхъ было сдѣлать его такимъ же злымъ, какъ они сами, и воспользоваться его жестокостью. Именно эти профессіональные обвинители, эти тихіе льстецы, эти бездарные честолюбцы, окружавшіе его, вродѣ Сеяна и Макрона, насиловали его природное великодушіе и толкали его къ строгостямъ, которыя были ему противны. Одинъ изъ послѣднихъ историковъ Тиберія, Штаръ, идетъ еще дальше: онъ хочетъ сдѣлать отвѣтственными за его жестокость тѣхъ, кто были ея жертвами. Постоянно вынуждая его къ репрессіямъ, они въ концѣ концовъ сдѣлали черствымъ его сердце. Итакъ, до сихъ поръ людская жалость заблуждалась; Штаръ направляетъ ее на истинный путь.

Не слѣдуетъ болѣе жалѣть Сабина, Кремуція Корда или Агриппину; нужно пожалѣть бѣднаго Тиберія, который вынужденъ такъ часто насиловать свою природную доброту и который дѣлается кровожаднымъ помимо своей воли! Можно подумать, что герой Штара передалъ ему свою подозрительность; историкъ также видитъ повсюду заговоры и злоумышленія. Онъ не хочетъ найти невинныхъ среди тѣхъ, кто былъ наказанъ Тиберіемъ; онъ довѣряетъ въ данномъ случаѣ свидѣтельству тѣхъ презрѣнныхъ личностей, которые ихъ осуждали. Пусть Тацитъ говоритъ, что хочетъ, но дѣти Германика были въ заговорѣ. Не зря принуждали къ самоубійству Нерона, а Друза заперли въ комнатѣ дворца, гдѣ тотъ умеръ съ голоду, съѣвши даже шерсть своихъ матрацовъ. Агриппина была надеждой недовольныхъ и центромъ интригъ: она была слишкомъ высокомѣрна на словахъ и имѣла слишкомъ гордое сердце для подданной. Тиберій хорошо дѣлалъ, что не довѣрялъ ей. Конечно, съ нею обошлись нѣсколько грубо, и центуріонъ, которой велъ ее въ тюрьму, не долженъ бы вышибать ей глазъ: но такъ какъ она, въ конечномъ итогѣ потерявъ друзей и дѣтей, въ отчаяніи хотѣла смерти, то вполнѣ справедливо было позволить ей умереть. Малаго не достаетъ, чтобы Штаръ, подобно сенату, пришелъ къ мысли возблагодарить императора за то, что онъ не велѣлъ все же задушить и бросить на мѣстѣ казни внучку Августа.

Воистину удивительны тѣ сторонники Тиберія, которые, высказавъ сожалѣніе по поводу преступленій его послѣднихъ лѣтъ, находятъ тѣмъ не менѣе средства обратить ихъ ему же во славу. Они хотѣли бы убѣдить насъ, что Тиберій возненавидѣлъ родъ человѣческій только потому, что слишкомъ любилъ его вначалѣ. Та мрачная меланхолія, въ которую онъ впалъ и результаты которой были столь ужасны, служитъ, по ихъ мнѣнію, доказательствомъ его тонкой душевной организаціи. Развѣ не нужно обладать нѣжной и чувствительной душой, говорятъ они, чтобъ такъ сильно отозваться на постигшія ее неудачи? Сколько ранъ получила она! Сколько она должна была выстрадать и какъ истекать кровью, чтобъ дойти до такихъ ужасныхъ жестокостей! Затѣмъ слѣдуютъ тщательныя перечисленія всѣхъ основаній, которыя заста-

вили этого друга человѣчества кончить ненавистью къ людямъ: угрожавшіе ему заговоры; опасности, среди которыхъ онъ провелъ всю свою жизнь; измѣна его близкихъ; одиночество, въ которомъ онъ угасалъ. Эти картины могутъ быть очень патетичны, но сомнительно, чтобы онѣ вызвали въ насъ жалость къ Тиберію. Не слѣдуетъ забывать, что злоумышленія, о которыхъ намъ говорятъ, существовали большею частью лишь въ сообщеніяхъ доносчиковъ, относительно же тѣхъ, которыя дѣйствительно существовали, развѣ мы не знали, что ихъ организовывали и возбуждали агенты-провокаторы цезаря, чтобы дать ему возможность раздѣлаться съ тѣми, которыхъ онъ хотѣлъ доконать? Если Тиберій состарился на Капрійской скалѣ среди своихъ грамматиковъ и миньоновъ, если онъ въ свои послѣднія минуты видѣлъ вокругъ себя равнодушныя или враждебныя лица, то на кого онъ могъ пожаловаться? Не самъ ли онъ лишилъ себя этихъ послѣднихъ утѣшеній семьи и дружбы? Разъ извѣстно, какъ умерли его друзья и родственники [1]), поистинѣ странно желаніе тронуть насъ его одиночествомъ!

Нельзя не выразить крайняго удивленія при видѣ всѣхъ этихъ потугъ и тщетнаго остроумія для реабилитаціи Тиберія. Спрашивается, чѣмъ могла вызвать къ себѣ такія симпатіи столь отталкивающая, по нашему мнѣнію, личность? Одно ли только удовольствіе разойтись съ общимъ мнѣніемъ и стать выше общихъ мѣстъ вульгарной морали заставило нѣкоторыхъ выдающихся ученыхъ защищать Тиберія? Боялись ли они показаться наивными или простоватыми, принимая установленное вѣками сужденіе. Мы склонны думать, что то высокомѣрное презрѣніе, которое Тиберій проявлялъ къ людямъ, поразило воображеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, принявшихъ это презрѣніе за величіе. Большинство людей создано такъ, что ими можно повелѣвать, только унижая ихъ; оказываемое имъ презрѣніе вызываетъ больше удивленія, чѣмъ ненависти. Цезарь и Наполеонъ, которые такъ ловко умѣли пользоваться

[1]) Светоній сообщаетъ, что Тиберій выбралъ двадцать сенаторовъ изъ тѣхъ, которые были ему особенно преданы, чтобы составить нѣчто вродѣ ближняго совѣта. Спустя нѣсколько лѣтъ ихъ оставалось лишь двое или трое: онъ отправилъ къ праотцамъ всѣхъ остальныхъ (Tib., 55).

людьми, презирали ихъ и не скрывали этого; въ глазахъ многихъ людей это составляетъ часть ихъ величія, которое отнюдь не страдаетъ, однако, отъ наличности довѣрія или уваженія къ людямъ. Въ одномъ можно согласиться съ поклонниками Тиберія: надо признать, что онъ самъ признавалъ низость своихъ преступленій и порою краснѣлъ за нихъ. Вотъ что отличаетъ его отъ преемниковъ, и только это обстоятельство можетъ расположить насъ къ нѣкоторой снисходительности. Въ глубинѣ его извращенной натуры оставалось извѣстное чувство порядочности, которое онъ насиловалъ, не разрушая его, и которое иногда бурно поднималось. Презирая другихъ, онъ по крайней мѣрѣ былъ въ то же время настолько справедливъ, что презиралъ и самого себя. Такое душевное безпокойство, такіе припадки угрызеній совѣсти вызывали въ немъ неувѣренность и странныя противорѣчія, замѣчаемыя въ его жизни: потребность быть обманутымъ и и ненависть къ лести, боязнь свободы и отвращеніе къ рабской услужливости, полное разочарованіе во всемъ и любовь къ полному уединенію, страхъ вновь увидѣть Римъ и сенатъ, презрѣніе къ другимъ и себѣ, наконецъ, глубокая тоска, которая до конца жизни терзала его. Тацитъ говоритъ, слѣдуя Платону, что „еслибы вскрыть сердце тирановъ, то мы увидѣли бы, что оно изсѣчено ударами и ранами, дѣлами жестокости, разврата, несправедливости, которые на душѣ оставляютъ такіе же слѣды, какіе на тѣлѣ производитъ кнутъ палача“ [1]); но Платонъ и Тацитъ идутъ слишкомъ далеко: есть тираны, которые не знаютъ такихъ мученій, и потому справедливо поставить Тиберія, который страдалъ, нѣсколько выше Калигулы и Нерона, которые не испытывали ничего подобнаго.

Что Тиберій стыдился своихъ поступковъ, это доказывается его потребностью сваливать ихъ на другую голову. Онъ очень хотѣлъ ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе и заставить думать, что онъ чуждъ кровавымъ событіямъ, происходившимъ въ Римѣ. Съ внѣшней стороны онъ принималъ въ нихъ возможно меньшее участіе: его жертвы преслѣдовались всегда доносчиками, а сенатъ ихъ осуждалъ. Цезарь оставлялъ за собой лучшую роль; онъ дѣлалъ видъ, что подписываетъ постановленный приговоръ

---

[1]) Ann., VI, 6.

лишь съ величайшимъ сожалѣніемъ; онъ какъ бы порицалъ строгость судей и порой смягчалъ наказаніе. Что касается доносчиковъ, то ему случалось иногда наказывать также и ихъ, показывая этимъ, что они не всегда дѣйствовали по его наущенію. Всѣ отлично знали тогда, что это была комедія. Какова же невѣроятная простота нынѣшнихъ поклонниковъ Тиберія, если они серьезно относятся къ этой комедіи. Такое заблужденіе забавно видѣть у людей, которые какъ-разъ стремятся не попасть впросакъ. Тиберій, какимъ мы его сейчасъ изобразили, не принадлежитъ къ числу тѣхъ государей, которыхъ можно увлечь или направить: въ его царствованіе ничего не происходило помимо его воли: доносчики и сенатъ, хотя цезарь порой отъ нихъ и отрекался, были лишь его послушными орудіями. Сенатъ не воленъ былъ оправдывать обвиняемаго: это доказывается тѣмъ, что Тиберій гнѣвался, когда сенату случалось ихъ освобождать; онъ порицалъ сенатъ за строгость, но не позволялъ ему быть снисходительнымъ. Если онъ и наказывалъ иногда доносчиковъ, то гораздо чаще онъ награждалъ ихъ: онъ удостаивалъ ихъ похвалъ и милостей, предоставляя имъ деньги ихъ жертвъ и государственныя должности; доносчики были, по выраженію Сенеки, любимыя собаки, которыхъ онъ кормилъ человѣческимъ мясомъ [1]). Однажды когда зашла рѣчь о томъ, чтобы уменьшить вознагражденіе за ихъ услуги, Тиберій отвѣчалъ съ необычною для него горячностью и откровенностью, что тогда погибнетъ республика, что лучше разомъ уничтожить всѣ законы, чѣмъ посягнуть на стражей, наблюдающихъ за ихъ исполненіемъ [2]). Конечно, мы не хотимъ уменьшать отвращенія, которое вызываетъ въ насъ позорное рвеніе доносчиковъ и низкая покорность сената; но чѣмъ болѣе рабскія свойства обнаруживали эти люди, тѣмъ меньше можно ожидать отъ нихъ чего-либо,

---

[1]) Cons. ad Marc. 22, 5. Въ другомъ мѣстѣ (De Ben., III, 26) Сенека описываетъ манію обвиненія, которая была истиннымъ бичемъ той эпохи: excipiebatur ebriorum sermo, simplicitas jocantium, nihil erat tutum, omnis saeviendi placebat occasio, nec jam reorum expectabatur eventus, cum esset unus. Совершенно то же самое говоритъ и Тацитъ, Ann. VI, 7.

[2]) Тац. Ann., IV, 30.

кромѣ рабскаго исполненія воли господина: цезаря такъ боялись, ему такъ слѣпо повиновались, что одно его слово могло бы ихъ остановить. Привыкши стеречь его волю, они поспѣшили бы сдѣлаться милостивыми, подозрѣвай они въ немъ малѣйшую склонность къ милосердію; они были жестоки, потому что знали, что Тиберій не знаетъ жалости. Дѣйствуя такъ, какъ они дѣйствовали, они исполняли его прямые приказы или его тайныя желанія, и отвѣтственность за всѣ преступленія справедливо падаетъ на того, отъ кого исходили приказанія и внушенія.

Мы сочли необходимымъ остановиться подольше на характеристикѣ этого цезаря, больше всѣхъ пользовавшагося доносчиками. Они продолжали существовать безусловно и послѣ него, но стали менѣе необходимы, правители чаще обходились безъ ихъ услугъ. Послѣдующіе императоры больше вѣрили въ свою власть, они были больше убѣждены въ повиновеніи. При каждомъ новомъ преступленіи, которое они совершали, терпѣливость общества убѣждала ихъ, что они могутъ идти еще дальше. Принявши поздравленія по поводу смерти матери и важнѣйшихъ гражданъ отъ войска, сената и провинцій, Неронъ съ гордостью говорилъ, что его предшественники не знали, до какихъ границъ простирается ихъ власть. Поэтому, онъ не всегда считалъ нужнымъ стѣсняться законными формами. Когда онъ захотѣлъ отдѣлаться отъ Суллы и Рубелія Плавта, этихъ двухъ великихъ именъ, которыя его пугали, онъ не тратилъ времени на подыскиваніе обвиненія; онъ только послалъ солдатъ, которые, найдя Плавта въ его гимназіи, а Суллу за столомъ, отрубили имъ головы. Для такого рода экзекуцій можно обойтись безъ обвинителей и безъ судей: достаточно одного центуріона. Но иногда пользовались еще и доносчиками, чтобъ насиліе ихъ не показалось злоупотребленіемъ; такъ, напримѣръ, когда надо было избавиться отъ такихъ уважаемыхъ личностей, какъ Соранъ или Тразеа, имъ оказывали честь и предоставляли умереть по всѣмъ правиламъ. Ихъ обвиняли публично и даже допускали до защиты, хотя они уже заранѣе были осуждены. Такимъ образомъ доносчики существовали еще во времена Калигулы, Клавдія и Нерона, достигая богатства и славы; но особенно много

было ихъ при Домиціанѣ; они словно вернули себѣ тогда прежнее довѣріе и значеніе. Этотъ государь также былъ педантичнымъ и придирчивымъ тираномъ; онъ усердно читалъ мемуары Тиберія[1]) и старался походить на него; подобно Тиберію, онъ осыпалъ ласками тѣхъ, кого хотѣлъ умертвить; подобно ему, онъ хотѣлъ казаться педантомъ законности, зналъ законы и заставлялъ строго ихъ исполнять; онъ хотѣлъ прослыть строгимъ цезаремъ, и ему принадлежитъ та слава, что при немъ были зарыты нѣсколько весталокъ. Его правленіе было временемъ благодатнымъ для доносчиковъ; къ счастью, его преемники были слишкомъ честны, чтобы ими пользоваться. Почти цѣлое столѣтіе составляя язву Рима, они потеряли свой кредитъ при Антонинахъ.

II.

Почему было столько доносчиковъ во времена имперіи. — Воспитаніе юношества. — Вознагражденіе доносчиковъ. — Что вынуждало людей становиться обвинителями. — Домицій Аферъ. — Регулъ. — Наказаніе доносчиковъ.

Огромное число доносчиковъ поражаетъ насъ еще больше, чѣмъ продолжительный періодъ ихъ значенія. Сколь бы худое мнѣніе мы ни составили объ императорской эпохѣ, все же остается подъ вопросомъ, почему столько выдающихся по своему рожденію или таланту людей могло стремиться безъ зазрѣнія совѣсти къ столь постыдному ремеслу? Всякій разъ, когда любое вліятельное лицо попадало въ немилость у императора, обвинители бросались на него со всѣхъ сторонъ; они оспариваютъ другъ у друга право его преслѣдовать, они дѣлятъ его имущество, каждый изъ нихъ выдумываетъ какое-нибудь особое преступленіе, чтобы только что-нибудь дѣлать. Такъ, на Скрибонія Либона, одну изъ первыхъ жертвъ Тиберія, сразу напали четыре доносчика, но въ то же время, несмотря на всѣ мольбы, онъ не могъ найти ни одного защитника.

---

[1]) Отъ этихъ мемуаровъ остается лишь одна фраза, цитированная Светоніемъ (Tib., 61), въ которой Тиберій говоритъ, что „онъ велѣлъ убить Сеяна, такъ какъ открылъ его преступные замыслы противъ семейства Германика". Но Друзъ, второй сынъ Германика, былъ убитъ послѣ смерти Сеяна и по повелѣнію Тиберія. Эта явная ложь позволяетъ судить, какъ Тиберій разсказывалъ исторію своей жизни.

Мы не сомнѣваемся, что главную причину такого изобилія доносчиковъ слѣдуетъ искать въ системѣ воспитанія юношества. Хотя политическій и соціальный строй Рима измѣнился, воспитаніе осталось почти то же самое, какъ и во времена республики. Эта непослѣдовательность была далеко не единичной. Люди вообще любятъ воспоминанія своего дѣтства и склонны думать, что тогда все было лучше; это приводитъ къ тому, что какая-нибудь старая система воспитанія, подъ покровительствомъ такого почтенія и піэтета, переживаетъ режимъ, для котораго она была создана. Въ эпоху республики, когда краснорѣчіе открывало путь къ должностямъ, главное занятіе молодежи состояло въ его изученіи; во времена имперіи краснорѣчію продолжали обучать, хотя значеніе слова значительно уменьшилось. Никогда не было такъ много учителей ораторскаго искусства, какъ при Августѣ, хотя именно онъ заставилъ умолкнуть политическое краснорѣчіе; мы имѣемъ доказательства, что ученики стекались къ учителямъ со всѣхъ концовъ свѣта. Ежегодно изъ такихъ школъ выходила толпа молодыхъ людей, полныхъ вѣры въ самихъ себя, опьяненныхъ похвалами своихъ учителей и аплодисментами своихъ товарищей, мечтавшихъ о высокой роли республиканскихъ ораторовъ, рѣчами которыхъ ихъ заставляли восхищаться. Сколько разочарованій ихъ ожидало! Они находили прежде всего нѣмой форумъ. Имъ приходилось запираться въ залы суда, появляться передъ скучающими и торопливыми судьями, которые заранѣе опредѣлили продолжительность дебатовъ; вмѣсто того, чтобъ заниматься судьбой государства, они должны были довольствоваться, какъ говорилось, обсужденіемъ вопросовъ о водосточныхъ трубахъ и пограничныхъ стѣнахъ. Какое разочарованіе для людей, воображеніе которыхъ было еще полно рѣчами противъ Катилины! Да и само положеніе оратора въ случаѣ успѣха было связано съ опасностью. Всякое превосходство безпокоило императора. Калигула хотѣлъ умертвить Сенеку за то, что онъ хорошо говорилъ въ его присутствіи. Къ счастью, одна изъ любовницъ императора, которая безъ сомнѣнія имѣла нѣкоторое основаніе покровительствовать молодому философу, убѣдила Калигулу, что Сенека очень боленъ и потому не стоитъ труда убивать его.

Тогда разрѣшалось быть только посредственностью; талантъ считался такимъ же непростительнымъ преступленіемъ, какъ и доблесть; добиться же прощенія можно было только однимъ способомъ: отдать свой талантъ въ распоряженіе цезаря. Такимъ путемъ люди и становились доносчиками и обвиняли другихъ, чтобы самимъ избѣжать обвиненія.

Обыкновенно молодые люди легко приходили къ подобному рѣшенію и быстро приспособлялись къ своей роли, что точно также было результатомъ ихъ воспитанія. Риторы не занимались нравственнымъ воспитаніемъ и выработкой характеровъ своихъ слушателей; вся задача ихъ заключалась въ томъ, чтобъ научить красно говорить. Ученикъ одинаково учился какъ защищать виновныхъ, такъ и спасать невинныхъ; всѣ темы безразлично подвергались обсужденію, и цѣнилось только преодолѣніе трудностей; отсюда чѣмъ сомнительнѣе было дѣло, тѣмъ больше славы взять на себя его защиту. Ученики покидали своихъ учителей, пріобрѣтя способность говорить па всѣ сюжеты, и въ глубинѣ души отдавали предпочтеніе наиболѣе скабрезнымъ, потому что здѣсь они могли во всю блеснуть своимъ талантомъ. Очень вѣроятно, что тогда, какъ и теперь, вѣянія жизни проникали въ школу, и, изучивъ достаточно Цицерона, ученики обращались къ современнымъ ораторамъ. А извѣстные ораторы въ ту эпоху тоже были доносчиками. Имъ однимъ принадлежало слово; обвиняемый уже не бралъ на себя труда защищаться. Такимъ образомъ, искусство, восхищавшее увлеченныхъ краснорѣчіемъ молодыхъ людей, было искусствомъ доносчиковъ; юноши страстно читали ихъ рѣчи, запоминали и повторяли лучшія мѣста, удивлялись смѣлымъ выходкамъ и ловкимъ инсинуаціямъ. Весьма возможно, что учителя, покидая область классическаго искусства и удостоивая своимъ вниманіемъ современность, выбирали именно эти примѣры. Даже самъ Квинтиліанъ, такой благоразумный и сдержанный, иногда предлагалъ своимъ ученикамъ довольно странные образцы. Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ имъ ораторовъ, Юлій Африканскій, былъ посланъ Галліей, чтобы поздравить Нерона со смертью его матери; конечно, ораторъ долженъ былъ держаться оффиціальной басни, будто Агриппина, уличенная въ злыхъ умыслахъ

противъ своего сына, убила себя, а Неронъ не можетъ утѣшиться послѣ ея смерти. „Цезарь, — говорилъ онъ ему, — твоя провинція Галлія проситъ тебя мужественно перенести свое счастье“[1]). Квинтиліанъ упоенъ этой фразой; онъ подчеркиваетъ все, что она заключаетъ въ себѣ остраго и непредвидѣннаго; мужественно перенести свое счастье! Этого вовсе не ожидаешь, какъ говоритъ Филаминтъ у Мольера. Сенека былъ не менѣе остроуменъ въ письмѣ, которое онъ отъ имени Нерона написалъ сенату по тому же поводу. „Я и не вѣрю, что спасенъ, — говорилъ онъ отъ лица Цезаря, — и не смѣю радоваться“ (salvum me esse adhuc nec credo, nec gaudeo[2]). Эта изысканная, хорошо обдуманная фраза является, конечно, однимъ изъ худшихъ поступковъ Сенеки; трудно понять, какъ у него тогда хватило совѣсти написать ее. Квинтиліанъ видитъ здѣсь только риторическую фигуру и безъ всякаго дурного умысла цитируетъ ее своимъ ученикамъ, не подозрѣвая страшной опасности для нихъ подобныхъ образцовъ; возможно, слѣдовательно, что такое воспитаніе давало ловкихъ адвокатовъ, но навѣрное оно не вырабатывало честныхъ людей.

Итакъ, прививая ученикамъ вкусъ къ ораторскимъ ухищреніямъ, не обращая вниманія на предметъ, къ которому они относились, близко знакомя ихъ еще въ школахъ съ краснорѣчіемъ доносчиковъ, учителя облегчали имъ возможность подражать позднѣе поведенію доносчиковъ. Другія, болѣе серьезныя причины, заставили ихъ окончательно вступить на этотъ путь. Прежде всего, кто отказался бы отъ него, тому грозила опасность: отецъ Агриколы былъ убитъ за то, что не повиновался приказанію Калигулы обвинять Силана[3]). Побудительнымъ мотивомъ была затѣмъ и выгода, связанная съ дѣятельностью доносчика. Законъ требовалъ, чтобы доносчикъ получалъ четверть всего имущества осужденнаго; но эту долю часто увеличивали, когда жертвой являлся человѣкъ видный, значительный: послѣ осужденія Тразеи и Сорана главные обвинители получили

[1]) Квинтиліанъ, VIII, 5, 15.

[2]) Квинт., VIII, 5, 18.

[3]) Тацитъ, Agric., 4.

по пяти милліоновъ сестерцій (1 милліонъ франковъ); такимъ позорнымъ путемъ быстро создавались огромныя состоянія. Эпрій Марцеллъ и Вибій Криспъ заработали этимъ ремесломъ 300 милліоновъ сестерцій (60 милліоновъ франковъ). Услуги доносчиковъ оплачивались не только деньгами, имъ доставались еще и государственныя должности. Послѣ каждаго громкаго процесса распредѣлялись должности преторовъ и эдиловъ. Эти почтенныя республиканскія должности сдѣлались наградой за постыдную услужливость. Ничто, по словамъ Тацита, не возмущало такъ порядочныхъ людей, какъ то, что доносчики „кичатся званіями жрецовъ и консуловъ, словна добычей, снятой съ врага[1])“. Въ концѣ правленія Тиберія консульства нельзя уже было достигнуть иначе, какъ погубивъ какого-нибудь врага цезаря. Такова была и при Домиціанѣ кратчайшая дорога къ общественнымъ мѣстамъ. „Я предпочелъ, — говоритъ Плиній, — избрать самый дальній путь.“ Но обыкновенно молодые люди спѣшили возможно скорѣе достигнуть цѣли и потому предпочитали идти напрямикъ.

Такимъ путемъ, около времени Тиберія, доносчики выходили изъ всѣхъ слоевъ этого развращеннаго общества. „Всѣ одержимы какой-то маніей обвиненія, — говоритъ Сенека, — которая истощила Римъ гораздо болѣе, чѣмъ любая гражданская война[2]).“ Всѣ тѣ, которые претерпѣли какую-нибудь неудачу или обиду; всѣ тѣ, которые боролись за то, чтобы имѣть подъ ногами твердую почву или затушевать позорное прошлое; всѣ тѣ, которые находили, что общество не предоставило имъ достаточно хорошаго мѣста; всѣ безпокойные, честолюбивые, недовольные, — всѣ спѣшили воспользоваться случаемъ поправить доносами свои дѣла или отмстить за себя. Какое могучее орудіе въ рукахъ зависти и злобы! Какое единственное въ своемъ родѣ средство благополучно выйти изъ всякаго сквернаго положенія! Какой-нибудь вольноотпущенникъ разорилъ своего господина въ его отсутствіе, и онъ обвинялъ его, чтобы избавиться отъ обязанности дать отчетъ. Если какой-нибудь жуликъ ули-

---

[1]) Hist., I, 2.
[2]) De benef., III, 26.

ченъ проконсуломъ въ преступныхъ дѣяніяхъ гдѣ-нибудь въ глуши провинціи; его въ цѣпяхъ привозятъ въ Римъ; но онъ высоко держитъ голову: у него месть готова,—онъ обвинитъ проконсула[1]). Вотъ молодой провинціалъ пріѣзжаетъ изъ дому съ пустымъ карманомъ, но съ головой, набитой планами обогащенія; здѣсь онъ приходитъ въ отчаяніе, видя, что всѣ мѣста заняты, всѣ тѣснятся. А зачѣмъ ему терять силы на борьбу съ нищетой? Развѣ не достаточно обвинить кого-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ, и онъ въ одинъ день станетъ знаменитостью? Нигдѣ нѣтъ болѣе рѣзкихъ контрастовъ, какъ въ толпѣ доносчиковъ, которую описываетъ намъ Тацитъ: всѣ классы и общественныя сословія имѣютъ тамъ своихъ представителей. Рядомъ съ толпой мелкихъ людишекъ, рабовъ, вольноотпущенниковъ, солдатъ, школьныхъ учителей, встрѣчаются нѣсколько именъ древней знати, какой-нибудь Долабелла, Скавръ и даже Катонъ[2]). Есть доносчики робкіе, стыдящіеся самихъ себя, напр., Силій Италикъ, который въ молодости, быть можетъ изъ страха, кого-то обвинилъ и въ теченіе всей, остальной жизни старался заставить забыть свою вину[3]). Есть, напротивъ, доносчики наглые, циники, которымъ нравится бравировать общественнымъ мнѣніемъ, которые заставляютъ краснѣть порядочныхъ людей и гордятся этимъ, которые хвалятся своими подвигами и требуютъ за нихъ себѣ славы. Кто-то говорилъ однажды въ присутствіи Меція Кара о несчастномъ Сенеціонѣ и воспользовался случаемъ, чтобы лишній разъ оскорбить его память; Каръ, виновникъ осужденія, сказалъ ему: „Не задѣвай моихъ мертвецовъ[4])“. Есть доносчики изъ подонковъ, которые первоначально занимались самыми жалкими ремеслами, а достигнувъ богатства и могущества все еще сохраняютъ какой-то отпечатокъ своего происхожденія, вродѣ Ватинія, котораго Тацитъ называетъ чудовищемъ Неронова двора[5]). Онъ былъ когда-то сапожникомъ, карьерой же обязанъ былъ своему шутов-

[1]) Тацитъ, Ann., XVI, 10.
[2]) Ann., IV, 68.
[3]) Плиній, Epist., III, 7, 3.
[4]) Плиній, Epist., 1, 5, 3.
[5]) Ann., XV, 34.

ству и физическому уродству. Введенный въ знатные дома, чтобы служить посмѣшищемъ, онъ протиснулся къ цезарю посредствомъ клеветы и въ концѣ концовъ заставилъ плакать тѣхъ, которыхъ раньше смѣшилъ. Есть, наконецъ, доносчики-щеголи, которые кичатся воспитанностью и хорошими манерами, граціозно требуя чьей-нибудь смерти. Одинъ изъ такихъ франтовъ, одѣтый по послѣдней модѣ, появился однажды передъ сенатомъ съ улыбкой на губахъ: онъ пришелъ обвинять своего отца[1])!

Въ этой пестрой толпѣ выдѣляется нѣсколько фигуръ. Именно, въ числѣ доносчиковъ Тиберія находился величайшій римскій ораторъ того времени, Домицій Аферъ, родомъ изъ колоніи Нимъ. Онъ принадлежалъ къ той группѣ краснобаевъ, ловкихъ адвокатовъ, подобно Монтану, Юлію Африканскому, которыхъ Галлія посылала въ Римъ къ концу правленія Августа и въ царствованіе Тиберія, въ то время какъ Сенека и Порцій Латронъ приходили туда изъ Испаніи. Домицію сначала пришлось туго; онъ долгое время оставался бѣденъ и неизвѣстенъ, хотя не былъ разборчивъ въ средствахъ обогащенія и употреблялъ всѣ усилія, чтобы достичь поставленной цѣли. Къ сорока годамъ, однако, онъ сдѣлался уже преторомъ, но былъ твердо убѣжденъ, что его репутація не соотвѣтствуетъ его таланту; ему нужна была какая-нибудь громкая исторія, чтобы привлечь на себя вниманіе общества. Терять ему было нечего, и онъ сталъ доносчикомъ, а желая для эффектнаго дебюта совершить что-нибудь крупное, онъ разсудительно выбралъ свою жертву. Зная, какую ненависть питалъ Тиберій ко всѣмъ, кто былъ связанъ съ семействомъ Германика, онъ, чтобы вполнѣ угодить ему, обвинилъ Клавдію Пульхру, родственницу и ближайшаго друга Агриппины. Онъ укорялъ ее въ безпорядочной жизни, въ преступной связи съ Фурніемъ, въ злодѣяніяхъ и въ чарахъ противъ государя. Дѣло получило широкую огласку. Всѣ понимали, что нападеніемъ на Клавдію хотѣли нанести ударъ ея другу, и что такимъ образомъ завязывается ссора между Агриппиной и Тиберіемъ. Весь городъ внимательно слѣдилъ за битвой; Аферъ, зная,

[1]) Ann., IV, 28.

что отъ одного этого удара зависитъ его репутація и богатство, превзошелъ самого себя: никогда онъ не говорилъ такъ краснорѣчиво. „Здѣсь, — говорилъ Тацитъ, — какъ будто развернулся его геній". Тиберій, не склонный къ комплиментамъ, удостоилъ его похвалы, а въ Римѣ только и разговоровъ было что о немъ [1]); такимъ образомъ Аферъ сразу достигъ богатства и славы. Правда, нѣсколько лѣтъ спустя ему пришлось дорого заплатить за этотъ тріумфъ. Калигула не могъ любить человѣка, который съ такимъ блескомъ выступилъ врагомъ его матери. Аферъ отлично сознавая это, пытался было обезоружить его лестью; но лесть не всегда сближала съ такимъ прихотливымъ тираномъ, какъ Калигула; случалось, что онъ принималъ за оскорбленіе даже и комплименты. Аферъ воздвигнулъ ему статую съ надписью, въ которой упоминалось, что въ двадцать семь лѣтъ Калигула былъ вторично консуломъ. Императору очень не понравилась такая похвала; онъ сдѣлалъ видъ, будто бы видитъ въ ней обидный намекъ на свою молодость и напоминаніе о законѣ, который запрещалъ быть консуломъ въ столь юномъ возрастѣ. Чтобы наказать льстеца, цезарь обратился въ сенатъ съ прекрасной рѣчью, которую онъ долго готовилъ, такъ какъ и самъ кичился своимъ ораторскимъ талантомъ; онъ приложилъ всѣ усилія, чтобы одержать верхъ надъ первымъ ораторомъ своего времени. Аферъ погубилъ бы себя, вздумай защищаться: этого онъ не сдѣлалъ, конечно. Простершись у ногъ цезаря, какъ бы сраженный его краснорѣчіемъ, онъ объявилъ, что ему не такъ страшно могущество императора, какъ его талантъ; затѣмъ онъ повторилъ въ подробностяхъ только что прослушанную рѣчь, комментируя ее, чтобы подчеркнуть ея красоты. Калигула, восхищенный, что его по достоинству оцѣнилъ такой отличный судья, возвратилъ ему свою дружбу [2]). Какъ умный человѣкъ, Аферъ хорошо понималъ, что онъ долженъ все-таки заставить позабыть свой дебютъ, что утвердить свое блестящее положеніе онъ можетъ только средствами, противоположными тѣмъ, какими онъ пріобрѣлъ

[1]) Тацитъ, IV, 52 и 66.
[2]) Діонъ, LIX, 19.

его. Обвинитель честныхъ людей, онъ неоднократно употреблялъ свой талантъ и на защиту ихъ. Въ особенности знаменита его рѣчь въ защиту Домициллы. Это была жена осужденнаго за политическое преступленіе; въ то время, когда законъ запрещалъ оплакивать своихъ близкихъ, она осмѣлилась похоронить своего мужа. Она была обвинена своими сыновьями; ея братъ и друзья, повидимому, также были противъ нея. Аферъ, защищая ея дѣло передъ государемъ, не велъ его такъ, какъ велъ бы Катонъ; онъ остерегался говорить рѣзко и негодовать, не провозглашалъ энергичныхъ требованій во имя человѣчности; онъ скорѣе старался разжалобить судей. Квинтиліанъ съ похвалой цитируетъ то мѣсто этой защитительной рѣчи, гдѣ, обращаясь къ обвинителямъ Домициллы, Аферъ говоритъ: „Несчастная не знаетъ въ своемъ замѣшательствѣ, что позволено женщинѣ, что повелѣвается женѣ. Я предполагаю, что въ своемъ безпокойствѣ она встрѣчаетъ васъ и спрашиваетъ тебя, своего брата, васъ, своихъ друзей, что вы ей посовѣтуете?“ [1]) Этотъ отрывокъ показываетъ намъ, что Аферъ, повидимому, былъ еще болѣе ловкимъ адвокатомъ, чѣмъ великимъ ораторомъ. Его талантъ отражалъ его характеръ: онъ удивлялъ ловкостью своихъ рѣчей, такъ же, какъ ловкостью своего поведенія. Такимъ путемъ завязывая хорошія отношенія со всѣми партіями, доказывая свою преданность цезарю доносами, попутно умиротворяя порядочныхъ людей проблесками независимости, Аферъ сумѣлъ избѣжать опасностей, связанныхъ тогда со славой и богатствомъ. Онъ благополучно пережилъ самую опасную эпоху имперіи: составивъ свою репутацію при дворѣ Тиберія, онъ умеръ отъ старости при Неронѣ [2]).

Аферъ былъ классикъ. Своимъ медленнымъ и вѣскимъ произношеніемъ, своими благозвучными фразами, въ которыя онъ умышленно вставлялъ по временамъ нѣсколько словъ, нарушавшихъ ритмъ, чтобы затушевать ихъ искусственность, онъ напоминаетъ Полліона или Мессалу, лучшихъ учениковъ

---

[1]) Квинтиліанъ, IX, 2, 20.

[2]) Впрочемъ, приписывать его смерть преклонному возрасту нужно съ оговоркой: хотя Аферъ, дѣйствительно, былъ очень старъ, но св. Іеронимъ сообщаетъ, что умеръ онъ отъ несваренія желудка.

Цицерона. Существовала тогда и другая школа, болѣе живая, потому что она была моложе и болѣе соотвѣтствовала характеру времени. Она всячески старалась освободиться отъ традицій древняго краснорѣчія: ей не нравилась та полнота въ развитіи темы, которая приводила въ восторгъ современниковъ Цицерона; длинные періоды она замѣняла короткими, какъ бы разрубленными фразами, умѣренный блескъ красокъ — смѣлыми и жесткими тонами; вмѣсто равномѣрнаго и спокойнаго темпа рѣчи здѣсь было что-то порывистое и рѣзкое. Опрокинуть всѣ границы различныхъ родовъ рѣчи, вводить при всякомъ удобномъ случаѣ поэзію въ прозу, злоупотреблять патетическими мѣстами, усилить энергію до послѣдней крайности, не давать ни минуты покоя уму, постоянно ослѣплять и возбуждать его неожиданностью мыслей и блесками стиля, — вотъ главныя черты этого новаго краснорѣчія. Оно возникло къ концу царствованія Августа, въ качествѣ реакціи со стороны подавленныхъ и недовольныхъ. Первоначальное развитіе оно получило въ устахъ старыхъ республиканцевъ, напр., Кассія Севера и Лабіена, людей съ стремительнымъ темпераментомъ, которые съ перваго же дня довели до крайности новый родъ краснорѣчія; оно своими вспышками было чуждо холодной, показной сторонѣ имперіи. Такое краснорѣчіе оказалось весьма удобнымъ и для доносчиковъ. Трудно себѣ представить, какъ бы они требовали головъ честныхъ людей фразами Цицерона. Напротивъ, новая манера говорить, болѣе грубая и неправильная, свойственныя ей энергія мысли и рѣзкость стиля, какъ будто созданы были нарочно для нихъ; поэтому, обыкновенно доносчики принадлежатъ къ новой школѣ. Фульциній Тріонъ, одинъ изъ первыхъ доносчиковъ, былъ ея послѣдователемъ, и Тиберій, который, подобно Аферу, былъ классикомъ, почувствовалъ себя обязаннымъ напомнить ему, „чтобы онъ остерегался ошибокъ слишкомъ пылкаго краснорѣчія" [1]). То же было и съ Регуломъ. Однажды онъ болталъ съ Плиніемъ и подсмѣивался надъ его ораторскими предосторожностями, надъ его длинными изложеніями, словомъ, надъ всѣми подновленными

---

[1]) Тацитъ, Ann., III, 19.

цицероновскими длиннотами. „Я же, — сказалъ онъ, — наскакиваю на тему и душу ее за горло“ [1]). Это не трудно себѣ представить: вѣдь такой именно способъ нападенія и подходитъ къ доносчикамъ! Все это „корыстное и кровавое“ [2]) краснорѣчіе доносчиковъ потеряно, и, намъ кажется, утрата его заслуживаетъ нѣкотораго сожалѣнія. У этихъ безчестныхъ людей было много таланта; это были не только ловкіе говоруны, изощренные съ юности и знакомые со всѣми тайнами своего искусства; часто настоящая страсть должна была одушевлять ихъ рѣчи. Они обвиняли не только съ цѣлью наживы; у нихъ была и страшная жажда мести, которая требовала удовлетворенія. Всѣ люди нравственные, всѣ люди съ именемъ — они знали это — презирали ихъ и были личными врагами; преслѣдуя ихъ, доносчики удовлетворяли свою ненависть такъ же, какъ служили ненависти цезаря; намъ думается, что чувство всеобщаго къ нимъ презрѣнія, злоба противъ того общества, съ которымъ они открыто вступали въ борьбу, желаніе авансомъ отмстить за негодованіе, которое они предвидѣли, — все это должно было сообщать иногда дикую силу ихъ слову.

Регулъ, о которомъ было уже упомянуто, хорошо намъ извѣстенъ изъ переписки Плинія. Онъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ доносчиковъ въ эпоху Нерона и Домиціана, какъ Аферъ въ эпоху Тиберія. Регулъ былъ знатнаго происхожденія, но его отецъ разорился и былъ описанъ, оставивъ дѣтямъ своимъ только громкое имя, что въ тѣ времена было опаснымъ наслѣдствомъ. Сынъ твердо рѣшилъ выбраться изъ бѣдности. Къ большому негодованію своихъ собратьевъ, людей знатныхъ, онъ сдѣлался доносчикомъ, а чтобы заглушить дурную славу, онъ не нашелъ лучшаго средства, какъ нагонять страхъ на всѣхъ, кто рѣшился бы его порицать. О молодости Регула сохранились самыя ужасныя воспоминанія. Онъ совѣтовалъ, будто бы, Нерону не утомляться, убивая людей одного за другимъ, такъ какъ однимъ словомъ онъ можетъ уничтожить весь сенатъ. Разсказывали, что послѣ смерти Гальбы онъ заплатилъ убійцамъ

---

[1]) Плиній, Epist., I, 20, 14.

[2]) Тацитъ, De orat., 11: lucrosa et sanguinans eloquentia.

Пизона, котораго ненавидѣлъ, велѣлъ себѣ принести его голову и укусилъ ее [1]). Его непреклонная воля составляла его силу. Онъ захотѣлъ сдѣлаться ораторомъ; природа не приготовила его къ этому: она дала ему болѣзненное тѣлосложеніе, слабый голосъ, затрудненную рѣчь, плохую фантазію и слабую память. О немъ говорили, переворачивая знаменитое изреченіе Катона, что онъ безчестный человѣкъ, который не умѣетъ говорить. Однако, онъ такъ настойчиво работалъ надъ устраненіемъ своихъ недостатковъ, что въ концѣ концовъ многіе находили его краснорѣчивымъ. Онъ хотѣлъ разбогатѣть и, незнакомый съ колебаніями, уже заранѣе опредѣлилъ сумму своего состоянія въ 60 милліоновъ сестерцій (12 м. франковъ). Сумма изрядная, конечно, но у него имѣлось нѣсколько источниковъ, откуда можно было добыть ее. Съ ремесломъ доносчика онъ соединялъ другое, въ которомъ считался не меньшимъ мастеромъ: онъ ловко добивался завѣщаній въ свою пользу. Этому доходному занятію отдавались тогда многіе. Съ тѣхъ поръ какъ люди стали избѣгать брака, чтобы избѣгнуть семейныхъ неудобствъ, большія состоянія холостяковъ доставались наиболѣе ловкимъ и, поэтому, соблазняли многихъ алчныхъ искателей. Изъ всѣхъ такихъ охотниковъ за чужими наслѣдствами Регулъ былъ самый смѣлый и оборотистый. Онъ шелъ на все и ни передъ чѣмъ не останавливался. Плиній разсказываетъ на этотъ счетъ нѣсколько острыхъ анекдотовъ. Тяжко заболѣла, напр., вдова того Пизона, котораго погубилъ Регулъ; у послѣдняго хватило все же смѣлости пойти къ ней, усѣсться рядомъ съ ея постелью, разсказать ей, какъ онъ приносилъ жертвы и совѣтовался съ гадателемъ о ея здоровьѣ, что отвѣты благопріятны и она навѣрняка выздоровѣетъ. Бѣдная женщина, обрадованная послѣдней надеждой, спѣшитъ завѣщать такому нѣжному другу часть своего имѣнія. — Веллей Блезъ на своемъ смертномъ одрѣ хочетъ сдѣлать новое завѣщаніе. Регулъ, разсчитывая что онъ не будетъ въ немъ забытъ, бѣжитъ за докторами и умоляетъ ихъ на нѣсколько часовъ продлить жизнь несчастнаго. Лишь только завѣщаніе было подпи-

[1]) Тацитъ, Hist., IV, 42.

сано, онъ мѣняетъ тонъ: „Зачѣмъ, — говоритъ онъ докторамъ, — вы заставляете его такъ долго страдать? Дайте ему спокойно умереть, если не можете возвратить жизни". Такой ловкій безстыдникъ не могъ не сколотить быстро состоянія. Когда оно достигло зарапѣе намѣченной цифры, ему стало казаться, что онъ былъ слишкомъ скроменъ, что онъ не можетъ довольствоваться столь малымъ. Регулъ разсчитывалъ идти въ этомъ отношеніи дальше и разсказалъ Плинію, будто однажды, во время жертвоприношенія, боги открыли ему извѣстными знаменіями, что онъ удвоитъ свое состояніе. Но всего удивительнѣе его крайнее честолюбіе. Хотя онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить уваженіе людей, онъ все-таки хотѣлъ быть уважаемымъ; онъ достигъ этого, пугая своимъ вліяніемъ тѣхъ, кто не былъ пораженъ его богатствомъ. Онъ былъ столь же тщеславенъ, какъ и скупъ. Когда онъ потерялъ сына, ему показалось мало наполнить Римъ знаками своего горя, слишкомъ уже шумнаго, чтобы его можно было счесть искреннимъ; онъ хотѣлъ, чтобы и въ Италіи и въ провинціяхъ оплакивали его потерю. Онъ сочинилъ въ честь сына похвальное слово ребенку и добился, чтобы въ каждомъ городѣ его рѣчь была прочитана народу тѣмъ изъ декуріоновъ, у котораго окажется лучшій голосъ. Его тщеславіе высмѣивали, но спѣшили его удовлетворить. Всѣ знали и терпѣть не могли Регула; вѣдь нельзя было забыть совершенныя имъ преступленія и извѣстно было, что онъ жаденъ, жестокъ, суевѣренъ, прихотливъ, нахаленъ при удачѣ и труслнвъ въ опасности, однимъ словомъ, его называли „самымъ злымъ изъ двуногихъ", и тѣмъ не менѣе каждое утро его прихожая была полна. Плиній негодовалъ, что въ самую дурную погоду люди шли въ гости къ Регулу въ его прекрасные сады близъ берега Тибра, на краю города; Плиній готовъ былъ думать, что Регулъ нарочно поселился такъ далеко, чтобы привести въ бѣшенство своихъ посѣтителей. Величайшей побѣдой Регула было то, что до самаго царствованія Траяна ему оказывались такіе знаки общаго почтенія [1]).

[1]) Всѣ эти подробности о Регулѣ, его краснорѣчіи и богатствѣ заимствованы изъ писемъ Плинія (см. особенно II, 20 и IV, 2).

Не всѣ доносчики, однако, были такъ счастливы, а милости, которыми ихъ осыпали свыше, смѣнялись порою рѣзкой противоположностью. Даже при тѣхъ цезаряхъ, которые ими усердно пользовались, часто нисколько съ ними не стѣснялись. Тиберій имѣлъ обыкновеніе время отъ времени освобождаться отъ нихъ посредствомъ изгнанія или смерти. Вотъ еще одинъ доводъ, который апологеты Тиберія приводятъ въ доказательство того, что онъ не былъ солидаренъ съ доносчиками; но это соображеніе не выдерживаетъ критики. Тѣ доносчики, которыхъ преслѣдовалъ Тиберій, были обыкновенно люди сытые и усталые, на службу которыхъ онъ уже не разсчитывалъ больше; онъ хорошо зналъ, что, составивъ собѣ состояніе, они нападали далеко не съ прежнимъ пыломъ; они остывали и дѣлались осторожнѣе, какъ только у нихъ появлялся рискъ потерь [1]). Тогда императоръ наказывалъ ихъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, достигая этимъ двойной выгоды: онъ отдѣлывался отъ безполезныхъ, обременительныхъ людей и нѣсколько удовлетворялъ общественное мнѣніе.

Доносчики подвергались, однако, весьма серьезной опасности, въ моменты реакціи, слѣдовавшіе за смертью дурныхъ цезарей. Возвращались изгнанники, исполненные непримиримой злобы, которую питала ссылка; семьи убитыхъ, движимыя благоговѣйными воспоминаніями о погибшихъ родныхъ, а также и нищетою, которую имъ приходилось испытывать, требовали мщенія. Доносчики трепетали и прятались; столь дерзкіе еще наканунѣ, они вдругъ дѣлались смиренными и льстивыми. Они старались втихомолку найти своихъ враговъ и смягчить ихъ. При восшествіи на престолъ Веспасіана, въ сенатѣ происходили рѣзкія сцены, напоминающія собой сцены въ Конвентѣ послѣ Термидора. Говорили о томъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности всѣхъ, кто себя скомпрометтировалъ въ прошлыя царствованія; хотѣли, что-

[1]) Тацитъ, Ann., IV, 36: ut quis districtior accusator velut sacrosanctus erat; leves, ignobiles poenis afficiebantur. Тамъ-же 71: scelerum ministros ut perverti ab aliis dolebat, ita plerumque satiatus, et oblatis in eamdem operam recentibus, veteres et praegraves afflixit.

бы ни одинъ виновный не избѣжалъ наказанія, требовали списки императорскаго дворца, чтобы узнать имена тѣхъ, кто предлагалъ свои услуги въ качествѣ доносчика. Каждый магистратъ, каждый сенаторъ долженъ былъ дать въ свою очередь клятву, что „онъ не способствовалъ никакому дѣйствію, которое могло повредить чьей-нибудь безопасности, что онъ никогда не извлекалъ ни выгоды ни почестей изъ несчастья гражданина“. [1]) Когда выступали тѣ, кто былъ не безупреченъ, ихъ преслѣдовали криками и угрожающими жестами. Одни изъ такихъ обвиняемыхъ опускали голову или обвиняли своихъ сообщниковъ; другіе смѣло защищались, напоминая, какъ проконсулы во время террора, что если они виноваты, то всѣ причастны къ ихъ преступленію. „Мы обвиняли, говорилъ одинъ изъ нихъ, но вы осуждали“. Къ счастью для доносчиковъ и ихъ сообщниковъ, этотъ гнѣвъ продолжался не долго. Новый государь скоро останавливалъ преслѣдованія и такимъ образомъ месть за всѣ испытанныя несправедливости и поруганія, которую терпѣливо ждали столько лѣтъ, продолжалась лишь нѣсколько дней. Однако, послѣ Домиціана общественное мнѣніе было настойчивѣе: оно потребовало репрессій, оно хотѣло жертвъ. Для наказанія доносчиковъ была изобрѣтена новая казнь: ихъ сажали на корабли безъ кормчихъ и пускали въ открытое море. „Какое зрѣлище“, — говорилъ Плиній, который не могъ забыть, что онъ самъ изъ-за нихъ едва не погибъ,—„цѣлый флотъ доносчиковъ, отданный на полный произволъ вѣтровъ, принужденный подставлять свои паруса бурѣ, летѣть по волѣ бѣшеныхъ волнъ на всѣ утесы, куда только имъ угодно было ихъ забросить! Какое удовольствіе было видѣть, какъ при выходѣ изъ гавани всѣ эти корабли разлетѣлись во всѣ стороны и какъ сладко было благодарить на этомъ самомъ берегу государя, который, соединяя правосудіе съ милосердіемъ, земную месть поручалъ морскимъ богамъ!“ [2])

Но даже и въ эту эпоху удовлетвореніе, данное честнымъ людямъ, было далеко неполнымъ. Наказанные тогда доносчики не принадлежали ни къ самымъ извѣстнымъ ни

---

1) Тацитъ, Hist., IV, 41.
2) Плиній. Paneg., 35.

къ самымъ виновнымъ. Дѣло ограничилось наказаніемъ самыхъ ничтожныхъ, занимавшихся своимъ ремесломъ только въ низшихъ слояхъ общества, словомъ тѣхъ, которые, взявшись слишкомъ поздно за это прибыльное занятіе, еще не имѣли времени разбогатѣть, когда его вдругъ запретили. Они поплатились за всѣхъ остальныхъ. Что же касается тѣхъ, которые, подобно Регулу, уже разбогатѣли и занимали общественныя должности, пріобрѣтя себѣ покровителей и людей, имъ обязанныхъ, то они сохранили свои богатства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вліяніе. Однажды за столомъ у Нервы находилось нѣсколько друзей государя и между ними Вейенто, человѣкъ съ плохой репутаціей и скомпрометировавшій себя при Неронѣ; зашелъ разговоръ о знаменитомъ доносчикѣ того времени, по имени Мессалинъ, который умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Разсказывали о его преступленіяхъ, и такъ какъ никто не былъ заинтересованъ въ его защитѣ, то всѣ горячо на него нападали. Честный Нерва, въ порывѣ прекраснаго негодованія, воскликнулъ: „Что бы, думаете вы, съ нимъ случилось, если бы онъ жилъ еще?“ Одинъ изъ сотрапезниковъ, который могъ свободно говорить, отвѣтилъ: „Онъ обѣдалъ бы съ нами“ [1]).

III.

Вліяніе доносчиковъ на частную жизнь. — Доносы рабовъ. — Опасность людскихъ сношеній. — Что сталось съ общественной жизнью? — Государственный дѣятель въ правленіе Клавдія. — Какъ Сенека рисуетъ жизнь того времени. — Всеобщій страхъ. — Самоубійства. — Презрѣніе къ жизни. — Римская имперія и французская революція.

Послѣ всего разсказаннаго нами о доносчикахъ, легко представить себѣ, какъ повліяли они на общество того времени. А вліяніе ихъ было столь же широкимъ, какъ и глубокимъ. Деспотизмъ цезарей былъ тяжелъ именно тѣмъ, что касался не только общественной, но и частной жизни: онъ проникалъ въ семейные дома и находилъ тамъ въ лицѣ рабовъ множество преданныхъ агентовъ. Никогда правительство не пользовалось болѣе освѣдомленной полиціей. Рабъ въ античной семьѣ занималъ гораздо болѣе важное мѣсто,

[1]) Плиній, Epist., IV, 22, 6.

чѣмъ теперь наши слуги; мы ихъ всегда считаемъ чужими, и они, имѣя свободную, личную жизнь, меньше проникаютъ въ нашу. Независимо отъ обязанности и дружбы, у насъ складывается замкнутый, интимный кругъ, куда входятъ только близкіе намъ люди. Въ тѣ времена рабъ допускался даже въ этотъ тѣсный кругъ. Господинъ ничего не дѣлалъ безъ раба, и въ домѣ не было тайнъ, ему неизвѣстныхъ. Рабъ иногда сохранялъ ихъ, но часто готовъ былъ ихъ продать. Послѣ того какъ Августъ нашелъ способъ обходить древній законъ, запрещавшій принимать на судѣ доносы раба, послѣдній всегда могъ отомстить своему господину доносомъ, лишь только онъ давалъ ему поводъ къ недовольству. Если рабъ случайно оказывался неспособнымъ къ предательству, то существовало вѣрное средство заглушить угрызенія его совѣсти: если по доносу раба господинъ подвергался осужденію, то рабъ получалъ восьмую часть его имущества и свободу. Такимъ образомъ, рабу стоило сказать лишь слово, чтобы въ одинъ день получить то, чего другіе, при особомъ счастьѣ, могли достичь цѣною всей жизни, исполненной лишеній и горестей. Какой соблазнъ быть свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ богатымъ! И нечего удивляться тому, что множество рабовъ поддавались такому соблазну; удивительно скорѣе то, что нѣкоторые устояли противъ него. Итакъ, даже у себя дома каждый былъ окруженъ врагами. Надо было постоянно остерегаться любопытныхъ ушей и нескромныхъ глазъ. Любовь къ роскоши, увеличивая число слугъ, наполняла дворы шпіонами. Привратники, охранявшіе всѣ входы, приказчики, лакеи, однимъ словомъ, вся масса прислуги, служившей въ комнатахъ, только и дѣлала, что всюду слѣдила за своимъ господиномъ, даже въ самыхъ секретныхъ покояхъ. Повара, пѣвцы, мимы, музыканты, всякаго рода артисты, существовавшіе для удовольствія и развлеченія, сдѣлались причиной опасности и тревоги. Недостаточно было молчать при нихъ, чтобы избѣжать ихъ злословія. Развѣ они не могли выдумать того, чего не слыхали? И развѣ можно было быть увѣреннымъ, что имъ не повѣрятъ на слово? Приходилось льстить имъ, ласкать ихъ, добиваться ихъ расположенія. Условія жизни измѣнились: тѣ, что прежде трепетали, теперь внушали страхъ. Господа

находились постоянно подъ грозою и старались предотвратить послѣдствія гнѣва своихъ рабовъ. Самыя жестокія мученія въ тѣ времена вызывались именно тѣмъ, что нельзя было найти покоя и безопасности даже въ своемъ домѣ, потому что дома грозили тѣ же опасности, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ; только съ постояннымъ трепетомъ можно было отдаваться своимъ душевнымъ наклонностямъ, которыя позволили бы отдохнуть отъ всѣхъ неудачъ; нельзя было найти ни одного мѣстечка въ цѣломъ мірѣ, ни одного момента въ жизни, гдѣ бы можно было освободиться отъ тираніи цезарей.

Если доносительство въ такой мѣрѣ проникало даже въ семью, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ его слѣдовало остерегаться въ тѣхъ свѣтскихъ собраніяхъ, гдѣ со временъ Августа образованные римляне искали занятій для своей праздности. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ имперіи такія собранія получали все большее значеніе, утрата же свободы посодѣйствовала ихъ развитію. Къ несчастью, то живое удовольствіе, которое они доставляли римскому обществу, было отравлено доносчиками. Послѣдніе подслушивали интимныя бесѣды и умѣли вложить въ нихъ компрометтирующій смыслъ; они ловили за столомъ всякое слово въ тѣ моменты, когда сотрапезники становятся уже не отвѣтственны за свои выраженія. Благодаря доносчикамъ, всѣ темы для разговора становились опасными. Такъ какъ политика была запрещена, то обыкновенно бесѣдовали о литературѣ; но и литература стала вскорѣ подозрительной. Въ царствованіе Тиберія, и философія, и исторія, и поэзія имѣли своихъ жертвъ. Августъ весьма неблагоразумно поощрялъ литературу; даже если держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ, ей присуща тѣмъ не менѣе извѣстная независимость мысли. Тиберій не повторялъ подобной ошибки. Единственное произведеніе того времени, заслужившее его одобреніе, былъ разговоръ между шампиньономъ, устрицей и дроздомъ, которые оспаривали вѣроятно другъ у друга первенство. Тиберій велѣлъ выдать 200.000 сестерцій (40.000 франковъ) автору этого шедевра. Такая литература не пугала его [1]).

---

[1]) Светоній, Tib., 43.

Плиній Старшій, страдавшій маніей писательства, былъ въ большомъ затрудненіи при Неронѣ, когда нельзя было ничего писать, не компрометируя себя. Онъ отважился сочинить лишь трактатъ о сомнительныхъ выраженіяхъ рѣчи [1]), но еще подъ вопросомъ, долго ли эта невинная грамматическая книжка могла бы избѣжать проницательности доносчиковъ. Если же нельзя было говорить безъ опаски даже о литературѣ, то о чемъ же было говорить? Разсказывать событія обыденной жизни было также небезопасно. Сколько людей казнили за неосторожный разсказъ о приснившемся снѣ или о совѣтѣ съ гадателемъ! Подобныя мрачныя воспоминанія нарушали прелесть бесѣды. Въ томъ обществѣ, которое не смѣло дѣйствовать, особенно любили болтать; но и это стало крайне опаснымъ занятіемъ. Интимные разговоры пріятны лишь тогда, когда собесѣдники вполнѣ откровенны, чего здѣсь болѣе не могло уже быть. „Никогда,— говоритъ Тацитъ, — въ Римѣ не царила такая тревога и такой ужасъ. Люди трепещутъ въ присутствіи самыхъ близкихъ родственниковъ, не смѣютъ подойти другъ къ другу и заговорить; уши знакомаго или незнакомца всегда подозрительны. Даже нѣмые, неодушевленные предметы внушаютъ страхъ. Взгляды безпокойно скользятъ по стѣнамъ и комнатамъ“ [2]). Такія мѣры предосторожности были болѣе чѣмъ основательны: вѣдь случилось же, что трое сенаторовъ забрались въ домъ измѣнника и здѣсь, между потолкомъ и крышей, приникнувъ ухомъ къ дырамъ и щелямъ, подслушивали разговоръ Сабина, чтобы повторить его Тиберію!

Излишне говорить, во что обратили доносчики общественную жизнь. Каковы могутъ быть засѣданія сената съ тѣхъ поръ, когда каждое слово неизмѣнно сообщалось императору, когда всѣ знали, что эти отчеты рисковали пропитаться ядомъ по пути отъ Рима до Капри? Естественно, что сенатскіе дебаты стали непрерывными состязаніями въ лести. Всякій хотѣлъ отгадать мнѣніе государя и явиться самымъ энергичнымъ его защитникомъ. Особенно же старались не

[1]) Плиній, Epist., III, 5, 5.
[2]) Тацитъ, Ann., IV, 69.

противорѣчить явно императору. Калигула, привычки котораго извѣстны, спросилъ однажды у Пассіена Криспа, состоитъ ли онъ въ любовной связи со своей сестрой. Криспъ, не желая подать вида, что онъ порицаетъ поведеніе своего повелителя, отвѣчалъ: „Пока нѣтъ“ [1]. Чтобы навѣрняка заслужить расположеніе цезаря, нужно было отказаться отъ своихъ чувствъ, отъ своихъ дружескихъ связей, нужно было научиться говорить противъ своей совѣсти и своего сердца. Нужно было казаться всегда веселымъ, сколь бы основательны ни были причины для печали, скрывать полученныя обиды и какъ будто не замѣчать того зла, которое причинилъ государь. „Единственное средство состариться при дворѣ цезарей,—говорилъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей Палатинскаго дворца, — заключается въ томъ, чтобы благодарить, принимая оскорбленія“ [2]. Калигула приказалъ умертвить сына одного богатаго римскаго всадника, завидуя его умѣнью нарядно и хорошо одѣваться. Вечеромъ онъ пригласилъ къ обѣду отца. Несчастный отправился и его лицо совершенно не выдавало его страданій. Онъ далъ умастить себя благовоніями, надѣлъ вѣнокъ, весело ѣлъ и пилъ за здоровье государя. „Хочешь знать, почему?—говоритъ Сенека: — у него былъ другой сынъ“ [3]. При Неронѣ было открыто новое преступленіе: уже не слово, а молчаніе считалось преступнымъ. Если кто отсутствовалъ въ сенатѣ, когда тамъ шла рѣчь о какихъ-нибудь почестяхъ императору, если кто не показывался во дворцѣ, когда императора поздравляютъ со смертью его матери или жены, это являлось проступкомъ, достойнымъ смерти. Только въ такомъ поведеніи и заключалась оппозиція Тразеи [4]; онъ поплатился за нее жизнью. У другихъ не было и этой смѣлости. Всякій стремился проявить какъ можно больше пыла, когда дѣло шло о славѣ императора. О великихъ дѣяніяхъ его говорили не иначе, какъ съ энтузіазмомъ; люди изощряли свое воображеніе, чтобы на каждый день изобрѣсти какую-нибудь новую лесть. Тиберій по крайней мѣрѣ былъ на-

---

[1] Schol. Juven., 4, 81.

[2] Сенека, De ira, II, 33.

[3] Сенека, De ira, II, 33.

[4] Тацитъ, Ann., XVI, 22.

столько уменъ, что отказывался отъ смѣшныхъ почестей, которыя ему предлагали. Сенатъ постановилъ назвать его именемъ одинъ изъ мѣсяцевъ года, какъ уже было и раньше при двухъ его предшественникахъ. „Какъ же вы поступите, отвѣтилъ онъ, когда дойдете до тринадцатаго Цезаря“ [1]). Но послѣ него Калигула, Неронъ и въ особенности Домиціанъ были менѣе скромны.

Чтобы представить всѣ тѣ низости, до которыхъ долженъ былъ доходить въ то время человѣкъ съ положеніемъ, чтобы сохранить только право на жизнь, достаточно собрать вмѣстѣ тѣ черты, которыми современные историки характеризуютъ Вителлія, отца будущаго императора. Это былъ человѣкъ знатнаго происхожденія и очень богатый; началъ онъ свою карьеру блестящимъ образомъ. Будучи намѣстникомъ Сиріи при весьма трудныхъ обстоятельствахъ, онъ принудилъ парфянскаго царя просить у него свиданія и заставилъ склониться передъ римскими орлами. Но Вителлій испыталъ то, что случалось обыкновенно въ то время со всѣми выдающимися людьми: они оставались честными и порядочными, пока служба удерживала ихъ въ провинціи, столичная же атмосфера развращала ихъ. Возвратившись въ Римъ при Калигулѣ, который серьезно вѣрилъ въ свою божественность, Вителлій подалъ первый примѣръ божескаго почитанія императора. Онъ обращался къ Калигулѣ не иначе, какъ закрывши лицо и простираясь ницъ. Его вліяніе при Клавдіи усилилось; онъ сталъ однимъ изъ любимцевъ императора, добившись этого положенія цѣной угодничества и низкопоклонства. Клавдіемъ управляли жена и вольноотпущенники; Вителлій пользовался всѣми средствами, чтобы снискать только ихъ расположеніе. Онъ поставилъ золотыя статуи Нарцисса и Палласа среди домашнихъ боговъ своей семьи и совершалъ передъ ними священные обряды. Что касается до Мессалины, то, получивъ отъ нея въ знакъ особенной милости ея туфлю, онъ всегда носилъ ее благоговѣйно между туникой и тогой, а время отъ времени вынималъ и цѣловалъ. До такой лести еще никто не додумался; очевидно, Вителлій обладалъ особою

[1]) Діонъ, LVII, 18.

изобрѣтательностью въ этомъ отношеніи, онъ былъ miri in adulando ingenii [1]). Впрочемъ, онъ оказывалъ императрицѣ и болѣе осязательныя услуги. Когда она захотѣла погубить Валерія Азіатика, чтобы завладѣть его садами,—она подстроила такъ, что онъ былъ призванъ на судъ консуловъ, которыми тогда были Клавдій и Вителлій. Тацитъ описалъ намъ эту невѣроятную сцену, которая прекрасно годилась бы для комедіи, если бы ея развязкой не была смерть достойнаго человѣка. [2]) Азіатикъ защищался такъ мужественно, что волненіе охватило всѣхъ присутствующихъ; сама Мессалина должна была выйти, чтобы скрыть слезы; она мимоходомъ едва успѣла наклониться къ Вителлію и вся въ слезахъ шепнуть ему на ухо, чтобы онъ не далъ ускользнуть обвиняемому. Когда пришла очередь Вителлію высказывать свое мнѣніе, онъ осыпалъ Валерія Азіатика похвалами, напомнилъ его заслуги передъ государствомъ, сердечно говорилъ о тѣсной искренней дружбѣ между ними обоими, старался не упустить ничего, что могло бы вызвать къ нему состраданіе, и въ заключеніе сказалъ, что Валерію нужно предоставить самому выборъ смерти. Клавдій согласился, что ему слѣдуетъ оказать эту милость [3]), и несчастный, восхваляемый и оплакиваемый всѣми, открылъ себѣ жилы. Блестящее положеніе Вителлія при дворѣ Клавдія, которое онъ все болѣе укрѣплялъ угодничествомъ, не лишено было все же своихъ неудобствъ, и требовалось не мало ловкости, чтобы умѣть во время вывернуться изъ трудныхъ обстоятельствъ. Смерть Мессалины была однимъ изъ такихъ испытаній, заставившихъ его пустить въ ходъ всю свою изворотливость. Онъ возвращался вмѣстѣ съ Клавдіемъ въ его носилкахъ изъ Остіи, когда императору сообщили о невѣрности его супруги. Моментъ былъ критическій. Клавдій, по-

---

[1]) Когда закончились празднества столѣтнихъ игръ, происходившихъ одинъ разъ въ столѣтіе, Вителлій говорилъ Клавдію: „Дѣлай ихъ почаще"! Saepe facias! Совѣтъ былъ благосклонно принятъ. „Нѣтъ самой чудовищной лести—говоритъ Ювеналъ—которую не могла бы принять власть, равняющаяся съ богами".—Всѣ указанныя подробности взяты у Светонія въ его „Жизнеописаніи Вителлія".

[2]) Ann., XI, 3.

[3]) Такъ выражается и Тацитъ: secuta sunt Claudii verba in eamdem clementiam.

видимому, колебался: то размягчался при воспоминаніи о дѣтяхъ, то приходилъ въ ярость отъ измѣны жены; но всѣмъ было извѣстно, что гнѣвъ Клавдія непродолжителенъ и что одно слово Мессалины можетъ все перевернуть. Поэтому, было одинаково опасно и обвинять ее и защищать. Вителлій держалъ себя чрезвычайно сдержанно. Онъ принялъ видъ человѣка, который ни о чемъ не знаетъ, или, если ужъ ему приходилось что-нибудь сказать, онъ ограничивался восклицаніями: о, какое преступленіе, какое злодѣйство! „Тщетно,— говорилъ Тацитъ,—Нарциссъ всячески вызывалъ его объяснить эти загадочные возгласы и открыто высказать свое мнѣніе; онъ такъ и не добился ничего другого, кромѣ двусмысленныхъ отвѣтовъ, которые можно было при желаніи толковать какъ угодно".[1]) Прежде чѣмъ стать на ту или другую сторону, Вителлій выжидалъ, пока выясниться положеніе. Но какъ только онъ вполнѣ убѣдился, что дѣло Мессалины было окончательно проиграно, онъ пересталъ ее щадить. Онъ тотчасъ же перешелъ на сторону той, которая ее замѣнила, и безъ зазрѣнія совѣсти помогъ новой фавориткѣ отдѣлаться отъ друзей и любимцевъ павшей императрицы. И тѣмъ не менѣе произошло нѣчто невѣроятное. Этому угодливому, преданному, на все готовому царедворцу, съ такими усиліями добившемуся благорасположенія императора и не отступавшему ни передъ какимъ позорнымъ дѣломъ, лишь бы удержать свое положеніе,—даже и этому человѣку не удалось избѣгнуть доноса. Его обвиняли въ стремленіи къ императорской власти, а Клавдій былъ настолько подозрителенъ, что не задумался бы казнить и своего лучшаго друга, не вмѣшайся здѣсь Агриппина. Когда Вителлій умеръ, прослуживши три раза цензоромъ и три раза консуломъ, сенатъ постановилъ оказать ему чрезвычайныя почести. Ему воздвигли статую на форумѣ съ слѣдующей надписью: „Онъ былъ неизмѣнно преданъ государю (pietas immobilis erga principem"). Вотъ эпитафія, похожая на эпиграмму. Въ теченіе долгой карьеры Вителлія, государи и ихъ фавориты смѣнялись много разъ; только преданность Вителлія къ каждому изъ нихъ поочередно оставалась неизмѣнной.

[1]) Ann., XI, 34.

Понятно, что такое раболѣпство возбуждаетъ негодованіе. Но нельзя всю вину валить на однихъ и оправдывать тѣхъ, которые къ раболѣпству вынуждали. Римская знать, оказавшаяся такой ничтожной, въ дѣйствительности заслуживаетъ скорѣе сожалѣнія, чѣмъ порицанія; и не удивительно, что Тацитъ, который вообще не скрываетъ ея слабостей, не можетъ безъ глубокаго волненія разсказывать о ея бѣдствіяхъ. Когда человѣкъ носилъ знаменитое имя или оказалъ важныя услуги государству, то какъ бы онъ ни унижался предъ императоромъ, все-таки въ глазахъ Тацита онъ былъ очень великъ. Были семьи, въ которыхъ насильственная смерть сдѣлалась обычнымъ явленіемъ; напримѣръ, въ родѣ Пизоновъ иначе не умирали. Въ такихъ обреченныхъ семьяхъ всѣ молодые люди могли быть увѣрены, что ни одинъ изъ нихъ не доживетъ до зрѣлаго возраста. Если въ виду такой ужасающей перспективы не у всѣхъ хватало мужества идти ей навстрѣчу, то дѣйствительными виновниками здѣсь не являются ли тѣ, кто постоянно грозилъ этой перспективой. Доносчики отвѣтственны не только за тѣ преступленія, которыя были совершены благодаря ихъ доносамъ, но и за всѣ тѣ низости и подлости, съ помощью которыхъ старались предупредить ихъ доносы.

Лучше всего знакомитъ насъ съ этой эпохой Сенека. Тацитъ и Плиній написали уже при Траянѣ, когда эти годы отошли въ область воспоминаній; Сенека же жилъ въ самый разгаръ кризиса и въ послѣдніе годы своей жизни очень хорошо зналъ, что сдѣлается жертвой этого безвременья. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые удаляются отъ своихъ современниковъ, отрываются отъ своей страны и всецѣло предаются отвлеченнымъ размышленіямъ; напротивъ, онъ больше чѣмъ кто-нибудь отдавался теченію своего вѣка. Его произведенія отражаютъ въ себѣ всѣ тревоги современности; въ основѣ его идей, самыхъ отвлеченныхъ, не трудно замѣтить вліяніе тѣхъ событій, которыя были пережиты имъ; его стоицизмъ, такой суровый съ виду, на самомъ дѣлѣ только превращаетъ въ правило то, что требовалось условіями текущаго момента. Если его философія кажется черезчуръ жесткой и исключительной, то вѣдь она и предназначалась не для обычной житейской об-

становки. Онъ самъ говоритъ, что его философія должна была „внушить мужество унывающимъ". Критическія времена требовали, конечно, и сильныхъ противоядій. Изъ писемъ Сенеки сразу видно, что люди, къ которымъ онъ пишетъ, всегда находятся подъ страхомъ какой-нибудь грозной бѣды. „Вообразите себѣ,—говоритъ Паскаль въ одной изъ лучшихъ своихъ „Мыслей",—нѣсколько человѣкъ въ цѣпяхъ, осужденныхъ на смерть; нѣкоторыхъ изъ нихъ каждый день умерщвляютъ на глазахъ у прочихъ, а тѣ, которые остаются, въ смерти другихъ видятъ свою будущую судьбу и, смотря другъ на друга, съ жалостью и отчаяніемъ ждутъ своей очереди". Почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ Сенека положеніе своихъ современниковъ; только опасность, которой они страшатся, въ отличіе отъ Паскаля, не есть одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя присущи человѣческой природѣ и къ которымъ человѣкъ волей-неволей долженъ привыкать: это опасность исключительная, противоестественная и тѣмъ болѣе невыносимая, что ея могло бы и не существовать. У людей, которые жили подъ тираническимъ управленіемъ цезарей, „топоръ висѣлъ надъ головами и сердце ихъ постоянно трепетало въ ожиданіи смерти" (palpitantibus praecordiis vivitur). Все ихъ приводитъ въ ужасъ. „Подобно путешественникамъ по невѣдомымъ странамъ, они озираются по сторонамъ и оборачиваются при малѣйшемъ шумѣ". Они мучатся не только собственными несчастіями, но и чужими, потому что видятъ въ нихъ зловѣщее предостереженіе. Когда раздается „одинъ изъ тѣхъ громовыхъ ударовъ, которые потрясаютъ все окружающее", они лишаются сна. „Свиста пращи достаточно, чтобы вспугнуть птицъ; такъ же и мы дрожимъ при одномъ слухѣ о катастрофахъ, хотя и не испытываемъ ихъ ударовъ".[1]) Какъ же быть, чтобы избѣгнуть той участи, которую всегда можно предвидѣть? Сенека не рекомендуетъ открытаго сопротивленія: онъ не сочувствуетъ заговорамъ и тайнымъ обществамъ. Вѣдь одно время онъ самъ управлялъ имперіей и до конца жизни продолжалъ требовать повиновенія той власти, представителемъ которой[2]) онъ нѣкогда служилъ. „Самое

[1]) Сен., Epist. 74, 3 и 4.

[2]) De ira, III, 15, 3.

тяжелое иго менѣе тяготитъ тѣхъ, которые ему подчиняются, чѣмъ тѣхъ, которые противъ него протестуютъ. Единственное облегченіе въ великихъ бѣдствіяхъ — терпѣливо сносить то, чего нельзя устранить". Значитъ нужно искусными пріемами стараться отвлечь отъ себя гнѣвъ государя, подобно тому, „какъ на морѣ надо избѣгать бури", жить какъ можно тише, не привлекать на себя всеобщаго вниманія, не слишкомъ выдаваться ни своими талантами ни даже своими добродѣтелями. „Юлій Грецинъ былъ убитъ по приказанію Калигулы за то, что онъ былъ болѣе порядочнымъ человѣкомъ, чѣмъ это допускается при тиранѣ" [1]). Въ особенности нужно остерегаться политическаго честолюбія: честолюбіе порождаетъ враговъ, а врагъ легко становится обвинителемъ. Лучше всего жить уединенно, вдали отъ двора, „этой мрачной тюрьмы рабовъ" [2]), отдавая свой досугъ мирнымъ и усерднымъ занятіямъ. Вотъ почему Сенека такъ горячо совѣтуетъ всѣмъ друзьямъ уединеніе. Но и удаляться слѣдуетъ осторожно и незамѣтно для другихъ: „вѣдь если кто открыто отъ васъ бѣжитъ, это значитъ, что онъ васъ осуждаетъ" [3]). Нехорошо также быть богатымъ. „Не соблазняйте воровъ надеждою на богатую поживу. Рѣдко у кого есть охота проливать кровь изъ-за одного удовольствія; гораздо больше жадныхъ, чѣмъ жестокихъ людей, и люди вредятъ другъ другу скорѣе изъ разсчета, чѣмъ изъ ненависти" [4]). Кто очень богатъ, тотъ долженъ умѣть при случаѣ пожертвовать частью своего состоянія, „подобно тому какъ бросаютъ въ море товары, чтобы облегчить судно во время бури". Но если приняты всѣ эти предосторожности, можно ли хоть тогда, по крайней мѣрѣ, быть увѣреннымъ въ своей безопасности? „Я и за это не могу поручиться,— говоритъ Сенека,—какъ нельзя поручиться, что человѣкъ, который бережется, всегда будетъ здоровъ" [5]).

Какъ же быть тогда? Предусмотрѣть всевозможныя бѣдствія и приготовиться къ нимъ, оторваться, какъ можно

---

1) De ben., II, 21, 5.

2) De ira, III, 16, 3

3) Epist., 14, 8.

4) Epist., 14, 15

5) Epist., 14, 9.

скорѣе, отъ всѣхъ тѣхъ благъ, которыя у насъ могутъ быть отняты. Каждаго могутъ изгнать изъ страны, лишить имущества, послать умирать голодной смертью па какой-нибудь скалѣ, подобно Кассію Северу, или сгноить въ тюрьмѣ, какъ Азинія Галла. Стало-быть, надо научиться быть равнодушнымъ къ ссылкѣ, тюрьмѣ и нищетѣ. „Я буду нищимъ,—но вѣдь таковъ удѣлъ большинства. Я буду изгнанъ,-но развѣ я не могу считать родиной мѣсто своего изгнанія. Меня закуютъ въ желѣзо,—такъ что же: развѣ теперь я свободенъ? Да и сама природа развѣ не приковала меня къ этому тѣлу, которое гнететъ меня“? Вотъ какъ надо убѣждать себя, чтобы несчастья не застигли врасплохъ и не казались такими страшными. Но недостаточно только говорить это, необходимо и душой и тѣломъ заранѣе свыкнуться съ несчастьями. У Сенеки все предусмотрѣно: его „мудрецъ“ долженъ становиться бѣднякомъ хоть на нѣсколько дней въ году. Пусть онъ уединится гдѣ-нибудь въ своихъ обширныхъ палатахъ; среди роскошной мебели пусть онъ спитъ на голыхъ доскахъ; пусть питается черствымъ и заплѣсневѣлымъ хлѣбомъ среди множества тонкихъ блюдъ, которыя обыкновенно подаютъ за его столомъ,—и когда онъ побѣдоносно выдержитъ эти испытанія, „онъ будетъ гораздо спокойнѣе наслаждаться богатствомъ, потому что будетъ знать, что можетъ безъ особенныхъ страданій переносить и бѣдность“ [1]). Но это еще не все. Мало пріучиться къ мысли объ изгнаніи и нищетѣ. Тотъ, кто внушаетъ страхъ, не довольствуется этими наказаніями; когда онъ раздраженъ—онъ отнимаетъ самую жизнь. Судья не имѣлъ права быть снисходительнымъ, когда подсудимаго обвиняли въ государственномъ преступленіи—обвиненіе, которое обыкновенно присоединялось къ другимъ винамъ. Преступленіе не могло быть легкимъ, разъ замѣшано имя цезаря. Сенека это хорошо понималъ, поэтому и философія его, въ значительной части, есть не что иное, какъ приготовленіе къ смерти. Онъ не только учитъ мужественно ожидать ее, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совѣтуетъ даже ее предупреждать. Самоубійство, по его мнѣнію, есть лучшее средство противъ

---

[1]) Epist., 18.

всѣхъ золъ имперіи,—это какъ бы противоядіе противъ тираннии. Человѣческое достоинство, поруганное цезарями, ничѣмъ, кажется ему, не можетъ быть возстановлено, кромѣ добровольной смерти. Она даетъ возможность человѣку одинокому, какъ бы онъ ни былъ слабъ и безпомощенъ, высоко держать голову передъ владыкой міра. Она даетъ ему силы въ этой борьбѣ съ безграничной властью, внушая добрую мысль, что онъ всегда можетъ съ жизнью разстаться; онъ уже не считаетъ себя безправнымъ рабомъ, такъ какъ у него остается свобода смерти. Надо видѣть съ какой страшной энергіей Сенека защищаетъ это право на смерть, единственное, которое деспотизмъ оставилъ римлянамъ. „Есть люди,—говоритъ онъ,—которые слывутъ мудрецами и утверждаютъ, что человѣкъ не имѣетъ права посягать на собственную жизнь, что самоубійство есть преступленіе, что нужно ждать часа, назначеннаго природой. Тѣ, которые это говорятъ, не замѣчаютъ, что они закрываютъ передъ нами единственный путь, который позволяетъ намъ чувствовать себя свободными. Предвѣчный законъ не могъ оказать человѣку большаго благодѣянія, какъ открывъ ему одинъ путь войти въ жизнь и нѣсколько, чтобы выйти изъ нея“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще сильнѣе: „Куда ни взглянешь, вездѣ ты найдешь конецъ своимъ мученьямъ. Видишь ли ты эту пропасть? Это путь къ свободѣ. Видишь ли это море, рѣку, этотъ колодезь? На днѣ ихъ скрывается свобода. Видишь ли ты это низенькое, нескладное и голое деревцо? На немъ виситъ свобода“ [2]).

Вся исторія того времени можетъ служить комментаріемъ къ этимъ словамъ. Никогда люди не умирали такъ легко и мужественно. И не только такіе знаменитые люди, какъ Сенека и Тразеа, давали высокіе примѣры смерти въ свои послѣднія минуты. Подобные люди знали, что на нихъ обращены взоры всѣ, и они старались умереть съ достоинствомъ; но сколько другихъ людей, менѣе извѣстныхъ, бывшихъ менѣе на виду, менѣе другихъ связанныхъ своимъ прошлымъ и не такъ заботившихся о славѣ своего имени, обнаружили тѣмъ не менѣе такую же твердость! Юлій Канъ

[1]) Epist., 70, 14.
[2]) De ira, III, 15.

въ ожиданіи палача игралъ въ шахматы, и когда тотъ пришелъ за нимъ, онъ спокойно пересчиталъ фигуры и сказалъ своему партнеру: „Не вздумай хвастаться послѣ моей смерти, что ты обыгралъ меня“; потомъ обращаясь къ палачу, онъ прибавилъ: „Беру тебя въ свидѣтели, что перевѣсъ въ игрѣ на моей сторонѣ“ [1]). Обычно приговоренные къ смерти и не дожидались палача. При первомъ слухѣ о томъ, что какой-нибудь доносчикъ оговорилъ ихъ передъ сенатомъ и даже раньше—какъ только они узнавали, что императоръ ими недоволенъ, эти несчастные запирались у себя и вскрывали себѣ жилы. Такая поспѣшность давала имъ немало преимуществъ: обвиненные избѣгали всѣхъ мытарствъ судебнаго процесса, исходъ котораго былъ несомнѣненъ; они разсчитывали этимъ путемъ сохранить хоть часть своего состоянія для дѣтей; вѣдь чѣмъ меньше было работы доносчикамъ, тѣмъ меньше имъ платили; наконецъ, ихъ не зарывали вмѣстѣ съ преступниками, но они могли быть погребены родными. Эти причины были вполнѣ достаточны, конечно, чтобы поторопиться. Вибуленъ Агриппа послѣ долгихъ ожиданій замѣтилъ, что дѣло его принимаетъ дурной оборотъ и тутъ же въ засѣданіи сената принялъ ядъ; но судьи нашли, что это было слишкомъ поздно и его уже мертваго поторопились задушить, чтобы имѣть предлогъ отнять все его имущество. Такой способъ предупреждать приговоръ суда не всегда нравился императору. Вначалѣ Тиберій какъ будто былъ признателенъ тѣмъ, которые добровольно покорялись своей участи, освобождая власть отъ гнусной казни; но позднѣе, когда жестокость его возрастала, соотвѣтственно все новымъ и новымъ жертвамъ, онъ перемѣнилъ свой взглядъ. „Онъ ускользнулъ отъ меня“, сказалъ Тиберій про одного изъ тѣхъ, которые поспѣшили умереть. Когда Л. Ветъ, узнавъ о своемъ приговорѣ, немедленно покончилъ съ собой, вмѣстѣ съ своей тещей и дочерью, то Неронъ разгнѣвался и велѣлъ продолжать судебный процессъ. Когда же ихъ осудили и приговорили къ казни по всѣмъ правиламъ, онъ великодушно разрѣшилъ

---

[1]) Сенека, De tranq. animi, 14, 7.
[2]) Тацитъ, Ann. XVI, 11.

имъ выбрать родъ смерти по своему желанію[1]). А между тѣмъ, они уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ были похоронены. Это презрѣніе къ жизни, эта способность быстро примиряться со своей участью и рѣшительно предупреждать ее, нравились Сенекѣ и заставляли его гордиться своимъ временемъ. „Посмотри на нашъ вѣкъ“,—говоритъ онъ,—который мы осуждаемъ за изнѣженность и трусость: во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ классахъ и во всякихъ возрастахъ найдутся люди, которые безъ колебаній прибѣгали къ смерти, чтобъ избавиться отъ бѣдствій“ [2]). Тацитъ менѣе доволенъ. Сердце его сжимается „при видѣ этой рабской покорности и массы крови, пролитой въ мирное время“; онъ заявляетъ, что совершенно не одобряетъ самоубійцъ, „такъ смиренно покорившихся“ [3]).

И осуждаетъ онъ ихъ такъ сурово несомнѣнно по той же причинѣ, которая толкаетъ нѣкоторыхъ выражать порицаніе малодушію жертвъ террора во время великой революціи. Неоспоримо, что осужденный, столь безпрекословно принимающій свой приговоръ, какъ будто признаетъ тѣмъ самымъ его справедливость; онъ поощряетъ своего убійцу къ новымъ убійствамъ надеждою на безнаказанность и не даетъ зародиться общественному состраданію. Большее сопротивленіе, быть можетъ, имѣло бы тогда двойной результатъ: власть стала бы сдержаннѣе и толпа болѣе симпатизирующей къ жертвамъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи намъ уже неоднократно случалось вспоминать по поводу римской имперіи о французской революціи. Эти двѣ эпохи во многомъ аналогичны и ихъ часто сравнивали между собою. У Камилла Демулена есть прекрасная страница въ его Vieux Cordelier, гдѣ онъ пользуется Тацитомъ въ качествѣ комментарія къ закону о благонадежности. Дѣйствительно, подозрѣваемые были и во времена имперіи, когда проскрипціи прикрывались именемъ общественнаго блага, а нѣкоторыя туманныя постановленія сената, гдѣ подъ видомъ уваженія къ закон-

---

[1]) Тацитъ, Ann., VI, 40.

[2]) Epist., 24, 11.

[3]) Тацитъ, Ann., XVI, 16.

нымъ формамъ скрывалось самое безстыдное насиліе надъ всѣми правами защиты, заставляютъ вспоминать о судилищѣ 1790-хъ годовъ. Эти два деспотическихъ режима, покоющіеся на такихъ противоположныхъ принципахъ, часто приводили къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Имъ не въ чемъ укорять другъ друга. Оба они начали съ подавленія свободы; оба вызвали въ людяхъ одинаковое презрѣніе къ жизни и развили въ своихъ представителяхъ опьяненіе кровью и манію убійства; оба привели къ террору. Нѣкоторые разсказы Тацита или Светонія оставляютъ въ душѣ впечатлѣніе, весьма близкое къ впечатлѣнію отъ самыхъ мрачныхъ сценъ революціи. Развѣ царствованіе Тиберія, напримѣръ, не имѣло своихъ сентябрскихъ дней, когда послѣ смерти Сеяна ему наскучило видѣть переполненныя тюрьмы и онъ сразу опорожнилъ ихъ, приказавъ убить всѣхъ, которые были въ нихъ заперты. „Земля была покрыта трупами: тѣла людей всѣхъ половъ, всѣхъ возрастовъ, знатныхъ и неизвѣстныхъ, валялись по-одиночкѣ и кучами. Родственники, друзья, лишены были возможности не только приблизиться къ нимъ и оросить ихъ слезами, но даже и смотрѣть на нихъ слишкомъ долго. Разставленные вокругъ солдаты, подстерегая ихъ печаль, сопровождали даже разложившіеся трупы, когда ихъ тащили въ Тибръ. Здѣсь они плавали по водѣ или приставали къ берегу, всѣми покинутые; никто не смѣлъ не только сжигать ихъ, но даже прикасаться къ нимъ. Страхъ разрушалъ всякую связь между людьми, и чѣмъ ужаснѣе становились тираніи, тѣмъ болѣе притуплялось состраданіе“ [1]). Сходство двухъ названныхъ эпохъ довершается тѣмъ, что всѣ эти избіенія производились въ эпоху высокой цивилизаціи, когда нравы казались въ высшей степени мягкими, когда разумъ гордился своей просвѣщенностью. Входя въ разрушенные дома Помпеи, встрѣчая тамъ остатки богатой меблировки, мраморъ, бронзу, живопись, мозаику, всю ту изысканную роскошь, которая свидѣтельствуетъ объ изнѣженномъ и утонченномъ вкусѣ, невольно вспоминается восемнадцатый вѣкъ въ исторіи Франціи, когда умъ достигъ такого развитія, когда привычки

---

[1]) Тацитъ, Ann., VI, 19.

были такъ изящны, а жизнь такъ элегантна. Эти два общества гордились собой; они хвалились своимъ просвѣщеніемъ; они пренебрегали прошлымъ и высокомѣрно наслаждались настоящимъ; мудрецы возвѣщали, что варварство древнихъ вѣковъ побѣждено окончательно, что можно безгранично довѣрять добрымъ инстинктамъ человѣка, потому что природа сама собою влечетъ его къ добру. Съ поразительнымъ блескомъ и повсемѣстнымъ успѣхомъ они провозглашали принципъ братства людей, изъ котораго долженъ вытекать долгъ для человѣка уважать человѣка: homo res sacra homini[1]). Какъ быстро забылись эти благородныя мысли! Какія жестокія разочарованія смѣнили гордость настоящимъ и надежду на будущее! Какія ужасныя и непредвидѣнныя событія въ ту и въ другую эпоху доказали, что не слѣдуетъ слишкомъ надѣяться на человѣка, что подъ элегантной видимостью часто дремлетъ варварство, и что немногаго достаточно, чтобы показались на поверхности грязныя и кровавыя подонки, которыя только прикрываются цивилизаціей, а не уничтожаются.

---

[1]) Сенека, Epist. 95, 33.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бытовой романъ при Неронѣ.

Чтобы понять оппозицію цезарямъ римскаго большого свѣта, намъ весьма полезно было бы имѣть какое-нибудь изъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ недовольные открыто или замаскированно выражали свое плохое настроеніе. Къ несчастью, памфлеты, какъ произведенія текущаго дня, интересуютъ только современниковъ и часто не переживаютъ ихъ. Нѣкоторые думаютъ, однако, что до насъ дошелъ одинъ изъ памфлетовъ той эпохи. „Сатириконъ" Петронія, по мнѣнію многихъ критиковъ, содержитъ горькія насмѣшки надъ дворомъ Нерона, въ немъ хотятъ найти всевозможные хитрые намеки на императора и его любимцевъ. Постараемся узнать, насколько справедливо это мнѣніе, всмотримся пристальнѣе въ это любопытное произведеніе, которое бросаетъ столько свѣта на общество императорской эпохи, зададимъ себѣ вопросъ, съ какимъ намѣреніемъ оно было написано и дѣйствительно ли имѣло то политическое значеніе, какое ему нѣкоторыми приписывается.

I.

Жизнь и смерть Т. Петронія.—Онъ ли авторъ „Сатирикона"? — Романъ въ древности.—Разборъ романа Петронія.

Трудно въ настоящее время говорить о Петроніи и нельзя заниматься имъ и его книгой, предварительно не извинившись передъ читателемъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ такая застѣнчивость была неизвѣстна; его тогда читали въ лучшемъ обществѣ и свободно говорили о немъ. Его книга была обычнымъ предметомъ изученія великаго Конде;

С.-Эвремонъ ставилъ его выше всѣхъ латинскихъ писателей, а Расинъ чуть не на порогѣ Port-Royal часто цитируетъ его въ своихъ письмахъ. „Теперь принято, — говоритъ одинъ изъ переводчиковъ Сатирикона, — и въ особенности между образованными людьми, увлекаться Петроніемъ и знать лучшія мѣста изъ него". Онъ утверждаетъ даже, что перевелъ его, только уступая просьбамъ дамъ, жаждавшихъ прочитать автора, котораго имъ такъ расхваливали. Предлагать дамамъ восхищаться Петроніемъ, конечно, дѣло весьма рискованное, но не слѣдуетъ также слишкомъ поддаваться отвращенію, которое онъ внушаетъ. Если его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать моральнымъ писателемъ, тѣмъ не менѣе онъ весьма поучителенъ; античность не оставила намъ болѣе любопытной книги. Отказываясь ее читать, мы лишились бы богатаго источника свѣдѣній и справокъ.

Къ несчастью, произведеніе Петронія дошло до насъ въ очень жалкомъ видѣ. Болѣе трехъ четвертей его для насъ потеряно [1]), а то, что осталось, даетъ поводъ ко всевозможнымъ спорамъ. Мы не знаемъ въ точности его заглавія: названіе Сатириконъ, подъ которымъ оно извѣстно, повидимому, не подлинно, и весьма вѣроятно, что въ древности его называли болѣе простымъ и общимъ именемъ Сатиры [2]). Много спорили также о времени его появленія. Нибуръ относилъ его къ эпохѣ Александра Севера; нѣкоторые критики отодвигаютъ его даже ко времени Константина, тогда какъ другіе временемъ его появленія считаютъ царствованіе Августа: такимъ образомъ получается колебаніе въ три столѣтія. Въ настоящее время всѣ согласны, что оно написано при Неронѣ, на что указываетъ

1) Какъ намъ сообщаютъ рукописи, сохранившіеся отрывки принадлежатъ четырнадцатой и пятнадцатой книгамъ. Слѣдовательно, утрачено тринадцать книгъ, помимо тѣхъ, которыя слѣдовали за пятнадцатой и число которыхъ намъ совершенно неизвѣстно (см. Bücheler, предисловіе, VI).

2) Подъ такимъ заглавіемъ (Satira) опубликовалъ отрывки изъ Петронія Bücheler. Его изданіе (1-е 1862 г. Berlin; теперь вышло уже четвертое 1912 г.) безусловно лучшее. Мы имъ пользовались здѣсь наравнѣ съ прекрасной работой Штудера Reinisches Museum, т. I, стр. 72, который возобновилъ изученіе Петронія.

какъ манера, которой оно написано, такъ и заключающіеся въ немъ историческіе намеки. Видя, какъ авторъ полемизируетъ съ Луканомъ и подражаетъ Сенекѣ, нельзя сомнѣваться, что онъ былъ ихъ современникомъ. Относительно же имени автора, нѣтъ мѣста никакому сомнѣнію: рукописи и римскія грамматики называютъ его Petronius Arbiter.

Это имя тотчасъ же вызываетъ въ нашемъ умѣ одно лицо, которое играло видную роль при Неронѣ и о смерти котораго разсказываетъ Тацитъ. Т. Петроній принадлежалъ къ числу тѣхъ распутныхъ людей, которыхъ въ Римѣ было тогда великое множество и которые день посвящали сну, а ночь обязанностямъ и удовольствіямъ жизни [1]). „Другіе, — говоритъ Тацитъ, — добиваются репутаціи трудомъ, этотъ же достигъ ея изнѣженностью. Онъ выдѣлялся въ толпѣ обыкновенныхъ расточителей, которые умѣютъ только прожигать свое состояніе; его считали знатокомъ чувственныхъ удовольствій. Самая беззаботность и непринужденность его поступковъ и словъ придавали имъ характеръ простоты и сообщали новую прелесть“ [2]). Однако, этотъ изнѣженный человѣкъ умѣлъ въ случаѣ надобности проявлять дѣятельность и трудолюбіе. „Проконсуломъ, а позднѣе и консуломъ въ Виѳиніи онъ обнаружилъ много выдержки и стоялъ на высотѣ своихъ обязанностей“. Послѣ такого напряженія онъ добровольно вернулся къ праздной чувственной жизни. Неронъ чувствовалъ влеченіе къ этому изобрѣтательному уму, который создалъ искусство наслажденія. Петроній пріобрѣлъ такое вліяніе при легкомысленномъ дворѣ императора, что получилъ репутацію законодателя хорошаго вкуса (arbiter elegantiae). Отсюда, быть можетъ, и происходило его прозвище. Императоръ началъ совѣтоваться съ нимъ о своихъ празднествахъ, ему казались пріятными только тѣ развлеченія, которыя одобрялъ Петроній. Подобная милость начала затмевать Тигеллина. Этотъ

---

[1]) Модные развратники ввели въ обычай превращать день въ ночь. Сенека остроумно высмѣиваетъ подобныхъ людей, которые, „не покидая родины, находятъ возможность стать антиподами своихъ согражданъ и открываютъ глаза, отяжелѣвшіе отъ ночныхъ излишествъ только тогда, когда всѣ остальные идутъ спать“ (Epist., 122).

[2]) Тацитъ, Ann., XVI, 18.

фаворитъ добился расположенія императора одной только лестью его страстямъ и держался лишь своей податливостью; поэтому, онъ испугался соперника и рѣшилъ погубить его, что не представляло большого труда при такомъ боязливомъ и жестокомъ государѣ, особенно вскорѣ послѣ большого заговора, который чуть было не удался. Петроній, конечно, не былъ заговорщикомъ; но у такого общительнаго человѣка, съ такимъ обширнымъ знакомствомъ, безусловно должны были найтись какія-нибудь компрометтирующія знакомства. Одно изъ такихъ знакомствъ и было ему вмѣнено въ преступленіе. На него указали, какъ на друга одного изъ только-что казненныхъ заговорщиковъ. Одинъ подкупленный рабъ сыгралъ роль доносчика; остальные слуги его были брошены въ тюрьму; по принятому обычаю судьи сочли своей обязанностью осудить Петронія, не выслушавъ его.

Неронъ находился тогда въ Кампаніи. Петроній отправился было въ дорогу, чтобы слѣдовать за дворомъ, но долженъ былъ остановиться въ Кумахъ, получивъ приказаніе ожидать здѣсь рѣшенія своей участи; но именно этого онъ менѣе всего и хотѣлъ: колебаніе между страхомъ и надеждой, которое могло тянуться неопредѣленное время, было не въ его характерѣ. Петроній рѣшилъ положить ему конецъ и умереть. Онъ быстро сдѣлалъ послѣднее распоряженіе и, несмотря на свою изнѣженность, оказался въ эту послѣднюю минуту болѣе энергичнымъ, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые строгою жизнью пріобрѣли себѣ репутацію твердыхъ людей. Большинство осужденныхъ вмѣняли себѣ въ обязанность наполнять свои завѣщанія лестью и, чтобы обезпечить своей семьѣ часть состоянія, они завѣщали остальное императору или его друзьямъ. Петроній, напротивъ, всячески старался сдѣлать непріятность Нерону: онъ приказалъ разбить драгоцѣнную вазу, стоившую ему 300,000 сестерцій, чтобы она не попала въ руки императору, прихоти котораго ему были извѣстны. Кромѣ того онъ нашелъ въ себѣ достаточно свободнаго мужества, чтобы сочинить посланіе, которое за его печатью должно было быть передано государю; здѣсь подъ именами развратныхъ юношей и распут-

ныхъ женщинъ,[1]) онъ описывалъ тайныя похожденія Нерона, чудовищныя измышленія, посредствомъ которыхъ этотъ тридцатилѣтній старикъ пытался оживить свою усталую чувственность. Удовлетворивъ такимъ путемъ свое желаніе мести, Петроній предусмотрительно сломалъ свой перстень, чтобы онъ не могъ послужить впослѣдствіи поводомъ къ новымъ казнямъ[2]), а затѣмъ приготовился къ смерти.

Смерть Петронія безспорно является одной изъ самыхъ любопытныхъ между тѣми, о которыхъ намъ повѣствуетъ Тацитъ; она совершенно не похожа на всѣ другія. Въ эпоху Нерона было много эпикурейцевъ по поведенію, но не по принципу; въ особенности при приближеніи послѣдней минуты эпикурейская философія основательно забывалась. Въ тяжелой бѣдѣ люди чувствовали потребность опереться на болѣе устойчивую доктрину, чтобы придать себѣ мужества. Эпикуреизмъ можетъ помочь жить; но опытъ показалъ, что его недостаточно для смерти. Скрибоній Либонъ, одна изъ первыхъ жертвъ Тиберія, желая умереть такъ, какъ онъ жилъ, возымѣлъ намѣреніе насладиться въ послѣдній день роскошнымъ столомъ, но онъ нашелъ только, — говоритъ Тацитъ, — послѣднюю пытку въ томъ, что должно было служить ему послѣднею радостью[3]). Когда убѣдились, что подобный способъ разставанія съ жизнью отнюдь не доставляетъ радости, то начали прибѣгать къ другому: обычно прибѣгали къ помощи какого-нибудь мудреца и принимались за изученіе надеждъ на будущую жизнь. Юлій Канъ шелъ

[1]) Sub nominibus exoletorum feminarumque. Часто предлогу sub придаютъ значеніе cum, которое оно дѣйствительно иногда имѣетъ, и толкуютъ эти слова такъ, будто Петроній разсказываетъ Нерону свои похожденія съ именами мужчинъ и женщинъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Это могло бы служить объясненіемъ, почему онъ запечаталъ свое посланіе, прежде чѣмъ отправить его императору.

[2]) Это средство было употреблено незадолго передъ этимъ, чтобы смерть одного невиннаго повлекла за собой гибель другихъ; въ завѣщаніи отца Лукана, Аннея Мелы, осужденнаго на смерть, была вставлена позднѣе одна обвинительная фраза; завѣщаніе послѣ того было вновь запечатано, чтобы придать обвиненію извѣстную правдоподобность. Этого-то и хотѣлъ избѣжать Петроній, сломавъ свой перстень (Тац. Ann., XVI, 17).

[3]) Тац. Ann., II, 31.

на казнь въ сопровожденіи своего философа (prosequebatur cum philosophus suus[1]). Сенека диктовалъ секретарю свои послѣднія правила добродѣтели, въ то время какъ его кровь вмѣстѣ съ жизнью вытекала изъ венъ; Тразеа слушалъ циника Деметрія, который бесѣдовалъ съ нимъ о безсмертіи и, чувствуя близкій конецъ, полный этихъ благородныхъ наставленій, онъ призывалъ Юпитера освободителя. Одинъ только Петроній сумѣлъ умереть безукоризненнымъ эпикурейцемъ. „Онъ не хотѣлъ рѣзко оборвать свою жизнь. Онъ открылъ себѣ вены, снова ихъ закрылъ, затѣмъ опять открылъ, разговаривая со своими друзьями и слушая ихъ, но въ его словахъ не было ничего серьезнаго, никакого показного мужества, а со стороны друзей тоже никакихъ размышленій о безсмертіи души, никакихъ философскихъ изреченій. Онъ хотѣлъ слышать лишь шутливые, легкіе стихи. Онъ наградилъ нѣсколькихъ рабовъ, другихъ велѣлъ наказать. Онъ сѣлъ за столъ, легъ спать, чтобы его вынужденная смерть казалась естественною“[2]). Такой способъ покончить съ жизнью вызывалъ живѣйшее удивленіе у всѣхъ эпикурейцевъ семнадцатаго вѣка. „Или я ошибаюсь, — говоритъ С.-Эвремонъ, — или это самая прекрасная смерть во всей древности. Въ смерти Катона я нахожу огорченіе и даже гнѣвъ. Отчаяніе въ дѣлахъ республики, потеря свободы, ненависть къ Цезарю много способствовали его рѣшимости, и я не знаю, не дошла ли его дикая натура до бѣшенства, когда онъ распоролъ свои внутренности. Сократъ дѣйствительно умеръ мудрецомъ и довольно равнодушно; однако и онъ старался убѣдить себя въ существованіи будущей жизни, хотя и не убѣдился; онъ неустанно и довольно слабо разсуждалъ объ этомъ въ тюрьмѣ со своими друзьями, и, въ концѣ концовъ, смерть была для него фактомъ значительнымъ. Одинъ Петроній ввелъ въ свою смерть изнѣженность и безпечность. Ни одинъ поступокъ, ни одно слово, ни одна подробность не обнаруживаетъ смятенія умирающаго; для него воистину умереть значило только перестать жить“[3]).

---

[1]) Сенека, De tranq. animi, 14, 9.

[2]) Тацитъ, Ann, XVI, 19.

[3]) Saint-Evremond, Jugement sur Sénèque, Plutarque et Pétrone.

Принадлежитъ ли „Сатириконъ“ перу этого остроумнаго вельможи, этого эпикурейца-консула, который послѣ разсѣянной жизни сумѣлъ умереть такъ спокойно и даже равнодушно? Ничто не принуждаетъ къ такому заключенію, но все говоритъ въ пользу этого предположенія. Посланіе, по словамъ Тацита, отправленное имъ Нерону, чтобы показать цезарю, что онъ знаетъ тайны его распутства, доказываетъ, повидимому, что Петроній обладалъ нѣкоторымъ навыкомъ къ подобнымъ сочиненіямъ. Качества, которыя историкъ приписываетъ ему, особенно „непринужденность, развязность, видимость простоты, которыя придавали новую прелесть его словамъ“, замѣчаются болѣе всего и въ „Сатириконѣ“. Въ данномъ случаѣ можно сказать, что книга соотвѣтствуетъ человѣку, а потому вполнѣ естественно допустить, вмѣстѣ съ большинствомъ критиковъ, что авторъ ея и есть именно любимецъ Нерона.

Отъ автора перейдемъ къ произведенію. Чтобы правильно судить о немъ, надо отказаться отъ современныхъ мнѣній и припомнить, что римляне не требовали у своихъ романистовъ того, чего мы требуемъ отъ нашихъ. Прежде всего они были значительно менѣе строги по отношенію къ нравственности и пристойности. Въ наше время почти всѣ читаютъ романы и никто не удивится, увидавъ ихъ въ рукахъ самыхъ серьезныхъ людей; La Princesse de Clèves задумана въ обществѣ серьезнаго Ларошфуко. Понятно, что романъ, въ свою очередь, старается быть достойнымъ этого пріема, — становясь приличнымъ и нравственнымъ. Въ Римѣ, особенно въ первое время, къ роману относились не такъ благосклонно, а такъ какъ ему отказывали въ уваженіи, то онъ и самъ мало уважалъ себя. Повидимому, романъ считался пригоднымъ только для минутнаго развлеченія праздныхъ людей; а пока продолжались древнія традиціи, праздные бездѣльники считались плохими гражданами, которые отлынивали отъ первой обязанности, — службы странѣ. Жизнь настоящаго римлянина была такъ заполнена правильными и мелочными занятіями, что онъ не могъ терять времени. Тѣ, которые находили досугъ читать романы, которые такимъ образомъ осмѣливались ставить себя выше законовъ и традицій, были обыкновенно люди недостойные особеннаго

уваженія: поэтому и романы, которые нравились обычно такимъ людямъ, были не изъ лучшихъ. У грековъ существовали всевозможные романы; даже философія и исторія измышляла ихъ въ большомъ количествѣ ради примѣра и поученія [1]). Но подобные романы, повидимому, не имѣли особеннаго успѣха въ Римѣ; здѣсь предпочитали разсказы о любовныхъ приключеніяхъ. Въ Греціи существовали очень знаменитыя произведенія этого сорта, называвшіяся „милетскими сказками“, по имени ихъ родины; это были коротенькіе и живые разсказы, остроумные въ подробностяхъ, полные соблазнительныхъ картинъ, замаскированныхъ отчасти словами. Сказки Лафонтена могутъ дать намъ о нихъ нѣкоторое представленіе [2]). Серьезные римляне отзывались очень дурно о такихъ произведеніяхъ: остальные же съ увлеченіемъ ихъ читали, а современемъ число этихъ читателей весьма значительно возрасло. Передаютъ, напримѣръ, что одинъ изъ офицеровъ, отправившихся съ Крассомъ въ походъ противъ Пареянъ, наполнилъ ими цѣлый сундукъ [3]). Мы знаемъ изъ Овидія, что они имѣлись въ римскихъ публичныхъ библіотекахъ, и несомнѣнно па такія книги существовалъ наибольшій спросъ [4]). Усердные и постоянные читатели ихъ не имѣли намѣренія поучаться, они хотѣли лишь позабавиться, а чтобы удовлетворить ихъ въ этомъ отношеніи, надо было ни передъ чѣмъ не останавливаться. Такимъ образомъ, непристойность и безнравственность стали, такъ сказать, закономъ въ этой области литературы. Ни одинъ романистъ не остался чуждъ этому теченію, и даже самъ Апулей, задавшись благою цѣлью написать благочестивый, теологическій романъ, долженъ былъ ввести въ него приключенія весьма легкаго свойства, чтобы удовлетворить своихъ читателей. Слѣдовательно, кто открывалъ одну изъ охарактеризованныхъ нами книгъ, тотъ долженъ былъ знать, чего онъ можетъ ожидать, а потому ихъ не-

---

[1]) Эти романы перечислены и разобраны у Chassang'а Histoire du roman dans l'antiquité.

[2]) Сказка о Кадкѣ, гдѣ Лафонтенъ подражаетъ Апулею, считается заимствованною послѣднимъ изъ милетскихъ сказокъ.

[3]) Плутархъ, Crassus, 32.

[4]) Овидій, Trist., II, 420.

пристойность казалась, по крайней мѣрѣ, уменьшенной, поскольку она не была неожиданностью. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что какъ бы далеко ни заходилъ латинскій авторъ, онъ имѣлъ свое оправданіе въ примѣрѣ греческаго автора, которому онъ подражалъ и который обычно заходилъ еще дальше. Мы говоримъ теперь, что римляне „оскорбляютъ приличіе“; римляне же говорили то же самое о грекахъ и были совершенно правы [1]).

У насъ романъ вошелъ въ область серьезной литературы и долженъ былъ подчиниться здѣсь всѣмъ правиламъ, которымъ подчинены остальные виды литературы. Отъ него требуютъ правильности, послѣдовательности, связности. Въ древности ему придавали меньше значенія и оставляли больше свободы. Отъ него не требовалось также и вѣрнаго описанія характеровъ и страстей, чего въ немъ ищутъ теперь. Вообще точныя описанія обыденной жизни не были во вкусѣ тогдашнихъ читателей. Греческая комедія стала вводить ихъ лишь тогда, когда изъ нея была изгнана область политики, и по общему мнѣнію цѣнность ея вслѣдствіе этого сильно понизилась.

Такое настроеніе публики и критики позволяло авторамъ не стѣсняться въ изображеніи общества и жизни. Разъ назначеніе романа состояло въ томъ, чтобы доставлять удовольствіе воображенію, казалось вполнѣ естественнымъ предоставить въ немъ широкій просторъ фантазіи. Фонъ, конечно, брался изъ дѣйствительной жизни, но на этомъ фонѣ романистъ могъ свободно вышивать свои фантастическіе узоры. Характеры доводились до шаржа, если подобныя преувеличенія могли позабавить публику; самыя необычайныя происшествія перемѣшивались съ вѣрными картинами жизни и никого не смущало, если теченіе разсказа прерывалось тѣми вставными эпизодами, которыми такъ восхищались у Аристофана.

Вотъ что разрѣшалось обыкновенно романистамъ и чего слѣдуетъ ожидать также и отъ Петронія: писатель этотъ еще менѣе нравственен, чѣмъ другіе, и не стремится особенно къ святости разсказа. Читатель, привыкшій къ современнымъ романамъ, найдетъ безъ сомнѣнія, что со-

---

[1]) Квинтиліанъ, VIII, 3, 39.

бытія, составляющія романъ Петронія, не связаны между собою достаточно прочной интригой, и что онъ не потрудился между отдѣльными частями создать правильное соотношеніе. Разсказъ то становится торопливымъ, то совсѣмъ останавливается. Въ одномъ мѣстѣ авторъ едва намѣчаетъ послѣдовательность событій, въ другомъ онъ съ удовольствіемъ развертываетъ безконечную картину, которая должна понравиться читателямъ: такимъ образомъ пиръ Трималхіона, который въ сущности составляетъ лишь вставной эпизодъ, принялъ невѣроятные размѣры. Вопреки правиламъ искусства, къ концу разсказа вводятся новыя дѣйствующія лица, которыя тотчасъ же захватываютъ первыя роли [1]). Особенно же поражаетъ то, что все произведеніе состоитъ изъ разнородныхъ частей, объ установленіи связи между которыми, повидимому, никто не заботится. Здѣсь попадаются маленькія сказочки, заимствованныя отъ грековъ и весьма слабо связанныя съ остальнымъ содержаніемъ; нѣкоторыя стихотворенія были сочинены по совершенно другому случаю; встрѣчаются нравственныя сентенціи въ устахъ развратниковъ и очень серьезныя рѣчи среди самыхъ шутовскихъ приключеній. Здѣсь перемѣшаны всѣ тона и всѣ стили, что собственно объясняетъ и оправдываетъ имя, данное авторомъ своему произведенію: слово с а т и р а у римлянъ первоначально обозначало лишь смѣсь.

Понятно, какъ трудно дать вѣрную оцѣнку подобной книгѣ, особенно когда отъ нея остался лишь отрывокъ, да и тотъ все время прерывается пробѣлами. Чтобы дать о ней общее представленіе, достаточно сказать, что она повѣствуетъ о бродяжнической жизни нѣсколькихъ искателей приключеній. Изъ романовъ новаго времени наиболѣе близко къ этому произведенію подходитъ Жиль-Блазъ; но герой Лесажа, какъ бы онъ ни былъ беззастѣнчивъ, все же является образцомъ добродѣтели въ сравненіи съ героями Петронія. Послѣдніе въ большинствѣ случаевъ вольноотпущенники, т. е. то, что было худшаго въ римскомъ обществѣ. Эти люди во время своего рабства привыкли ко всевозможнымъ низостямъ съ цѣлью заслужить расположеніе своихъ

[1]) Эвмолпъ, появляющійся лишь въ четырнадцатой книгѣ, разомъ становится однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа.

господъ. Свобода нисколько ихъ не измѣняла: дѣятельные, ловкіе, способные (глупые обыкновенно оставались рабами), достойные занять первенствующее мѣсто по своему развитію, они часто оттѣснялись на послѣднее предразсудками и нищетой. Имъ давали образованіе безъ нравственнаго воспитанія; они были бѣдны, имѣя всѣ пороки богатыхъ. Лишенные другихъ средствъ къ жизни, кромѣ своей изворотливости, они не уважали законовъ, которымъ они обязаны были своимъ прежнимъ тяжелымъ существованіемъ: принужденные жить на счетъ другихъ и безъ труда примирившись съ этимъ, они по своему положенію были удивительно приспособлены къ роли искателей приключеній. Именно къ такому сорту людей принадлежатъ герои Петронія. Главный изъ нихъ, Энколпъ, самъ разсказываетъ свою исторію; этотъ негодяй убилъ, обокралъ, обезчестилъ жену своего друга и, повидимому, не особенно терзается угрызеніями совѣсти. Въ тотъ моментъ, гдѣ начинаются сохранившіеся отрывки, онъ странствуетъ по свѣту со своимъ миньономъ, въ сопровожденіи товарища, который не чище его, а вскорѣ къ нихъ компаніи присоединяется еще голодный поэтъ; они путешествуютъ вмѣстѣ по чудной Кампаніи, населенной изнѣженными греками, и жизнь для нихъ течетъ привольно; они заботятся развѣ только объ удовольствіяхъ. событія же быстро идутъ для веселой компаніи. То они обворовываютъ кого-нибудь, то кто-нибудь ихъ обворовываетъ, но чаще надувая другихъ, чѣмъ попадая впросакъ, они шатаются по подозрительнымъ мѣстамъ, посѣщаютъ музеи, смущаютъ школьниковъ въ портикахъ или прячутся въ какомъ-нибудь темномъ притонѣ. Когда у нихъ остается только одна монета въ два асса, чтобы купить немного простого гороха, [1]) они навязываются на обѣдъ къ какому-нибудь расточительному выскочкѣ, который собираетъ за своимъ столомъ и незнакомыхъ ему людей. Послѣ такого роскошнаго пира они бродятъ всю ночь по темнымъ улицамъ, спотыкаясь о каждый камень, и наконецъ, возвращаются въ свою лачугу, вся мебель которой состоитъ изъ одной постели. У нихъ происходятъ стычки

[1]) Satiricon, 14.

съ полиціей, они ссорятся съ хозяиномъ, который боится, что они выѣдутъ не заплативши денегъ, и бросаютъ ему въ голову подсвѣчники. Мы видимъ, какъ они сваливаются подъ столъ послѣ обѣда, какъ за ними гоняются устарѣвшія красавицы, близъ которыхъ они становятся холоднѣе гальской зимы [1]), какъ они въ свою очередь бѣгаютъ за молодыми женщинами, какъ оспариваютъ другъ у друга или поочередно дѣлятъ благорасположеніе сопутствующаго имъ миньона. Судьба не всегда имъ благопріятствуетъ: одинъ изъ нихъ хочетъ даже повѣситься послѣ одной любовной неудачи: другой, въ припадкѣ сильнѣйшаго отчаянія, пробуетъ зарѣзаться бритвой, которая оказывается, однако, одной изъ тѣхъ деревянныхъ бритвъ, какими пользуются цирульники при обученіи новичковъ. Но въ общемъ они философски переносятъ свои неудачи; они рѣдко теряютъ мужество и ловко умѣютъ выпутаться изъ всевозможныхъ скверныхъ положеній.

Претерпѣвъ кораблекрушеніе, гдѣ они чуть не погибаютъ, море почти голыхъ выбрасываетъ ихъ на берегъ, и тутъ то они пускаются въ самыя рискованныя предпріятія. Они встрѣчаютъ крестьянина, который объясняетъ имъ, что они находятся вблизи Кротона, одного изъ древнѣйшихъ городовъ Италіи. Въ отвѣтъ на вопросъ: каковы обычаи мѣстныхъ жителей, крестьянинъ отвѣчаетъ: „Мои друзья, если вы честные купцы, то бѣгите отсюда или ищите другихъ средствъ къ жизни, кромѣ торговли; но если вы принадлежите къ образованному свѣту, гдѣ умѣютъ лгать и обманывать, то идите смѣло, вашъ успѣхъ обезпеченъ. Да будетъ вамъ извѣстно, что въ этомъ городѣ о литературѣ совсѣмъ не заботятся, смѣются надъ краснорѣчіемъ, а честь и добросовѣстность не встрѣтятъ здѣсь ни награды ни уваженія. Все населеніе раздѣлено на два класса: надуваемыхъ и надувателей. Здѣсь никто не устраиваетъ себѣ семьи и не воспитываетъ дѣтей, потому что тотъ, кто имѣетъ несчастіе имѣть законныхъ наслѣдниковъ, можетъ быть увѣренъ, что его никогда не пригласятъ на пиршество или на праздникъ: онъ не пользуется никакими радостями жизни и

[1]) Sat., 19: frigidior hieme gallica factus.

обреченъ на постыдную неизвѣстность; напротивъ, люди холостые и не имѣющіе близкихъ родственниковъ, осыпаны почестями; они считаются безспорно лучшими офицерами, самыми храбрыми и добродѣтельными людьми. Городъ, въ который вамъ предстоитъ войти, совершенно похожъ на страну, опустошенную чумой, гдѣ видны одни трупы, которые пожираются, и вороны, которые ихъ пожираютъ" [1]). Вотъ яркое изображеніе той охоты за завѣщаніями, которая во времена имперіи для многихъ ловкихъ людей была единственнымъ ремесломъ и приносила имъ такой богатый доходъ. Это ремесло здѣсь изображено такъ же, какъ у всѣхъ остальныхъ сатириковъ того времени. Ясно, что при этомъ живомъ описаніи Петроній думалъ болѣе о Римѣ, нежели о Кротонѣ. Для Энколпа и его друзей случай весьма подходящій, и они не преминули имъ воспользоваться. Они задумали надуть надувателей, пожить на счетъ тѣхъ жадныхъ пройдохъ, которые только и мечтаютъ, какъ бы обогатиться на чужой счетъ. Планъ составленъ былъ быстро: старый поэтъ Эвмолпъ сойдетъ за африканскаго Креза, обладателя огромныхъ помѣстій въ Нумидіи [2]); его только что посѣтило непоправимое и ужасное несчастіе: онъ потерялъ своего послѣдняго сына, подававшаго большія надежды, и рѣшился покинуть страну, которая будила въ немъ печальныя воспоминанія; буря на пути разбила корабль и выбросила его на берегъ Италіи. Въ этомъ крушеніи онъ потерялъ 20 милліоновъ сестерцій, но у него еще оставалось около 300 милліоновъ въ долгахъ и въ помѣстьяхъ „и достаточное количество рабовъ, чтобы осадить и взять Карѳагенъ, если бы онъ этого пожелалъ". Его слуги уже находятся въ пути и должны скоро прибыть сюда и привести денегъ больше, чѣмъ онъ потерялъ; въ ожиданіи же ихъ прибытія онъ кашляетъ, стонетъ, не прикасается какъ будто ни къ одному изъ предлагаемыхъ ему кушаній, говоритъ о близкомъ концѣ и каждый мѣсяцъ измѣняетъ свое завѣщаніе. Эта хитрость имѣетъ полный успѣхъ. Искатели наслѣдствъ, чуя богатую добычу, увиваются вокругъ старика

---

[1]) Satir., 116.

[2]) Плиній сообщаетъ, что половина Африки во времена Нерона принадлежала шести собственникамъ. (Hist. nat., XVIII, 6).

и предоставляютъ свои кошельки въ полное его распоряженіе. Можно себѣ представить, какими горстями наши пріятели черпали отсюда. Ежедневно они предаются новымъ удовольствіямъ; счастье не перестаетъ улыбаться имъ. Важныя дамы и миловидныя прислужницы относятся къ нимъ весьма предупредительно: матери оспариваютъ другъ у друга честь предоставить имъ своихъ дѣтей; однимъ словомъ, всѣ стараются наперебой заслужить ихъ расположеніе. Эвмолпъ, забавляющійся этой игрой, выдумываетъ самыя туманныя завѣщанія; онъ для потѣхи всячески искушаетъ жадность своихъ наслѣдниковъ, но ихъ ничѣмъ уже не отобьешь. „Я хочу, — говоритъ онъ, — чтобы мои наслѣдники, получили все причитающееся имъ послѣ моей смерти, лишь послѣ того, какъ они разрѣжутъ на куски мое тѣло и съѣдятъ его передъ всѣмъ народомъ“.[1]) Это условіе тяжелое, но Эвмолпъ приводитъ много вѣскихъ доводовъ въ его защиту: онъ ссылается на исторію и кстати припоминаетъ здѣсь Сагунтъ и Нуманцію. „Мы знаемъ, — прибавляетъ онъ, — что у нѣкоторыхъ народовъ законъ требуетъ, чтобы покойники съѣдались родственниками; послѣдніе часто упрекали, поэтому, больныхъ, туго разстававшихся съ жизнью, что ихъ мясо станетъ очень ужъ плохимъ... Не бойтесь нисколько за свой желудокъ: онъ покорится вашимъ желаніямъ, когда вы покажете ему тѣ громадныя богатства, которыя вознаградятъ его за часъ непріятности. Закройте только глаза и представьте себѣ, что вы ѣдите не человѣческое мясо, а милліонъ сестерцій. Кромѣ того, я не намѣренъ запрещать вамъ приготовить меня подъ какимъ угодно соусомъ. Никакая говядина не нравится безъ приправы. Искусство повара и состоитъ въ томъ, чтобы придать ей другой вкусъ; только измѣняя ея природу, можно сдѣлать ее пріятной для желудка, который иначе не смогъ бы ее вынести“. Этими, пожалуй, слишкомъ сильными шутками въ духѣ Аристофана и Раблэ, кончаются дошедшіе до насъ отрывки. Продолженіе утрачено, и мы не знаемъ, чѣмъ оканчивалось это приключеніе; можно предполагать только, что окончиться оно должно было весело и что наши пройдохи-пріятели сумѣли вывернуться безъ всякаго для себя ущерба.

---

[1]) Sat 141.

II.

Литературные взгляды Петронія.—Его ненависть къ декламаторамъ.—Его нападки на Лукана.—Намѣренія Лукана при сочиненіи „Фарсаліи".—Его отвращеніе къ чудесному и миѳологическому. Поэма Петронія о „гражданской войнѣ".

Интересъ романа Петронія заключается не столько въ ~~щекотливости~~ интриги или въ изяществѣ стиля, сколько въ отголоскахъ той эпохи, когда онъ былъ написанъ. Въ немъ живы слѣды современныхъ ему литературныхъ споровъ. Горячій приверженецъ литературы, авторъ любитъ трактовать о вопросахъ, которые тогда обсуждались. А страстный тонъ его показываетъ, что эти вопросы задѣвали Петронія за живое. Любопытнѣе всего то, что онъ всюду является консерваторомъ и классикомъ. Какъ только рѣчь заходитъ о литературѣ, этотъ кутила-насмѣшникъ начинаетъ говорить тономъ суроваго цензора. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ бранитъ свой вѣкъ и защищаетъ здоровыя традиціи противъ ~~современныхъ вольностей~~.

Въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ теперь произведеніе Петронія, оно начинается споромъ именно такого рода. Герой романа, Энколпъ, слушаетъ одного изъ тѣхъ риторовъ, которымъ со временъ Августа было поручено преподавать молодымъ людямъ краснорѣчіе. Они декламировали передъ молодежью вымышленныя судебныя рѣчи, стараясь ослѣпить глупцовъ блескомъ выраженій и изысканностью мыслей. Выслушавъ декламацію, Энколпъ уводитъ ритора подъ портики и напрямикъ высказываетъ ему свое мнѣніе. Петроній не любитъ декламаторовъ и подтверждаетъ свою антипатію столь вѣскими доводами, что тридцать лѣтъ спустя ихъ снова повторяетъ Тацитъ, не прибавивъ имъ большей убѣдительности. Петроній упрекаетъ декламаторовъ въ томъ, что они выбираютъ смѣшные и невѣроятные сюжеты, которые не имѣютъ ровно никакого отношенія къ дѣйствительной жизни и не подготовляютъ молодыхъ людей къ веденію настоящихъ дѣлъ, „такъ что на форумѣ они имѣютъ такой видъ, словно прибыли въ совершенно невѣдомый имъ міръ". Онъ порицаетъ риторовъ и за то, что они пріучаютъ своихъ учениковъ пренебрегать цѣлымъ ради

подробностей, развивая одинъ только вкусъ къ закругленнымъ періодамъ, ласкающимъ слухъ, или къ острымъ выраженіямъ, возбуждающе дѣйствующимъ на разумъ. „При такомъ воспитаніи, — говоритъ онъ, — также трудно развить хорошій вкусъ, какъ не можетъ благоухать тотъ, кто слишкомъ часто бѣгаетъ на кухню": онъ заключаетъ отсюда, что посылать молодого человѣка въ школу — лучшее средство сдѣлать изъ него дурака. Риторъ и не думаетъ защищаться противъ этихъ рѣзкихъ выпадовъ; онъ отвѣчаетъ только, что учителя волей-неволей должны уступать требованіямъ учениковъ и ихъ родителей, а вздумай они воспротивиться, ихъ школы разомъ бы опустѣли. Весь этотъ споръ вполнѣ разуменъ; странно слышать, однако, съ какимъ жаромъ Петроній беретъ сторону „великаго, цѣломудреннаго краснорѣчія", съ какой энергіей онъ утверждаетъ въ своихъ стихахъ, что „кто отдался суровому искусству, у кого душа обращена къ великому, тотъ долженъ съ самаго начала подчинить свое поведеніе законамъ суровой честности"; эти прекрасныя правила нѣсколько удивляютъ насъ въ устахъ такого писателя и на страницахъ такой книги.

И въ другомъ мѣстѣ Петроній точно также является защитникомъ классическихъ традицій и древнихъ обычаевъ, нападая на Лукана за его отступленія отъ нихъ. Эта полемика носитъ крайне рѣзкій характеръ; чувствуется, что въ ней принимаетъ участіе столько же самолюбіе, сколько и принципы. Это весьма любопытный и мало извѣстный эпизодъ въ исторіи литературы; думаемъ, что читатель позволитъ намъ остановиться на немъ.

Луканъ, какъ извѣстно, уже ребенкомъ обнаружилъ свои блестящія способности, а при выходѣ изъ школы онъ былъ уже знаменитъ. Сынъ богатаго интенданта и племянникъ министра; онъ пользовался благосклонностью императора, слывя за образцоваго поэта и прозаика; онъ получалъ призы на общественныхъ играхъ, вызывалъ аплодисменты, когда выступалъ въ читальныхъ залахъ и уже въ двадцать лѣтъ могъ считаться моднымъ писателемъ и любимцемъ высшаго свѣта. Его развитое самолюбіе было весьма чувствительно къ салоннымъ успѣхамъ. Однако, они его не удовлетворяли. Онъ сознавалъ, можетъ быть, что воспоми-

нанія объ этихъ успѣхахъ не будутъ продолжительны, и счолъ нужнымъ отправиться на поиски болѣе прочной славы. Возможно равнымъ образомъ, что онъ понималъ несовершенство и узость вкусовъ тѣхъ свѣтскихъ людей, несмотря на щедрыя похвалы, которыми они его награждали. Есть общества, которыя недостаточно любятъ литературу, но есть и такія, которыхъ можно упрекнуть за чрезмѣрную любовь къ ней. Луканъ и Петроній жили въ такомъ обществѣ, гдѣ любовь къ поэзіи и къ искусствамъ доходила до маніи. Со временъ Августа появилась мода писать. „Ученые или невѣжды,— говорилъ мудрый Горацій, —всѣ мы наудачу пишемъ стихи [1]“. Въ такомъ преувеличеніи есть опасность. Когда всѣ, особенно въ высшемъ свѣтѣ, до такой степени увлечены литературой, тогда начинается нарочитая утонченность; ударяются въ крайности, теряя простоту, естественность и ту непосредственность, которая захватываетъ насъ цѣликомъ въ восхищеніи передъ прекраснымъ. Подлинная оригинальность, оригинальность идей, утрачиваетъ уже свою настоящую цѣну; остается только воспріимчивость къ изящному, наигранному и манерному. Когда всѣ берутся за литературное мастерство, то и цѣнить въ литерарурѣ начинаютъ только ремесленныя качества. Единственно, что можетъ увлечь этихъ знатоковъ, этихъ лакомокъ до мелочей и оттѣнковъ, этихъ усталыхъ и пресыщенныхъ людей—это обиліе подробностей, преодолѣніе трудностей, отдѣльныя удачныя выраженія; въ ихъ глазахъ сущность исчезаетъ передъ прелестью формы. Содержаніе становится лишь предлогомъ и предпочтеніе отдается въ большинствѣ случаевъ такимъ произведеніямъ, гдѣ можно было бы проявить мастерство и тонкость отдѣлки, которая и вызываетъ еще только удовольствіе. Въ такія эпохи обычно процвѣтаетъ описательная и дидактическая поэзія. Безъ конца описывается восходъ и закатъ солнца, сочиняются поэмы о птицахъ и рыбахъ, воспѣвается охота и рыбная ловля, въ стихахъ излагается искусство наряжаться или запутанная сложность шахматной игры. Особенно же всѣ упиваются миѳологіей, и въ избыткѣ появляются Тезеиды, Пер-

[1] Горацій, Epist., II, 1, 117.

сеиды, Гераклеиды; смѣло берутся за передѣлку Иліады и Одиссеи и безъ конца разсказывается все та же Троянская война ради удовольствія разсказать ее иначе и ввести какія-нибудь варіаціи въ избитое содержаніе поэмы.

Вначалѣ Луканъ не отставалъ отъ другихъ и совершенно подчинился господствовавшему тогда вкусу. Первымъ своимъ успѣхомъ онъ обязанъ миѳологіи, но вѣренъ ей не остался. Написавъ свою Иліаду, сымпровизировавъ Орфея при громкомъ одобреніи публики, онъ круто повернулъ и обратился къ римской исторіи, рѣшивъ изобразить въ поэмѣ близкія его времени событія. Конечно, предпріятіе это не отличалось новизной; и раньше было много поэтовъ, изображавшихъ въ стихахъ современныя событія. Не успѣли побѣдить Верцингеторикса, какъ уже въ Римѣ воспѣвалась Арвернская война; а въ одной библіотекѣ въ Геркуланѣ нашли отрывокъ сочиненія, посвященнаго побѣдѣ при Акціумѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ написанное тотчасъ же послѣ смерти Клеопатры. Но эти поэмы съ римскими сюжетами въ большинствѣ случаевъ были лишь подражаніями греческимъ. Еще Энній передѣлывалъ Гомера, чтобы его словами описать Пуническія войны; такая смѣсь вошла въ обычай: всѣ эпопеи неизмѣнно излагались по образцу Одиссеи и Иліады, независимо отъ того, были ли онѣ написаны на римскій или греческій сюжетъ. Луканъ не одобрялъ эти пріемы: онъ находилъ, что современники Цезаря должны быть изображены такими, какими они были въ дѣйствительности съ ихъ чувствами, обычаями, съ ихъ своеобразными взглядами и поступками, и что для ихъ изображенія не слѣдуетъ копировать героевъ Гомера: онъ рѣшилъ, разсказывая римскую исторію, оставаться во всемъ римляниномъ.

Быть можетъ, въ силу его характера и той среды, въ которой онъ вращался, ему было легче, чѣмъ всякому другому, порвать съ античными традиціями. Фамилія Сенекъ ни въ чемъ не придерживалась прошлаго; умственный взоръ ея членовъ былъ всецѣло обращенъ къ будущему. Новшества не пугали этихъ смѣлыхъ мыслителей; уроженцы далекой провинціи, они были чужды предразсудковъ, въ которыхъ воспитывалась римская аристократія. Луканъ выра-

жался очень непочтительно объ „этой знаменитой старинѣ, восхищавшейся только собою [1])“, и былъ весьма склоненъ урѣзывать похвалы, которыя она сама себѣ расточала. Описавъ огромныя земляныя сооруженія, построенныя Цезаремъ съ цѣлью запереть Помпея въ Диррахіумѣ, онъ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ: „Пусть теперь восхваляютъ троянскія стѣны и утверждаютъ, что онѣ созданы богами [2])“. Всѣ эти мысли и чувства привели Лукана къ убѣжденію, что до поэзіи можно добраться и помимо путей, указанныхъ Гомеромъ, что ее смѣло можно искать въ правдѣ и въ исторіи. Ради правды онъ не пожертвовалъ ни точными описаніями ни техническими подробностями, которымъ, казалось бы, не мѣсто въ поэмѣ: онъ выписываетъ нумера легіоновъ, находившихся въ дѣлѣ [3]), пересчитываетъ этапы, ими пройденные [4]). Силій Италикъ предполагаетъ, что въ битвѣ при Каннахъ военачальники перебранивались, какъ герои Гомера, а Ганнибалъ и Сципіонъ вступали въ рукопашную, какъ Гекторъ и Ахилесъ. Въ поэмѣ Лукана уже нѣтъ такихъ смѣшныхъ анахронизмовъ; тутъ солдаты сражаются съ pilum въ рукахъ, употребляютъ въ дѣло балисты и катапульты, приближаются къ укрѣпленнымъ мѣстамъ лишь подъ прикрытіемъ ивовыхъ плетней или собственныхъ щитовъ: такъ именно и сражались во времена Цезаря. Луканъ хотѣлъ написать чистое римское сочиненіе; въ этомъ именно и заключается особенный интересъ и оригинальность его поэмы. Лучшими мѣстами въ ней можно считать тѣ, гдѣ онъ ближе всего подходитъ къ исторической правдѣ, когда, напр., онъ набрасываетъ портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ, когда онъ заставляетъ ихъ говорить прекрасныя рѣчи, когда онъ нѣсколькими штрихами рисуетъ цѣлую эпоху, и эти картины были такъ хороши, что онѣ вдохновляли Тацита. Благодаря именно такому его пристрастію къ изображенію лишь дѣйствительной жизни, Луканъ, несмотря на свои большіе недостатки, стоялъ выше всѣхъ авторовъ тѣхъ сладкихъ эпо-

[1]) Phars., IV, 654: Famosa vetustas miratrixque sui.

[2]) VI, 48.

[3]) VII, 217: Cornus tibi cura sinistri, lentule, cum prima, quae tunc fuit optima bello, et quarta legione datur.

[4]) V, 374: Brundusium decimis jubet hinc attingere castris.

пей, которыми восхищались его современники. Однимъ изъ этихъ авторовъ,—и можетъ быть лучшимъ изъ всѣхъ,—изящнымъ и остроумнымъ Стаціемъ, овладѣваетъ какое-то уныніе и страхъ въ тотъ моментъ, когда онъ заканчивалъ „Ѳиваиды“. Страшась за участь своей поэмы, онъ считаетъ необходимымъ напомнить публикѣ, сколько времени онъ употребилъ на ея отдѣлку, и какой успѣхъ она имѣла, прежде чѣмъ цѣликомъ предстала передъ нею. „Молодежь знаетъ наизусть многіе стихи этой поэмы; Римъ счастливъ, когда ему приходится аплодировать поэту, удостоившему публику чести прочесть передъ ней какой-нибудь отрывокъ изъ поэмы; самъ императоръ пожелалъ ознакомиться съ нею“. Однако, всѣ эти предварительные тріумфы не успокаиваютъ его; онъ боится за будущее, боится, какъ бы потомство не отказалось утвердить приговоръ его современниковъ, и страстно молитъ свою поэму, чтобы она пережила его, vive precor! Но его мольбы оказались безполезны: „Ѳиваида“ не могла долго жить, по крайней мѣрѣ, тою широкою, популярною жизнью, какую поэтъ желаетъ для своихъ стиховъ. Это искусственное, ученое произведеніе, полное любопытныхъ воспоминаній и ловкихъ заимствованій, въ крайнемъ случаѣ могло приводить въ восторгъ лишь нѣсколько любителей. „Фарсалія“ же, наоборотъ, богатая воспоминаніями о великой эпохѣ, повѣствовала о событіяхъ, отголоски которыхъ еще всюду чувствовались; она говорила о лицахъ, имена которыхъ еще продолжали возбуждать въ однихъ удивленіе, въ другихъ—ненависть. Поддерживаемая этими пламенными страстями поэма могла сохраниться въ памяти людей, и авторъ ея имѣлъ право предсказывать съ увѣренностью, что она не погибнетъ:

Pharsalia nostra
Vivet, et a nullo tenebris damnabitur aevo [1]).

Самое радикальное и неожиданное новшество, введенное Луканомъ, это—отказъ отъ всего чудеснаго въ духѣ Гомера. Онъ счелъ необходимымъ совершенно исключить сверхъестественное изъ своего творчества, во избѣжаніе всякихъ несообразностей. Какую роль могли играть наивные,

[1]) IX, 985.

античные боги, поставленные рядомъ съ такими невѣрующими, какъ Цезарь и Цицеронъ. Можно ли было представить себѣ, что Минерва и Венера явятся людямъ, которые смѣялись надъ ними, или что въ войнахъ, въ которыхъ рѣшающими факторами являлись политика и честолюбіе, люди справляются съ волей Марса и Аполлона. Да и самъ Луканъ, такъ же какъ и Сенека, не чувствовалъ никакого уваженія къ старому Олимпу и не пропускалъ случая подшутить надъ нимъ [1]). Ему было бы трудно заставить говорить и дѣйствовать боговъ, въ которыхъ, какъ всѣ знали, онъ не вѣрилъ: поэтому онъ рѣшилъ совсѣмъ обойтись безъ нихъ, и такимъ образомъ въ первый разъ появилась эпопея, въ которой Марсъ и Паллада не принимаютъ участія въ сраженіяхъ, а Юпитеръ и Юнона не смущаютъ небесъ своими ссорами.

Повидимому, это-то болѣе всего и поразило и скандализовало сторонниковъ древнихъ обычаевъ. Они такъ свыклись съ Гомеровскими богами, какъ съ дѣйствующими лицами эпической поэзіи, что не могли ее представить себѣ безъ нихъ. Смѣлость молодого поэта и удивляла и возмущала: очевидно онъ осуждалъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, ибо отважился поступать иначе, чѣмъ они. Петроній, раздѣлявшій эти чувства, взялся быть судьей надъ новаторомъ. Онъ ввелъ въ свой романъ дѣйствующимъ лицомъ стараго поэта Эвмолпа, который долженъ былъ защищать здравыя традиціи. Этотъ поэтъ очень гнѣвается на тщеславныхъ молодыхъ людей, „которые воображаютъ, что стоитъ сложить нѣсколько стиховъ, чтобы имѣть право взобраться па Геликонъ; испугавшись трудностей краснорѣчія, они ищутъ пріюта въ поэзіи, какъ въ тихой пристани, куда каждый можетъ войти". Они очень ошибаются, предполагая, что писать стихи легко. Первое необходимое условіе для успѣха, это имѣть умъ, „до краевъ наполненный литературой [2])". Уже въ этомъ сказалось разногласіе

[1]) Случается иногда, что этотъ религіозный скептицизмъ Лукана выражается довольно неудачно. Корнелія, на глазахъ которой только что умеръ Помпей, восклицаетъ: „Я послѣдую за тобой и въ преисподнюю, если таковая существуетъ" (IX, 101). Нужно сознаться, что подобное сомнѣніе въ данномъ случаѣ звучитъ весьма странно.

[2]) Neque concipere aut edere partum mens potest nis ingenti flumine litterarum inundata.

Петронія съ Луканомъ: молодой авторъ, претендовавшій на геніальность, относился съ такимъ же нерасположеніемъ къ литературнымъ познаніямъ, какъ и его дядя Сенека, дурно отзывавшійся о всякаго рода учености. Петроній требуетъ также, чтобы поэтъ всегда выражался изящно, не употребляя обыденныхъ простонародныхъ выраженій, а главное—чтобы онъ не считалъ верхомъ искусства, когда ему удается напасть на какую-нибудь блестящую мысль, выдѣляющуюся изъ общаго фона рѣчи, ne sententiae emineant extra corpus orationis expressae. Здѣсь, Петроній несомнѣнно говоритъ о Луканѣ, указываетъ на его главнѣйшій недостатокъ; но далѣе онъ намекаетъ на него еще яснѣе: „Тотъ, кто взялся воспѣвать междоусобную войну,—говоритъ онъ,—не долженъ разсказывать все такъ, какъ было; историку это удастся лучше, чѣмъ ему. Поэтъ долженъ проникать своимъ разсказомъ въ самую гущу событій, усложняя ихъ вмѣшательствомъ боговъ и не считая за грѣхъ прибѣгать къ вымыслу, чтобы въ его поэмѣ было видно скорѣе увлеченіе души, потерявшей самообладаніе, нежели точность свидѣтеля передъ судомъ [1]“.

Петроній не ограничивается этими общими идеями, и, чтобы окончательно смутить Лукана, онъ возымѣлъ остроумную мысль передѣлать его поэму; онъ хочетъ ему доказать, что его поэма была бы несравненно лучше, будь она написана по правиламъ старой школы. Чтобы доказать это возможно полнѣе, онъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за авторомъ, котораго намѣревается исправить. Въ маленькой поэмѣ въ 295 стиховъ онъ резюмируетъ первыя книги, „Фарсаліи“, единственные томы, извѣстные при Неронѣ, и подражаетъ имъ: онъ не беретъ на себя трудъ изобрѣтать что-нибудь новое свое и довольствуется добавленіемъ кое-гдѣ миѳологіи. Изобразивъ положеніе Рима въ эпоху Цезаря, гораздо неопредѣленнѣе и исторически менѣе вѣрно, чѣмъ дѣлаетъ Луканъ во вступленіи къ „Фарсаліи“, Петроній спѣшитъ ввести боговъ. Между Неаполемъ и Пуццолами, на вулканической равнинѣ, гдѣ у Виргилія находятся ворота въ адъ, среди из-

---

[1] Potius furentis animi vaticinatio appareat quam religiocae orationis sub testibus fides.

бороржденной почвы, появляется Плутонъ, „съ почернѣвшимъ отъ костровъ лицомъ, съ бѣлой отъ пепла бородой“, и повѣряетъ свои огорченія Фортунѣ. Онъ сильно гнѣвается на Римлянъ, всячески злоупотребляющихъ своими побѣдами: повидимому, они намѣреваются прорыть землю до самаго основанія ради добычи камня и мрамора, изъ которыхъ они строятъ свои дворцы. Если они будутъ такъ вести дѣло дальше, то придетъ день, когда доступъ къ подземнымъ жилищамъ будетъ открытъ и солнце проникнетъ до самаго мѣстопребыванія Мановъ. Надо предупредить эту опасность и отмстить за такое оскорбленіе. Плутонъ требуетъ, чтобы Фортуна помогла ему наказать дерзкихъ; изъ любви къ перемѣнамъ, она охотно соглашается, и оба отправляются общими силами разрушать римское могущество. Петроній былъ, конечно, очень доволенъ, придумавъ эту сцену; но все-таки польза отъ нея невелика и, зная честолюбіе обоихъ жаждущихъ власти соперниковъ, Цезаря и Помпея, можно понять, не прибѣгая къ заговору боговъ, что они должны были дойти до рукопашной схватки. Итакъ, насъ предупреждаютъ, что Цезарь идетъ на Римъ по внушенію Плутона. Подобно Лукану, Петроній, описываетъ, какъ по мѣрѣ приближенія Цезаря, ужасъ овладѣваетъ испуганными гражданами, но и здѣсь, къ захватывающимъ картинамъ „Фарсаліи“, Петроній находитъ нужнымъ добавить вмѣшательство боговъ. Онъ разсказываетъ, какъ Миръ, Вѣрность и Согласіе покидаютъ землю, — пріемъ не новый, — а на ихъ мѣсто являются чудовища изъ ада; боги сходятъ съ небесъ, чтобы принять участіе въ людскихъ битвахъ: Венера, Минерва и Марсъ на сторонѣ Цезаря; Аполлонъ, Діана, Меркурій и Геркулесъ покровительствуютъ Помпею. Дискордія, которую поэтъ старается изобразить самымъ ужаснымъ страшилищемъ, мечется межъ двухъ враждебныхъ лагерей. Древніе представляли ее съ ожерельемъ изъ змѣй на шеѣ; Петроній прибавляетъ къ этому кровь на устахъ, слезы на глазахъ, языкъ, выдѣляющій ядъ, и черные, заржавленные зубы. Взобравшись на вершину Аппениновъ, откуда она можетъ бросать свои факелы во всѣ стороны, богиня вражды призываетъ Италію и весь міръ къ оружію. Этою картиной заканчивается поэма Петронія.

Въ этой поэмѣ есть, конечно, прекрасные стихи, но если сравнить ее съ „Фарсаліей“, которую авторъ хотѣлъ превзойти, то сравненіе будетъ не въ ея пользу. Намѣреніе Петронія проучить Лукана не удалось: его поэма производитъ впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, что онъ имѣлъ въ виду. Онъ хотѣлъ доказать, что эпосъ не можетъ обойтись безъ чудеснаго, но элементъ чудеснаго, введенный имъ въ произведеніе Лукана, оказывается совершенно безполезнымъ: онъ ничего не объясняетъ, все объясняется помимо него. Плутону не къ чему было подстрекать Цезаря, чтобы онъ бросился на Помпея; Дискордіи не къ чему было зажигать своими факелами сердца, и безъ того уже пылавшія ненавистью; римляне сами по себѣ могли трепетать при приближеніи побѣдителя: и для этого Фуріямъ нѣтъ надобности подыматься изъ ада и пугать ихъ: имъ достаточно вспомнить о Маріѣ и о проскрипціяхъ. Такимъ образомъ, нагроможденіе миѳологіи не прибавляетъ поэмѣ красоты, и ни одинъ недостатокъ этимъ не устраняется. Въ общемъ Петроній пишетъ почти такъ же, какъ и Луканъ; въ его поэмѣ есть и изысканность, и эффектныя словечки, и остроуміе некстати, и блестящія мысли, „которыя выдѣляются изъ общаго фона рѣчи“. Все это были общіе недостатки того времени. Петроній могъ осуждать за нихъ соперника, но самъ онъ, когда писалъ, не могъ ихъ избѣжать. Сколько бы онъ ни бранилъ свой вѣкъ, однако, отрѣшиться отъ него онъ не былъ въ состояніи: изъ прошлаго, которымъ онъ восхищался, онъ воспроизвелъ лишь нѣсколько пустыхъ формъ. Читая Лукана, видишь ясно, насколько онъ былъ правъ, не желая портить античныя поэмы неискусными подражаніями и выискивая новые пути; но также легко понять, какъ такая попытка съ его стороны должна была приводить въ негодованіе критиковъ и ученыхъ. Составивъ себѣ извѣстное представленіе объ эпической поэзіи, они отказывались признавать за эпосъ „Фарсалію“, противорѣчившую этому представленію. Петроній видѣлъ въ Луканѣ только историка, Квинтиліанъ причислялъ его скорѣе къ ораторамъ, но оба единогласно исключали его изъ числа поэтовъ. Читатели же не обращали никакого вниманія на ихъ мнѣніе; критика ученыхъ

не мѣшала имъ раскупать „Фарсалію“, читать ее и восхищаться ею. Марціалъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ заставляетъ говорить Лукана: „Есть люди, которые утверждаютъ, будто я не поэтъ: но книгопродавецъ, торгующій моей книгой, этого мнѣнія не раздѣляетъ.“ [1])

III.

Не хотѣлъ ли Петроній угодить Нерону, нападая на Лукана? — Пиръ Тримальхіона. — Нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь намековъ на Нерона? — Изображеніе народной жизни у Петронія. — Какое удовольствіе оно должно было доставить Нерону. — „Сатириконъ“ написанъ для высшаго свѣта и двора. — Онъ возникъ въ то время, когда Петроній былъ любимцемъ Нерона и видимо созданъ ему въ угоду. — Сенека и Петроній.

Когда видишь какъ строго Петроній относился къ Лукану, то невольно рождается мысль, не имѣлъ ли послѣдній желанія угодить этимъ Нерону? Дѣло въ томъ, что императоръ,—онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Луканомъ,—въ концѣ концовъ сталъ завидовать ему. Неронъ такъ страстно любилъ поэзію, что не могъ выносить соперниковъ, и поэтому Луканъ, имѣвшій громадный успѣхъ въ этой области, сталъ его смертельнымъ врагомъ. Кромѣ этого у него была и спеціальная причина не любить Лукана: къ профессіональной зависти присоединялась противоположность школъ. До Нерона всѣ цезари желали считаться непогрѣшимыми въ своихъ литературныхъ мнѣніяхъ. Они были классики, консерваторы, сторонники древнихъ писателей и старыхъ правилъ. Даже полоумный Калигула остро насмѣхался надъ Сенекой и надъ его новшествами. Неронъ также придерживался старой школы и древнихъ принциповъ. Миѳологія приводила его въ восторгъ, и Стацій былъ бы его идеаломъ, если бы онъ зналъ его. То немногое, что намъ осталось отъ стиховъ Нерона, свидѣтельствуетъ о пристрастіи ихъ автора къ изящному слогу, къ тонкости и граціи въ поэзіи. Онъ больше всего хотѣлъ бы дѣйствовать на слухъ читателя пріятной гармоніей

[1]) XIV. 194:

Sunt quidam qui me dicunt non esse poetam
Sed qui me vendit bibliopola putat.

стиха, съ большимъ искусствомъ подбираетъ слова, и судя потому, какъ онъ ихъ противопоставляетъ одно другому или сближаетъ ихъ, видно, какъ тщательно онъ обрабатывалъ свои произведенія [1]). Марціалъ гдѣ-то восхваляетъ, „ученыя стихотворенія Нерона [2])“; но вмѣстѣ съ тѣмъ это школьные, академическіе стихи, обнаруживающіе въ авторѣ начитанный умъ и большую дозу педантизма. Понятно, что при такомъ взглядѣ на поэзію и при такихъ симпатіяхъ Нерона, его шокировали рѣзкія выраженія Лукана, его негармоничный, грубый стихъ; нападая на „Фарсалію“, Петроній могъ навѣрняка разсчитывать, что этимъ онъ удовлетворитъ чувство личной непріязни и польститъ литературнымъ вкусамъ императора.

Но дѣйствительно ли онъ стремился къ этому? Можно-ли утверждать, что онъ написалъ свою книгу съ опредѣленной цѣлью доставить удовольствіе государю и позабавить дворъ? Попытка отгадать намѣренія автора можетъ показаться слишкомъ смѣлой, если взвѣсить, какое разстояніе раздѣляетъ насъ отъ его эпохи; мы думаемъ, однако что внимательное изслѣдованіе нѣкоторыхъ сценъ „Сатирикона“ и изученіе нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ могутъ намъ дать указаніе на истинное положеніе вещей.

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Петроній, быть можетъ, съ наибольшей охотой занимается Тримальхіономъ: дѣйствительно, въ современномъ ему обществѣ трудно было бы встрѣтить что-либо болѣе интересное и любопытное, чѣмъ типъ вольноотпущенника, разбогатѣвшаго, но оставшагося такимъ же неотесаннымъ и грубымъ. Послѣ быстраго перехода отъ крайней нищеты къ богатству, онъ безумными тратами вознаграждаетъ себя за тѣ лишенія, которыя ему пришлось вынести. Рисуя портретъ-шаржъ, Петроній хотѣлъ намъ дать понятіе о томъ, какія несмѣтныя, какія громадныя состоянія, богатства могли накапливать въ его время бывшіе рабы. Тримальхіонъ обладаетъ такими

---

[1]) Таковы его стихи о Тигрѣ:

Quique pererratam subductus Persida Tigris
Deserit, et longo terrarum tractus hiatu
Reddit quaesitas jam non quaerentibus undas.

[2]) Марціалъ, VIII, 70, 8.

обширными помѣстьями, „что коршунъ утомляется, перелетая ихъ [1])“. У него цѣлая армія слугъ, большинство которыхъ никогда не видало своего господина. Онъ ничего не покупаетъ: его поля доставляютъ ему все, что ему нужно. Онъ издаетъ нѣчто въ родѣ газеты, которая редактируется на подобіе оффиціальнаго римскаго „Монитора“. Онъ заставляетъ читать ее во время обѣда, чтобы наслаждаться сознаніемъ своего богатства. Вотъ страничка этой газеты, по которой можно судить и объ остальныхъ. „Въ 7-ой день передъ августовскими календами въ Кумскомъ помѣстьѣ, принадлежащемъ Тримальхіону, родилось 30 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ. Снято съ гумна и заперто въ сараѣ 500.000 четвериковъ хлѣба; въ стойлахъ собрано 500 рабочихъ воловъ. Въ тотъ же день рабъ Митридатъ былъ распятъ на крестѣ за кощунственное отрицаніе генія своего господина. Въ тотъ же день заперто въ сундукъ 10 милліоновъ сестерцій, за невозможностью ихъ на что-либо употребить. Въ тотъ же день въ Помпейскихъ садахъ произошелъ пожаръ, перешедшій отъ загорѣвшагося дома фермера“.— Здѣсь Тримальхіонъ прерываетъ чтеніе: онъ сердится; эти Помпейскіе сады для него миѳъ: они куплены на его деньги безъ его вѣдома; отнынѣ онъ требуетъ, чтобы въ шестимѣсячный срокъ ему сообщали о покупаемыхъ имъ помѣстьяхъ.—Газета продолжаетъ разбирать донесенія начальниковъ различныхъ отдѣловъ; здѣсь есть все,—даже смѣсь и скандальные разсказы: передается, какъ рабъ-приказчикъ отказался отъ женитьбы съ вольноотпущенницей, заставъ ее съ банщикомъ; сообщается, что дворовые слуги собрались въ судебную камеру, чтобы выслушать и осудить управляющаго, виновнаго въ какомъ-то проступкѣ. Такимъ образомъ, Тримальхіонъ дѣйствительно владѣетъ цѣлымъ царствомъ и живетъ въ своихъ владѣніяхъ царемъ. Его окружающіе подражаютъ ему во всемъ: они дерзки съ чужими и жестоки со своими слугами. Сами рабы, часто подвергающіеся жестокому обращенію со стороны своего господина, въ свою очередь владѣютъ рабами, которыхъ

[1]) Пиръ у Тримальхіона занимаетъ у Петронія главы съ XXVIII по LXXIX.

и тиранятъ, мстя за себя. Петроній описываетъ одного изъ нихъ, который собирается казнить своего слугу. Всѣ умоляютъ его о помилованіи, но онъ долго заставляетъ себя просить. — „Изъ-за этого мошенника, — говоритъ онъ, — у меня украли платье, подаренное мнѣ однимъ изъ моихъ кліентовъ ко дню моего рожденія. Меня сердитъ не такъ эта пропажа, какъ небрежность раба; хотя одежда была пурпурная, но уже разъ мытая. Впрочемъ, коли вы ужъ такъ просите, то я его прощу“. Изъ окружающихъ Тримальхіона одна лишь жена его, Фортуната, не могла свыкнуться съ своимъ новымъ положеніемъ. „Она загребаетъ золото лопатой“, и все-таки среди этой роскоши она осталась все той же мелочной хозяйкой. Она вѣчно въ движеніи и поминутно встаетъ изъ-за стола, чтобы присмотрѣть за всѣмъ и за всѣми. „Развѣ вы ея не знаете?“ говоритъ мужъ,—самъ онъ слишкомъ хорошо ее знаетъ:— „она не выпьетъ глотка воды, прежде чѣмъ не спрячетъ серебро и не раздѣлитъ между рабами остатки кушанья“. Что касается самого Тримальхіона, онъ сталъ большимъ бариномъ или по крайней мѣрѣ старается имъ быть. Онъ усвоилъ себѣ вкусы большого свѣта и хочетъ казаться другомъ литературы и науки. „Кто можетъ сказать, что онъ невѣжда? У него въ домѣ двѣ библіотеки“. Онъ разсуждаетъ объ астрологіи и на основаніи научныхъ данныхъ силится доказать, что ораторы и повара должны были рождаться подъ однимъ созвѣздіемъ. Онъ позволяетъ себѣ приводить историческія цитаты, хотя и не всегда удачно ими пользуется:—Ганнибала, напр., относитъ къ Троянской войнѣ,—тѣмъ не менѣе сотрапезники его весьма очарованы его познаніями. Сенека ввелъ мораль въ моду, и вотъ Тримальхіонъ морализируетъ вкривь и вкось, а чтобы приглашенные имъ на обѣдъ не забывали о бренности жизни, онъ велитъ принести въ столовую человѣческій скелетъ. Онъ ставитъ себѣ въ особую заслугу свою любовь къ искусствамъ и дѣлаетъ видъ, будто увлекается музыкой такъ, что рабы прислуживаютъ у него подъ звуки инструментовъ и въ тактъ разрѣзываютъ мясо. Однако, въ откровенную минуту онъ признается, что изъ всѣхъ артистовъ ему доставляютъ удовольствіе лишь канатные плясуны и тру-

бачи. Главная его забота—поражать людей своимъ великолѣпіемъ. Для того, чтобы за столомъ у него сидѣло много народу, онъ набираетъ гостей съ улицы, не зная кто они. Царящая въ его домѣ роскошь ослѣпляетъ, утомляетъ этихъ людей, а онъ не знаетъ, что только выдумать, чтобы еще болѣе поразить ихъ: каждая перемѣна кушаній есть новый шедевръ изобрѣтательности, сюрпризы слѣдуютъ за сюрпризами, требующими объясненій. Но среди всего этого великолѣпія нѣтъ-нѣтъ да и проглянетъ прежній рабъ и выскочка. Угощая до отвалу своихъ гостей, онъ въ то же время оскорбляетъ ихъ. „Пейте это столѣтнее фалернское вино— —говоритъ онъ;—вчера я не велѣлъ его подавать, хотя у меня обѣдали гости почище васъ". Въ концѣ концовъ, вино разгорячаетъ всѣ головы; и гости, не сдерживаясь болѣе и не стѣсняясь ничѣмъ, ведутъ себя непристойно. Одинъ изъ друзей хозяина, шутя, схватилъ Фортунату за ногу, такъ что она во весь ростъ повалилась на кровать. Трималхіонъ, взбѣшенный упреками жены, швыряетъ ей въ голову стаканъ; подымается такой шумъ, что городовые, вообразивъ, что въ домѣ пожаръ, выламываютъ двери и бросаются въ залъ съ топорами и съ водой, чтобы тушить огонь.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе обѣда Трималхіона, занимающее больше трети всей книги Петронія. Почему авторъ придаетъ такое значеніе этому разсказу и почему ему захотѣлось такъ подробно расписать этотъ эпизодъ? Правда ли, что изображая смѣшного вольноотпущенника, Петроній хотѣлъ посмѣяться надъ императоромъ, какъ утверждали нѣкоторые критики? Мы думаемъ, что онъ скорѣе хотѣлъ ему понравиться. Надо помнить, что Неронъ былъ большой аристократъ, послѣдній отпрыскъ Клавдіевъ и Юліевъ, что онъ гордился своимъ происхожденіемъ и своими предками, Онъ всегда вращался въ высшемъ свѣтѣ. Мать его Агриппина и жена Поппея отличались большимъ умомъ и благородствомъ манеръ; не было собесѣдника болѣе остроумнаго, чѣмъ министръ его, Сенека. Само собою разумѣется, что въ изящномъ обществѣ, окружавшемъ императора, жестоко насмѣхались надъ тщеславными выскочками, желавшими усвоить манеры высшаго свѣта. Такъ какъ состояніе не можетъ всего дать,

то эти выскочки рѣдко достигали полнаго успѣха. Особенное значеніе придавали тогда искусству устраивать обѣды; это была такая сложная задача, что Варронъ, въ назиданіе своимъ современникамъ, написалъ о немъ цѣлое сочиненіе. „Порядочный человѣкъ“ въ Римѣ познавался по тому, какъ онъ обращался со своими гостями, и съ какой заботливостью соблюдалъ всѣ самые мелочные обычаи, съ теченіемъ времени ставшіе законами. Разбогатѣвшіе рабы не всегда уважали эти законы, и совершаемыя ими ошибки не ускользали отъ вниманія тѣхъ, кого унижала ихъ дерзкая роскошь. Подмѣчать эти ошибки доставляло многимъ большое удовольствіе, и никто не считалъ грѣхомъ смѣяться надъ ними. Еще Горацій забавлялъ Мецената, разсказывая ему о промахахъ Назидіена; а Петроній развлекалъ Нерона, описывая сумасшедшую выходку Трималькіона. Въ томъ и другомъ случаѣ намѣренія авторовъ сходны, и результаты получались одинаковые. Не слѣдуетъ также забывать, что Неронъ терпѣть не могъ своего пріемнаго отца и нисколько не старался это скрывать, все же, созданное этимъ глупымъ государемъ, служило Нерону предметомъ насмѣшки. Извѣстно, что царствованіе Клавдія было эпохой господства вольноотпущенниковъ, и что они управляли императоромъ и имперіей. Неограниченная власть, предоставленная имъ Клавдіемъ, не располагала Нерона въ ихъ пользу; Неронъ былъ безпощаденъ къ бывшимъ фаворитамъ своего отца. И если бы намъ приходилось искать модель, съ которой Петроній списалъ своего Трималькіона, мы могли бы съ достовѣрностью сказать, что онъ изобразилъ въ его лицѣ извѣстнаго Палласа, любовника Агриппины, любимаго слугу Клавдія: Палласа, пріобрѣвшаго неимовѣрныя богатства и повергшаго къ своимъ ногамъ сенатъ и всю имперію. Высокомѣріе этого бывшаго раба дошло до того, что онъ ужъ не хотѣлъ разговаривать со своими вольноотпущенниками; однажды, когда его обвиняли въ какомъ-то заговорѣ съ ними, онъ возразилъ, „что онъ никогда не отдаетъ приказаній въ своемъ домѣ иначе, какъ взглядомъ и жестами; если же необходимы болѣе подробныя объясненія, то онъ пишетъ ихъ, чтобы не осквернять своего языка[1])“. Хотя Неронъ и былъ ему обязанъ

[1]) Тацитъ, Ann., XIII, 23.

всѣмъ, онъ его терпѣть не могъ: онъ преслѣдовалъ его самыми жестокими насмѣшками и, въ концѣ концовъ, отдѣлался отъ него при помощи яда. Конечно, Нерону было пріятно, когда поднимали на смѣхъ этого выскочку или ему подобныхъ. Рисуя смѣшную фигуру Трималхіона, Петроній былъ увѣренъ, что его сочиненіе придется императору по вкусу.

Онъ зналъ также, что Нерону, несмотря на его аристократизмъ, доставятъ удовольствіе и портреты простыхъ грубыхъ личностей, и народныя сцены, тщательно списанныя съ натуры. Эта сторона несомнѣнно одна изъ самыхъ любопытныхъ во всей книгѣ. Авторъ открыто вводитъ насъ въ самый низкій кругъ римской черни. Онъ рисуетъ намъ форумъ вечеромъ, когда продаются краденыя вещи. Вотъ тутъ-то и происходитъ схватка одного изъ его героевъ съ поваренками изъ харчевни. Герой этотъ особенно старается отдѣлаться „отъ старой, кривой мегеры, у которой голова покрыта грязной тряпкой, а ноги обуты въ разрозненные башмаки“. На поднятый шумъ является участковый надзиратель (procurator insulae), громовымъ голосомъ наводящій трепетъ на пьяницъ; онъ произноситъ длинную рѣчь, обильно уснащенную простонароднымъ говоромъ. Воспроизводя разговоры этихъ бѣдняковъ, Петроній съ удивительнымъ искусствомъ передаетъ ихъ шутки, ихъ философствованія. Шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за всѣми изворотами ихъ безконечныхъ сплетенъ. Сначала рѣчь идетъ о товарищѣ, котораго они только что потеряли. „Какой славный малый! говоритъ одинъ изъ нихъ (только что умершій всегда оказывается славнымъ малымъ): мнѣ кажется, будто я еще вчера разговаривалъ съ нимъ, будто я все еще съ нимъ бесѣдую. Несчастные мы люди! Что мы такое?.. Шкуры, наполненныя вѣтромъ; даже у мухъ жизнь прочнѣе, чѣмъ у насъ. Его врачи уморили... Но ему все-таки не на что жаловаться, похороны ему устроили отличныя: хорошія носилки, великолѣпный покровъ... Передъ смертью онъ успѣлъ отпустить на волю нѣсколькихъ рабовъ, и они дружно оплакивали его на похоронахъ. Но мнѣ кажется, что жена его никакъ не можетъ выдавить слезъ изъ своихъ глазъ. А вѣдь онъ облагодѣтельствовалъ ее! Что вы хотите? Жен-

щины всегда женщины, въ нихъ есть что-то общее съ хищными птицами; остерегайтесь дѣлать имъ добро—это все равно, что лить воду въ колодезь". Другой не такъ похвально отзывается о покойникѣ: онъ находитъ, что тотъ не гнушался никакимъ ремесломъ, что онъ былъ жаденъ, что онъ монету вытащилъ бы зубами изъ грязи. Третій оставляетъ въ покоѣ умершаго и жалуется на всѣхъ и на все. Онъ въ самомъ пессимистическомъ настроеніи и горько оплакиваетъ прошлое. Прежде и хлѣбъ былъ не такъ дорогъ, и чиновники были честнѣе, и боги сговорчивѣе. „Во время засухи молодыя дѣвушки ходили по улицамъ въ длинныхъ платьяхъ, босыя, съ распущенными волосами и чистыя душою, молясь Юпитеру; и дождь тотчасъ лилъ какъ изъ ведра на процессію, и всѣ присутствующіе возвращались домой мокрые, какъ крысы. Теперь боги и шагу не сдѣлаютъ для насъ; мы ни во что не вѣримъ, а поля наши отъ этого страдаютъ". Сосѣдъ его болѣе расположенъ мириться съ настоящимъ, онъ находитъ, что бѣдствіе не такъ ужъ велико. Жалуются всюду, и у другихъ можетъ быть больше причинъ для жалобъ. „Если отправитесь въ сосѣднія государства,—говоритъ онъ,—то вамъ покажется, что у насъ свиньи гуляютъ жареныя". Особенно публичныя игры, къ которымъ онъ чувствуетъ большое пристрастіе, заставляютъ его весело смотрѣть на жизнь. Какъ разъ въ это время идутъ приготовленія къ великолѣпнымъ зрѣлищамъ. Должны выступить гладіаторы,—ужъ они пощады другъ другу не дадутъ,—затѣмъ будутъ происходить битвы карликовъ, потомъ женщина будетъ управлять колесницей на аренѣ. Особенное любопытство возбуждаетъ появленіе управляющаго нѣкоего Гликона. Этотъ управляющій „былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія въ тотъ моментъ, когда онъ доставлялъ кое-какія развлеченія любовницѣ своего господина"; послѣдній обрекъ его на растерзаніе звѣрямъ и хочетъ доставить народу это зрѣлище. Конечно, это будетъ весьма пріятное развлеченіе, но нашъ собесѣдникъ находитъ, что оно будетъ не полное: ему бы хотѣлось видѣть такую же казнь надъ женщиной. „Въ концѣ концовъ, какое преступленіе совершилъ этотъ рабъ? Онъ сдѣлалъ то, въ чемъ не воленъ былъ отказать. Но та, которая принудила его къ

этому, больше него заслуживаетъ того, чтобы поплясать у быка на рогахъ". Таково мнѣніе очень многихъ; поэтому въ день представленія навѣрное произойдетъ стычка между любителями амурныхъ приключеній и ревнивыми мужьями.

Вотъ какія бесѣды вели эти добрые люди за стаканомъ вина. Самое интересное въ нихъ то, что Петроній заставляетъ ихъ говорить настоящимъ простонароднымъ языкомъ того времени. Благодаря ему, мы имѣемъ точный образецъ того, какъ говорили въ первомъ вѣкѣ на извилистыхъ улицахъ Субурры. Мелкіе торговцы, ремесленники, вольноотпущенники, которыхъ онъ выводитъ, мало заботятся о грамматикѣ. Они составляютъ фразы не справляясь съ синтаксисомъ. Они смѣшиваютъ роды и безъ стѣсненія говорятъ: vinus, coelus и vasus (вмѣсто vinum, coelum, vasa). Они удлиняютъ или сокращаютъ слова, создаютъ, по своему усмотрѣнію, благозвучныя или варварскія, замѣняютъ однѣ гласныя другими и отважно произносятъ Эфигенія вмѣсто Ифигенія и bubliotheca вмѣсто библіотека.

Такое рвеніе точно воспроизвести народный языкъ не должно вводить насъ въ заблужденіе: мы ни въ какомъ случаѣ не должны изъ этого дѣлать выводъ, что предъ нами народный писатель и что онъ сочинилъ свою книгу для римской черни: это была бы большая ошибка. Извѣстно, что поэты, особенно тѣ, которые вышли изъ низшихъ слоевъ общества, рѣдко воспѣваютъ ту среду, къ которой они принадлежатъ. Этотъ фактъ удивляетъ многихъ, но онъ объясняется очень просто. Развѣ кто-нибудь видитъ свой идеалъ вблизи себя? Тотъ воображаемый міръ, который вдохновляетъ поэтовъ и который каждый изъ насъ создаетъ себѣ по своему желанію и по своей фантазіи, мало похожъ на дѣйствительную жизнь. Онъ не восхищалъ бы насъ, если бы напоминалъ намъ все то, что мы видимъ каждый день; чтобы почувствовать всю его прелесть, мы должны отдалиться отъ того, къ чему мы привыкли, и представить себѣ тѣ радости, которыхъ мы еще не извѣдали. Бѣдняки совершенно естественно видятъ свой идеальный міръ выше себя; напротивъ, тѣ, богатство которыхъ не можетъ болѣе уже расти вверхъ, достигнувъ вер-

шины, „жаждутъ спуститься внизъ“: въ XVII вѣкѣ, когда пастухи мечтали сдѣлаться принцами, принцы проводили свое время въ томъ, что представляли собой пастушковъ. Потребность искать развлеченія внѣ своей обычной среды свойственна всѣмъ временамъ, но она становится настоятельнѣе для высшихъ классовъ, когда всѣ удовольствія исчерпаны, когда злоупотребленіе и пресыщеніе богатствомъ возбуждаютъ къ нему отвращеніе. Чтобы избавиться отъ снѣдающей ихъ скуки, богачи вынуждены тогда спускаться внизъ, въ тотъ низшій міръ, соприкасаться съ которымъ до того времени имъ не позволяла гордость, и здѣсь искать новыхъ зрѣлищъ и неизвѣданныхъ ощущеній. Вотъ именно до такой крайности, вслѣдствіе всякихъ излишествъ, дошла римская аристократія перваго вѣка. Когда Мессалина выходила вечеромъ изъ своего дворца, „въ сопровожденіи одной служанки, украсивъ голову фальшивыми бѣлокурыми волосами“, чтобы шататься по позорнымъ притонамъ Тосканской улицы [1]), ее толкала на это не только страсть къ разврату, которую она могла свободно удовлетворять и на Палатинскомъ холмѣ, сколько безстыжее любопытство. Та же страсть заставляла Нерона, переодѣтаго рабомъ, бродить ночью по римскимъ улицамъ (какъ какому-нибудь развратнику или вору), задѣвать мужчинъ и женщинъ, подсаживаться къ столамъ въ кабакахъ и впутываться въ скверныя исторіи, часто кончавшіяся всеобщей потасовкой [2]). Во время празднествъ, устраиваемыхъ имъ для пріятелей, любимымъ его развлеченіемъ было разставлять самыхъ важныхъ римскихъ дамъ, одѣтыхъ продавщицами и кабатчицами у дверей приготовленныхъ для этихъ случаевъ лавокъ и публичныхъ пріютовъ, чтобы онѣ зазывали къ себѣ прохожихъ [3]). Намъ легче понять „Сатириконъ“, имѣя въ виду эти празднества. Онъ служилъ вышеуказаннымъ потребностямъ людей, удовлетворялъ ихъ извращеннымъ и порочнымъ вкусамъ. Петроній желалъ понравиться императору и его друзьямъ, изображая низшіе классы, въ которые они любили по временамъ спускаться, чтобы отдохнуть отъ своей среды и кон-

¹) Ювеналъ, VI, 120.
²) Светоній, Неронъ, 26.
³) Тацитъ, Ann., XV, 37.

трастомъ разбудить свое потухшее любопытство и притупившуюся чувственность.

По всему видно, что авторъ писалъ для высшаго свѣта, къ которому самъ принадлежалъ, хотя и съ большимъ удовольствіемъ описывалъ низшее общество. Свѣтскіе люди и аристократы XVII столѣтія, охотно слѣдовавшіе этимъ примѣрамъ, не ошибались, причисляя Петронія къ своему кругу. Больше всего его выдаетъ слегка ироническій тонъ, которымъ пропитана вся его книга. Петроній рѣдко прибѣгаетъ къ громкимъ крикамъ и къ брани, такъ нравившіеся декламаторамъ въ родѣ Ювенала; онъ тонко издѣвается, пустивъ какое-нибудь крылатое словечко, не подчеркивая и не крича; но его иронія, при всей ея тонкости, не щадитъ ничего. Все, что въ Римѣ чтилось по привычкѣ или по чувству долга, затрагивается имъ въ шутливомъ тонѣ. Герои его романа не проявляютъ большого довѣрія къ чиновникамъ и къ законамъ и весьма склонны думать, что для выигрыша своего дѣла въ судѣ нужно прежде всего подкупить судью [1]). Мало довѣряютъ они и полиціи: они такъ же боятся ночью встрѣтиться со стражей, какъ и съ ворами [2]). Изъ прелестнаго разсказа объ Эфесской матронѣ явствуетъ, что они не особенно высоко ставятъ женскую вѣрность: по ихъ мнѣнію, всякую безутѣшную вдову можно очень скоро утѣшить. Нисколько не стѣсняясь, подшучиваютъ они и надъ религіей: одна набожная крестьянка не безъ улыбки говоритъ, что „у нихъ въ деревнѣ такъ много боговъ, что тамъ легче встрѣтиться съ богомъ, чѣмъ съ человѣкомъ“, и она на колѣняхъ умоляетъ открыть ей непроницаемыя тайны, „которыя если и извѣстны, такъ не больше какъ одной тысячѣ людей [3])“. Въ этомъ романѣ, столь мало нравственномъ по существу, постоянно идетъ рѣчь о нравственности: въ немъ нерѣдко встрѣчаются страницы, какъ будто заимствованныя изъ посланій Сенеки [4]); но эти философскія размышленія часто при-

[1]) Satir. 14.

[2]) Id. 15.

[3]) Id. 17.

[4]) Напримѣръ, размышленія по поводу смерти Лихаса (Sat. 115) во многомъ походятъ на мысли Сенеки о смерти Корнелія Сенеціона (Epist., 101).

водятся такъ некстати, что, очевидно, авторъ относится къ нимъ тоже шутя. И случается, что такія нравственныя сентенціи тутъ же опровергаются самымъ рѣзкимъ образомъ. Тримальхіона внезапно трогаетъ судьба рабовъ; тогда это считалось хорошимъ тономъ. „Вѣдь они люди,—говоритъ онъ,—и вскормлены тѣмъ же молокомъ, что и мы [1])“. Но это однако не мѣшаетъ ему нѣсколько позднѣе пригрозить одному изъ своихъ слугъ, что онъ живьемъ сожжетъ его за какую-то ничтожную провинность [2]).

Выдаетъ автора, какъ свѣтскаго человѣка, и его манера писать. Добросовѣстно воспроизводя народныя выраженія со всѣми ихъ милыми погрѣшностями, нашъ романистъ, когда повѣствуетъ отъ своего имени, говоритъ столь тонкимъ, изысканнымъ языкомъ, что Юстусъ-Липесіусъ сказалъ по этому поводу: „никто никогда такимъ чистымъ языкомъ не писалъ непристойностей“, (auctor purissimae impuritatis). Стиль Петронія становится особенно гибкимъ и колоритнымъ, когда заходитъ рѣчь о женщинахъ и любви. Во всей латинской литературѣ нѣтъ ничего граціознѣе разсказа о приключеніяхъ Поліена и Цирцеи; но въ этой граціи есть извѣстная доля манерности и жеманности. Чувствуется вліяніе свѣтскаго общества, замѣтна привычка, свойственная умнымъ людямъ, въ ихъ постоянномъ стремленіи изощрять свои мысли и выражать нѣжныя чувства въ остроумной формѣ. Особенность Петронія, говоритъ С.-Эвремонъ, состоитъ въ томъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ одъ Горація, Петроній, быть можетъ, единственный писатель во всей древности, умѣвшій говорить о любви. Это дѣйствительно являлось новизной, и С.-Эвремонъ правъ, говоря, что Виргилій, напр., вовсе не галантный: онъ изображалъ страсть во всей ея правдѣ и силѣ; Петроній же рисуетъ ее ослабленною и обезсиленною отъ привычки совмѣстной жизни и въ силу свѣтскихъ условностей. Его влюбленныя парочки такъ умѣютъ владѣть собой, что блещутъ остроуміемъ даже въ самые нѣжные моменты: они выражаются съ тѣмъ оттѣн-

[1]) Sat., 71: et servi homines sunt et eumdem lactem biberunt. Видно, что Петроній не заставляетъ Тримальхіона говорить безукоризненнымъ языкомъ.

[2]) Sat., 78.

комъ преувеличенія, который нельзя себѣ представить иначе, какъ въ сопровожденіи улыбки и который такимъ образомъ звучитъ легкой ироніей. Когда Поліенъ видитъ Цирцею въ первый разъ, онъ ослѣпленъ ея красотой, что не мѣшаетъ ему однако описать ее во всѣхъ подробностяхъ. „Нѣтъ словъ,—говоритъ онъ,—которыя могли бы передать въ точности всю ея красоту. Волнистые отъ природы волоса ея, падали крупными кольцами на плечи. Маленькій лобъ [1]) обрамлялся волосами, которые она сзади зачесывала вверхъ. Глаза блестѣли, какъ звѣзды въ безлунную ночь: ноздри были слегка выгнуты, и ея граціозное маленькое личико напоминало лицо Діаны, какимъ его изобразилъ Пракситель. Что сказать о ея подбородкѣ, о ея шеѣ, рукахъ, о бѣлизнѣ ея ногъ, просвѣчивавшей сквозь золотыя полоски ея обуви, затмевавшей Паросскій мраморъ“?[2]) Оправившись нѣсколько отъ своего удивленія и восторга, Поліенъ приближается къ дѣвѣ и произноситъ слѣдующія изысканныя слова, которыя и Расинъ охотно повторилъ бы, обращаясь къ представительницѣ прекраснаго пола: „Именемъ твоей красоты, заклинаю тебя, не отвергай чужестранца — прими его въ число твоихъ обожателей, и онъ будетъ набожнымъ рабомъ твоей красоты“ [3]). Надо думать, что именно такимъ остроумнымъ и жеманнымъ языкомъ говорили въ обществѣ Поппеи.

Выводы, къ которымъ насъ привело изслѣдованіе „Сатирикона“, вѣроятно удивятъ многихъ. Древніе критики не такъ судили о произведеніи Петронія, какъ мы, и высказывали о немъ иное мнѣніе. Ихъ привелъ въ заблужденіе

---

[1]) Надо, одинъ изъ переводчиковъ Петронія, замѣчаетъ по этому поводу, что узкій лобъ считался греками за признакъ красоты и даже умственнаго развитія. Онъ прибавляетъ: „Если прислушаться къ голосу современниковъ, можно подумать, что теперь держатся уже иного мнѣнія; тѣмъ не менѣе люди съ развитымъ вкусомъ думаютъ по-прежнему. Я изъ любопытства опросилъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе красивыхъ и развитыхъ женщинъ во Франціи, и всѣ онѣ увѣряли меня, что имѣть большой лобъ—довольно крупный недостатокъ“.

[2]) Sat., 126.

[3]) Sat., 127: ego per formam tuam te rogo, ne fastidias hominem peregrinum inter cultores admittere: invenies religiosum, si te adorari permiseris.

разсказъ Тацита, который нельзя забыть. У нихъ изъ головы не выходила та сатира, которую Петроній написалъ своей рукой въ послѣднія минуты жизни, чтобы отомстить императору, осудившему его на смерть. Не слѣдовало, конечно, отождествлять ее съ романомъ: намъ остались отъ него длинные отрывки: онъ не могъ быть написанъ въ одинъ день; но критики увлекались мыслью, что романъ и сатира, принадлежа одному и тому же писателю, были составлены въ одномъ и томъ же духѣ, и что въ обоихъ сочиненіяхъ, „авторъ хотѣлъ описать распутства Нерона, и императоръ былъ главнымъ объектомъ его насмѣшки“ По нашему мнѣнію, отъ такого воззрѣнія слѣдуетъ отказаться. Сатириконъ написанъ не въ оппозиціонномъ духѣ; нельзя предположить,—какъ думаетъ С.-Эвремонъ,—что „замаскировавъ свою цѣль ловкимъ распредѣленіемъ ролей между дѣйствующими лицами, Петроній тѣмъ не менѣе описываетъ здѣсь разные дерзкіе поступки императора и обычную безпорядочность его жизни“. Изображенныя авторомъ лица, надъ которыми всѣ издѣваются, вовсе не императоръ и не его друзья, но скорѣе люди, не пользовавшіеся расположеніемъ Нерона, надъ которыми насмѣхались его окружающіе. Петроній написалъ свою книгу не „въ періодъ скрытаго недовольства“, но въ ту эпоху, когда онъ былъ въ милости. Она не имѣла цѣлью удовлетворить злобному чувству салонныхъ политикановъ, исподтишка передавшихъ другъ другу и жадно глотавшихъ подпольныя сочиненія: она была написана для того, чтобы ее читали при дворѣ, въ кругу умныхъ развратниковъ и элегантныхъ кутилъ, окружавшихъ Нерона и Поппею; своимъ произведеніемъ Петроній имѣлъ въ виду, такъ же, какъ вольноотпущенникъ Парисъ, „разбудить у государя вкусъ къ наслажденію“[1]).

Не слѣдуетъ, однако, идти слишкомъ далеко и сгущать краски. Эти умные господа такъ гибки, ловки и изворотливы, такъ умѣютъ примѣняться къ свѣту и къ жизни вообще, что имъ удается избѣгать крайностей и они искусно сгла-

[1]) Тацитъ, Ann., XIII, 20: solitus luxus principis intendere.

живаютъ всякія шероховатости и часто соединяютъ противоположности. Такимъ образомъ Петроній умѣлъ льстить и въ то же время сохранять нѣкоторую независимость. Было бы. безъ сомнѣнія, несправедливо смѣшивать его съ такими лицами, какъ Парисъ, Ватиній, Тигеллинъ, съ заурядными злодѣями, готовыми все сдѣлать и все стерпѣть, которыми, по словамъ Тацита, дворъ Нерона былъ переполненъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе Твердость, проявленная Петроніемъ въ моментъ смерти, выдѣляетъ его изъ этой толпы, и даже самъ „Сатириконъ“, если прочесть его внимательно, даетъ намъ болѣе лестное понятіе объ авторѣ. Замѣчательно, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ хочетъ угодить императору, онъ ни на минуту не перестаетъ иронизировать. Выведенный имъ противникъ Лукана, передѣлывающій „Фарсалію“, изображенъ смѣшнымъ поэтомъ, въ котораго ребятишки бросаютъ камни, при появленіи его на улицѣ: онъ такъ занятъ кропаніемъ стиховъ на кораблѣ во время бури, что не замѣчаетъ грозящей ему опасности, и встрѣчаетъ ругательствами тѣхъ, кто прерываетъ его занятіе. чтобы спасти его. Не со злымъ ли умысломъ выставилъ онъ столь ничтожную личность тамъ, гдѣ могло быть задѣто самолюбіе императора? Можно подумать, что Петроній самъ старается внушить намъ недовѣріе къ своей лести, желая дать понять, что его услужливость не такъ безусловна и безгранична, какъ у другихъ. Это намѣреніе, правда, робкое и замаскированное, просвѣчиваетъ не столько въ томъ, что онъ говоритъ, сколько въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ. Онъ тонко расхваливаетъ нѣкоторые таланты Нерона. которыми послѣдній такъ гордился, между тѣмъ какъ о другихъ не говоритъ ни слова. Въ этомъ романѣ, затрагивающемъ всѣхъ и все, ни разу не упоминается о театрѣ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на извѣстную манію императора появляться на сценѣ и получать вѣнки въ награду за свое пѣніе въ лирическихъ драмахъ.

Такое умалчиваніе достойно удивленія. Неронъ ничѣмъ такъ не гордился, какъ своими тріумфами въ качествѣ музыканта и пѣвца. Придворные хорошо знали это и безпрестанно приносили жертвы богамъ, моля ихъ „о сохраненіи его божественнаго голоса“. Когда, послѣ нѣкотораго коле-

банія, поощряемый окружавшими его прислужниками, Неронъ отважился выступить въ одномъ изъ театровъ, это составило событіе въ Римѣ. Не всѣ отнеслись сурово къ этой его затѣѣ: общественное мнѣніе раздѣлилось, и даже въ самой образованной части общества Неронъ встрѣтилъ сочувствіе. Недавно найденная небольшая поэма[1]) того времени рисуетъ намъ императора на одномъ изъ такихъ торжественныхъ представленій, въ полномъ театральномъ костюмѣ, поющимъ на сценѣ свои „Троянскія пѣсни“. „Таковъ былъ Фебъ, говоритъ поэтъ, когда, радуясь смерти змѣя, онъ славилъ свою побѣду, ударяя смычкомъ по своей искусной лирѣ“. Затѣмъ онъ прибавляетъ: „Дочери Піера, взмахните крылами и какъ можно скорѣе летите къ намъ; здѣсь отнынѣ возвышается Геликонъ; здѣсь вы найдете своего Аполлона. И ты, священный градъ Троя, гордись своимъ разореніемъ и съ гордостью покажи это стихотвореніе родинѣ Агамемнона. Твои несчастія, наконецъ, получили возмездіе. Возрадуйтесь, развалины, и благодарите свою печальную судьбу; вотъ потомокъ троянцевъ возрождаетъ васъ изъ пепла“! Можетъ быть скажутъ, что это не болѣе, какъ поэтическая лесть; извѣстно, что Марціалъ и Стацій расточали похвалы цезарямъ, наименѣе достойнымъ; но между тѣми, которые снисходительно отнеслись къ страсти императора къ театру, были и очень серьезные люди. Въ началѣ его царствованія Сенека написалъ стихи, въ которыхъ Аполлонъ говоритъ о семнадцатилѣтнемъ императорѣ: „Онъ похожъ на меня лицомъ и красотой; своимъ пѣніемъ и голосомъ онъ равняется со мною[2])“. Такія неосторожныя похвалы могли поощрять Нерона въ его нелѣпыхъ выходкахъ; само собою разумѣется, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду держать про себя свои таланты, которыми друзья его такъ восторгались, а стремился доставить ими наслажденіе всему свѣту. Онъ рѣшилъ, что выступитъ на сценѣ въ сопровожденіи своихъ двухъ министровъ, Сенеки и Бурра, для того, чтобы публика въ актерѣ узнала императора, и требовалъ, чтобы они подавали

[1]) Это двѣ эклоги, которыя были найдены нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ библіотекѣ Эйзидельнскаго монастыря. Онѣ напечатаны въ Anthologie latine, изд. Riese, подъ номерами 725 и 726.

[2]) Ludus de morte Caesaris, 4, 1.

зрителямъ знакъ къ аплодисментамъ. Тацитъ разсказываетъ, что Бурръ аплодировалъ, не переставая стонать (maerens Burrhus ac laudans)[1]), но это былъ старый солдатъ, изъ котораго никогда не могъ выйти порядочный придворный Сенека вѣроятно аплодировалъ съ большей охотой. Греки же, всегда толпившіеся на этихъ представленіяхъ, относились съ такимъ уваженіемъ ко всему, касающемуся театра, что ихъ не могло удивить появленіе императора на сценѣ[2]); поэтому, слушая его, они такъ шумно, съ такимъ энтузіазмомъ выражали свой восторгъ, что Неронъ провозгласилъ ихъ самыми тонкими знатоками въ мірѣ и наиболѣе достойными слушать и судить его. Возмущались лишь старые римляне, упорно остававшіеся вѣрными традиціямъ прошлаго; они были слишкомъ высокаго мнѣнія объ авторитетѣ верховной власти, презирали комедіантовъ, и выше всѣхъ добродѣтелей ставили соблюденіе внѣшняго декорума. То, что намъ прежде всего кажется смѣшнымъ, они считали великимъ безчестіемъ, и Ювеналъ является точнымъ истолкователемъ ихъ чувствъ, съ большею суровостью упрекая Нерона за то, что тотъ показался на сценѣ, чѣмъ за убійство матери. Среди такихъ разнорѣчивыхъ мнѣній, на чью сторону становился Петроній? Онъ этого не высказываетъ, по крайней мѣрѣ въ той части своей книги, что дошла до насъ и гдѣ онъ такъ много говоритъ обо всемъ прочемъ. Итакъ, если въ романѣ, написанномъ съ цѣлью доставить удовольствіе государю и „разбудить въ немъ жажду наслажденія“, Петроній ни единымъ словомъ не обмолвился о его безумной страсти къ театру, то надо полагать, что онъ не одобрялъ ее. Это молчаніе, конечно, является весьма робкимъ протестомъ, но и его достаточно, чтобы Петроній показалъ намъ себя въ лучшемъ свѣтѣ. Среди цѣлаго хора всеобщихъ похвалъ и молчаніе уже составляетъ нѣкоторую заслугу: и мы безъ особаго риска можемъ отсюда заклю-

[1]) Ann., XIV, 15.

[2]) Въ развалинахъ одного маленькаго городка Малой Азіи нашли декретъ мѣстнаго населенія въ честь чужеземныхъ пословъ, выступавшихъ публично въ качествѣ пѣвцовъ подъ аккопанементъ киѳары. То, что считалось похвальнымъ для пословъ, не могло вызывать особыхъ порицаній и для государя (Waddington, Insc. de l'Asie Mineure n° 81).

чить, что этотъ умный человѣкъ сохранялъ извѣстное достоинство въ своихъ отношеніяхъ къ такому страшному, требовательному и подозрительному повелителю, какимъ былъ Неронъ, что, будучи фаворитомъ императора, онъ не соглашался поощрять всѣ его капризы безъ разбора и, наконецъ, что не боялся смерти, чтобы показать себя болѣе стойкимъ и гордымъ, чѣмъ всѣ тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ служили и льстили.

Все сказанное выше приводитъ насъ къ убѣжденію, что книга Петронія не была прямой сатирой на дворъ Нерона; но быть можетъ и помимо воли автора она даетъ намъ самое невыгодное представленіе объ императорѣ и его друзьяхъ. При чтеніи Петронія складывается крайне печальное мнѣніе о томъ обществѣ, съ котораго онъ рисовалъ свои картины и которому хотѣлъ нравиться. „Сатириконъ" такое сочиненіе, что о немъ невозможно дать полное понятіе читателю, сколько-нибудь уважающему самого себя. За исключеніемъ цитированныхъ нами фразъ или разсказанныхъ вкратцѣ эпизодовъ, остальное не поддается разбору. Какъ излагать сцены, гдѣ авторъ съ удовольствіемъ описываетъ все то, что обыкновенно принято скрывать, гдѣ безнравственность какъ бы приправлена и подчеркнута изяществомъ, гдѣ самыя противоестественныя страсти выражены такимъ живымъ и естественнымъ тономъ. Очевидно, тотъ міръ, гдѣ все это могли говорить и слушать безъ стѣсненія, не былъ похожъ на нашъ міръ. Мы не станемъ утверждать, конечно, что во времена Нерона всѣ жили такъ, какъ Энколпъ и Аскилтъ; весьма вѣроятно, что тогда, такъ же, какъ и теперь, романисты были болѣе склонны описывать нѣчто выходящее изъ ряда вонъ, нежели заурядныя, обыденныя явленія; но, если нравы, описываемые Петроніемъ, и не охватывали всего тогдашняго общества, все же это общество развлекалось чтеніемъ его разсказовъ, что даетъ намъ поводъ судить, какимъ нездоровымъ любопытствомъ и развращеннымъ воображеніемъ оно обладало.

Это былъ кульминаціонный пунктъ римской безнравственности: по словамъ Тацита, уже при Веспасіанѣ начинаютъ жить проще, и нравы устанавливаются болѣе порядочные. Но и среди такой развращенности были еще чест-

ные люди; мы не должны забывать, что въ то время, когда Петроній сочинялъ свой непристойный романъ, Сенека писалъ свои прекрасныя философскія статьи, такъ что рядомъ съ болѣзнью было и лѣкарство. Эта эпоха, когда такъ странно добродѣтель переплеталась съ порокомъ, великія теоріи—съ мелкими страстями, тонко обдуманная мораль—съ низкой безнравственностью, невольно наводитъ на мысль о французскомъ обществѣ восемнадцатаго вѣка. И здѣсь случалось, что люди „видѣли добро, а дѣлали зло“, и легкость нравовъ шла рука объ руку съ строгостью принциповъ. Какое легкомысліе и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ много серьезнаго! Какая разница между возвышенными идеями, которыми въ своихъ бесѣдахъ обмѣнивались свѣтскіе люди, и цинизмомъ ихъ выраженій! Сколько паденій, сколько скандальныхъ эпизодовъ въ собраніяхъ, гдѣ слово добродѣтель не сходило съ языка! Какое противорѣчіе между правилами, проповѣдуемыми великими писателями, поучающими своихъ современниковъ, и ихъ поведеніемъ. И тѣмъ не менѣе это общество, порой кажущееся намъ такимъ пустымъ и развращеннымъ, въ сущности было, можетъ быть, болѣе нравственнымъ, такъ какъ въ немъ уже гнѣздилось чувство справедливости и сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, чѣмъ предшествовавшее ему, считавшееся такимъ строгимъ. То же самое можно сказать и о римскомъ мірѣ второго вѣка; при всѣхъ ошибкахъ и преступленіяхъ, которыя мы и не думаемъ оправдывать, несмотря на то, что практика часто противорѣчила теоріямъ, общество того времени подвигалось впередъ, подготовляя лучшій соціальный строй. Видна уже забота о томъ, какъ бы сгладить прежнія несправедливости, которыхъ въ предыдущіе вѣка не замѣчали, какъ бы облегчить участь раба, улучшить положеніе женщины, помочь бѣднымъ, лучше воспитывать дѣтей. Стремленіе такъ сильно, что даже самые плохіе императоры не могутъ противостоять бурно несущемуся потоку. Начиная съ царствованія Августа и до Константина, законодательство съ каждымъ днемъ становится человѣчнѣе и справедливѣе. Тиверій, Неронъ, Домиціанъ издаютъ превосходные законы, вошедшіе въ кодексы христіанскихъ государей. Нравственный прогрессъ является неизбѣжной необходимостью, коль скоро онъ со-

вершается съ помощью такихъ недостойныхъ орудій. Мы можемъ правильно судить объ этой эпохѣ лишь при условіи отмѣчать не только все дурное, но и все хорошее, что въ ней встрѣчается, и прислушиваться къ противорѣчивымъ голосамъ, говорящимъ намъ о ея порокахъ и добродѣтеляхъ. Не забудемъ, что это—время Петронія и Сенеки. Изъ этихъ двухъ Сенека, конечно, имѣетъ большее значеніе: ему принадлежитъ будущность, и міръ пойдетъ по тому пути, который онъ избралъ. Но не надо пренебрегать и Петроніемъ: зная, какое положеніе онъ занималъ при императорѣ и съ какимъ намѣреніемъ онъ писалъ, зная, что „Сатириконъ“ былъ любимымъ чтеніемъ Нерона и его друзей, мы должны обращать больше вниманія на легкіе разсказы, въ немъ содержащіеся: изъ нихъ мы узнаемъ тысячи любопытныхъ подробностей, о которыхъ исторія не удостаиваетъ говорить; при помощи ихъ мы проникаемъ въ самые темные уголки данной эпохи, которые она неохотно открываетъ послѣдующимъ поколѣніямъ; а между тѣмъ, съ какимъ рвеніемъ люди стараются узнать все, относящееся къ данной, отошедшей въ прошлое, эпохѣ. Однимъ словомъ, изъ романа Петронія можно извлечь такую же пользу, какъ и изъ романовъ Дидро и Кребилльона, которыми завершаются описанія общества восемнадцатаго столѣтія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Оппозиціонные писатели.

Въ общемъ литература временъ имперіи благосклонно относилась къ цезарямъ. Особенно поэты, которые обыкновенно помимо щедротъ монарха не имѣли средствъ къ существованію, не скупились на лесть. Въ своихъ похвалахъ государю они не знали мѣры. Имъ ничего не стоило пожертвовать всѣмъ прошлымъ во славу императора и повергнуть почтенныхъ героевъ республики къ ногамъ Нерона или Домиціана. Точно также не умѣли себя сдерживать и историки въ родѣ Велея Патеркула или Валерія Максима, и даже Сенека, самый популярный изъ философовъ того времени, хотя порой и нападаетъ на цезарей, всецѣло стоитъ на сторонѣ цезаризма. Были, однако, недовольные и въ литературѣ: три величайшіе писателя этого времени, Луканъ, Тацитъ и Ювеналъ, по всей справедливости, считаются врагами императоровъ. Отъ ихъ произведеній несомнѣнно получается впечатлѣніе, неблагопріятное для имперіи; но не всѣ трое въ одинаковой степени враждебны ей, и оппозиція одного существенно отличается отъ оппозиціи другого. Мы постараемся установить относительно каждаго изъ нихъ, до какого предѣла простиралась его оппозиція, каково было ея происхожденіе, какой она носила характеръ и что мы можемъ изъ нея узнать о настроеніи современниковъ автора.

I.

Луканъ.—Отличительныя черты первыхъ книгъ „Фарсаліи".—Ссора Лукана съ Нерономъ.—Особенности его послѣднихъ книгъ.—Заговоръ.

Извѣстно, что Луканъ не принадлежалъ къ республиканской семьѣ: онъ достигъ совершеннолѣтія, когда дядя его, Сенека, воспитавшій Нерона, помогалъ своему государю

15*

править имперіей; отецъ его, Анней Мела, былъ „прокураторъ“, т. е. интендантъ императора, и на этой службѣ по финансовой части онъ нажилъ себѣ большое состояніе. Самъ Луканъ заканчивалъ свое образованіе въ Афинахъ, когда Неронъ вызвалъ его въ Римъ и включилъ въ число своихъ друзей. Ужъ не хотѣлъ ли онъ сдѣлать его своимъ довѣреннымъ лицомъ или, быть можетъ, намѣревался давать ему на исправленіе свои стихи, писать которые у него была манія [1]).

Неронъ только что умертвилъ свою мать и отнынѣ, считая себя свободнымъ отъ всякихъ тревогъ, безъ удержу отдавался своимъ фантазіямъ: правилъ колесницами въ циркахъ, пѣлъ въ театрахъ, устраивалъ для народа постыдные праздники, на которыхъ находили себѣ удовлетвореніе всѣ развратные вкусы. Само собою разумѣется, что Луканъ принималъ участіе во всѣхъ этихъ развлеченіяхъ. Какое зрѣлище и какая опасность для двадцатилѣтняго юноши, надѣленнаго отъ природы пылкимъ воображеніемъ, слабымъ сердцемъ и неуравновѣшеннымъ умомъ. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что онъ не устоялъ противъ окружающихъ его соблазновъ. Когда Неронъ задумалъ ввести въ Римѣ греческія игры („Neronia“), состоявшія въ состязаніяхъ въ пѣніи и въ ораторскомъ искусствѣ, Луканъ записался въ члены общества; онъ выступилъ въ театрѣ Помпея, конкурируя на призъ хвалебной поэмой въ честь императора [2]), за что и получилъ награду: былъ назначенъ авгуромъ и квесторомъ, не достигнувъ требуемаго возраста; когда онъ въ качествѣ послѣдняго устроилъ игры, то, говорятъ, народъ встрѣтилъ его такими аплодисментами, какими нѣкогда встрѣчали Виргилія.

Въ это-то время онъ и началъ писать „Фарсалію“. Выборъ такого сюжета казался очень страннымъ со стороны фаворита императора, и въ этомъ фактѣ хотѣли подмѣтить оттѣнокъ оппозиціи. По нашему мнѣнію, едва ли въ тѣ вре-

---

[1]) Тацитъ, Ann., XIV, 16: carminum quoque studium affectavit, contractis quibus aliqua pangendi facultas.

[2]) См. жизнеописанія Лукана у Рейффершейда (Suetoni reliq., стр. 50 и 76) и диссертацію Генте, De Lucani vita et scriptis, Берлинъ 1859.

мена могли допустить, чтобы писатели касались такихъ опасныхъ воспоминаній, и лишь врагъ императора рѣшился бы описывать кровавыя столкновенія, положившія начало имперіи. Но это — заблужденіе съ нашей стороны: въ дѣйствительности обо всемъ этомъ говорилось свободнѣе, чѣмъ мы думаемъ. Риторы пользовались этими событіями, какъ темами для декламаціонныхъ упражненій своихъ учениковъ; историки повѣствовали о нихъ; поэты со временъ Августа воспѣвали ихъ въ своихъ стихахъ, и никто не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Всепримиряющее время охладило жгучія воспоминанія о страстной борьбѣ. Самъ Калигула велѣлъ переиздать считавшееся столь опаснымъ во времена Тиверія сочиненіе Кремуція Корда, гдѣ Брутъ и Кассій названы послѣдними римлянами. Такимъ образомъ можно было разсказывать о борьбѣ Помпея и Цезаря, не навлекая на себя подозрѣнія въ неблагонадежности, и даже при дворѣ императора не считали непростительной смѣлостью выборъ такого сюжета для эпической поэмы. Еще однимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что „Фарсалія“ была посвящена Нерону,—поэтъ желалъ, чтобы она появилась на свѣтъ подъ покровительствомъ монарха. Эпопея Лукана, въ концѣ послужившая для прославленія республики, начинается скандальной похвалой императору: горько оплакавъ междоусобную войну, Луканъ вдругъ спохватился и торжественно провозгласилъ: мы должны, молъ, даже быть ей благодарными, потому что она подготовила восшествіе на престолъ Нерона. „Всѣ преступленія,—говоритъ онъ,—всѣ бѣдствія мы привѣтствуемъ, если они такъ щедро вознаграждены“. Затѣмъ онъ сочиняетъ императору апоѳеозъ и заранѣе воспѣваетъ его, какъ божество. Онъ описываетъ, какъ Неронъ возносится на небо, когда его задача на землѣ окончена, какъ небеса ликуютъ, принимая его въ свое лоно, а боги ухаживаютъ за своимъ новымъ коллегой, стараясь перещеголять другъ друга въ предупредительности, чтобы угодить ему, отдаютъ ему свои прерогативы и позволяютъ выбирать на Олимпѣ мѣсто и занятія на по своему вкусу[1]). Эта смѣхотворная лесть, за

---

[1]) Phars., I, 23 и 59.

которую такъ осуждали Лукана, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ дорожилъ въ то время милостями своего повелителя. Онъ былъ настолько остороженъ, конечно, что не сталъ бы воспѣвать гражданскую войну, еслибъ думалъ, что это могло задѣть императора и его друзей. Слѣдовательно, избранный имъ сюжетъ самъ по себѣ не внушалъ подозрѣнія и не компрометировалъ автора, взявшагося за его обработку.

Но надо и то сказать, что трактуя такой сюжетъ, очень легко было скомпрометировать самого себя. Самый предметъ подавалъ массу поводовъ къ злостнымъ намекамъ и сближеніямъ; ничего не стоило всѣ эти воспоминанія обратить въ эпиграммы и, будто бы разсказывая о прошломъ, критиковать настоящее. Луканъ и не отказалъ себѣ въ этомъ удовольствіи во второй части своего сочиненія. Первыя три книги, именно тѣ, что были посвящены Нерону и благосклонно имъ приняты—ему несомнѣнно прочли ихъ вслухъ— отличаются отъ остальныхъ, и, вѣроятно, онѣ не содержали ничего, что могло бы не понравиться императору.

Дѣйствительно, объясняя въ предисловіи къ „Фарсаліи“ цѣль и направленіе своей книги, Луканъ ни единымъ словомъ не высказываетъ своего недовольства и не малѣйшаго сожалѣнія о гибели республики. Авторъ не упрекаетъ Цезаря за ея ниспроверженіе и не хвалитъ Помпея за ея защиту. Описывая прежнее правленіе, онъ не изъявляетъ желанія, чтобы это было сохранено. Сильными штрихами рисуетъ онъ всѣ его злоупотребленія: „безпрестанно нарушаемые законы, состязающихся въ несправедливости консуловъ и трибуновъ, пріобрѣтаемыя за деньги отличія и подкупъ, эту общественную язву, когда на Марсовомъ полѣ возобновлялась ежегодно торговля должностями“ [1]). Народъ, такъ плохо пользующійся своей свободой, заслуживаетъ того, чтобъ ея лишиться, и даже нельзя желать, чтобы онъ сохранилъ ее, нельзя сердиться на того, кто ее отниметъ. Итакъ, повидимому, вначалѣ Луканъ не интересовался политическими вопросами; самое дѣло, послужившее поводомъ для столкновенія враждующихъ сторонъ, для него въ сущно-

---

[1]) Phars., I, 180.

сти безразлично. Онъ и въ первыхъ книгахъ вовсе не приверженецъ Цезаря, какъ утверждали нѣкоторые [1]), но и не на сторонѣ Помпея. Онъ не хочетъ высказаться, къ которому изъ соперниковъ чувствуетъ симпатію. Портреты ихъ, нарисованные имъ во вступленіи къ поэмѣ, вовсе не прикрашены. Онъ восхищается дѣятельнымъ характеромъ Цезаря, но не его дѣятельностью, направленною лишь къ разрушенію: такъ молнія съ грохотомъ вырывается изъ тучи и сѣетъ обломки на своемъ пути [2]). Слабыя стороны Помпея изображены также безпристрастно: въ то время какъ Цезарь окончательно завоевываетъ Галлію, безтактный Помпей остается въ Римѣ въ неблагодарной роли полицейскаго, возбуждая противъ себя сильную ненависть и умаляя свой престижъ слишкомъ частымъ появленіемъ среди народа. Чуть не наканунѣ того дня, когда война должна была рѣшить судьбу имперіи, „онъ разучивается военному ремеслу". Онъ увѣренъ, что его любятъ, потому что онъ окруженъ льстецами; онъ считаетъ себя могущественнымъ, потому что чернь рукоплещетъ ему при его появленіи въ театрѣ, „но это уже не болѣе, какъ тѣнь великаго имени". Такъ нелестно отзывается Луканъ объ обоихъ монархахъ. Замѣчательно, однако, что онъ не хочетъ рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость.—Qui justius induit arma? Scire nefas [3]). Онъ старается не брать ни чьей стороны, или, вѣрнѣе, онъ противникъ и той и другой. Онъ вмѣняетъ имъ въ преступленіе то, что они прибѣгали къ оружію; онъ не можетъ простить имъ, что „они доставили міру зрѣлище могущественнаго народа, обращающаго мечъ противъ своихъ же сыновъ, зрѣлище яростно сражающихся братскихъ армій". Такимъ образомъ въ первыхъ главахъ своего сочиненія Луканъ возмущается не лишеніемъ свободы, а междоусобной войной. Поэтъ не дѣлаетъ различія между обѣими партіями, негодованіе его обрушивается на обѣ „яростно сражающіяся братскія арміи", и онъ считаетъ ихъ обѣихъ одинаково преступными.

---

[1]) Бернгарди, Grundriss der Roem. litt., стр. 487: anfangs als Caesarianer.

[2]) Phars., I, 150: gaudensque viam fecisse ruina.

[3]) I, 126.

Эти чувства испытываетъ не одинъ Луканъ; со временъ Августа ихъ раздѣляли и императоръ и его дворъ. Хотя Августъ всѣмъ былъ обязанъ Цезарю, но онъ не хотѣлъ, чтобы его считали его ярымъ приверженцемъ. Ему казалось, что, осуждая и побѣдителей и побѣжденныхъ, онъ ставитъ свою власть выше партій и внѣ всякихъ революцій. Онъ былъ революціонеромъ, когда добивался императорской власти, и сталъ консерваторомъ, чтобы ее сохранить: такой тактики всегда придерживаются властолюбцы, когда успѣхъ имъ уже обезпеченъ. Междоусобная война помогла Августу завоевать тронъ; но онъ не желалъ, чтобы другіе подражали ему,—онъ боялся чтобы его примѣръ не обратился противъ него самого и поэтому въ принципѣ осуждалъ междоусобную войну. Онъ не запрещалъ своимъ друзьямъ порицать прошлое, чтобы упрочить настоящее. Онъ позволилъ поэту Горацію торжественно объявить, что третій тріумвиратъ, въ которомъ онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Лепидомъ и Антоніемъ, былъ гибельнымъ для республики [1]); онъ не былъ въ претензіи на Виргилія за то, что онъ низвергъ въ преисподнюю „солдатъ, принимавшихъ участіе въ братоубійственныхъ войнахъ“ [2]), т. е. тѣхъ, которые умерли за Августа при Филиппахъ. Онъ, конечно, одобрилъ бы Лукана, еслибъ слышалъ, какъ тотъ обращался къ обѣимъ арміямъ: „Что за ярость, о граждане, что за безумная страсть къ сраженію! Зачѣмъ такъ неистово проливать римскую кровь на глазахъ у непріятелей? Вмѣсто того, чтобы стараться отнять у гордаго Вавилона трофеи Италіи, когда тѣнь Красса еще бродитъ безъ погребенія и неотомщенная, вы тѣшитесь борьбой, которая никогда не доставитъ вамъ тріумфа“ [3]). Вотъ что думали или, по крайней мѣрѣ, говорили приближенные государя. Проклиная междоусобныя войны, осуждая во имя патріотизма одинаково обѣ партіи, Луканъ вполнѣ усвоилъ точку зрѣнія оффиціальныхъ сферъ и императора.

Правда, его якобы безпристрастное отношеніе къ обоимъ соперникамъ быстро мѣняется, и съ первой же

---

[1]) Odes., II, I и 3: gravesque principium amicitias.

[2]) Aen., VI, 603.

[3]) Phars., I, 8.

книги „Фарсаліи“ онъ какъ будто склоняется въ пользу Помпея. Онъ измышляетъ, что въ тотъ моментъ, когда Цезарь подходитъ къ берегу Рубикона, лежащаго на границѣ его владѣній, Отечество является ему и говоритъ его солдатамъ: „Остановитесь, если вы уважаете законы, если вы еще считаете себя гражданами“ [1]). Но такъ какъ они не внемлютъ этому голосу, то стало быть они просто бунтовщики. Когда, взявъ Ариминумъ и обративъ въ бѣгство войска своего соперника, Цезарь вступаетъ въ Римъ, который онъ не видалъ въ теченіе десяти лѣтъ, это огорчаетъ поэта и онъ выражаетъ свои чувства въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ: „Боги Олимпа, если бы онъ возвращался въ свое отечество, побѣдивъ лишь племена Галліи и Сѣвера, какое это было бы для него празднество. Какими рукоплесканіями и съ какимъ торжествомъ его встрѣтили бы граждане. Всего этого онъ лишился, одержавъ нѣсколько лишнихъ побѣдъ“ [2]). Итакъ, онъ осуждаетъ побѣды и даже считаетъ ихъ преступленіями. Помпей, вынужденный послѣ пораженія покинуть Италію, кажется ему болѣе заслуживающимъ симпатіи, нежели его побѣдоносный противникъ. „Онъ уходитъ съ женой и дѣтьми, весь свой домъ онъ ведетъ въ битву; онъ такъ же великъ, какъ и прежде; цѣлыя націи сопровождаютъ его въ изгнаніе“ [3]). Изъ этихъ словъ явствуетъ, на чьей сторонѣ симпатіи Лукана; онъ только что заявилъ, „что нельзя знать, кто изъ нихъ правъ“, и вотъ уже же открыто объявляетъ себя сторонникомъ Помпея. Такой внезапный поворотъ не поразилъ и не шокировалъ современниковъ. Общественное мнѣніе высказалось давно: оно стояло за Помпея и не скрывало своихъ симпатій, что повидимому мало огорчало императоровъ: они не считали себя обязанными стараться изгладить въ гражданахъ воспоминанія о Помпеѣ или защищать славу Цезаря. Августъ держался той политики, чтобы его отнюдь не считали послѣдователемъ его предшественника. Цезарь уничтожилъ республику. Августъ хотѣлъ прослыть ея возстановителемъ. Онъ постоянно восхвалялъ прошлое, протягивалъ руку побѣжденнымъ въ

[1]) I, 190.
[2]) III, 73.
[3]) II, 730.

Фарсальской битвѣ и, какъ бы въ знакъ примиренія съ ними, позволялъ имъ довольно свободно обращаться съ своимъ побѣдителемъ. Эти побѣжденные составляли въ Римѣ тотъ большой свѣтъ, который съ теченіемъ времени создавалъ общественное мнѣніе; ихъ настроеніе скоро стало настроеніемъ всего образованнаго общества. Даже въ оффиціальныхъ кругахъ или старались ничего не говорить о Цезарѣ, или говорили о немъ дурно. Дѣло дошло до того, что великій диктаторъ оказался уже недостойнымъ считаться предкомъ государя; его имени нѣтъ въ надписяхъ, въ которыхъ Неронъ такъ напыщенно перечисляетъ своихъ предковъ [1]). Даже при дворѣ императоровъ осуждалось то дѣло, за которое боролся Цезарь; наоборотъ, дѣло Помпея безъ колебанія называютъ правымъ даже такіе два друга имперіи, какъ Сенека и Квинтиліанъ [2]). Луканъ могъ не стѣсняясь высказываться въ томъ же духѣ: настроеніе общественнаго мнѣнія было таково, что даже въ поэмѣ, посвященной преемнику Цезаря, разрѣшалось строго осуждать послѣдняго, и можно съ увѣренностью сказать, что, несмотря на пристрастіе поэта къ Помпею, въ первыхъ трехъ книгахъ „Фарсаліи“ нѣтъ ничего, что заставило бы заподозрить вѣрноподданническія чувства автора.

Въ остальной части поэмы тонъ мѣняется, и вѣрноподданный становится ярымъ противникомъ. Дѣло въ томъ, что въ промежуткѣ между началомъ и концомъ поэмы поэтъ поссорился съ императоромъ. Политика не играла никакой роли въ ихъ ссорѣ: ихъ размолвка была слѣдствіемъ уязвленнаго самолюбія императора-поэта. Когда, окончивъ свои первыя три книги, Луканъ ознакомилъ съ ними публику, то не трудно себѣ представить, какъ онѣ были встрѣчены. Онъ выбралъ самое вѣрное средство, чтобъ привести въ восторгъ своихъ современниковъ: онъ нра-

---

[1]) См. Orelli, 728, 732 и 5407. Перечень предковъ Нерона во всѣхъ оффиціальныхъ надписяхъ останавливается всегда на Августѣ.

[2]) Sen., De prov., III, 44: toto terrarum orbe (Cato) pro causa bona tam pertinaciter quam infeliciter militat. Quint. XII, 1, 16: neque spe, neque metu declinatus animus (Ciceronis) quominus optimis se partibus, id est reipublicae, jungeret.

вился имъ и своими достоинствами и своими недостатками. Читатели восхищались не только прекрасными, полными энергіи стихами, той римской поэзіей, которая такъ выдѣлялась среди прѣсной миѳологической стряпни подражателей Проперція и Овидія, но также и гиперболичностью, силою и утонченнымъ остроуміемъ, введенными въ моду новой школой. Успѣхъ Лукана былъ столь шумный, что Неронъ сталъ ему завидовать. Говорятъ, когда онъ однажды присутствовалъ на чтеніи „Фарсаліи“,—это былъ сплошной тріумфъ,—императоръ, не дождавшись конца, подъ предлогомъ освѣжиться, внезапно вышелъ изъ зала [1]); онъ не могъ вынести аплодисментовъ, которыми осыпали молодого поэта. Оскорбленный такой невѣжливой выходкой, Луканъ отомстилъ насмѣшками. Онъ пародировалъ стихи императора, нападалъ на его друзей, даже его самого преслѣдовалъ дерзкими шутками, отъ которыхъ слушателямъ становилось жутко. Зная его, Неронъ сумѣлъ выбрать для него самое чувствительное наказаніе: онъ отвѣтилъ на его насмѣшки лишь тѣмъ, что запретилъ ему на будущее время что либо читать и издавать. Нельзя было придумать болѣе жестокой пытки для человѣка, привыкшаго возбуждать восторгъ. Цицеронъ говоритъ, что невысказанная острота жжетъ ротъ; еще больше огорченія доставляютъ поэту стихи, которые не могутъ увидѣть свѣтъ. Луканъ продолжалъ писать тайкомъ; за неимѣніемъ другихъ поклонниковъ, онъ восхищается самъ собою, но чѣмъ больше ему нравятся собственные стихи, тѣмъ болѣе его мучитъ сознаніе, что они никому, кромѣ него, неизвѣстны. Онъ говоритъ, что его произведеніе не погибнетъ, несмотря на всѣ усилія противниковъ его уничтожить. „Моя „Фарсалія“ будетъ жить, она не обречена на забвеніе“ говорилъ онъ съ побѣдоноснымъ видомъ [2]).—Однако, молодой человѣкъ, такъ дорожившій популярностью, не могъ довольствоваться запоздалой славой. Онъ не могъ утѣшиться, лишившись аплодисментовъ и овацій слушателей. Время еще болѣе увеличивало страданія его уязвленнаго самолюбія; поэтому, по мѣрѣ

[1]) Рейффершейдъ, Suet. reliq., стр. 50: nulla nisi refrigerandi sui causa.

[2]) Phars., IX, 985.

того, какъ поэма его подвигается, она становится все злѣе и дерзче. На каждомъ шагу встрѣчаются коварные намеки, жестокія издѣвательства надъ ненавистной властью. Онъ насмѣхается надъ „выборами", этою тѣнью сохранившейся будто бы у римлянъ прежней свободы [1]); онъ смѣется надъ постыдною лестью, которою осыпаютъ императора, забывъ, что самъ онъ не разъ подавалъ тому примѣръ [2]); апоѳеозъ императора, къ которому поэтъ такъ сочувственно относился въ книгахъ „Фарсаліи", представляется ему кощунственной комедіей, съ тѣхъ поръ какъ императоръ сталъ его врагомъ [3]). Понятно, что нѣтъ больше и рѣчи о той безпартійности, которою онъ кичился въ началѣ своей поэмы. Онъ все придирчивѣе относится къ Цезарю: послѣдній становится какимъ-то маніакомъ, старается заслужить ненависть своихъ согражданъ и былъ бы очень недоволенъ, если бы они его любили [4]); онъ въ бѣшенствѣ безъ причины мечется изъ угла въ уголъ и бросается во всѣ стороны „быстрѣй, чѣмъ тигрица во время родовъ [5])"; какъ истый дикарь, онъ радуется, видя потоки крови, онъ счастливъ, созерцая „горы сваленныхъ въ кучу мертвыхъ тѣлъ и умирающихъ бойцовъ, и лишь трупный запахъ можетъ оторвать его отъ зрѣлища битвы" [6]).

Вотъ какимъ образомъ Луканъ сталъ республиканцемъ: ненависть къ императору сдѣлала его врагомъ имперіи; слѣдуетъ отмѣтить, что онъ въ своей враждѣ гораздо откровеннѣе и энергичнѣе, чѣмъ всѣ его современники. Когда онъ доходитъ до Фарсальскаго пораженія, онъ не можетъ болѣе сдерживать свои чувства; гнѣвъ и горе внушаютъ ему лучшіе стихи, какіе онъ когда-либо написалъ. „Вотъ тогда-то,—говоритъ онъ,—свобода покинула насъ и болѣе не возвращалась къ намъ. Она укрылась по ту сторону Тигра и Рейна, она для насъ потеряна, она стала исключи-

---

[1]) V, 398.
[2]) V, 385.
[3]) Phars., VII, 456.
[4]) III, 82.
[5]) V, 405.
[6]) VII, 821.

тельнымъ достояніемъ Германцевъ и Скифовъ, Италія не знаетъ ея. О, какъ бы я хотѣлъ, чтобы она ея никогда не знала! Римъ, отчего ты не остался въ рабствѣ съ того дня, когда Ромулъ созвалъ воровъ и пріютилъ ихъ у тебя, вплоть до Фарсальскаго бѣдствія? Я не могу простить обоимъ Брутамъ. Зачѣмъ мы такъ долго жили подъ покровительствомъ законовъ? Зачѣмъ у насъ года обозначались именами консуловъ? Арабы, Персы и всѣ другіе народы Востока счастливѣе насъ: они никогда ничего не знали, кромѣ тираніи. Изъ всѣхъ племенъ, подвластныхъ одному повелителю, мы въ худшемъ положеніи, потому, что мы, рабы, краснѣемъ за свое рабство"! Какъ намъ чужды вообще рѣдкіе оппозиціонные выпады того времени! Ненависть къ настоящему и сожалѣніе о прошломъ никогда въ то время не выражались съ такой силой, и тѣмъ не менѣе эти горькія слова не облегчили его сердца. Чувствуется, что онъ хотѣлъ бы перейти отъ словъ къ дѣлу; онъ постоянно взываетъ къ Бруту, какъ человѣкъ, избравшій его своимъ идеаломъ [1]) и рѣшившійся слѣдовать его примѣру. Когда Брутъ передъ Фарсальской битвой покрываетъ свою голову шлемомъ и идетъ навстрѣчу смерти, поэтъ умоляетъ его пощадить себя. „Честь республики, лучшая надежда сената, послѣдній носитель имени, славнаго между всѣми во всѣ времена, не бросайся безразсудно въ средину битвы"—съ чувствомъ онъ взываетъ къ нему. Время еще не настало; прежде чѣмъ умереть, онъ долженъ принести великую жертву въ честь свободы [2]). Вмѣстѣ съ Брутомъ становится отнынѣ его героемъ и Катонъ—не тотъ сухой философъ и резонеръ, котораго представляетъ себѣ Сенека, по его мнѣнію, индифферентно относившійся къ дѣламъ своей родины, но настоящій Катонъ, который убилъ себя, чтобы не пережить республики. Онъ противопоставляетъ его цезарямъ, которымъ расточалось столько лживой лести и которымъ съ такою легкостью удѣляется мѣсто въ небесахъ. Эти почести приличествуютъ одному Катону, жертвѣ Цезаря: „Вотъ настоящій отецъ отечества,—говоритъ онъ,—вотъ тотъ, котораго

---

[1]) Phars, VII, 431.
[2]) VII, 588.

Римъ сегодня или завтра сдѣлавшись свободнымъ, причислятъ къ богамъ“ (nunc, olim, factura deum[1]).

Когда онъ писалъ эти стихи въ концѣ своей поэмы и своей жизни, когда онъ назначалъ столь близкій срокъ освобожденія Рима, онъ безусловно зналъ, что въ состояніи это исполнить. Въ это время уже составился, быть можетъ, тотъ крупный заговоръ, который чуть было не освободилъ Римъ отъ Нерона; быть можетъ, Сцевинъ уже точилъ въ тиши кинжалъ, добытый имъ въ храмѣ Фортуны. Говорятъ, что Луканъ былъ душою этого предпріятія и что „онъ всѣмъ обѣщалъ взять на себя первый ударъ тирану“ [2]). Каковъ же былъ истинный планъ этого новаго Брута? Чего хотѣлъ этотъ страстный поклонникъ стараго государственнаго порядка, въ столь прекрасныхъ стихахъ оплакивая его паденіе и торжественно заявляя, что „между цезарями и свободой завязалась смертельная борьба“[3]). Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ мечталъ, конечно, навсегда освободить Римъ отъ цезарей и возстановить республику. Но тщетно: заговорщики не были республиканцами. Тацитъ разсказываетъ намъ, какъ они осуждаютъ преступленія Нерона и оплакиваютъ будущее паденіе имперіи; но они не видятъ иного выхода изъ столь бѣдственнаго положенія, „какъ избрать возможно скорѣе такого человѣка, который изгладилъ бы всѣ эти несчастья“[4]). Двухъ-трехъ изъ нихъ, быть можетъ, мы имѣемъ право назвать врагами имперіи), остальные же не ладили только съ императоромъ. Послѣ смерти Нерона они думали лишь о томъ, чтобы на его мѣсто посадить другого государя. Итакъ, поэтъ-па-

---

[1]) IX, 601.

[2]) По крайней мѣрѣ, такое заключеніе можно вывести изъ туманной фразы въ біографіи Лукана, приписываемой Светонію (Reifferscheid, стр. 51): usque eo intemperans ut Caesaris caput proximo cuique jactaret. Возможно, что слѣдуетъ читать: se obtruncaturum jactaret.

[3]) Phars., VII, 695.

[4]) Тацитъ, Ann., XV, 50: deligendum qui fessis rebus succederet.

[5]) Тацитъ называетъ въ ихъ числѣ Латерана и Вестина; о Луканѣ онъ не упоминаетъ.

тріотъ, самый яркій и, можно сказать, единственный республиканецъ временъ имперіи, погибъ за такое дѣло, которое стремилось продолжить дѣло Августа, за то, чтобы Нерона замѣнить лишь Пизономъ, т. е. игрока на киѳарѣ промѣнять на трагическаго актера. Нельзя ли заключить отсюда, что возстановить республику не были въ состояніи даже тѣ, кто болѣе всего о ней сокрушался.

II.

Тацитъ. — Въ чемъ упрекали его произведенія? — Его политическія убѣжденія. — Противоположныя тенденціи, часто доводившія его до противорѣчія съ самимъ собой. — Какое представленіе выносимъ мы о Тацитѣ на основаніи его книгъ?

Тацитъ считается рѣшительнымъ и систематическимъ противникомъ имперіи еще болѣе, чѣмъ Луканъ, противорѣчія котораго всякому бросаются въ глаза. Не потому ли, что онъ высказалъ суровыя мнѣнія о Тиверіи и Неронѣ? Но не онъ одинъ такъ относится къ нимъ: другіе писатели того времени отзывались о нихъ не лучше. Ни Светоній, бывшій государственнымъ секретаремъ, ни даже Діонъ Кассій, безукоризненный чиновникъ, столь почтительный къ властямъ, не даютъ болѣе лестныхъ характеристикъ этихъ императоровъ. Поэтому защитникамъ обоихъ государей пришлось бы доказывать, что всѣ писатели древности нарочно сговорились клеветать на нихъ. Правда, разсказъ Тацита сильнѣе врѣзывается въ память, чѣмъ разсказы другихъ историковъ; вотъ почему, когда онъ говоритъ то же, что другіе, запоминаются только его слова; понятно, что его одного и дѣлаютъ отвѣтственнымъ за худую славу императоровъ. Писатели, реабилитирующіе императорскій режимъ и защищающіе его якобы отъ клеветы, считаютъ Тацита своимъ главнымъ и личнымъ противникомъ исключительно потому, что поразительная яркость, съ какою онъ рисуетъ злодѣянія цезарей, попадаетъ дальше его прямой цѣли и возбуждаетъ ненависть не только къ цезарямъ, но и къ самому принципу цезаризма. Вотъ почему за послѣднее время такъ много затрачено усилій на то, чтобы заподозрить достовѣрность Тацита и подорвать его авторитетъ.

Изъ числа упрековъ, которые дѣлаютъ Тациту, иногда заслуженно, большая часть относится не къ нему одному, а въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ античнымъ историкамъ. Всѣ они не больше Тацита пользуются оффиціальными документами; въ описаніи подробностей и мелочей они не соблюдаютъ той щепетильной точности, которой мы требуемъ теперь отъ тѣхъ, кто берется за разсказъ о прошлыхъ временахъ. Древніе были менѣе требовательны и ихъ значительно легче было удовлетворить. Такъ какъ исторія была для нихъ, прежде всего, риторическимъ произведеніемъ (Opus oratorium), то историку предоставлялось право въ самой широкой мѣрѣ пользоваться ораторскими пріемами. А тотъ, кто говорилъ на форумѣ или въ сенатѣ, не только позволялъ себѣ размѣщать факты по своему произволу и освѣщать ихъ по своему усмотрѣнію, но даже не стѣснялся прибѣгать иногда къ легкимъ передержкамъ, лишь бы удружить своимъ кліентамъ и повредить противникамъ [1]). Искусству выдумокъ и удачнаго ихъ примѣненія учили въ риторскихъ школахъ, и никто этому не удивлялся; честный Квинтиліанъ охотно приводитъ примѣры этихъ выдумокъ и ничего не находитъ въ нихъ предосудительнаго, лишь бы онѣ были остроумны и правдоподобны[2]). Очевидно, ораторская практика не могла воспитать въ умахъ уваженія къ истинѣ: это была плохая школа для историка, а между тѣмъ большинство историковъ древности вышли именно изъ этой школы. Тацитъ считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ краснорѣчія[3]), и ему было уже за сорокъ лѣтъ, когда онъ написалъ свое первое историческое сочиненіе „Жизнь Агриколы"; удивительно ли, что онъ и позднѣе сохранилъ нѣкоторыя изъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ молодости? Не трудно найти, поэтому, въ его историческихъ работахъ

---

[1]) Цицеронъ, De orat., II, 59: causam mendatiunculis adspergere.

[2]) Inst. orat., IV, 2, 88.

[3]) Плиній разсказываетъ что домъ Тацита былъ полонъ молодыми людьми, которыхъ привлекала сюда репутація автора; они искали поученій въ его примѣрахъ и урокахъ.

черты оратора и даже ритора[1]). Онѣ не свободны отъ декламаціи и риторики; авторъ стремится къ эффекту, иногда умышленно сгущаетъ краски, чтобы рѣзче оттѣнить предметъ, иногда ставитъ своихъ героевъ въ слишкомъ театральныя позы, группируетъ факты по своему усмотрѣнію, лишь бы разсказъ вышелъ болѣе драматичнымъ. Этими недостатками онъ обязанъ своей прежней профессіи и общему направленію эпохи: онъ поддается имъ безсознательно, противъ воли, въ силу одной только привычки и заразительности примѣра. Отсюда могли произойти нѣкоторыя неточности въ подробностяхъ; это надо имѣть въ виду при пользованіи его книгами, но не слѣдуетъ преувеличивать эти неточности, какъ это зачастую дѣлаютъ.

На ряду съ этими критическими, отчасти справедливыми указаніями, къ Тациту предъявляются и болѣе серьезныя обвиненія. Онъ началъ свой трудъ торжественнымъ обѣщаніемъ писать безъ гнѣва и пристрастія,—sine ira et studio[2]); сохранить эту безпартійность ему казалось легко выполнимымъ: императоры, исторію которыхъ онъ собирался разсказывать, не имѣли къ нему никакого отношенія, у него не было причинъ имъ льстить или о нихъ злословить. Онъ обѣщалъ въ особенности воздерживаться отъ злобы, „которая можетъ подкупить ложнымъ сходствомъ съ независимостью"[3]). Думаютъ, что Тацитъ не сдержалъ своего обѣщанія, и главной причиной, помѣшавшей ему быть объективнымъ, считаютъ присущую ему страстность. Если дѣло идетъ о возмущенномъ чувствѣ истиннаго гражданина, которое одушевляетъ всѣ его разсказы и мѣшаетъ ему скрывать чувство состраданія къ жертвамъ и негодованія къ палачамъ, то, конечно, мы не намѣрены защищать его отъ этого обвиненія. Долгъ историка вовсе не обязывалъ его разсказывать хладнокровно о томъ, что онъ считалъ безумствомъ или преступленіемъ. Что же касается упрека въ политической пристрастности, которая, якобы, мѣ-

[1]) См. особенно статью Моммсена о Тацитѣ и Клувіи Руфѣ (Hermes, IV, 295).

[2]) Ann., I, 1.

[3]) Hist., I, 1: malignitati falsa species libertatis inest.

шала объективности его сужденій, то мы готовы утверждать, что ея вовсе нѣтъ въ сочиненіяхъ Тацита. Извѣстно, что большинство думаетъ иначе. Тацита считаютъ обыкновенно фанатикомъ[1]), ослѣпленнымъ своими предразсудками, человѣкомъ доктрины или партіи, который раздѣляетъ всѣ партійныя предубѣжденія и горячо откликается на партійные счеты, который настолько подчинился партійному игу, что сталъ рѣшительно неспособнымъ трезво судить о людяхъ и событіяхъ. Посмотримъ, насколько основательны эти обвиненія, и такое ли впечатлѣніе получается отъ его произведеній.

Тацитъ неоднократно высказываетъ свои политическія убѣжденія, подчеркивая больше то, что онъ отрицаетъ, нежели то, что онъ признаетъ. Прежде всего онъ, повидимому, не чувствуетъ особой склонности къ демократическому правленію. Народъ слишкомъ непостояненъ; онъ не знаетъ, чего хочетъ: „онъ желаетъ и въ то же время боится переворотовъ“[2]). Нельзя сказать, также, чтобы онъ былъ сторонникомъ и аристократическаго строя: „господство немногихъ, — говоритъ онъ, — похоже на деспотизмъ государей“[3]). Даже умѣренная конституціонная форма, составленная въ сущности изъ смѣшенія чистыхъ формъ и составлявшая идеалъ Полибія и Цицерона, не вполнѣ удовлетворяетъ Тацита. „Ее гораздо легче похвалить, чѣмъ ввести, — говоритъ онъ, — и легче ввести, чѣмъ надолго упрочить“[4]). Наконецъ, онъ не раздѣляетъ и наивнаго энтузіазма своихъ современниковъ къ древней республикѣ: изученіе исторіи показало ему, что этотъ золотой вѣкъ былъ полонъ смутъ и насилій. „Послѣ двѣнадцати таблицъ не было издано справедливыхъ законовъ[5]); вмѣстѣ съ эпохой завоеваній начинается господство ненасытной алчности и необузданнаго

---

[1]) Это выраженіе принадлежитъ Вольтеру, который говоритъ про Тацита, что онъ „фанатикъ, брыжжущій умомъ“. Lettre à M-me du Deffant, 30 Іюля 1768.

[2]) Ann., XV, 46: novarum rerum cupiens pavidusque.

[3]) Ann., VI, 42: paucorum dominatio regiae libidini proprior est.

[4]) Ann., IV, 33.

[5]) Ann., III, 27.

тщеславія. Тогда возгорѣлись первыя распри между народомъ и сенатомъ, которыя поднимали то безпокойные трибуны, то слишкомъ абсолютные консулы. Городъ и форумъ служили ареной для первыхъ вспышекъ междоусобной войны"[1]). Эти картины прошлаго, конечно, не показываютъ въ авторѣ пристрастія къ старинѣ и желанія возстановить ее. Остается единовластіе — форма, которая уже около ста лѣтъ держалась въ Римѣ: Тацитъ признаетъ его и ему подчиняется. Примириться же съ имперіей ему тѣмъ легче, что онъ видитъ въ ней не случайный режимъ, навязанный народу вслѣдствіе военной неудачи; имперія ему представлялась неизбѣжнымъ результатомъ событій и естественнымъ послѣдствіемъ промаховъ, сдѣланныхъ всѣми партіями. Римъ не могъ избѣжать имперіи; Тацитъ утверждаетъ это въ началѣ своей „Исторіи". Ему кажется, что послѣ битвы при Акціумѣ „утвержденіе единовластія стало однимъ изъ условій общественнаго спокойствія"[2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ понять, что народъ охотно принялъ новый порядокъ, потому что старый утомилъ его постоянными раздорами[3]). Онъ согласенъ съ Гальбой, что „огромное тѣло имперіи требуетъ для своего поддержанія и равновѣсія направляющей руки"[4]). И онъ не только разсудочно примиряется съ имперіей, но даже, можно сказать, принимаетъ этотъ режимъ безъ сожалѣнія, и въ этомъ отношеніи идетъ какъ будто значительно дальше большинства своихъ друзей. Даже среди самыхъ преданныхъ слугъ имперіи должны были найтись такіе, которые не могли съ легкимъ сердцемъ забыть прошлое. Такъ я подозрѣваю, напр., что Плиній, несмотря на всю свою привязанность къ Траяну, не безъ горечи вспоминалъ о блестящемъ періодѣ древняго краснорѣчія и великихъ успѣхахъ республиканскихъ ораторовъ. Многое онъ далъ бы, чтобы жить въ тѣ времена, когда народомъ можно было править словомъ. Тацитъ, повидимому, совсѣмъ не раздѣляетъ этихъ чувствъ; онъ понимаетъ, конечно, какъ много вліянія утра-

---

[1]) Hist., II, 38.

[2]) Hist., I, 1: omnem potestatem ad unum conferri pacis interfuit.

[3]) Ann., I, 1.

[4]) Hist., I, 16.

тилъ ораторскій талантъ съ тѣхъ поръ, какъ Августъ водворилъ спокойствіе на форумѣ, но онъ знаетъ также, сколь много выиграла отъ этого общественная безопасность и спокойствіе. Онъ не завидуетъ успѣху, купленному цѣной многихъ тревогъ и опасностей. Онъ не сожалѣетъ о времени, „когда народъ, т. е. невѣжды, былъ всесиленъ“. Онъ предпочитаетъ имѣть меньше славы, но зато больше спокойствія. „Такъ какъ нельзя,—говоритъ онъ,—добиться заразъ и громкой славы и полнаго спокойствія, то пусть ужъ каждый пользуется преимуществами своего времени, не вознося того вѣка, къ которому онъ не принадлежитъ“[1]). Это чувства мыслителя, осторожнаго и охлажденнаго опытомъ, вступившаго въ тотъ возрастъ, когда всего дороже становится покой. Называя Тацита сторонникомъ имперіи, мы отнюдь не хотимъ сказать, что онъ былъ изъ тѣхъ пылкихъ и ярыхъ защитниковъ цезаризма, которые считаютъ врагами отечества всѣхъ, не раздѣляющихъ ихъ энтузіазма. По своему настроенію онъ принадлежалъ скорѣе къ тѣмъ людямъ, которые пережили много безплодныхъ попытокъ и неудавшихся переворотовъ, потеряли вѣру въ возможность совершеннаго политическаго устройства и рѣшили удовольствоваться посредственнымъ. Изученіе исторіи и житейскій опытъ разрушили въ немъ довѣрчивость и легковѣріе[2]); онъ мало склоненъ предаваться иллюзіямъ относительно различныхъ политическихъ формъ, даже относительно той, которую предпочитаетъ другимъ; но все же есть форма, которая въ его глазахъ заслуживаетъ предпочтенія, которую онъ считаетъ наиболѣе подходящею для своего времени, къ которой онъ рѣшается присоединиться: это именно правительство цезарей.

Таковы, по крайней мѣрѣ въ теоріи, взгляды Тацита; онъ не разъ вполнѣ опредѣленно высказывалъ ихъ, и у насъ нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ его искренности. Нужно оговориться, впрочемъ, что у него встрѣчаются сужденія и отзывы, которые, повидимому, не вполнѣ согласуются съ из-

[1]) Orat., 41.

[2]) Вотъ почему онъ придаетъ такое значеніе судьбѣ и случаю въ людскихъ дѣлахъ: quanto plura revolvo, tanto magis ludibria rerum mortalium observantur (Ann., III, 18).

ложенными принципами, и что этотъ вѣрноподданный имперіи иной разъ можетъ показаться ея затаеннымъ врагомъ. Эта непослѣдовательность объясняется вліяніемъ окружающей обстановки, предубѣжденіямъ которой онъ поддался въ большей степени, чѣмъ того хотѣлъ бы самъ. Жизнь складывается обычно не по личному желанію человѣка, который принадлежитъ также своему времени, друзьямъ, окружающей средѣ. Самый независимый умъ, несмотря на всѣ усилія остаться самимъ собой, все-таки поддается вліянію людей, съ которыми онъ часто соприкасается; а это постороннее вліяніе можетъ стать въ противорѣчіе съ его собственными убѣжденіями. Тацитъ не избѣжалъ этой тяжелой участи. Принадлежа по происхожденію къ молодой аристократіи, онъ вращался тѣмъ не менѣе въ высшемъ римскомъ кругу. Онъ посѣщалъ тѣ оппозиціонные кружки, гдѣ высмѣивались современные порядки и строго осуждались дѣйствія властей, гдѣ было множество людей всѣмъ недовольныхъ и не упускавшихъ случая побрюзжать. Конечно, Тацитъ не одобряетъ этой нетерпимой и придирчивой оппозиціи. Онъ обвиняетъ ее въ легковѣріи и клеветѣ [1]), показывая, какъ она радуется общественнымъ бѣдствіямъ и готова рисковать гибелью имперіи, лишь бы избавиться отъ императора [2]); и все-таки Тациту не всегда удается освободиться отъ вліянія оппозиціи. Однимъ изъ источниковъ для исторіи первыхъ цезарей были у Тацита свидѣтельства старожиловъ; онъ ихъ разспрашивалъ и старается передать намъ ихъ воспоминанія [3]). У этихъ стариковъ онъ и подобралъ разные сомнительные анекдоты, неосновательныя подозрѣнія, злобные толки, которые постоянно циркулировали среди недовольной знати. Правда, Тацитъ рѣдко передаетъ эти слухи отъ своего имени; по большей части онъ просто излагаетъ ихъ безъ всякихъ комментаріевъ, предоставляя самому читателю разобраться въ нихъ; иногда онъ даже упоминаетъ объ этихъ слухахъ только для того, чтобы опровергнуть ихъ, но все-таки упоминаетъ, — и эта масса болѣе чѣмъ смѣлыхъ ги-

[1]) Ann., III, 19: alii quoquo modo audita pro compertis habent, alii vera in contrarium vertunt.

[2]) Ann., III, 44.

[3]) Ann., III, 16: audivi ex senioribus.

потезъ и злостныхъ толкованій, въ концѣ концовъ, невольно придаетъ его „Исторіи“ характеръ систематической злонамѣренности, которой онъ, по нашему мнѣнію, остался совершенно чуждъ [1]). Это недостатокъ угнетеннаго и подозрительнаго общества, которое во всемъ склонно видѣть дурныя стороны и для самыхъ простыхъ вещей отыскивать какія-то отдаленныя и сокровенныя причины. Тацитъ это знаетъ и осуждаетъ, но таковы сила примѣра и вліяніе среды, что онъ не всегда самъ можетъ отрѣшиться отъ этой склонности.

Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ перенялъ также и предразсудки своего времени. Извѣстно, какъ сурово относился Тацитъ къ такъ называемымъ „выскочкамъ“; когда незнатный человѣкъ достигалъ высокаго положенія, онъ не упускалъ случая попрекнуть его „позорнымъ происхожденіемъ“ [2]). Онъ не сочувствуетъ неравнымъ бракамъ и считаетъ общественнымъ бѣдствіемъ бракъ родственницы Августа съ внукомъ римскаго всадника [3]). Онъ глубоко возмущенъ, что принцесса взяла себѣ въ любовники какого-то безвѣстнаго человѣка, родомъ изъ муниципія [4]). Она, быть можетъ, показалась бы ему не столь виновной, выбери знатнаго вельможу. Конечно, все это юмористическія мелочи, но есть у Тацита и болѣе серьезныя заблужденія, въ которыя вовлекла его податливость къ мнѣніямъ окружающихъ людей, которые въ большинствѣ случаевъ были упорными приверженцами древнихъ обычаевъ и принадлежали къ числу слѣпыхъ консерваторовъ, желавшихъ сохранить все безъ разбора. Всѣ привычки старины имъ были дороги, а такъ какъ прежде всего должны были естественно исчезнуть привычки самыя худшія, то за нихъ-то они съ

---

[1]) Карстенъ въ статьѣ De fide Taciti собралъ множество мѣстъ, гдѣ Тацитъ передаетъ такіе кривотолки и предположенія.

[2]) Ann., II, 21: dedecus natalium. Это презрительное выраженіе Тацитъ употребляетъ по поводу Курція Руфа, который былъ яко-бы сыномъ гладіатора и сталъ консуломъ. Тиберій былъ великодушнѣе, отвѣчая тѣмъ, которыхъ возмущало происхожденіе Руфа, что „онъ самъ себя родилъ“.

[3]) Ann., VI, 27.

[4]) Ann, IV, 3.

особеннымъ упорствомъ и держались. Этихъ тупыхъ и боязливыхъ людей всего легче можно было раздражить предложеніемъ какой-бы то ни было, хотя бы самой полезной реформы. Когда Клавдій требовалъ, чтобы галлы были допущены въ сенатъ и къ занятію высшихъ должностей, они пытались противодѣйствовать этому подъ тѣмъ предлогомъ, что предки галловъ 500 лѣтъ тому назадъ чуть-было совсѣмъ не захватили Капитолія [1]). Когда возникъ вопросъ о томъ, нужно ли казнить пятьсотъ невинныхъ рабовъ за то, что они провели ночь подъ той же кровлей, гдѣ лежало тѣло ихъ убитаго господина, народъ воспротивился казни, сенатъ же колебался, тогда глава консервативной партіи, юрисконсультъ Кассій, добился постановленія, что слѣдуетъ повиноваться закону, хотя бы и завѣдомо несправедливому. „Предки наши, — сказалъ онъ по этому поводу, — во всѣхъ отношеніяхъ были разумнѣе насъ, и всякое нововведеніе приводитъ только къ ухудшенію“ [2]). Тацитъ держался того же мнѣнія. Онъ охотно защищалъ нѣкоторыя злоупотребленія только потому, что они были освящены давностью, хотя, по здравому смыслу, онъ и не могъ ихъ одобрять. Мы не всегда находимъ у него ту возвышенность мысли и благородство души, благодаря которымъ Сенека сумѣлъ стать выше мнѣній толпы и во многихъ отношеніяхъ опередить свою эпоху. Кровь гладіаторовъ, потоками которой наслаждался Друзъ, для Тацита просто холопская кровь, vili sanguine [3]); когда Тиберій высылаетъ въ Сардинію четыре тысячи вольноотпущенниковъ, обреченныхъ тамъ на вѣрную смерть отъ лихорадки, Тацитъ, повидимому, соглашается съ мнѣніемъ, что это небольшая потеря, vile damnum [4]). Когда Неронъ вмѣсто факеловъ жегъ христіанъ для освѣщенія своихъ празднествъ, Тацита нисколько не коробитъ это зрѣлище и онъ спокойно заявляетъ, что въ конечномъ счетѣ они были виновны и заслужили самыя жестокія наказанія, adversus sontes et novissima

---

1) Ann., XI, 23.
2) Ann., XIV, 43.
3) Ann., I, 76.
4) Ann., II, 85.

meritos [1]). Такъ думала и консервативная группа сената; Тацитъ только воспроизводитъ здѣсь ея настроеніе.

Можно ли, однако, на этомъ основаніи видѣть въ Тацитѣ просто яраго приверженца аристократической партіи, который пишетъ подъ ея внушеніемъ и служитъ ея мстительному чувству? Несомнѣнно онъ принадлежалъ къ этой партіи и, какъ только что мы видѣли, часто раздѣлялъ ея предразсудки. Но нерѣдко онъ возстаетъ также противъ этихъ предразсудковъ и борется съ ними. Такъ, въ великосвѣтскихъ кругахъ было принято восхищаться только стариной; Тацитъ же иногда предпочитаетъ настоящее и открыто это высказываетъ [2]). Обыкновенно здѣсь рисовались узкимъ и исключительнымъ патріотизмомъ, преклонявшимся только предъ героями древняго Рима; а Тацитъ позволяетъ себѣ восхищаться великими иноземцами, даже тѣми, которые задержали и пошатнули римское могущество; онъ находитъ, напр., благородныя и сильныя выраженія для похвалы Арминія и Карактака. Ему пріятно, конечно, если потомки съ честью носятъ имена своихъ великихъ предковъ, но онъ не считаетъ своимъ долгомъ скрывать присущіе имъ недостатки. Онъ разсказываетъ, какъ „высокопоставленныя лица изъ самыхъ почтенныхъ фамилій, по приказанію Тиберія, унижаются до самаго постыднаго наушничества“ [3]). Можетъ ли такъ выражаться человѣкъ, цѣликомъ отдавшійся аристократической партіи и, вслѣдствіе политическихъ пристрастій, потерявшій способность понимать и высказывать истину? Гдѣ же видно, чтобы Тацитъ особенно выгораживалъ честь тѣхъ знатныхъ фамилій, съ которыми онъ, якобы, тѣсно связанъ? Но, можетъ быть, онъ старался, по крайней мѣрѣ, среди всѣхъ тяжкихъ испытаній, представить этихъ вельможъ въ такомъ свѣтѣ, чтобы сохранить имъ уваженіе общества? Напротивъ, онъ изображаетъ ихъ людьми подобострастными и трусливыми, старающимися превзойти

---

[1]) Ann., XV, 44.

[2]) Ann., II, 28: dum vetera extollimus, praesentium incuriosi. См. также Ann., III, 55.

[3]) Ann., VI, 7. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ въ числѣ доносчиковъ Порція Катона (Ann., IV, 68).

другъ друга въ лести, готовыми на всѣ низости ради спасенія своей жизни; можно сказать даже, что, послѣ описанія жестокостей цезарей, наиболѣе удалось ему изображеніе раболѣпства сената: здѣсь энергичный разсказъ историка такъ и дышетъ острымъ чувствомъ омерзѣнія и гнѣва.

Итакъ, у Тацита встрѣчаются двѣ противоположныхъ, постоянно борющихся между собой тенденцій: онъ то уступаетъ мнѣніямъ окружающихъ, то противится имъ. Эта непослѣдовательность уже сама по себѣ доказываетъ, что у него не было предвзятаго намѣренія все одобрять въ нихъ, и что онъ вовсе не былъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, человѣкомъ партіи. На самомъ же дѣлѣ онъ уступаетъ имъ безсознательно, а противодѣйствуетъ всегда умышленно. Чтобы хорошенько узнать Тацита и судить о немъ, необходимо выдѣлить изъ этихъ мимолетныхъ противорѣчій и колебаній его подлинное лицо, и намъ кажется, что достигнуть этого не такъ ужъ трудно, если взяться за чтеніе его произведеній безъ предубѣжденія, но и безъ лишней довѣрчивости. Въ этомъ случаѣ мы вынесемъ изъ чтенія Тацита совсѣмъ не то впечатлѣніе, которое выносится обыкновенно; и прежде всего насъ поразитъ та масса всякаго рода общераспространенныхъ заблужденій относительно характера и взглядовъ Тацита. Его считаютъ убѣжденнымъ республиканцемъ; между тѣмъ, онъ самъ всегда выдавалъ себя за вѣрнаго сторонника имперіи. Онъ слыветъ за яраго революціонера, а мы только что видѣли, какъ онъ являлся иногда самымъ робкимъ консерваторомъ. Нетерпимые къ нему критики называютъ его памфлетистомъ; но болѣе неудачнаго прозвища нельзя и выдумать. Его „Исторія“ и „Анналы“ отнюдь не походятъ на тѣ эфемерныя летучки, которыя живутъ злобой дня и вмѣстѣ съ ней исчезаютъ; его труды не принадлежатъ и къ тѣмъ анонимнымъ безвѣстнымъ листкамъ, которые тайкомъ проникаютъ въ публику и привлекаютъ именно своей таинственностью. Тацитъ свои произведенія писалъ свободно и открыто; ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ, съ блескомъ появились они въ свѣтъ, встрѣтили общее признаніе и сразу

были отнесены къ классическимъ [1]). Они не только не повредили общественному положенію автора, но, напротивъ, можно съ увѣренностью сказать, что они упрочили это положеніе: въ числѣ самыхъ усердныхъ читателей и самыхъ горячихъ поклонниковъ этихъ книгъ былъ самъ императоръ и его дворъ. Тацита охотно представляютъ себѣ какимъ-то заговорщикомъ, „который взялъ на себя месть народовъ“ [2]), который жилъ въ тихомъ одиночествѣ, невидимо подстерегая тирана, чтобы потомъ выставить его на поруганіе потомства. Это большая ошибка; напротивъ, Тацитъ всегда занималъ общественныя должности, исполнялъ высшія государственныя порученія и вѣрно служилъ императорамъ, даже самымъ жестокимъ. Повидимому, онъ лично руководился совѣтомъ, который влагаетъ въ уста одному изъ дѣйствующихъ лицъ своей „Исторіи“: „Нужно желать добрыхъ государей и терпѣливо переносить дурныхъ“ [3]). Онъ былъ преторомъ при Домиціанѣ и не видно, чтобы онъ старался раздражать императора какими-нибудь безполезными выходками. Онъ былъ членомъ того робкаго сената, которымъ „плѣшивый Неронъ“ пользовался для своихъ звѣрствъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые блѣднѣли и вздыхали, когда передъ лицомъ сената ставили какую-нибудь важную жертву. Онъ видѣлъ, какъ Гелвидія волокли въ тюрьму, онъ судилъ Сенеціона и Рустика. Конечно, эти ужасныя зрѣлища, заставляли его глубоко страдать но какъ-бы то ни было — онъ все же перенесъ ихъ; а такъ какъ онъ пережилъ Доминиціана, продолжая быть въ милости, то нужно заключить отсюда, что онъ рѣшился по-

---

[1]) Плиній, Epist., VIII, 33: auguror, nec me fallit augurium, historias tuas immortales futuras. Моммсенъ заключилъ даже изъ одного письма Плинія, что успѣхъ произведеній его друга былъ нѣсколько шумнѣе, чѣмъ ему было желательно. Сравнивая себя съ Тацитомъ, онъ охотно становился на второе мѣсто, но ему не нравилось, что разстояніе такъ сильно увеличивалось.

[2]) Это выраженіе изъ извѣстной статьи Шатобріана въ Mercure, которая вызвала гнѣвъ Наполеона.

[3]) Hist., IV, 8. Правда, Тацитъ заставляетъ говорить здѣсь доносчика, но ту же мысль онъ выразилъ въ другомъ мѣстѣ устами Церіала (Hist., IV, 74).

ступать такъ же, какъ другіе, и не отказывался воздавать императору тѣ почести, безъ которыхъ нельзя было тогда сохранить ни своего положенія ни даже жизни.

Изъ всѣхъ произведеній Тацита, „Жизнь Агриколы“ лучше всего показываетъ, насколько онъ во всѣхъ случаяхъ держалъ сторону благоразумія и покорности. Въ послѣднее время часто задавались вопросомъ, какія цѣли онъ преслѣдовалъ въ этомъ произведеніи [1]). Есть ли это подражаніе тѣмъ надгробнымъ словамъ, которыя произносились на форумѣ, или же это просто біографія, въ родѣ тѣхъ, что Рустикъ написалъ о Тразеѣ, а Сенеціонъ о Гельвидіи? Мы думаемъ, что это ни то ни другое. Тацитъ описывалъ жизнь Агриколы съ чисто политическими намѣреніями, и воспоминаніе о немъ послужило историку только поводомъ излить свое настроеніе. Послѣ смерти Домиціана произошло то, что обыкновенно происходитъ при жестокихъ реакціяхъ. Жертвамъ низложеннаго порядка воздавалось поклоненіе [2]); между людьми, которые гордились теперь своей ненавистью къ старому порядку, одни были давнишними противниками его, а другіе—только со вчерашняго дня; лица обѣихъ категорій ожесточенно оспаривали другъ у друга общественную симпатію, но дружно осыпали ругательствами и стращали угрозами всѣхъ тѣхъ, кто служилъ тирану. Тацитъ находилъ, что это—крайность; ему казалось несправедливымъ такое отношеніе къ людямъ, которые въ самыя трудныя времена старались по возможности честно разрѣшить трудную задачу жизни; несправедливо презрительно называть ихъ трусами только за то, что они помирились со зломъ, котораго не могли устранить. Агрикола, котораго прославляетъ Тацитъ, былъ не только его тестемъ, но героемъ въ его вкусѣ; онъ былъ терпѣливъ, умѣренъ.

[1]) См. особенно статью Гюбнера, Hermes, I, стр. 438 и 439. Мы уже высказали мысль, что „Агрикола“ былъ, вѣроятно, разновидностью политическаго памфлета (Revue des deux Mondes, 15 января 1870). Этотъ взглядъ былъ развитъ позднѣе Гантрелемъ въ Revue de l'instruction publique en Belgique, 1 мая 1870, и намъ кажется, что вызванные этимъ мнѣніемъ споры въ Германіи не поколебали его.

[2]) Плиній, Epist., VIII, 12; см. также IX, 13.

врагъ всякаго задора и хвастовства; онъ „умѣлъ во-время угодить и совмѣщать пользу съ добродѣтелью“ [1]), не бросался навстрѣчу опасностямъ и не навлекалъ на себа гнѣва императора, когда можно было избѣжать этого. Этотъ человѣкъ, дѣятельный и смѣлый передъ непріятелемъ, замолкалъ и хоронился въ Римѣ, когда того требовали обстоятельства. Не разъ онъ безпрекословно подчинялся требованіямъ Домиціана; по возвращеніи изъ Британіи онъ рѣшился поблагодарить императора за оказанную ему несправедливость, чтобы не раздражить его еще больше, а передъ смертью завѣщалъ ему часть своего имущества, какъ своему лучшему другу, изъ страха, чтобы тотъ не захватилъ всего. Тацитъ безусловно одобряетъ всѣ дѣйствія Агриколы и ставитъ его въ качествѣ примѣра сторонникамъ радикальной оппозиціи и смѣлаго протеста, „Пусть знаютъ, — говоритъ онъ съ полемической горячностью, — всѣ радикалы и поклонники всякой борьбы съ властью, что и при дурныхъ государяхъ могутъ быть великіе люди, что умѣренность и покорность при силѣ и талантѣ столь же достойны славы, какъ и та отвага, которая рискуетъ безъ всякой пользы для государства и ищетъ чести „въ громкой смерти“ [2]). Трудно быть дальше отъ революціоннаго настроенія.

Подобное же отвращеніе отъ всякихъ крайностей, безразсудствъ и утопій настроило Тацита противъ философіи. Въ этомъ случаѣ онъ снова расходится съ мнѣніями высшаго общества, въ безусловной преданности которому его обвиняютъ. Философія пользовалась здѣсь большимъ почетомъ, и, другъ Тацита, Плиній, который не прочь польстить людямъ, создающимъ общественное мнѣніе, не упускаетъ случая высказать свое уваженіе философіи. Тацитъ, наоборотъ, сторонится отъ нея и не скрываетъ своего недовѣрія. Онъ

---

[1]) Agric., 8: peritus obsequi, eruditusque utilia honestis miscere.

[2]) Agric., 42. Не безъ основанія онъ вспоминаетъ въ другомъ мѣстѣ, что всѣ были соучастниками жестокостей Домиціана: mox nostrae duxere Helvidium in carcerem manus и т. д. Такимъ образомъ, обвиняя самого себя, онъ оставляетъ за собой право напомнить многимъ изъ тѣхъ, кто громче всѣхъ кричитъ противъ минувшаго порядка, что они терпѣливо сносили его, пока онъ существовалъ.

открыто заявляетъ, что „не подобаетъ римлянину и сенатору имѣть черезчуръ сильное пристрастіе къ ней", — а занимающихся ею обвиняетъ въ неумѣніи соблюдать мѣру [1]): онъ находитъ, что громкимъ именемъ философа бездѣльники часто прикрываютъ свою лѣнь [2]). Самыми знаменитыми представителями въ этой области онъ далеко не очарованъ. Къ Сенекѣ онъ вообще относится довольно сурово. Даже Тразея не избѣгаетъ его упрековъ [3]); онъ весело потѣшается надъ добрякомъ Музоніемъ Руфомъ, который имѣлъ неосторожность ораторствовать о мирѣ между двумя войсками, готовыми къ бою, и, чтобы спастись, вынужденъ былъ „поскорѣе прекратить эту несвоевременную мораль" [4]). Ясно, что Тацитъ принадлежалъ къ числу людей, которые обвиняли философовъ въ томъ, что они вносятъ въ политическую борьбу слишкомъ много упрямства и тщеславія. Что касается до его самого, то его стремленія не такъ возвышенны, и роль, которую онъ хочетъ играть, значительно скромнѣе. „Попытаемся, — говоритъ онъ, — найти средній путь между сопротивленіемъ, которое само себя губитъ, и раболѣпствомъ, которое себя позоритъ, путь, одинаково свободный и отъ униженія и отъ опасности" [5]). Удержаться на такомъ пути было трудно при Домиціанѣ; это сдѣлалось легче, когда, съ появленіемъ Нервы, на тронъ вступила честность. Избраніе Траяна довершило всѣ желанія Тацита и отняло у него поводъ сожалѣть о чемъ-либо въ прошломъ или стремиться къ чему-либо въ будущемъ [6]). Восторженныя изліянія, которыми онъ привѣтствуетъ „зарю счастливаго

---

1) Agric., 4.

2) Hist., IV, 5.

3) Ann., XIV, 12: sibi causam periculi fecit, ceteris initium libertatis non praebuit.

4) Hist., III, 81.

5) Ann., IV, 20.

6) Тацитъ какъ будто видѣлъ гарантію благополучія Рима въ томъ фактѣ, что императорская власть не стала вполнѣ наслѣдственной и что, обыкновенно, царствующій императоръ избиралъ своего преемника и усыновлялъ его. Онъ заставляетъ говорить это Гальбу (Hist., I, 16). Того же мнѣнія держится и Плиній (Paneg., 7 и 8), Несомнѣнно, что изъ Антониновъ единственнымъ сквернымъ государемъ, наслѣдовавшимъ своему законному отцу, былъ Коммодъ, сынъ Марка Аврелія.

вѣка“ [1]), доказываютъ, что онъ, наконецъ, дождался правленія, которое могъ предпочесть всѣмъ другимъ, и что при самыхъ дурныхъ императорахъ его желанія и мечты не шли дальше того, чтобы на престолъ взошелъ хорошій государь.

III.

Ювеналъ. — Трудность его характеристики. — Что онъ самъ разсказываетъ намъ о своемъ положеніи и состояніи. — Гнѣвъ на аристократію, дурно принявшую его.—Ювеналъ—живописецъ маленькихъ людей.

Однако же, именно въ первые годы этого славнаго царствованія, которое съ такимъ энтузіазмомъ привѣтствуетъ Тацитъ, въ то самое время, когда Римъ наслаждался неизвѣстнымъ ему до тѣхъ поръ счастьемъ — находиться подъ управленіемъ добраго и честнаго государя, въ этотъ моментъ раздается раздраженный и запальчивый голосъ Ювенала, съ неслыханной рѣзкостью обличающаго своихъ современниковъ и старающагося увѣрить всѣхъ, что никогда еще человѣчество не было до такой степени жалко и безнравственно, какъ именно въ его время. Ювеналъ является для насъ загадкой. Если вспомнить, что онъ жилъ при Траянѣ и Адріанѣ, слѣдовательно, поносилъ тотъ самый вѣкъ, который историки превозносили похвалами, то нелегко объяснить его желчность и понять его гнѣвъ. Почему Ювеналъ такъ явно противорѣчитъ всѣмъ своимъ современникамъ? Кто правъ, онъ или они? Кто же вводитъ въ заблужденіе потомство, кто обманываетъ: исторія ли, которая видитъ такъ много хорошаго въ этой эпохѣ, или поэтъ, который изобразилъ намъ ее въ такихъ отталкивающихъ картинахъ? Таковъ самый важный изъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ при чтеніи латинскаго сатирика. Конечно, интересно изучить Ювенала, какъ писателя и поэта, но еще болѣе важно понять его, какъ человѣка и моралиста [2]). Всѣ признаютъ его талантъ, но

---

[1]) Agric., 2: beatissimi seculi ortu.

[2]) См. интересныя главы, посвященныя Ювеналу у Низара въ его Etudes sur les poëtes latins de la décadence. Никто не объяснилъ лучше этого автора генія сатирика съ его величіемъ и слабостями; до Низара обычно довольствовались нѣсколькими туманными похвалами, онъ же, путемъ глубокаго анализа, старается опредѣлить, насколько искрененъ Ювеналъ въ своихъ стихахъ и какова здѣсь доля декламаціи.

его нравственный обликъ вызываетъ сомнѣніе, а правильность его сужденій даетъ поводъ къ разногласіямъ. Отсюда и первый вопросъ, который приходитъ въ голову при чтеніи Ювенала: въ какой степени можно ему довѣрять и имѣетъ ли онъ право подрывать всѣ свидѣтельства исторіи? На этотъ вопросъ мы и попытаемся прежде всего отвѣтить.

Всякій разъ, когда человѣкъ присваиваетъ себѣ право судить своихъ современниковъ, необходимо поступить съ нимъ такъ, какъ поступаютъ со свидѣтелемъ на судѣ: чтобы опредѣлить, какую цѣну имѣютъ его показанія, нужно узнать, каковъ онъ самъ. Силѣ его обличеній соотвѣтствуетъ ли строгость его личнаго поведенія? Не расположенъ ли онъ по своему происхожденію и имущественному положенію къ строгимъ приговорамъ надъ современниками? Не мститъ ли онъ имъ, прикрываясь защитой нравственности и добродѣтели, за какія-нибудь личныя обиды? На большую часть вопросовъ у насъ нѣтъ отвѣта. Біографія Ювенала очень мало извѣстна. Самое крупное событіе въ его жизни,—изгнаніе, которому онъ подвергся за слишкомъ рѣзкій тонъ своихъ сатиръ,— разсказывается въ частностяхъ совершенно различно, и даже неизвѣстно въ точности, при какомъ императорѣ это изгнаніе произошло. Если, восполняя молчаніе его біографовъ, мы обратимся къ самому автору, то едва ли удовлетворимся полученнымъ результатомъ: Ювеналъ всячески избѣгаетъ говорить о себѣ. А между тѣмъ у латинскихъ сатириковъ было въ обычаѣ выставлять себя на-показъ. „Жизнь Люцилія — говоритъ Горацій — выступаетъ въ его произведеніяхъ, какъ на картинѣ“ [1]); самъ Горацій также занимаетъ насъ часто своей особой, и не трудно по его стихотвореніямъ возстановить всю исторію его жизни. Ювеналъ скромнѣе или, можетъ быть, осторожнѣе ихъ и рѣдко показываетъ себя публикѣ. Каковъ бы ни былъ мотивъ этой сдержанности, она, во всякомъ случаѣ, оказалась выгодной для его славы. Рѣдко случается, чтобы откровенное выставленіе сатирикомъ своей личности не повредило впечатлѣнію его проповѣди; въ самой безупречной жизни всегда найдутся слабыя стороны и недостатки, ко-

---

[1]) Горацій, Sat. II, 1, 34.

торые недоброжелательная молва готова подхватить и преувеличить, ибо тотъ, кто требователенъ къ другимъ, естественно и къ себѣ вызываетъ строгое отношеніе. Всякій можетъ спросить, почему у сатирика такъ мало снисходительности къ современникамъ, если онъ самъ нуждается въ ней, и по какому праву, будучи самъ не безъ грѣха, онъ безпощадно ихъ бичуетъ? Тщательно умалчивая о себѣ, Ювеналъ избѣгнулъ всѣхъ этихъ упрековъ. Такъ какъ жизнь его очень мало извѣстна, то ничто не мѣшало почитателямъ его измыслить такую біографію сатирика, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы выражаемымъ имъ чувствамъ, и вообразить его себѣ не такимъ, какимъ онъ былъ, но какимъ онъ долженъ былъ быть. Такимъ образомъ, сама таинственность способствовала его величію. Рука, выступившая изъ мрака, чтобы бичевать преступное общество, стала казаться чѣмъ-то необычайнымъ и зловѣщимъ. Это былъ уже не обыкновенный сатирикъ, человѣкъ, слабости котораго въ значительной степени подрываютъ его авторитетъ, — это какъ будто сама сатира мстила за поруганную нравственность и добродѣтель.

Необходимо, тѣмъ не менѣе, извлечь автора изъ мрака и, если возможно, направить лучъ свѣта на эту ускользающую отъ насъ фигуру. Хотя Ювеналъ и старался говорить о себѣ какъ можно меньше, однако, въ его произведеніяхъ иногда проскальзываютъ случайныя обмолвки, которыя необходимо всѣ собрать; по нимъ мы узнаемъ прежде всего, каково было его общественное положеніе и имущественное состояніе. Отъ его біографовъ мы знаемъ, что онъ былъ роднымъ или пріемнымъ (alumnus) сыномъ одного богатаго вольноотпущенника изъ Аквинума [1]). Слѣдовательно, вступая въ жизнь, онъ долженъ былъ имѣть хорошія средства, а изъ его послѣднихъ сатиръ, написанныхъ въ старости, можно заключить, что онъ не расточилъ состоянія и подъ конецъ жизни. По случаю возвращенія одного изъ своихъ друзей, котораго онъ считалъ погибшимъ, Ювеналъ принесъ въ жертву двѣ овцы Минервѣ и теленка Юпитеру. „Если бъ я былъ богаче, — добавляетъ онъ, — если бы мое

[1]) Различныя біографіи Ювенала собраны Отто Яномъ въ его прекрасномъ изданіи сатирика.

состояніе соотвѣтствовало бы моему чувству, я къ жертвеннику притащилъ бы жертву жирнѣе Гиспуллы, откормленнаго на Клитумнскихъ пастбищахъ быка[1]).“ Однако, жертвовать овецъ и телятъ тоже чего-нибудь должно было стоить: далеко не каждый былъ въ состояніи это сдѣлать. Марціалъ, напримѣръ, былъ принужденъ искать другого способа выразить свою благодарность богамъ. Въ другомъ мѣстѣ Ювеналъ описываетъ обѣдъ, который онъ собирался дать своимъ друзьямъ. Онъ подчеркиваетъ, что обѣдъ будетъ далеко не роскошенъ, и, пользуясь случаемъ, поднимаетъ на смѣхъ безумныя издержки вельможъ своего времени. Его меню, однако, не такъ ужъ тоще. „Я не пошлю за провизіей на рынокъ, — говоритъ онъ;—изъ окрестностей Тибура доставятъ мнѣ жирнаго козленка, который еще не щипалъ травы, потомъ спаржу, затѣмъ только что снесенныя, еще не успѣвшія остынуть въ сѣнѣ яйца, и тѣхъ куръ, которыя ихъ снесли, наконецъ, виноградъ, сохраняемый цѣлую зиму въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ на своей вѣткѣ, груши изъ Сигніи и Сиріи и въ тѣхъ же корзинахъ душистыя яблоки, не хуже Пиценскихъ“[2]). Ясно, что это далеко не спартанскій обѣдъ; Горацій угощалъ своихъ друзей гораздо проще. Нужно прибавить, что и прислуга соотвѣтствовала меню. Конечно, мы не найдемъ у Ювенала такихъ дворецкихъ, какъ у Тримальхіона, настоящихъ артистовъ своего дѣла, которые кушанья разрѣзываютъ въ тактъ жестамъ пантомимъ. Но у него всетаки есть нѣсколько рабовъ: „Оба мои служителя одѣты одинаково, съ короткими и незавитыми волосами, причесаны спеціально для такого торжественнаго случая. Одинъ изъ нихъ сынъ моего пастуха, другой сынъ погонщика воловъ; онъ вздыхаетъ по своей матери, которой давно не видалъ. Онъ нальетъ тебѣ вина изъ виноградниковъ своей родины, съ тѣхъ холмовъ, у подножья которыхъ онъ когда-то игралъ; вино и виночерпій съ одной и той же почвы“[3]). Итакъ, у Ювенала есть собственный пастухъ и погонщикъ воловъ; онъ выписываетъ козленка изъ Тибура, конечно, изъ какого-

[1]) XII, 11.
[2]) XI, 74.
[3]) XI, 150.

нибудь принадлежащаго ему помѣстья; вино у него изъ собственныхъ виноградниковъ. Слѣдовательно, ему не было нужды жить попрошайничествомъ, какъ большинство его литературныхъ собратьевъ; ему не приходилось дѣлить печальную участь, напримѣръ, Рубрена Лаппа, который долженъ былъ заложить свою пьесу „Атрей", чтобы купить себѣ плащъ, или Стацiя, который умеръ бы съ голода, если бы актеръ Парисъ не купилъ у него „Агавы". Но Ювеналъ все-таки не считалъ себя богатымъ и охотно причислялъ себя къ людямъ недостаточнымъ (mediocres), къ которымъ свѣтъ такъ строгъ. Не самъ ли онъ говоритъ, однако, что никто не бываетъ доволенъ своей судьбой? Въ одномъ любопытномъ отрывкѣ, гдѣ Ювеналъ возстаетъ противъ людей ненасытныхъ, онъ пытается установить границу, которой не слѣдуетъ переступать благоразумному человѣку въ его стремленiи къ наживѣ. Такой границей онъ считаетъ ежегодный доходъ трехъ всадниковъ, т. е. 12 тысячъ франковъ ренты[1]). Это былъ довольно высокiй идеалъ: доходъ въ 12000 франковъ нельзя считать маленькимъ въ томъ обществѣ, въ которомъ люди средняго достатка были исключенiемъ и которое состояло только изъ миллiонеровъ и нищихъ; можно было бы удовольствоваться и меньшимъ, не переходя въ разрядъ бѣдняковъ. Итакъ, мы имѣемъ основанiе думать, что если Ювеналъ и не былъ такъ богатъ, какъ желалъ бы, т. е. не имѣлъ ренты въ 12000 франковъ, которую онъ считалъ необходимой для того, чтобы жить порядочно, то все-таки онъ вовсе не бѣдствовалъ, и его отнюдь нельзя отнести къ числу людей, о которыхъ онъ съ грустью замѣчаетъ: „Трудно достойному человѣку составить себѣ имя, когда у порога стоитъ нищета[2])."

Окончательно убѣждаетъ насъ въ этомъ предположенiи то обстоятельство, что по своемъ прiѣздѣ въ Римъ изъ Аквинума Ювеналъ совершенно не торопится избрать себѣ профессiю для заработка. Онъ всецѣло отдался своимъ наклонностямъ, остановивъ свой выборъ на напыщенномъ школьномъ краснорѣчiи, которое называлось декламацiей. Странный вкусъ для человѣка, который издали кажется намъ

[1]) XIV, 322.
[2]) III, 164.

такимъ серьезнымъ умомъ! Добрую половину своей жизни онъ декламировалъ, т. е. созывалъ въ извѣстные дни письмами и объявленіями всѣхъ римскихъ образованныхъ людей въ нанятую имъ залу и угощалъ ихъ здѣсь выдуманными процессами, изобрѣтая новые аргументы на заѣзженныя темы. Его біографъ увѣряетъ, что онъ декламировалъ ради собственнаго удовольствія (animi causa); но трудно допустить, чтобы онъ предавался этому пустому занятію ради одного только удовольствія подавать совѣты Суллѣ или защищать людей, которые никогда не приводились на судъ. Очевидно, онъ хотѣлъ познакомить съ собой публику, надѣясь добиться извѣстности и заставить говорить о себѣ въ Римѣ. Достигъ ли онъ поставленной цѣли? Достигъ ли онъ путемъ этихъ школьныхъ упражненій репутаціи, соотвѣтствовавшей его таланту? Сомнительно. Правда, Марціалъ называетъ его гдѣ-то „краснорѣчивымъ Ювеналомъ“, но, можетъ быть, это лишь одинъ изъ тѣхъ дружескихъ комплиментовъ, которымъ нельзя придавать большого значенія. Несомнѣнно одно, что имя его не упоминается ни разу въ перепискѣ Плинія, которая освѣщаетъ все литературное движеніе эпохи [1]). Позднѣе, бросивъ свою первоначальную профессію, Ювеналъ вспоминалъ о ней не иначе, какъ съ горечью. „И я тоже, — говоритъ онъ — протянулъ нѣкогда руку къ школьной линейкѣ; не хуже другихъ я старался убѣдить Суллу вернуться къ частной жизни и храпѣть въ два голоса“ [2]). Развѣ онъ сталъ бы такъ трунить надъ временемъ, которое вызывало у него воспоминаніе о первыхъ успѣхахъ? Извѣстно также, что Ювеналъ вообще плохо относился къ подвизавшимся съ нимъ на томъ же поприщѣ, но только съ бòльшимъ успѣхомъ. Онъ не упускаетъ случая посмѣяться надъ Квинтиліаномъ; мимоходомъ онъ задѣваетъ Изея, греческаго декламатора, который прогремѣлъ на весь Римъ и которому Плиній посвятилъ одно изъ сво-

[1]) М. Моммсенъ доказалъ, что первая книга писемъ Плинія опубликована въ 97 году, до вступленія на престолъ Траяна. По всей вѣроятности, Ювеналъ не написалъ еще своихъ сатиръ и ничто не мѣшало Плинію упомянуть его имя, если бы онъ прославился своимъ краснорѣчіемъ. См. статью Моммсена „Жизнь Плинія младшаго“.

[2]) I, 15.

ихъ писемъ. Это явное раздраженіе, эти язвительныя слова, которыя безпрестанно вырываются у Ювенала по адресу декламаціи и декламаторовъ, повидимому, свидѣтельствуютъ о несбывшихся надеждахъ. Онъ началъ жизнь неудачей и, естественно, озлобился противъ общества, которое не сумѣло оцѣнить его по достоинству.

А между тѣмъ это общество тонко отличало выдающихся людей. Ораторы, пріобрѣвшіе извѣстность въ судебной или школьной практикѣ, всюду отлично принимались. Изей, о которомъ мы только что упоминали, стоялъ на короткой ногѣ съ самыми знатными вельможами, а изъ писемъ Плинія мы знаемъ, что простые философы нерѣдко женились на женщинахъ очень высокаго происхожденія [1]). Ювеналу счастье не улыбнулось; нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы ему удалось сблизиться съ важными особами; по всей вѣроятности, онъ никогда не проникалъ дальше ихъ передней. Нужно видѣть, какъ онъ завидуетъ судьбѣ Виргилія, мелкаго помѣщика изъ Мантуи, или Горація, сына раба, которые оба добились покровительства императора и стали чуть ли не интимными друзьями перваго министра! Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ принимать на вѣру, основываясь на репутаціи Ювенала, будто бы онъ пренебрегалъ этими милостями; нельзя представлять его себѣ однимъ изъ тѣхъ недовольныхъ гордецовъ, которые высокомѣрно уединяются и которыхъ знатные люди не безпокоятъ въ ихъ добровольномъ одиночествѣ, такъ какъ не замѣчаютъ у нихъ желанія гнуть спину. Одна пикантная нескромность друга его, Марціала, разрушаетъ подобныя иллюзіи. — Всѣмъ извѣстенъ, конечно, странный обычай „милостыни“ (sportula), которымъ кормилась значительная часть римскаго населенія. Каждый день, раннимъ утромъ, бѣдные кліенты знатныхъ домовъ выходили изъ своихъ отдаленныхъ кварталовъ, становились у дверей богатыхъ людей и здѣсь ожидали ихъ пробужденія. Каждый старался явиться первымъ, чтобы показать свое усердіе въ исполненіи обязанностей. Они выстраивались въ рядъ вдоль стѣны, зимой коченѣли отъ холода, лѣтомъ задыхались отъ жары подъ тяжестью тоги,

---

[1]) Epist., III, 11, 5.

защищая свои мѣста отъ собакъ и прислуги, пока, наконецъ, двери раскрывались и всѣхъ ихъ поочереди пропускали въ атріумъ. Проходя, они отвѣшивали поклонъ хозяину дома который отвѣчалъ имъ небрежнымъ кивкомъ, а затѣмъ послѣ тщательной провѣрки, они получали отъ казначея по 10 сестерцій (2 франка), представлявшихъ средство ихъ пропитанія. Не многимъ извѣстно, однако, что и Ювеналъ былъ однимъ изъ такихъ утреннихъ кліентовъ, осаждавшихъ дома богачей. Сохранилось прелестное стихотвореніе Марціала, въ которомъ онъ, вернувшись, наконецъ, въ свою дорогую Испанію, описываетъ другу покой и счастье, которыми онъ наслаждается, и восхваляетъ тотъ продолжительный сонъ, которымъ онъ старается вознаградить себя теперь за тридцатилѣтнее недосыпаніе. „Въ эту самую минуту, ты, мой дорогой Ювеналъ, можетъ быть, бродишь безъ устали по шумной Субуррѣ или по холму Діаны. Въ тяжелой тогѣ, обливаясь потомъ, ты являешься къ знатнымъ господамъ и изнемогаешь, взбираясь на склоны большого и малаго Целійскаго холма“ [1]). Ювеналу приходилось, разумѣется, протягивать руку за подаяніемъ, какъ дѣлали другіе; его средства позволяли ему обходиться безъ милостыни въ 10 сестерцій; но онъ стремился, вѣроятно, найти себѣ вліятельныхъ покровителей; можетъ быть ему хотѣлось какимъ-нибудь путемъ втереться въ тотъ пышный свѣтъ, куда онъ не могъ иначе пробраться; это желаніе и заставило сатирика пренебречь скукой утреннихъ визитовъ. Итакъ, Ювеналъ на самомъ себѣ испыталъ всѣ тѣ униженія, которыя онъ такъ часто описываетъ. Онъ поднимался среди ночи, наскоро одѣвался, боясь, какъ бы не предупредили его другіе, болѣе усердные кліенты, полуодѣтый отправлялся въ путь, „бѣгомъ взбирался по ледяному скату Эсквилина, въ то время какъ градъ хлесталъ ему въ лицо и съ его жалкаго плаща текли потоки весенняго ливня“ [2]). Онъ выслушивалъ дерзости нахальныхъ рабовъ, которыми полны были богатые дома, затѣмъ униженно представалъ предъ богачемъ, у котораго голова еще не отрезвилась отъ вче-

---

[1]) Epigr., XII, 18.
[2]) VII, 76.

рашнихъ удовольствій и который ограничивался тѣмъ, что уставлялъ на него свой надменный взглядъ, не удостаивая даже шевельнуть губами.

Ut te respiciat clauso Veiento labello! [1]).

Въ такія минуты больной и раздраженный, проклиная Римъ съ его дрязгами, Ювеналъ рѣшалъ избавиться отъ унизительныхъ обязанностей и уѣзжалъ освѣжиться, какъ онъ говорилъ, въ свой милый Аквинумъ. Маленькій городокъ всячески старался получше принять его и удержать у себя; безвѣстный декламаторъ въ Римѣ становился здѣсь важной особой, которой гордились его земляки. Изъ одной надписи мы узнаемъ, что Ювеналу поручили высшую городскую должность и что онъ согласился даже быть жрецомъ бога Веспасіана, что немножко странно для такого скептика, какимъ былъ онъ [2]). Такимъ образомъ Ювеналъ могъ жить у себя на родинѣ въ довольствѣ и почетѣ, но едва ли онъ могъ тамъ долго оставаться. Въ своей знаменитой сатирѣ, гдѣ онъ такъ увлекательно описываетъ темныя стороны столичной жизни, онъ забылъ упомянуть самое крупное неудобство; кто однажды познакомился съ этими неудобствами, тотъ уже не можетъ обойтись безъ нихъ; даже если жизнь въ большомъ городѣ не удовлетворяетъ, она привязываетъ къ себѣ, внушая отвращеніе ко всему другому. Столичный шумъ и дрязги, лихорадочное движеніе, безпорядочная толкотня, суматоха, заботы, непріятности, на что такъ горько жалуются люди, принужденные все это выносить, на самомъ дѣлѣ представляютъ своеобразную и неотразимую прелесть, которая властно притягиваетъ къ себѣ. Какъ бы горько ни приходилось иногда въ большомъ городѣ, какъ бы твердо ни рѣшился человѣкъ изъ него уѣхать, въ концѣ концовъ его тянетъ опять, ему тамъ хочется и жить и умереть! Вотъ почему и нашему ненавистнику Рима, мечтавшему о счастливой старости гдѣ-нибудь въ глуши, „съ любимымъ заступомъ въ рукѣ, усердно воздѣлывая свой маленькій клочекъ земли“ [3]), очень скоро надоѣдала тишина

[1]) III, 185 (Чтобы Вейентонъ посмотрѣлъ на тебя, не разжимая рта).

[2]) Моммсенъ, Insc. regni Neap., 4312.

[3]) III, 228.

Аквинума, и онъ спѣшилъ вернуться какъ разъ въ этотъ ненавистный городъ, чтобы снова подвергаться здѣсь всѣмъ униженіямъ, ожидавшимъ бѣдняка у барскаго порога.

Итакъ, у римской аристократіи Ювеналъ не встрѣтилъ радушнаго пріема; онъ не занялъ среди нея того положенія, какое занималъ при дворѣ Августа Горацій, съ которымъ важныя особы обращались по-дружески, запросто приходили обѣдать въ дни семейныхъ празднествъ, спрашивали его мнѣнія по вопросамъ литературнымъ и этическимъ и считали себя польщенными, если поэтъ посвящалъ имъ оду или посланіе. Никакихъ слѣдовъ подобной близости мы не найдемъ въ сатирахъ Ювенала, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Чѣмъ больше падала политическая мощь римской знати, тѣмъ болѣе она стала чваниться тѣми мелкими отличіями, которыя дѣлали ее невыносимой. Мстя за униженія, которыми ее осыпали цезари, она въ свою очередь вымещала эти оскорбленія на бѣдныхъ людяхъ; въ сущности у ней оставалось только одно право — надменно обращаться съ низшими, и этимъ правомъ она злоупотребляла. Ничто не можетъ быть обиднѣе подобной надменности, особенно когда она исходитъ отъ людей, которые не имѣютъ въ дѣйствительности никакихъ преимуществъ во власти передъ оскорбляемыми. Когда высокомѣріе опирается на дѣйствительную силу, оно кажется болѣе умѣстнымъ и его легче переносить; никто не можетъ, однако, примириться съ дерзостью аристократіи, чванство которой равно ея безсилію. Ювеналъ съ большимъ раздраженіемъ говоритъ о римской знати. Его восьмая сатира на первый взглядъ кажется простымъ разсужденіемъ на моральную тему въ духѣ Сенеки; но уже скоро чувствуется, что въ сердцѣ автора проснулись старыя обиды, и вмѣсто философскихъ отвлеченностей звучитъ страстная и личная нота. Этотъ моралистъ — не мыслитель, который на досугѣ безстрастно размышляетъ объ общественныхъ положеніяхъ, но человѣкъ, который вынесъ на самомъ себѣ соціальное неравенство и не можетъ этого забыть. Онъ на себѣ испыталъ надменность Дамазиппа, кучера знатной семьи, который живетъ въ своихъ конюшняхъ, „приноситъ охапку сѣна

и насыпаетъ ячмень своимъ лошадямъ“ [1]); онъ помнитъ Лентула и Гракха, простыхъ шутовъ и гладіаторовъ; онъ слышалъ, какъ молодой фатъ, гордившійся своими фамильными портретами, обращается къ бѣднякамъ: „Вы, жалкая голь, подонки нашей черни; никто изъ васъ не знаетъ, изъ какой страны вышелъ его отецъ. А я — я происхожу отъ Кекропса“. — „На здоровье, — отвѣчаетъ ему сатирикъ, — величайся сколько влѣзетъ своимъ высокимъ происхожденіемъ! И все же только среди этой самой черни ты чаще всего найдешь римлянина, который своей рѣчью защититъ на судѣ благороднаго невѣжду; изъ этой презрѣнной толпы выходитъ юристъ, который умѣетъ распутать загадки закона; изъ нея же набираются наши молодые храбрые солдаты, отправляющіеся на берега Евфрата или къ батавамъ, чтобы тамъ, подобно орламъ, зорко смотрѣть за покоренными народами. А ты — ты... потомокъ Кекропса и больше ничего. Ты напоминаешь мнѣ голову Гермеса на тумбѣ; единственное твое преимущество, что Гермесъ мраморный, а ты — ты живой болванъ“ [2]). Сколько затаенной злобы вскрываютъ эти слова и какъ чувствуется въ нихъ горечь, вызванная въ поэтѣ пренебреженіемъ къ нему великосвѣтскаго общества, куда его талантъ долженъ былъ открыть ему доступъ и гдѣ тѣмъ не менѣе передъ нимъ захлопнули дверь.

Отвергнутый хорошимъ обществомъ, Ювеналъ примкнулъ къ дурному. Онъ самъ знакомитъ насъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ лицъ, у которыхъ онъ бывалъ: компанія дѣйствительно очень странная для того, кто главную свою задачу видѣлъ въ проповѣди добродѣтели. Не будемъ говорить здѣсь о Марціалѣ, хотя и онъ — далеко не образецъ нравственности, но дружба съ нимъ однимъ еще ничего бы не говорила противъ Ювенала. Марціалъ былъ такъ остроуменъ, его разговоръ былъ такъ увлекателенъ, въ немъ было такъ много огня и изящества, что ради обаянія его таланта можно было легко простить ему его лекомысленное поведеніе и шаткость нравственныхъ принциповъ. Мы говоримъ

---

[1]) VIII, 154.
[2]) VIII, 44.

здѣсь главнымъ образомъ о тѣхъ, къ которымъ Ювеналъ обращается въ своихъ сатирахъ; это вовсе не вымышленныя лица и Ювеналъ относится къ нимъ, какъ къ пріятелямъ, съ которыми постоянно проводитъ время. Самый порядочный изъ нихъ это — Умбрицій, нищій-поэтъ, который, чтобы не умереть съ голоду въ Римѣ, перебрался въ Кумы и всю движимость свою уложилъ въ маленькую ручную телѣжку [1]). Но что сказать объ остальныхъ друзьяхъ Ювенала! Одинъ — искатель любовныхъ приключеній, извѣстный развратникъ (moechorum notissimus), которому не разъ приходилось прятаться въ сундукъ при неожиданномъ возвращеніи мужа [2]); другой — безстыдный паразитъ, который за даровой обѣдъ готовъ на всевозможныя оскорбленія, который сноситъ ругань лакеевъ, насмѣшки вольноотпущенниковъ, грубость хозяина, лишь бы раздобыть лакомый кусокъ и отобѣдать получше, чѣмъ у себя на чердакѣ [3]). Третій, наконецъ, торгуетъ самимъ собой и нисколько не стыдится своего позорнаго ремесла [4]). Вотъ къ какимъ людямъ обращается Ювеналъ съ своими моральными наставленіями и вотъ кого онъ, не стѣсняясь, величаетъ своими друзьями. Онъ даже не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ отношеній къ этимъ людямъ, до такой степени эти отношенія кажутся ему естественными. Французскій ученый Низаръ замѣтилъ, что въ каждомъ маленькомъ стихотвореніи Марціала, посвященномъ Ювеналу, заключается какая-нибудь непристойность; очевидно, таковъ былъ обычный тонъ бесѣды въ этой компаніи и, по всей вѣроятности, оттуда вынесъ Ювеналъ привычку къ грубымъ шуткамъ и безстыднымъ намекамъ. Приглашая какъ-то на обѣдъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, онъ проситъ забыть его всѣ домашнія дрязги: „Забудь — говоритъ онъ ему — объ огорченіи, которое доставляетъ тебѣ жена, когда она вечеркомъ возвращается домой съ растрепанной прической, съ разгорѣвшимся лицомъ, съ красными ушами и въ подозрительно измятомъ платьѣ“ [5]). Странное остроуміе! Надо сознаться,

---

1) III.
2) VI, 43.
3) V.
4) IX.
5) XI, 186.

что едва ли отличалось воспитанностью и интеллигентностью то общество, гдѣ возможны были подобныя шутки надъ другомъ безъ опасенія его разсердить.

И тѣмъ не менѣе въ этомъ-то и заключается наиболѣе любопытная особенность сатиры Ювенала: она вводитъ насъ въ такой кругъ общества, куда иначе мы не могли бы проникнуть. Это сатира мелкаго люда. Она знакомитъ насъ съ голодающими поэтами, профессорами безъ слушателей, адвокатами безъ практики, промотавшимися купцами,—словомъ, со всѣми тѣми, которые терпятъ нужду и живутъ случайностями, которые утромъ стоятъ у дверей богачей, а ночью иной разъ засыпаютъ въ кабачкѣ у Сирофеникса, „рядомъ съ матросами, ворами, бѣглыми рабами, гробовщиками и нищенствующими жрецами Кибелы [1])“. Ювеналъ говоритъ за нихъ; онъ взялъ на себя роль ихъ ходатая и защитника, онъ знаетъ всѣ ихъ нужды и умѣетъ ихъ сильно и правдиво описывать. Онъ постоянно вращается въ кругу этихъ поэтовъ, которые „пишутъ возвышенные стихи въ жалкой лачугѣ“ [2]); риторовъ и учителей грамматики, у которыхъ оттягиваютъ ихъ ничтожное жалованье; адвокатовъ, которые ждутъ успѣшнаго окончанія дѣла, чтобы имѣть возможность пообѣдать и которые „рычатъ, какъ кузнечные мѣха, въ то время, какъ съ ихъ устъ струится ложь“ [3]). Онъ самъ жилъ среди этихъ бѣдныхъ кліентовъ, которые утромъ заявляются къ своимъ патронамъ „въ засаленной и драной туникѣ, въ грязной тогѣ, въ худой или грубо заплатанной обуви“ [4]); онъ слышалъ, какъ они отвѣчали на упрекъ въ томъ, что они побираются подаяніемъ богачей: „А что же мнѣ дѣлать? Когда придетъ декабрь, что я отвѣчу своимъ голымъ плечамъ, которыя требуютъ одежды, или моимъ ногамъ, взывающимъ объ обуви? Развѣ я могу имъ сказать: потерпите, пока не вернутся стрекозы?“ [5]) Повторяю, въ этомъ и заключается главная оригинальность

[1]) VIII, 174.
[2]) VII, 28.
[3]) VII, 110.
[4]) III. 148.
[5]) IX. 66

Ювенала. До него никто на латинскомъ языкѣ не рѣшался замолвить слово за этотъ обездоленный людъ; если бы не онъ, жалобы этихъ несчастныхъ не дошли бы до насъ. Историки обычно сокрушаются только о несчастіяхъ выдающихся лицъ; нужно быть сенаторомъ или всадникомъ, чтобы удостоиться ихъ сочувствія. Состраданіе Ювенала спускается гораздо ниже. Когда онъ описываетъ общественныя бѣдствія, онъ всегда становится на точку зрѣнія бѣдняковъ. Онъ проникается всѣми ихъ предразсудками и передаетъ ихъ жалобы; онъ на все смотритъ ихъ глазами и обрушивается въ особенности на то зло, отъ котораго они страдаютъ. Въ своей первой сатирѣ, гдѣ съ такой охотой онъ развертываетъ передъ нами картину пороковъ своего времени, Ювеналъ нападаетъ на богатыхъ не столько за то, что они растрачиваютъ свое состояніе, сколько за то, что они растрачиваютъ его только на самихъ себя. Развратные, скупые, одинокіе, они не хотятъ звать компаніоновъ, чтобы тѣ помогли имъ скорѣе разориться. „Такъ, стало быть,— восклицаетъ Ювеналъ, — не будетъ ужъ больше паразитовъ, nullus jam parasitus erit!“ [1]). Это восклицаніе словно исходитъ прямо изъ сердца всѣхъ этихъ Неволовъ, Умбриціевъ, Требіевъ. Конечно, нравственность не пострадаетъ отъ того, что уничтожится это постыдное ремесло; но что же будетъ съ тѣми, которые этимъ ремесломъ кормились? Ювеналъ вошелъ въ ихъ положеніе и говоритъ отъ ихъ имени.

Одно изъ весьма любопытныхъ мѣстъ, въ которомъ наиболѣе сильно отразилось вліяніе его кружка, это именно то, гдѣ Ювеналъ такъ яростно нападаетъ на грековъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь проявился самый горячій патріотизмъ. „Граждане, — говоритъ онъ торжественнымъ тономъ, — я не въ состояніи перенести, чтобы Римъ сталъ греческимъ городомъ“ [2]). Такъ и кажется, что это слова цензора Катона. И сколько критиковъ попалось на эту удочку. Они приняли всерьезъ паѳосъ Ювенала и вообразили себѣ его однимъ изъ послѣднихъ защитниковъ національной самобытности римлянъ. Это величайшее за-

---

1) I, 139.
2) III, 60.

блужденіе: подкладка раздраженія Ювенала вовсе не такъ возвышенна, какъ полагаютъ; его гнѣвъ основывается просто на соперничествѣ паразитовъ. Старый римскій кліентъ, привыкшій жить щедротами богачей, не можетъ переварить одной мысли, что его мѣсто займетъ иностранецъ. „Итакъ, онъ будетъ подписываться раньше меня, займетъ за столомъ почетное мѣсто, этотъ пронырливый бездѣльникъ, занесенный къ намъ вѣтромъ вмѣстѣ съ фигами и черносливомъ! Ни во что, стало быть, не ставится теперь, что человѣкъ съ дѣтства дышалъ воздухомъ Авентинскаго холма и питался плодами Сабины!“ [1]). Не правда ли, странный взрывъ національной гордости! Можно подумать, что право льстить патрону и жить на его счетъ является такою же привилегіей, пріобрѣтаемой происхожденіемъ или мѣстомъ жительства, какъ право вотировать законы и избирать консуловъ. Въ сущности, его возмущаютъ вовсе не пріемы, которыми пользуются греки; онъ самъ не прочь былъ ихъ перенять, если бы сумѣлъ. „Я могъ бы льстить не хуже ихъ, — говоритъ онъ, — но они умѣютъ вселять къ нимъ вѣру“ [2]). Какъ теперь бороться угодливостью и раболѣпіемъ съ этимъ ловкимъ и пронырливымъ народомъ. „Грекъ родится актеромъ: если вы смѣетесь, онъ будетъ смѣяться еще сильнѣе. Если патронъ прослезится, онъ уже рыдаетъ навзрыдъ, хотя и не станетъ отъ этого печальнѣе. Если зимой вы скажете, что озябли, онъ немедленно укутывается въ мѣховой плащъ. Если же вы говорите, что вамъ жарко, у него съ лица потъ льетъ уже градомъ“ [3]). Римлянину до такого искусства не дойти. Сколько бы онъ ни трудился, онъ все-таки останется неповоротливымъ и неуклюжимъ: таковъ ужъ его природный недостатокъ. Въ его разговорахъ мало остроумія; онъ ѣстъ слишкомъ жадно; сколько бы онъ ни унижался, ему не отстать отъ грубости и безцеремонности, которыя шокируютъ; онъ не сумѣетъ внести въ свою унизительную службу ни изящества ни изобрѣтательности. Поэтому, разъ патронъ отвѣдалъ греческаго мастерства, испробовалъ какъ тонко грекъ льститъ его прихотямъ и какъ ловко потвор-

[1]) III, 81.
[2]) III, 92.
[3]) III, 100.

ствуетъ его вкусамъ, то ему уже трудно довольствоваться тяжеловѣснымъ римскимъ кліентомъ. „Борьба неравна между нами, — съ грустью замѣчаетъ Ювеналъ; — у нихъ слишкомъ много преимуществъ“ [1]). И хоть бы они позволяли бѣдному кліенту примоститься на кончикѣ стола и время отъ времени забавлять присутствующихъ острымъ словцомъ, съ „крѣпкимъ запахомъ родной почвы“, но нѣтъ, они хотятъ завладѣть цѣликомъ всѣмъ домомъ. „Римлянину нѣтъ болѣе мѣста тамъ, гдѣ царитъ какой-нибудь Протогенъ, Дифилъ или Эримархъ. Они терпѣть не могутъ дѣлиться, желая всецѣло завладѣть патрономъ. Достаточно одного ихъ слова, и вся моя прежняя служба будетъ считаться ни во что и придется убираться“ [2]). И вотъ бѣдняга, выжитый изъ барскаго дома, печально бредетъ къ своему скудному столу, облизываясь при воспоминаніи о вкусныхъ блюдахъ, которыхъ онъ лишился [3]). Таковы истинныя причины раздраженія противъ грековъ, и Ювеналъ, который часто слышалъ, какъ римскіе кліенты охали послѣ своего голоднаго обѣда, правдиво передалъ намъ ихъ настроеніе.

Объединить всѣ эти подробности было далеко не лишнимъ. Онѣ освѣтили намъ общественное положеніе Ювенала, а зная это положеніе, гораздо легче будетъ понять смыслъ его произведеній. Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ, что, прежде чѣмъ стать знаменитымъ поэтомъ, Ювеналъ считался однимъ изъ тѣхъ посредственныхъ болтуновъ, „которые потрясали своимъ краснорѣчіемъ мраморные залы Фронтона“; далѣе мы узнаемъ, что онъ не былъ принятъ въ большомъ свѣтѣ, какъ ни стремился, повидимому, туда проникнуть; что онъ дружилъ съ весьма подозрительной компаніей и проводилъ время съ гуляками и паразитами, хотя и стоялъ гораздо выше ихъ по своему состоянію и по свойственной ему порядочности; однимъ словомъ, выражаясь современнымъ языкомъ, это былъ неудачникъ и человѣкъ

---

[1]) III, 104.

[2]) III, 118.

[3]) Такъ именно описываетъ въ одной ателланѣ Помпоній горе паразита, котораго не пригласили на обѣдъ: Si eum nemo vocat, revortit moestus ad maenam miser (Риббекъ, Fragm. comic. Помпоній, 81).

неудовлетворенный. Эти данныя, нужно сознаться, не могли сдѣлать изъ него уравновѣшеннаго поэта и безпристрастнаго сатирика.

IV.

Почему Ювеналъ взялся за сатиру.—Слѣдствія переворота, низвергшаго Домиціана.—Неопредѣленность политическихъ убѣжденій Ювенала.—Рѣзкіе отзывы о прошломъ.—Его нападки на современниковъ.—Нерасположеніе къ среднему классу и народу.—Онъ домогается императорскихъ щедротъ для писателей.

Ювеналъ ни разу какъ слѣдуетъ не объяснилъ, почему онъ бросилъ прозу и какъ ему пришла мысль взяться за стихи. Онъ туманно приписываетъ это неожиданное открытіе своего призванія тому негодованію, которое вызвало въ немъ зрѣлище пороковъ и смѣшныхъ сторонъ современнаго общества. „Когда я вижу, какъ богатство нашихъ патриціевъ меркнетъ передъ милліонами этого проходимца, который когда-то во дни моей юности скрипѣлъ своей бритвой по моей бородѣ; когда какой-нибудь египетскій оборванецъ гордо несетъ на своихъ плечахъ тирскій пурпуръ,—трудно не писать сатиръ... Нѣтъ силъ изобразить то бѣшенство, которое во мнѣ закипаетъ и сушитъ меня, когда я вижу, какъ какой-нибудь негодяй, обобравшій своего питомца, загромождаетъ улицу толпой своихъ кліентовъ... Можно ли при видѣ такого зрѣлища не остановиться тутъ же на перекресткѣ, чтобы взять въ руки свои таблички и внести въ нихъ всѣ эти чудовищныя безобразія?“ [1]). Несомнѣнно раздраженіе Ювенала вполнѣ законно, но почему же оно явилось у него такъ поздно? Ему было около сорока лѣтъ, когда онъ собрался написать свои первыя сатиры. Нѣтъ ни одной,—по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, какъ онѣ дошли до насъ,—которая бы восходила раньше времени Траяна. Неужели же при Домиціанѣ не было развратниковъ и воровъ, или тогда Ювеналъ еще не надумалъ возмущаться ими? Надо предположить какія-нибудь особыя обстоятельства, задѣвшія его за живое и пробудившія его талантъ; иначе мы не поймемъ, почему онъ вдругъ разго-

[1]) I, 55.

рячился въ такомъ возрастѣ, когда обыкновенно всѣ сильныя страсти улегаются, и почему къ сорока годамъ, когда умственныя привычки людей оказываются сложившимися, онъ неожиданно перемѣнилъ прозу на стихи.

Такимъ исключительнымъ событіемъ несомнѣнно былъ тотъ внезапный переворотъ, который освободилъ имперію отъ Домиціана. Рѣдкіе государи внушали такую ненависть, какъ Домиціанъ, хотя на первый взглядъ онъ и кажется не хуже другихъ; но для объясненія этой усиленной ненависти нужно припомнить, что отъ Тиберія до Нерона Римъ, такъ сказать, не могъ передохнуть; тиранія длилась безпрерывно; она даже перестала поражать и съ нею всѣ свыклись. Воцареніе Веспасіана измѣнило это настроеніе. Всѣмъ казалось, что тяжкія времена имперіи навсегда прошли, на будущее смотрѣли съ надеждой. Снова начали привыкать къ благосостоянію, къ безопасности, ко всѣмъ тѣмъ жизненнымъ удобствамъ, которыми пользуются такъ естественно, что кажется уже невозможнымъ лишиться ихъ. При Веспасіанѣ и Титѣ никто и не думалъ, что времена Тиберія или Нерона могутъ опять вернуться, а между тѣмъ въ лицѣ Домиціана соединились оба эти тирана; онъ какъ будто нарочно взялъ ихъ за образецъ и поставилъ себѣ цѣлью имъ подражать. Такая тиранія явилась тѣмъ болѣе невыносимой, чѣмъ она была неожиданнѣе. Домиціана ненавидѣли и за совершенныя имъ злодѣйства и за разбитыя надежды. Этою бѣшеною злобою только и можно объяснить тотъ безумный восторгъ, который охватилъ всѣхъ при извѣстіи о его смерти; можно судить объ этомъ по письмамъ Плинія: „Вездѣ, — говоритъ онъ, — стоялъ смѣшанный гулъ восклицаній“ [1]. Всѣ тѣ, у которыхъ погибли друзья или родственники, старались за нихъ отомстить. Доносчики трепетали; по вечерамъ они принимались разыскивать раздраженныхъ ими людей и униженно заискивали передъ ними, чтобы ихъ задобрить; но не такъ-то легко было добиться прощенія. Молодежь, вступившая въ общественную жизнь со смерти Веспасіана, вѣрившая въ свои силы и возлагавшая надежды на будущее, была въ теченіе цѣлыхъ пятна-

[1] Epist., IX, 13: inconditо turbidoque clamore.

дцати лѣтъ деспотизма обречена на безмолвіе и бездѣятельность; теперь она радовалась, что у ней развязаны, наконецъ, языкъ и руки, и готова была метать громъ и молнію противъ главныхъ виновниковъ прошлаго. При такомъ пробужденіи свободы, исторія и ораторское искусство тоже оживились. Фанній писалъ похвальное слово жертвамъ Нерона [1]); Капитонъ собиралъ своихъ друзей и читалъ имъ біографіи знаменитыхъ людей, погубленныхъ Домиціаномъ [2]). Совершенно естественно, что и поэзія испытала на себѣ дѣйствіе этого всеобщаго подъема. Въ своихъ первыхъ сатирахъ Ювеналъ говоритъ о смерти Домиціана, какъ о недавнемъ событіи; онѣ были написаны сразу же послѣ переворота, избавившаго Римъ отъ тираніи,—въ самыя первыя минуты общаго возбужденія и толковъ, которыми вознаграждали себя за пятнадцать лѣтъ молчанія. Такимъ образомъ, можно предположить, что ненависть къ Домиціану внушила Ювеналу первыя его стихотворенія. Вѣроятно, у него были и свои личныя причины ненавидѣть Домиціана: многіе думаютъ, что при Домиціанѣ и по его приказу Ювеналъ былъ сосланъ [3]). Понятно, что всеобщее оживленіе, въ связи съ личною обидой, могло привести въ особенно возбужденное настроеніе эту страстную натуру, такъ что самая пламенная прозаическая рѣчь казалась уже слишкомъ слабой для выраженія кипѣвшаго въ душѣ негодованія. Въ то же самое время и подъ тѣми же впечатлѣніями Тацитъ выступалъ впервые, какъ историкъ, со своею біографіей Агриколы. Судьба этихъ двухъ великихъ писателей очень сходна: оба большую часть жизни провели въ занятіяхъ, не создавшихъ имъ славы; оба были выведены на свой настоящій путь однимъ и тѣмъ же политическимъ переворотомъ; оба въ одинаковомъ почти возрастѣ перешли къ тому роду литературныхъ занятій, въ которомъ они сразу проявили необыкновенное мастерство и которое должно было ихъ прославить.

[1]) Плиній, Epist., V, 5.

[2]) Плиній, Epist., VIII, 12.

[3]) Такъ думаетъ Фр. Германнъ, который и выразилъ съ большой убѣдительностью свое мнѣніе въ предисловіи къ своему изданію Ювенала (изд. Тейбнера). Много вѣроятнѣе, однако, что Ювеналъ былъ сосланъ лишь въ концѣ своей жизни, при императорѣ Адріанѣ. См. предисловіе Вейднера (Juvenalis sat., Лейпцигъ, 1873).

Сатира Ювенала, возникшая изъ политическаго переворота, естественно, должна была носить политическій характеръ. Дѣйствительно, она много трактуетъ о событіяхъ современной или недавней жизни и свободно высказываетъ свое мнѣніе о людяхъ и событіяхъ. А между тѣмъ, если спросить себя, прочитавши Ювенала, къ какой партіи онъ принадлежитъ и какой формѣ правленія онъ отдаетъ предпочтеніе, то отвѣтъ окажется довольно затруднителенъ. Очень легко сказать, конечно, подобно Виктору Гюго, что въ Ювеналѣ жилъ „старый свободный духъ отошедшей въ вѣчность республики“ (la vieille âme libre des républiques mortes), но если попробовать это доказать, то здѣсь-то и начнутся затрудненія. Нѣтъ ни одной строчки у Ювенала, изъ которой можно было бы съ увѣренностью заключить, что онъ былъ республиканецъ. Чтобы имѣть право утверждать это, прибѣгаютъ къ самымъ натянутымъ соображеніямъ. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, Ювеналъ жалуется, что патронъ угощаетъ своихъ гостей прокисшимъ и прогорклымъ виномъ, между тѣмъ какъ себѣ наливаетъ прекрасныя вина изъ Альбы и Сетіи, „тѣ вина, которыя пили увѣнчанные цвѣтами Гельвидій и Тразея на праздникѣ въ честь обоихъ Брутовъ“ [1]). „Какіе чудные стихи, — восклицаетъ по этому поводу Лемэръ, — и какъ ясно сквозитъ въ нихъ его любовь къ свободѣ и ненависть къ тиранніи!“ [2]) — „Да, это былъ римлянинъ стараго закала“, — прибавляетъ при этомъ Видалъ [3]). Въ дѣйствительности, это былъ просто-на-просто насмѣшникъ, который не прочь былъ мимоходомъ намекнуть, что и суровые республиканцы не отказывались отъ хорошаго вина; нужно было очень много снисходительности, чтобы въ подобной выходкѣ видѣть авторское profession de foi [4]).

[1]) V, 36.

[2]) Lemaire, Juven. sat. I, стр. 306: dulcissimi versus, qui summum libertatis desiderium odiumque tyrannidis spirant!

[3]) Въ его книгѣ „Juvenal et ses satires“.

[4]) Необходимо помнить, что при дворѣ Траяна не считалось преступленіемъ чтить память героевъ республики. Плиній разсказываетъ, что Титиній Капитонъ открыто держалъ у себя изображенія Брута, Кассія и Катона, сочиняя въ честь ихъ стихи (Epist., 1, 17).

Мы не придаемъ также большаго значенія и тѣмъ восхваленіямъ прошлаго, которыя часто встрѣчаются у Ювенала. Это было въ обычаѣ того времени: у всѣхъ моралистовъ постоянно на языкѣ сожалѣнія о прошломъ; даже сами императоры въ своихъ указахъ цитировали трогательные примѣры Фабриціевъ и Цинциннатовъ, когда хотѣли упрекнуть своихъ подданныхъ въ недостаткѣ добродѣтели. Въ такомъ же смыслѣ и Ювеналъ говоритъ о старой республикѣ; онъ охотно вспоминаетъ о тогдашнихъ доблестяхъ, восхищается чистотой нравовъ, простотой обстановки и умѣренностью въ пищѣ. Роскоши своего времени, всѣмъ утонченностямъ комфорта и изящества онъ очень радъ противопоставить картину старинной семьи; полуодѣтыхъ дѣтей, которыя копаются въ пыли, усталаго отъ дневныхъ трудовъ мужа, который набиваетъ себѣ ротъ жолудями гдѣ-нибудь въ уголкѣ, и около него жену, — такую же дикарку, какъ и онъ, — кормящую грудью своихъ малютокъ. „О, Цинтія или Лесбія, какъ мало похожи вы на эту древнюю матрону, — вы, которыя затуманиваете блескъ своихъ глазъ ради того, чтобы оплакать воробья“ [1]). Ясно, что Ювеналъ смотритъ на прошлое скорѣе какъ моралистъ, чѣмъ какъ политикъ, и онъ сожалѣетъ, повидимому, больше объ античныхъ добродѣтеляхъ, чѣмъ о прежнемъ государственномъ строѣ. О республиканскомъ правленіи онъ говоритъ только одинъ разъ и съ удивительнымъ легкомысліемъ: „съ тѣхъ поръ, какъ мы не торгуемъ больше своими голосами, это значитъ: съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали быть свободными и выбирать своихъ магистратовъ“ [2]). Надо признаться, что эта насмѣшливая фраза вовсе не свидѣтельствуетъ объ особенно глубокомъ сожалѣніи по республикѣ.

Правда, если симпатіи Ювенала не представляются достаточно ясными, зато онъ совсѣмъ не скрываетъ своихъ антипатій. Извѣстно, какъ рѣзко онъ отзывается о государяхъ, управлявшихъ Римомъ послѣ Августа. Нельзя ли въ этомъ видѣть надежный показатель его политическихъ мнѣній, и не въ правѣ ли мы отсюда заключить, что чело-

[1]) VI, 7.
[2]) X, 77.

вѣкъ, такъ отрицательно относящійся къ императорамъ, есть рѣшительный врагъ имперіи. На первый взглядъ такой выводъ можетъ показаться вполнѣ естественнымъ. Государи одной и той же страны, управлявшіе во имя одного и того же принципа, кажется, должны были представлять извѣстную связь между собою, и нападать на предшественниковъ значило бы косвенно порицать правительство. По крайней мѣрѣ, Наполеонъ такъ понималъ солидарность между государями: онъ принималъ на свой счетъ похвалы, которыя высказывались о Карлѣ Великомъ, и оскорблялся, если позволяли себѣ дурно отзываться о Людовикѣ XVI. Но цезари не были такъ щепетильны. Каждый изъ нихъ былъ врагомъ своего предшественника и часто раздѣлывался съ нимъ силой, чтобы поскорѣе занять его мѣсто. Понятно, что у такого государя не было никакого интереса оберегать память предшественниковъ, и нападеніями на нихъ скорѣе можно было даже оказать ему услугу и доставить удовольствіе. Со времени Августа, не имѣвшаго ничего противъ того, что придворный льстецъ Овидій поставилъ его гораздо выше Юлія Цезаря [1],—у императоровъ вошло въ обычай унижать другихъ, чтобы самимъ возвыситься на ихъ счетъ. Иногда даже они сами брали на себя эту задачу, и недавно въ Тріентѣ найденъ эдиктъ императора Клавдія, въ которомъ онъ очень непочтительно выражается о своемъ дядѣ Тиберіи и племянникѣ Калигулѣ [2]. Этотъ примѣръ показываетъ, что память цезарей не считалась священной, и что можно было порицать умершаго императора, не навлекая на себя неудовольствіе живущаго. Такимъ образомъ, суровые отзывы Ювенала о прошломъ вовсе не могли считаться ни преступленіемъ ни даже простою неосторожностью: то же самое могли позволить себѣ многіе такіе люди, которыхъ никоимъ образомъ нельзя было заподозрить въ республиканствѣ. Ювеналъ осмѣлился задѣть родоначальника императорской

[1]) Metam., XV, 745.

[2]) См. Hermes, IV, стр. 99. Неронъ точно также не отличался почтеніемъ къ своимъ предшественникамъ. Тацитъ говоритъ, что при назначеніи завѣдующихъ государственными доходами онъ порицалъ императоровъ, своихъ предшественниковъ, cum insectatione priorum principum (Ann., XV, 18).

династіи; но еще раньше Сенека выражался о немъ не менѣе рѣзко: такъ, напримѣръ, въ одномъ произведеніи, посвященномъ Нерону, онъ сказалъ, что милосердіе Августа есть не что иное, какъ утомленная жестокость [1]). Ювеналъ не преминулъ посмѣяться надъ обоготвореніемъ Клавдія: онъ острилъ по поводу того средства, съ помощью котораго Агриппина „спровадила его на тотъ свѣтъ", накормивши отличнымъ кушаньемъ изъ грибовъ, „послѣ котораго онъ уже больше не кушалъ ничего" [2]). Но кто же могъ безъ смѣха говорить объ этомъ потѣшномъ божествѣ. Сенека выражается еще менѣе почтительно въ своей остроумной сатирѣ, написанной тотчасъ послѣ смерти Клавдія, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда декретъ сената возводилъ Клавдія въ божескій рангъ. Весьма вѣроятно, что это прелестное произведеніе встрѣтило хорошій пріемъ на Палатинѣ и что Агриппина и Неронъ много смѣялись при чтеніи его. Я ничего не говорю объ отношеніи Ювенала къ Домиціану; при всей той безпощадности, съ которой онъ отзывался о Домиціанѣ, ему все-таки далеко въ этомъ отношеніи до Плинія, а между тѣмъ Панегирикъ послѣдняго былъ оффиціальною рѣчью, и если Плиній, произнося ее въ присутствіи Траяна, не находилъ нужнымъ сдерживаться, то значитъ этимъ рѣзкостямъ не придавали значенія и не ставили ихъ въ вину; очевидно, высказывая объ императорахъ послѣ ихъ смерти то, что всѣ думали при жизни, никто не рисковалъ прослыть врагомъ существующаго порядка.

Но не зашелъ ли Ювеналъ гораздо дальше? Можно ли сказать про него, что онъ строгъ только къ прошлому, и что царствующій императоръ не подвергается отъ него тѣмъ ударамъ, которые онъ наноситъ покойникамъ? Когда Ювеналъ нападаетъ на римское общество, то какое именно общество онъ разумѣетъ? [3]) Караетъ ли онъ современное ему

---

[1]) De clem., I, 11.

[2]) VI, 622.

[3]) См. Borghesi въ его Annotazioni a Giovenale (Сочиненія, т. V), гдѣ онъ пытается установить точно время, когда жили тѣ лица, о которыхъ говорилъ Ювеналъ, и даты событій, на которыя онъ намекаетъ.

общество или идетъ вглубь, пуская свои стрѣлы въ общество временъ Нерона и Домиціана? Отвѣтить на это затруднительно. Ювеналъ этотъ пунктъ оставилъ въ туманѣ и, повидимому, намѣренно. Онъ предвидѣлъ, конечно, что сатиры его поднимутъ шумные толки и боялся послѣдствій; поэтому, среди своихъ смѣлыхъ рѣчей онъ принималъ предосторожности и приготовлялъ себѣ на всякій случай лазейку. Если бы современники его разсердились, что онъ ихъ такъ позоритъ и, въ особенности, если бы императоръ, котораго обыкновенно дѣлаютъ отвѣтственнымъ за всѣ пороки его времени, нашелъ, что краски слишкомъ сгущены, то Ювеналъ могъ бы имъ отвѣтить, что все это относится къ другому времени и къ обществу, уже несуществующему. Въ своей первой сатирѣ, которая была, очевидно, написана въ качествѣ предисловія къ собранію его сочиненій, онъ хочетъ увѣрить насъ, что упреки его относятся не къ какому-нибудь опредѣленному времени, но вообще ко всему человѣчеству. „Все, что происходитъ въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ Девкаліонъ бросалъ камни черезъ голову, всѣ страсти, которыя волнуютъ людей: надежда, страхъ, гнѣвъ, сладострастіе, радость и тревога — вотъ тотъ матеріалъ, изъ котораго составилась моя маленькая книжка“ [1]). Итакъ, мы предупреждены, что дѣло идетъ о допотопныхъ временахъ. Однако же, Ювеналъ не особенно надѣется убѣдить насъ въ этомъ; въ концѣ той же сатиры онъ самъ признается, что не будетъ ходить такъ далеко за сюжетами. Теперь уже нѣтъ и рѣчи о Девкаліонѣ, авторъ объявляетъ только, что будетъ нападать на умершихъ. „Я хочу попробовать, что можно сказать о тѣхъ, чей прахъ покоится вдоль Фламиніевой или Латинской дороги“. Но Ювеналъ плохо держалъ свое слово и не разъ задѣвалъ лицъ, которыя не улеглись еще въ свои мраморныя гробницы вдоль римскихъ дорогъ. Но любопытно, на какія хитрости онъ въ такихъ случаяхъ пускается, чтобы сбить съ толку читателя. Въ XIII-й сатирѣ онъ перечисляетъ ужасающія злодѣйства, которыя каждый день совершаются въ Римѣ: убійства, клятвопреступленія, поджоги, святотатства, отравленія,

---

[1]) I, 80.

отцеубійства. Несомнѣнно, что рѣчь здѣсь идетъ о современномъ обществѣ, — съ такимъ жаромъ можно описывать только событія, которыя совершаются предъ глазами. Но вдругъ авторъ прибавляетъ: „Все то, что я разсказалъ, есть лишь небольшая часть тѣхъ преступленій, о которыхъ каждый день докладываютъ Галлику“ [1]). А мы знаемъ, что Галликъ былъ префектомъ города Рима при Домиціанѣ. Мы воображали, что Ювеналъ говоритъ о своемъ времени; теперь эта маленькая фраза вноситъ поправку. Современники Траяна и Адріана не могутъ жаловаться, вовсе не о нихъ идетъ рѣчь: поэтъ разомъ перебросилъ насъ за четверть вѣка назадъ. Въ сатирѣ противъ знати уловка Ювенала еще прозрачнѣе. Въ самомъ разгарѣ изложенія онъ вдругъ безъ всякой нужды прерываетъ свою рѣчь и заявляетъ: „Кого же я притягиваю къ отвѣту въ данную минуту. Хочу поговорить съ тобой, Рубеллій Плавтъ“. Комментаторы становятся втупикъ при этомъ неожиданномъ воззваніи и, не будучи въ состояніи объяснить его, приходятъ въ восторгъ. Этотъ пріемъ напоминаетъ фразу простака Хризала въ „Ученыхъ женщинахъ“ Мольера:

„Это я тебѣ говорю, сестра“.

Положеніе одинаковое: Хризалъ, желая блеснуть и въ то же время побаиваясь жены, пытается увѣрить ее, что онъ разговариваетъ только съ Белизой. Ювеналъ также вдругъ вспоминаетъ, что важные господа очень вліятельны и что опасно третировать ихъ; вотъ почему онъ и заблагоразсудилъ выбрать себѣ болѣе удобнаго и безопаснаго собесѣдника. Такъ какъ Плавтъ умеръ полувѣкомъ раньше, то нечего было бояться, что онъ разсердится; поэтому, Ювеналъ и привлекаетъ его такъ смѣло къ отвѣту. На самомъ дѣлѣ, онъ обращается, конечно, къ своимъ современникамъ и выражаетъ недовольство своимъ временемъ. Его стихи полны намеками на современность и сплошь да рядомъ въ нихъ говорится о живыхъ личностяхъ [2]). Бичуемые имъ пороки онъ видитъ или предполагаетъ въ окружающей его

[1]) XIII, 157.

[2]) Боргези (Сочин., т. V, стр. 509) указываетъ на нѣкоторые изъ этихъ намековъ.

средѣ. Когда онъ спрашиваетъ: „можно ли найти вѣкъ болѣе преступный?“, когда онъ говоритъ: „потомство ничего не можетъ прибавить къ нашему растлѣнію, бьюсь объ закладъ, что наши потомки ничего не придумаютъ новаго: испорченность дошла до крайняго предѣла и можетъ стать только меньше“ [1]), — несомнѣнно, Ювеналъ бранитъ именно свой вѣкъ и считаетъ безнравственнымъ именно то общество, среди котораго живетъ. Если онъ и не высказываетъ своего мнѣнія о современныхъ ему государяхъ, то только потому, что не рѣшается на это; но по тону, которымъ онъ осуждаетъ ихъ время и отзывается объ ихъ дѣйствіяхъ, по намекамъ и умолчаніямъ ясно видно, что онъ ставитъ ихъ немногимъ выше ихъ предшественниковъ.

Между этими императорами находился и Траянъ; очевидно, что даже Траянъ не смягчилъ суровости Ювенала, и поэтъ совершенно не раздѣлялъ тѣхъ восторженныхъ восклицаній, которыми, по выраженію Тацита, всѣ привѣтствовали зарю блаженнаго вѣка. Само собою разумѣется, что Ювеналъ воздавалъ должное достоинствамъ этого государя, но съ нѣкоторыми оговорками. Онъ едва ли былъ согласенъ съ Тацитомъ, что цезаризмъ заключилъ союзъ съ свободой. На самомъ дѣлѣ, сущность императорскаго режима осталась неприкосновенной; власть попрежнему сосредоточилась въ рукахъ одного человѣка, и если онъ соглашался уступить сенату или консуламъ нѣкоторыя полномочія, то на это была его добрая воля, и каждую минуту онъ могъ взять свои уступки обратно. Жизнь продолжала течь по прежнему руслу, только магистратамъ позволено было, по выраженію Плинія, отвести нѣсколько ручейковъ къ себѣ „изъ этого благодѣтельнаго источника“ (quidam ad nos quoque velut rivi ex illo begnissimo fonte decurraut) [2]). Подобныя крохи власти удовлетворяли Плинія, который вообще довольствовался немногимъ: онъ, напримѣръ, наивно заявлялъ, что проситъ у императора не самой свободы, а только внѣшнихъ признаковъ ея. Трудно осуждать Ювенала за то, что онъ оказался болѣе требователь-

[1]) I, 147.
[2]) Epist., III, 20.

нымъ. Онъ имѣлъ основанія находить, что даже при Траянѣ свобода и безопасность гражданъ не были достаточно обезпечены. Политическій порядокъ оставался прежній, только императоръ перемѣнился; народное благополучіе продолжало зависѣть отъ личности государя. Такимъ образомъ, Ювеналъ имѣлъ право дѣлать оговорки, говоря о Траянѣ. Но онъ этимъ не ограничивается: онъ подчеркнуто воздерживается отъ какого бы то ни было выраженія одобренія по адресу Траяна: это уже становится несправедливымъ. Ювеналъ не хочетъ видѣть никакой разницы между управленіемъ Траяна, конечно, далекимъ отъ совершенства, но все же справедливымъ и оставившимъ хорошую память, и управленіемъ какого-нибудь Тиберія или Нерона. Иной разъ даже кажется, что Ювеналъ готовъ поставить вѣкъ Тиберія и Нерона выше Траяна. Такъ, онъ утверждаетъ, напримѣръ, что никогда провинціи такъ дурно не управлялись, какъ въ его время, что приходилось жалѣть даже о Верресѣ; что онѣ бѣдны и разорены, и такъ какъ у жителей отобрали все, кромѣ оружія, то они непремѣнно когда-нибудь возстанутъ противъ Рима. Все это преувеличенія, осужденныя исторіей [1]). Достаточно для опроверженія ихъ прочитать переписку, которую велъ съ Траяномъ Плиній въ то время, когда управлялъ Виѳиніей. Тамъ мы увидимъ, до чего доходила постоянная мелочная заботливость императора о благѣ и безопасности своихъ владѣній. Онъ интересуется всѣмъ, никакая мелочь не ускользаетъ отъ его вниманія. Никогда прежде не было болѣе дѣятельнаго и болѣе добросовѣстнаго попеченія о провинціяхъ, никогда еще на Палатинѣ не относились такъ внимательно къ римскимъ обла-

[1]) Правда, Аврелій Викторъ утверждаетъ (Epitoma, 43, 21), будто Траянъ сначала былъ крайне снисходителенъ къ дурнымъ намѣстникамъ и что лишь позднѣе, по совѣту Плотина, онъ началъ къ нимъ относиться строже. Мы, заодно съ de-la-Berge (Essai sur le règne de Trajan, стр. 121) полагаемъ, однако, что не слѣдуетъ придавать значеніе словамъ этого посредственнаго хроникера. Можно допустить, въ крайнемъ случаѣ, что послѣ сверженія Домиціана управленіе имперіей нѣсколько расшаталось; но уже въ 100 году, т. е. черезъ два года по восшествіи, Траянъ возбудилъ дѣло противъ Марія Присенса, и въ это же время Плиній явно хвалитъ императора за бдительность къ администраціи провинцій (Pan. 70).

стямъ. Можно ли предполагать, чтобы проконсулъ, который всегда чувствовалъ на себѣ это бдительное око, могъ такъ же свободно хищничать въ провинціи, какъ это было во времена республики, когда его судили его же соучастники въ преступленіи, а контролировали пріятели, на все смотрѣвшіе сквозь пальцы у другихъ, чтобы ихъ самихъ оставили въ покоѣ. Переписка Плинія даетъ намъ возможность узнать и полюбить этого мужественнаго солдата, дѣятельность котораго отличалась такою твердостью и устойчивостью, такою справедливостью и здравымъ смысломъ, энергіей и гуманностью. Вспомнимъ только его отвѣтъ Плинію на вопросъ, нужно ли наказать одного молодого человѣка, виновнаго въ оскорбленіи статуи императора. „Я не намѣренъ возобновлять процессовъ въ оскорбленіи величества; я не хочу внушать къ себѣ уваженіе страхомъ“ [1]). Какъ это далеко отъ того времени, когда Домиціанъ присудилъ одну женщину къ смерти за то, что она позволила себѣ переодѣться передъ его изображеніемъ!

Подобное различіе и въ людяхъ и въ духѣ времени рѣзко бросается въ глаза. Какимъ же образомъ Ювеналъ не обратилъ на него вниманія? Почему ни однимъ намекомъ онъ не далъ намъ понять, что порядки его времени гораздо лучше предыдущаго. Предполагая, что онъ былъ искрененъ, — а въ этомъ мы не имѣемъ основаній сомнѣваться, — гдѣ искать источника его предубѣжденія? Есть ли это слѣдствіе твердо установившихся и нетерпимыхъ политическихъ взглядовъ, которые настолько овладѣли умомъ Ювенала, что не позволяли ему быть безпристрастнымъ и справедливымъ? А если такъ, то каковы же были эти взгляды? Можно ли думать, что онъ стоялъ за такой строй, въ которомъ народъ принималъ бы видное участіе? На такого рода предположеніе наводятъ тѣ приведенныя нами прекрасныя строчки, гдѣ онъ, чтобы унизить аристократовъ, превозноситъ плебеевъ, утверждая, что въ нихъ настоящая сила и честь государства. Но можно ли видѣть въ этомъ отрывкѣ что-нибудь, кромѣ великолѣпной вспышки негодованія и вполнѣ законнаго отпора оскорбленной гор-

---

[1]) Плиній, Epist., X, 82 (изд. Кейль).

дости. Дѣйствительно, требуетъ ли Ювеналъ для этихъ столь презираемыхъ знатью бѣдняковъ болѣе вліятельнаго положенія въ государствѣ? Ожидалъ ли и стремился ли онъ къ новому общественному устройству, въ которомъ больше обращалось бы вниманія на всѣхъ этихъ людей, обездоленныхъ и по происхожденію и по состоянію; желалъ ли онъ возвращенія имъ въ этомъ строѣ политическихъ правъ? Трудно этому повѣрить, когда видишь, съ какимъ презрѣніемъ, — къ сожалѣнію, вполнѣ заслуженнымъ, — онъ отзывается въ другихъ мѣстахъ о простомъ народѣ. Это, по его словамъ, стадо потомковъ Рема (turba Remi) [1]); оно всегда на сторонѣ сильнаго; оно преклоняется передъ успѣхомъ и отворачивается отъ изгнанниковъ. Эта толпа обыкновенно бѣжитъ за побѣдителемъ и усердно топчетъ ногами лежачихъ враговъ императора; она потеряла всякій интересъ къ политической дѣятельности, и ей дѣла нѣтъ до свободы, лишь бы ее кормили и забавляли,— ко всему остальному она равнодушна; отъ правителя она требуетъ только хлѣба и зрѣлищъ. Послѣ такого суроваго приговора трудно думать, чтобы Ювеналъ хлопоталъ о политическихъ нравахъ для столь опустившагося народа.

Но если не къ народу, то, можетъ быть, къ мелкой буржуазіи Ювеналъ обращаетъ свои взоры, — къ этому дѣловому и трудолюбивому классу купцовъ и всякаго рода ремесленниковъ. Быть можетъ, онъ защищалъ интересы торговцевъ, вольноотпущенниковъ или ихъ потомковъ, преобладавшихъ въ составѣ всѣхъ городовъ Римской имперіи и державшихъ въ своихъ рукахъ все богатство ихъ. Можетъ быть, за нихъ онъ мстилъ знатнымъ господамъ, относившимся къ нимъ съ презрѣніемъ, и для нихъ онъ требовалъ права участвовать въ политическихъ дѣлахъ страны. Но здѣсь мы какъ разъ наталкиваемся на самую рѣзкую и странную непослѣдовательность у Ювенала: этотъ ярый противникъ знати, оказывается, раздѣляетъ самые закоренѣлые ея предразсудки. Понятно, что въ аристократическомъ обществѣ самымъ высшимъ принципомъ считается косность. Тѣ, которые занимаютъ лучшія мѣста, на-

[1]) X. 72.

ходятъ естественнымъ, чтобы все оставалось на своемъ мѣстѣ; они не жалѣютъ насмѣшекъ и оскорбленій для тѣхъ, кто внезапно и быстро возвышается, такъ какъ это нарушаетъ установленный порядокъ и создаетъ имъ опасныхъ соперниковъ. По странному недоразумѣнію, древняя философія съ удивительною податливостью сдѣлалась орудіемъ аристократіи и ея мнѣній. Подъ тѣмъ предлогомъ, что надо быть умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ и довольствоваться немногимъ, она стала высказываться противъ всякой дѣятельной борьбы за земныя блага и требовать, чтобы каждый сохранялъ за собой то общественное положеніе, какое дала ему судьба. Это повторяютъ всѣ древніе мудрецы, отъ жившаго въ бочкѣ Діогена до обитавшаго во дворцѣ Сенеки. Въ свое время Горацій тоже проповѣдывалъ эти старыя правила; ихъ безъ колебанія принялъ и Ювеналъ. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ порицаетъ тѣхъ, которые стараются нажиться и, что всего удивительнѣе, изъ всѣхъ способовъ обогащенія онъ осуждаетъ тотъ, который намъ представляется самымъ законнымъ. Что можетъ быть, кажется, дозволительнѣе, чѣмъ пріобрѣсти себѣ состояніе путемъ торговли съ отдаленными странами, подвергая себя безпокойствамъ и рискуя своей жизнью. Ювеналъ, напротивъ, такъ же, какъ и Горацій, не понимаетъ людей, которые „устроили себѣ жилище на кораблѣ, подвергаются постоянно качкѣ то отъ сѣвернаго, то отъ южнаго вѣтра, только для того, чтобы привезти издалека какіе-нибудь вонючіе товары“, и величайшими безумцами кажутся ему тѣ, которые „ввѣряютъ свою судьбу нѣсколькимъ доскамъ“ [1]). Не выше цѣнитъ онъ и другія торговыя предпріятія, менѣе рискованныя; въ III-й сатирѣ онъ выводитъ голодающаго поэта, съ важностью знатнаго барина насмѣхающагося надъ тѣми людьми, которые „берутъ на себя подряды по очисткѣ улицъ и гаваней Рима или получаютъ на откупъ право похоронныхъ процессій и вывозки нечистотъ“ [2]). Это презрѣніе къ торговлѣ и промышленности являлось наслѣдіемъ, которое оставила старинная

---

1) XIV, 289.
2) III, 32.

аристократія новому времени. Предразсудки часто переживаютъ породившее ихъ общество, и никогда они такъ упорно не держатся, какъ утративши всякій смыслъ. Они укореняются, неизвѣстно почему, въ такой средѣ, которая живетъ совершенно другими принципами, и раздѣляются такими людьми, которые по своему положенію и по взглядамъ, казалось, должны бы были быть отъ нихъ свободны. Не имѣемъ ли мы подобнаго примѣра и въ наше время, напр., въ лицѣ Лабрюйера, который состарился въ своемъ подначальномъ положеніи не то друга, не то слуги въ семействѣ Конде, столь сурово относившагося къ своей прислугѣ; онъ точно также раздѣляетъ всѣ антипатіи и всю вражду той аристократіи, которая порою казалась ему такою глупою и непріятною. Онъ заодно съ ней судитъ о финансистахъ, „этихъ грязныхъ душонкахъ, пропитанныхъ нечистотою и всецѣло отдавшихся наживѣ и барышу“. Удачныя финансовыя спекуляціи всегда ему кажутся плутовствомъ. Онъ краснѣетъ отъ стыда при видѣ неравныхъ браковъ, когда дочери откупщиковъ входятъ въ самыя знатныя французскія семьи, а всѣ естественные повороты фортуны, которыми умные награждаются за счетъ расточителей, кажутся ему святотатствомъ. „Если бы мертвецы вдругъ ожили — говоритъ онъ — если бы они снова увидѣли свои великія имена, свои лучшія земли съ ихъ замками и древними постройками во владѣніи людей, отцы которыхъ быть можетъ были ихъ фермерами, то какое мнѣніе составили бы они о нашемъ времени“?. Но до ихъ мнѣнія намъ нѣтъ никакого дѣла и мы убѣждены теперь, что богатство по праву принадлежитъ самымъ предпріимчивымъ, что оно вполнѣ естественно переходитъ отъ тѣхъ, кто не сумѣлъ его удержать, къ тѣмъ, кто умѣетъ его пріобрѣтать, что замками и земельными угодьями должны владѣть тѣ люди, которые, создавая свое богатство, создаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное достояніе. Не странно ли, что все это вызываетъ негодованіе у такого плебея, какъ Лабрюйеръ. Равнымъ образомъ намъ непонятно, почему Ювеналъ, сынъ вольноотпущенника, такъ нетерпимо относится къ тѣмъ людямъ, которые стараются разбогатѣть.

Если бѣдняки, въ родѣ Умбриція или Требія, не жела-

ютъ подвергать свою жизнь опасности въ отдаленныхъ торговыхъ предпріятіяхъ или вообще заниматься въ Римѣ какимъ-либо доходнымъ промысломъ, то чѣмъ будутъ они существовать?. Имъ останется одно — по утрамъ отправляться къ богачамъ за спортулой, или же послѣ полудня являться къ портику Минуція за полученіемъ хлѣба и масла, которые императоръ выдаетъ 200.000 римскимъ бѣднякамъ; однимъ словомъ, имъ придется жить подачками частныхъ лицъ или государства.

Ювеналъ легко примиряется съ такого рода выходомъ. Всѣмъ тѣмъ унизительнымъ занятіямъ, которыя, по его мнѣнію, безчестятъ человѣка, онъ открыто предпочитаетъ общественную или частную благотворительность; онъ вполнѣ одобряетъ этихъ гордецовъ-нищихъ, которые, подобно Умбрицію, считаютъ униженіемъ взять на себя подрядъ по очисткѣ улицъ и вывозкѣ нечистотъ, предпочитая протягивать руку. Ему кажется вполнѣ благоустроеннымъ такое общество, гдѣ значительная часть гражданъ живетъ на счетъ другихъ; главная же причина, почему онъ сожалѣетъ о прошломъ, заключается въ томъ, что тогда богачи были гораздо щедрѣе. Счастливыя были времена, когда давали безъ счета, когда спортула (sportula) лилась рѣкой, когда кліентовъ всегда радушно принимали утромъ, а вечеромъ часто сажали за хозяйскій столъ. Какіе тузы были эти Котты, Пизоны, Лентулы! „Славу щедраго благодѣтеля они ставили гораздо выше, чѣмъ знатность происхожденія или военные подвиги“![1]). Сенека достоинъ уваженія вовсе не за его прекрасныя писанія: нужно поклоняться ему за то, „что онъ часто посылалъ подарки своимъ неимущимъ кліентамъ“. Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, Ювеналъ и для литераторовъ не видитъ никакого другого выхода, какъ найти себѣ покровителей среди вельможъ. Такъ какъ вообще „возлюбленная муза одаряетъ больше вдохновеніемъ, чѣмъ одеждой“, то необходимо отыскать кого-нибудь, кто бы кормилъ и одѣвалъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ больше Меценатовъ. „Гдѣ Прокулеи, гдѣ Фабіи? Котты и Лентулы не имѣютъ

---

[1]) V, 110.

преемниковъ“ [1]). Литературѣ нечего ждать отъ богатыхъ людей. Иные сами вздумали сдѣлаться поэтами, и когда вы имъ посвящаете какое-нибудь произведеніе, то вмѣсто того, чтобы поблагодарить васъ, какъ это принято, наличными деньгами, они спѣшатъ заплатить вамъ собственными стихами. Другіе проматываютъ деньги на разорительныя фантазіи, строятъ виллы, портики, тратятся на модныхъ куртизанокъ или держатъ у себя прирученныхъ львовъ, „какъ будто льва дешевле прокормить, чѣмъ поэта“ [2]). Что же дѣлать и къ кому обратиться за помощью? Для Ювенала не существуетъ сомнѣнія: если богачи скупятся, онъ смѣло протянетъ руку императору. „Императоръ, — говоритъ онъ, — теперь единственная надежда и опора литературы“ [3]). Повидимому, такой шагъ ничего не стоитъ Ювеналу; незамѣтно, чтобы онъ пошелъ на это противъ воли. Напротивъ, когда онъ побуждаетъ молодыхъ поэтовъ добиваться покровительства императора, онъ впадаетъ въ торжественный тонъ. „Воспряньте духомъ, — говоритъ онъ имъ, — цезарь смотритъ на васъ и ободряетъ васъ; его царственная доброта дожидаетъ только случая обнаружиться“ [4]).

Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, который иногда кажется непримиримымъ врагомъ имперіи, котораго намъ изображаютъ „свободолюбивою душой сѣдыхъ республиканскихъ временъ“. А на самомъ дѣлѣ, онъ такъ же мало заботится объ имперіи, какъ и о республикѣ. Тѣ жалкіе кліенты и голодные писатели, интересы которыхъ онъ защищаетъ, вовсе не мѣтили такъ высоко. Такъ какъ цѣлью ихъ мечтаній было — жить щедротами другихъ, то самымъ совершеннымъ обществомъ они признавали такое, гдѣ подаянія сыпались въ изобиліи. Таковъ былъ ихъ идеалъ, да и Ювеналъ, если онъ и бывалъ неумолимъ къ цезарямъ, то вовсе не во имя какой-нибудь политической теоріи; его раздраженіе было слѣдствіемъ не сложившейся политической системы, а просто желчнаго характера. Этотъ человѣкъ

[1]) VII, 94.
[2]) VII, 77.
[3]) VII, 1.
[4]) VII, 20.

былъ, какъ мы видѣли, обманутъ жизнью и выбитъ изъ колеи; подобно многимъ людямъ, у которыхъ надежды разбиты, гордость оскорблена, онъ потерялъ чувство справедливости. Не будемъ воображать его себѣ принципіальнымъ борцомъ за народные интересы, систематическимъ и рѣшительнымъ противникомъ гнусныхъ общественныхъ порядковъ; онъ былъ скорѣе человѣкомъ темперамента, чѣмъ доктрины, руководился скорѣе чувствами, чѣмъ принципами; вотъ почему ни одна партія не можетъ украсить себя его именемъ, — развѣ лишь та, которая вѣчно оставалась недовольной.

V.

Сводка и заключеніе. — Истинный характеръ оппозиціи при цезаряхъ.

Только что сдѣланный нами бѣглый обзоръ главныхъ оппозиціонныхъ писателей временъ имперіи показываетъ намъ, какъ далеки они были отъ взаимнаго согласія. Сколько неопредѣленности и нерѣшительности въ ихъ мнѣніяхъ! Никогда нельзя узнать въ точности, чего они желаютъ, потому ли, что не смѣютъ этого высказать, или потому, что сами не знаютъ этого. Тотъ изъ нихъ, который, повидимому, болѣе всего сожалѣетъ о старомъ порядкѣ, когда переходитъ отъ словъ къ дѣлу, трудится не для того, чтобы его возстановить, а наговоривши столько худого объ имперіи, вступаетъ въ заговоръ, чтобы поставить одного императора на мѣстѣ другого. Вся оппозиція носитъ такой же шаткій, неопредѣленный характеръ: какъ и ея представители, великіе писатели, она въ большинствѣ случаевъ жалуется лишь для того, чтобы жаловаться или отвести душу, не имѣя никакой политической системы или обдуманнаго намѣренія; она состоитъ гораздо больше изъ недовольныхъ, чѣмъ изъ заговорщиковъ.

Однако, многіе утверждали и утверждаютъ противное: изъ фрондеровъ дѣлаютъ глубокихъ политиковъ, ожесточенныхъ враговъ, упорно работавшихъ надъ разрушеніемъ имперіи. Это мнѣніе сохраняетъ свою правдоподобность лишь потому, что его поддерживаютъ одновременно двѣ противоположныя партіи, которыя въ своихъ сужденіяхъ обыкно-

венно совершенно расходятся. Друзья республики, чтобы найти себѣ предшественниковъ и усилить свои ряды, старались установить, что всѣ недовольные въ императорскую эпоху раздѣляли ихъ убѣжденія, что они были такіе же республиканцы и имѣли явную или тайную цѣль возстановить то правительство, которое было разрушено цезарями. Мы думаемъ, что это большое заблужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ большая неосторожность: сторонники имперіи поспѣшили воспользоваться этимъ, чтобы оправдать жестокости цезарей. „Если правда,—говорятъ они,—что Тиберій и его преемники имѣли противъ себя заговорщиковъ, вооруженныхъ противъ ихъ власти, мятежниковъ, желавшихъ ниспровергнуть существующій строй (а въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что ихъ друзья и апологеты сознаются въ этомъ), то неудивительно, что они боролись такъ сурово; они имѣли право и обязанность защищаться; они были представители порядка, власти, общественнаго спокойствія и хорошо дѣлали, охраняя все это отъ бунтовщиковъ. Между ними и ихъ противниками шла безпощадная борьба, а такъ какъ соперники не могли придти къ соглашенію, то они и принуждены были уничтожать другъ друга“. Этимъ аргументомъ охотнѣе всего пользуются въ въ настоящее время въ Германіи ради защиты имперіи.

Но легко опровергнуть это мнѣніе, и намъ кажется, что мы это и сдѣлали на предшествующихъ страницахъ. Мы показали, что принципіальныхъ республиканцевъ было тогда не такъ много, какъ думаютъ. Прежде всего ихъ вовсе не могло быть внѣ Рима. Провинціи помнили еще Верресовъ; да и что имъ было до того, кому принадлежала власть: сенату или императору? Онѣ одинаково не принимали въ ней никакого участія и при всѣхъ порядкахъ должны были повиноваться законамъ, не ими установленнымъ. Настроеніе войска было не менѣе опредѣленно; оно дало цезарямъ имперію и низвергло республику. Оно не жалѣло о республикѣ, и говорятъ, что Скрибоніанъ, возмутившійся противъ Клавдія, былъ покинутъ своими солдатами потому, что его заподозрили въ желаніи возстановить республику [1]). Въ Римѣ, гдѣ господство цезарей

[1]) Діонъ, LX. 15.

чувствовалось тяжелѣе и воспоминанія о прошломъ были живучи, иногда и могли сожалѣть о томъ времени, когда народъ и сенатъ сами рѣшали свои дѣла. Итакъ, въ Римѣ естественно было больше республиканцевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но и здѣсь они были рѣдки. Народъ привязался къ своимъ повелителямъ, которые усердно старались его кормить и веселить. Въ средѣ высшихъ классовъ, между образованными и богатыми людьми, многіе весьма охотно предались однимъ удовольствіямъ и покою; они знали, что свобода, какъ говоритъ Сенека, не достается даромъ [1]), а такъ какъ они не чувствовали въ себѣ достаточно силъ, чтобы заплатить за свободу по ея стоимости, то они легко утѣшились въ ея потерѣ. Тѣ же, которые составляли заговоры противъ цезарей, руководились нерѣдко однимъ честолюбіемъ и стремились только занять ихъ мѣсто; это не безкорыстные республиканцы, которые постарались бы возстановить прежній образъ правленія [2]). Одинъ, или почти одинъ, трибунъ Хереа, убившій Калигулу, думалъ возвратить власть сенату и народу; но народа болѣе не существовало; что же касается сената, то онъ былъ болѣе удивленъ, чѣмъ обрадованъ тою честью, которую ему хотѣли оказать. Извѣстно, какой балаганщиной окончилась эта кровавая трагедія: солдаты, рыскавшіе по Палатинскому дворцу, чтобъ найти какого-нибудь императора, наткнулись на Клавдія, дрожавшаго между двумя дверьми, схватили его и провозгласили императоромъ.

---

[1]) Epist. 104, 34: non potest gratis constare libertas.

[2]) Императоры хорошо это знали. Поэтому республиканскія воспоминанія не страшили ихъ. Имъ даже иногда доставляло какъ будто удовольствіе вызывать такія воспоминанія. Траянъ возобновилъ обращеніе древнихъ монетъ, съ изображеніями предводителей аристократической партіи: Суллы, Помпея и т. д. Между такими монетами былъ и тотъ знаменитый динарій Gens Junia, на которомъ съ одной стороны были имя и изображеніе Свободы, а съ другой — консулъ Брутъ и его ликторы. „Государь, который разрѣшалъ возобновленіе такихъ республиканскихъ воспоминаній, — говоритъ де-Виттъ, — долженъ былъ имѣть много увѣренности въ силѣ своего правительства и въ преданности своихъ подданныхъ“ (Revue de numismatique, 1865, стр. 173).

Правда, что даже тѣ, которые не были въ заговорѣ противъ своихъ повелителей, не щадили ихъ на словахъ. „Вы не поднимете больше вооруженнаго возстанія, — говорилъ имъ Тертулліанъ, — но языки ваши еще мятежны“ [1]). Повидимому, въ римскомъ свѣтскомъ кругу сложился обычай и даже создалась потребность вѣчно быть недовольными; всѣ мѣры, принимаемыя цезаремъ, берутся подъ подозрѣніе и во всемъ находятъ причины для жалобъ или насмѣшекъ. Но такъ какъ эта оппозиція никогда не переходила отъ словъ къ дѣйствіямъ и въ дѣйствительности была столь же робка, какъ и невоздержна, то довольно легко было поднять ее на смѣхъ. Нѣкоторые современные историки не отказали себѣ въ этомъ удовольствіи. Но даже и эта оппозиція оказала услуги, которыхъ не слѣдуетъ забывать. Безъ нея не существовало бы никакого протеста противъ страшнаго произвола, который, не чувствуя нигдѣ препятствій, былъ бы еще болѣе жестокъ. Какія бы преступленія ни совершались, не забудемъ, что можно было совершить еще большія. Никакое учрежденіе не имѣло достаточно силы, чтобы сопротивляться императорской власти. Цезарей могло сдерживать только общественное мнѣніе, и достовѣрно извѣстно, что оно неоднократно сдерживало ихъ. Тиберій считался съ нимъ, и Неронъ, послѣ убійства своей матери, почтилъ его своимъ страхомъ. Если же, несмотря на свою обычную податливость, общественное мнѣніе осмѣливалось иногда глухо роптать, то это случалось потому, что его пробуждали изъ апатіи эти робкія возраженія и скромныя насмѣшки свѣтскихъ людей. Та же самая оппозиція послѣ смерти дурныхъ цезарей указывала ихъ преемникамъ, какъ они должны были себя вести. Новыхъ цезарей избирали, конечно, изъ числа тѣхъ, которые среди общаго раболѣпства держались немного болѣе достойно. Слѣдовательно, они принимали участіе въ недовольствѣ свѣтскаго общества и знали всѣ его обиды. „Ты жилъ, ты трепеталъ такъ же, какъ мы, — говорилъ Плиній Траяну: — такова была тогда жизнь всѣхъ честныхъ людей. Ты по

---

[1]) **Ad. nat.**, 1, 17: si non armis, saltem lingua semper rebelles estis.

опыту знаешь, какъ ненавидятъ дурныхъ цезарей; ты помнишь еще, чего ты желалъ и что ты оплакивалъ вмѣстѣ съ нами“ [1]). Если вѣрно, что воспоминанія о жалобахъ и общественной злобѣ вмѣстѣ со страхомъ заслужить ихъ, утвердили Веспасіана, Траяна и подобныхъ имъ императоровъ въ ихъ честности, если они спасали ихъ иногда отъ опасности и соблазна безотвѣтственной власти, то нужно признать, что и такая оппозиція, какъ бы ни была она мелочна и безсильна, все же принесла свою пользу.

Привычка этой оппозиціи ничего не щадить, жаловаться и насмѣхаться по всякому поводу, наводила на мысль, что она исходила отъ непримиримыхъ враговъ, что она была противъ самаго порядка. Ее считали въ той же степени глубокой и радикальной, въ какой она была придирчива и шумлива. Въ дѣйствительности недовольные ненавидѣли личность такого-то цезаря, но мирились съ самымъ принципомъ имперіи. Самые рѣшительные ограничивались тѣмъ, что отыскивали какого-нибудь члена императорской же фамиліи, менѣе извѣстнаго или болѣе любимаго, расхваливали его достоинства и пользовались его именемъ, чтобы колоть глаза царствующему императору: такимъ именно образомъ Друзъ и Германикъ пріобрѣли свою популярность. Но надо признать, что самый выборъ своихъ героевъ въ Палатинскомъ дворцѣ показываетъ, до какой степени сама оппозиція была монархически настроена. Мы затрудняемся понять, какимъ образомъ нѣкоторые мечтатели могли приписать такимъ претендентамъ намѣреніе возстановить республику. Надо много наивности, чтобы предполагать это. Если бы счастливый случай вручилъ власть въ руки Германика или его отца, то они удержали бы ее. Конечно, они лучше воспользовались бы ею, чѣмъ Тиберій; они были бы внимательнѣе, чѣмъ онъ, къ желаніямъ честныхъ людей, но эти желанія были скромнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Цезарямъ не предлагали сократить свою власть или съ кѣмъ-нибудь раздѣлить ее; напротивъ, всѣ хотѣли, чтобы они сохранили ее цѣликомъ для укрѣпленія

[1]) Paneg., 44.

общественнаго спокойствія. Отъ нихъ требовалось только, чтобы они проявляли свою власть въ болѣе мягкой и гуманной формѣ, слушали наставленія мудрецовъ, побольше уважали права должностныхъ лицъ, чаще совѣщались бы съ сенатомъ, внимательно относились бы къ общественному мнѣнію, предоставили нѣсколько большую свободу слову и перу, убѣжденные въ томъ, что они становятся опасными лишь тогда, когда ихъ черезчуръ боятся, скромнѣе пользовались бы своею безграничной силой, которую никто не хотѣлъ оспаривать, смягчали бы внѣшнія ея формы и не показывали бы ея безпредѣльности, довольствуясь лишь сознаніемъ, что на самомъ дѣлѣ все зависитъ отъ нихъ и не выставляя этого на показъ.

Вотъ скромныя пожеланія оппозиціи, которую считали такой опасной, вотъ каковъ былъ въ ея представленіи идеалъ правительства, къ которому она мысленно стремилась въ правленіе Тиберія или Нерона. И этотъ идеалъ не былъ безпочвеннымъ мечтаніемъ: онъ осуществился при Антонинахъ.

Глубокоуважаемый
Михаилъ Васильевичъ!

Переводъ В. Я. Яковлева книги G. Boissier, L'opposition sous les Césars, подъ заглавiемъ „Общественное настроенiе времени римскихъ цезарей", по моему мнѣнiю, отличается значительно отъ перевода предшествующей книги Буассье. Онъ прежде всего во многихъ мѣстахъ весьма далеко отступаетъ отъ подлинника (и выпускаетъ иногда слова), напр. стр. 131 „Онъ проскальзываетъ туда, то пресмыкается тамъ въ мольбахъ" — Il y pénètre ou plutôt il s'y glisse, il s'y traîne en suppliant — Мнѣ кажется здѣсь при пропускѣ упущенъ очень важный оттѣнокъ. — Стр. 119 „Случилась, вѣроятно, какая нибудь оргія, болѣе бѣшеная, болѣе позорная, чѣмъ другія; можетъ быть на трибунѣ и на форумѣ произошла сцена, сходная съ той, которая вызвала наказанiе первой Юлiи" — Il dut y avoir quelque orgie plus folle, plus bruyante, que les autres, peut-être une scène comme celle de la tribune et du forum, qui avait amené le châtiment de la première Julie. Оргія происходила не на трибунѣ и не на форумѣ на этотъ разъ. Стр. 117 „на свою голову" — pour son malheur. Стр. 4: „Кто вначалѣ повиновался, тотъ сталъ затѣмъ мятежникомъ — ils avaient été des sujets, on en fait des révoltés, и т. д. Затѣмъ надо отмѣтить у переводчика пристрастіе къ „русскимъ" словечкамъ, плохо, думаю, подходящимъ къ Риму: „воркуны" (стр. 39), „ублаготворитъ" (стр. 34), „вотчинами" (стр. 56), „не ко двору" (стр. 60), „умѣренность испанцевъ" (стр. 67), „небрежничалъ" (стр. 81), „валить вину" (стр. 120), „порочная утонченность" (стр. 30) и т. д. Встрѣчаются несовсѣмъ правильные

передачи собственныхъ латинскихъ именъ, напр. Папиній (мн.
число) вездѣ переведены Полліоя (ед. ч.), Мацеръ вмѣсто
Макръ и т. д. Встрѣчается иногда неточная перестановка словъ,
влекущая за собой серьезные недоразумѣнія: Нѣкоторый былъ
„Проконсуломъ, а позднѣе консуломъ въ Виѳиніи" (стр. 175)
— консуломъ онъ былъ конечно въ Римѣ. — Я думаю, что
подобнаго рода погрѣшности можно было бы исправить,
а ~~вообще~~ переводъ читается легко, хотя вообще
въ немъ нѣтъ той изящности, которой вообще отличаются
французскія творенія и передать которую на другой языкъ
весьма трудно. Можно еще предложить при пере-
изданіи книги замѣнить прозаическіе переводы изъ
римскихъ поэтовъ стихотвореніями.

Искренне уважающій Васъ
и всегда готовый къ услугамъ
Алексѣй Захаровъ

На поляхъ и въ текстѣ книги я сдѣлалъ исправле-
нія, изъ которыхъ Вы увидите еще другія примѣры
того, что слѣдовало бы устранить при перепечаткѣ книги.

Библіографія.

I. Общіе труды по исторіи Рима.

М. Петровъ. Лекціи по всемірной исторіи. Т. I. Древній міръ. Спб. 1907 г.

Фюстель-де-Куланжъ. Гражданская община. М. 1903 г.

Н. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Спб. 1909 г.

Онъ-же. Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра. Спб. 1908.

Моммсенъ. Римская исторія. М. 1877—85 г.

Римская исторія по Моммсену. Спб. 1909 г.

Н. Шамонинъ. Исторія римской республики по Моммсену. М. 1900 г.

К. Ничъ. Исторія римской республики. М. 1908 г.

Б. Низе. Очеркъ римской исторіи. Спб. 1908 г.

Вегнеръ. Римъ. Спб. 1901. 2 тома.

Нетушилъ. Очеркъ римской исторіи. Х. 1912 г.

Штоль. Герои Рима.

Книга для чтенія по древней исторіи. М. 1913 г. Ч. II.

II. Общіе труды по исторіи императорскаго Рима.

Р. Випперъ. Очерки исторіи римской имперіи. М. 1908 г.

Римская имперія. Сборникъ статей въ пер. А. С. Милюковой. М. 1900.

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Спб. 1899—1901.

В. Герье. Августъ и установленіе имперіи (Вѣстн. Евр. 1877, №№ 6—8).

Тома. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Спб. 1899 г.

Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей, т. I, II и III.

И. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. Т. I. Спб. 1899 г.

М. Ростовцевъ. Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ (Русск. Мысль, 1899, апр.).

Эд. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. М. 1913 г.

Онъ-же. Рабство въ древности. М. 1899 г.

III. Общественная и частная жизнь.

П. Гиро. Частная и общественная жизнь римлянъ. 2-е изд. М. 1913 г.
Г. Буасье. Римскія женщины. Спб. 1875 г.
П. Кудрявцевъ. Римскія женщины. Спб. 1908 г.
В. Амелунгъ. Одежда древнихъ грековъ и римлянъ. Спб. 1904 г.
Н. Санчурскій. Краткій очеркъ римскихъ древностей. 3-е изд. Спб. 1912 г.
Варнеке. Очерки изъ исторіи древне-римскаго театра. Спб. 1903 г.
К. Фридлендеръ. Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ (Выходитъ новый переводъ).
С. Цыбульскій. 1) Римское войско, 2) Римскій домъ, 3) Римскій лагерь и др. Спб.
А. Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бездны. 4 тома. Спб. 1911—1914 г.

IV. Религіозная жизнь.

М. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Спб. 1895 г.
Г. Буасье. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. М. 1878 г.
Онъ-же. Паденіе язычества. Изслѣдованіе послѣдней религіозной борьбы въ IV в. Спб. 1892 г.
Э. Ренанъ. Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра. Спб. 1906 г.
Онъ-же. Евангелія и второе поколѣніе христіанства. Спб. 1907.
Ж. Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. М. 1900.
Ѳ. Зѣлинскій. Изъ жизни идей. Т. 3-й. Спб. 1910.
Марта. Философы и поэты-моралисты во времена римской имперіи. М. 1879 г.

V. Литература.

Д. Нагуевскій. Исторія римской литературы. Казань 1910 г.
Г. Штоль. Великіе римскіе писатели.
В. Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы. Спб. 1888 г.
Г. Буасье. Цицеронъ и его друзья. М. 1880 г.

VI. Источники.

Тацитъ. Сочиненія. Перев. В. Модестова. Спб.
Светоній, Г. Жизнь двѣнадцати цезарей. Перев. В. Алексѣева. Спб 1904 г.
Его-же. Лѣтопись. Перев. Кронеберга.
Ювеналъ. Переводъ А. Фета. Спб. 1886 г.
Его-же. Сатиры. Перев. А. Адольфа. М. 1888 г.
Апулей. Золотой оселъ. Спб. 1895 г.
Лукіанъ. Переводъ Чечулина. Спб. 1908 г.

Овидій. Въ разныхъ переводахъ.
Плиній Мл. Похвальное слово императору Траяну. Спб.
Его-же. Переписка съ Траяномъ. Спб. 1863 г.
Марціалъ. Эпиграммы (въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета), т. I и II. Спб. 1891 г.
Луканъ. Фарсалія. Перев. С. Филатова. Спб.
Сенека. Сатира на смерть имп. Клавдія. Перев. В. Алексѣева (Пантеонъ литер. 1891 г.) и Амфитеатрова (Звѣрь изъ бездны).

VII. Петроній.

Петроній. Сатириконъ (плохой переводъ въ отрывкахъ въ изд. Чуйко).
Его-же. Ужинъ Тримальхіона. Перев. И. Холодняка (Филолог. Обозрѣніе, 1900 г., т. XVIII).
Короваевъ. Кто былъ авторомъ романа „Сатириконъ"? Рев. 1894 г. (Рецензія И. Холодняка въ журн. Мин. Нар. Пр. 1896 г., № 3).
Потемкинъ. Петроній и его романъ. Русск. Мысль. 1900 г., № 7.
Амфитеатровъ. Звѣрь изъ бездны.

Ответственный редактор … Сдано в производство … Подписано к печати … Главлит … Заказ № 103 … Отпечатано в Полиграфическом Комбинате им. Г. Молотова ГУГК при СНК СССР

